

СЕЗОН НЕЖНЫХ ЧУВСТВ

1.

– Да проходи, раз пришел, чего столбом встал? Вот всегда так, придет, встанет столбом и стоит, стоит, будто выжидает, какой подвох хозяевам устроить. Ноги обмети веником! Да пимы снимай! А то знаю я вас, простофиль, дай вам волю, так прямо с пимами за стол полезете. Ага, влезут, локти расставят во все стороны, и ну, в кулак сморкаться.

Молодой человек кивнул, прошел в комнату, куда был направлен указующий перст, мимоходом с любопытством наблюдая хозяйку, чья внешность за истекшие полгода подверглась кардинальным изменениям.

– Роз наволокут на длинных стеблях привозных-дорогушчих, а какой толк трудящейся жонщине от роз тех? Сами не знают! Завтра же с утра завянут, придется тащить всю охалку к мусорному бацку, исколился вся только с вами! Попереколисся! Лучше пирожков каких напек с луком али капустой кислой да припер, ей богу, и то больше толку. Пимы надел бы с заворотом, тулуп, белым фартуком обвязался: «И-ех, налетай, разбирай пироги горячие с пылу, с жару, мясо-пустныя!»

– Извини, не сообразил.

– Не догадливый какой. Прямо как в сказке: уродился детинушка дурачинушкой. И сидел тот дурачинушка на печи ровно тридцать лет и три года, слазить ни за что не хотел, ряху отростил ширше не бывает на щах мясных да хлебе ситном, а как слез... По полу не шаркай, не инвалид, чай, у нас паркет полированный.

Таким насупленным гундосым голосом Ньюши – уборщицы подъезда Карина разговаривала с поклонниками, надоевшими ей до чертиков, которых по какой-то, одной ей ведомой причине, желает выпроводить вон.

Когда рассерженный непочтительным отношением гость откланивался, да бежал скорей за порог, вдогонку неслось: «Варежки смотри, не потеряй, Маша-растеряша. А наследил-то, наследил, сразу видно – веника, чуня косоротая, в глаза ни разу не видел. Смотри мне там, на площадке лифт не поломай, Феня! Да пальцы тоже береги, куда попало не суй, подикася. А то ведь неправильно потом срастется чего-нибудь, вот и ходите криворукие, да кривоногие свататься, людям только своими граблями растопыренными досаждают, полы пачкаете, царапаете. Ой, беда, беда, и за что мне с вами такие хлопоты причитаются?»

Однако на нынешнего посетителя, студента-второкурсника хозяйская сердитость первокурсницы не произвела должного впечатления. Он мягко похлопал в ладоши, улыбнувшись, спросил по-родственному:

– Чем ругаться, расскажи-ка лучше новости, жонщина с веником...

– Помнишь Анастаса? – уже обычным голосом спросила хозяйка-блондинка, в последний раз виденная летом брюнеткой в бальном платье для школьного выпускного вечера. – Он нас покинул навсегда.

– Как-то встречались.

– Ушел от мамы в шестостоящую организацию на повышение.

– Ужасный человек. Циничный, лживый, абсолютно беспринципный и отвратительный. Да?

– Очевидно. Впрочем, не для всех. Для мамы нет. Не вздумай при ней брякнуть что-нибудь подобное. Она переживает и надеется, что они встретятся еще на конференции партактива и будут, как прежде, сидеть рядом и разговаривать на свободную тему. Мечта одинокой тридцативосьмилетней женщины.

В комнату вошла тетя Тамара и, поглядев на Юрика, сказала то, что говорила ему всегда, и то, что он не желал слышать.

– Как ты стал похож на папу!

– Ма, он знает. Я ему уже напомнила сегодня. Мы сейчас сходим в университетскую библиотеку, надо сдать книги и взять новые читать, Юрик поможет донести. Нам за неделю, знаешь, сколько прочитывать надо? Книг по тридцать, ослепнуть можно, зато интересно учиться, не то, что на математика. Кстати, ты читал Апулея “Золотой осел”? Нет? Я дам почитать.

На улице падал пушистый снег, хотя и более редкий, нежели утром. Мороз усилился. Каринка вырядилась в песцовую шапку, дубленку с воротником-чернобуркой, по которому скользили ее белокурые локоны, с завитушками на концах. Длинные сапоги и стройная фигурка делали окончательно похожей на взрослую модницу, вслед которой оборачиваются мужчины.

Новое зимнее пальто Юрика и длинный белый шарф под стать. Каринка оглядела недоверчиво, но вдруг взяла под руку, подвела к зеркалу, прищурила глаза:

– Высший класс, да?

На улице они смотрелись еще лучше. По крайней мере, встречные граждане, рискуя поскользнуться, разглядывали их, а не лед под ногами, раскатанный за неделю беспечной молодежью.

В левой руке Погосян нес тяжеленную сумку с книгами, правой с удовольствием поддерживал красотку. Не все же знают, что сестра по папочке родимому, иные явно завидуют.

Возле магазина «Букинист» обычно толклись «жучки», перехватывая самые интересные книги у тех, кто приносил сдавать на комиссию. Сейчас на широком подоконнике магазинного окна тоже сидели два таких завсегдатая, от нечего делать болтая меж собой о последнем издании Кафки.

– Ставь сумку на окно, – распорядилась Каринка, – подожди здесь, у меня в магазине дела кой-какие имеются. Кстати о Кафке. Одна третьекурсница решила писать о нем курсовую, на что научный руководитель сказал ей приблизительно так: «Кафка... Кафка... П-шла прочь, мерзавка!» Я быстро.

Один из тех, что разговаривали об издании Кафки, в потрепанной шапке пирожком и допотопном полупальто с мутоновым воротником, наклонился к Погосяну:

– Что принесли?

– Ничего.

– Ясенько. А вам, по-моему, словарь Брокгауза-Ефрона требовался? Есть экземплярчик. Состояние неважноецкое, зато страницы все наперечет. Сотня. Берете?

– Нет, словарь мне не нужен.

– Ну как же, батенька, а разве не вы подходили недели этак три назад? У меня – память!

– Не подходил.

– Очень жаль. А вас лично что интересует? Есть последний Мопассан семитомный, широкий выбор Сименона, Агаты Кристи меньше, может, фантастику предпочитаете, тогда рекомендую Стругацких. Цены самые приемлемые.

– Спасибо. Мне ничего не надо. Просто жду здесь человека.

– Уважаю, прошу извинить. Но если что, обращайтесь, – он приподнял серенький пирожок, кивнул как старому знакомому и возвратился к разговору о Кафке, тираж которого заставлял его собеседника страдальчески чмокать потрескавшимися губами.

Из магазина вышла Каринка с низеньким плотным молодым человеком в искусственной шубейке, лохматой шапчонке, на темечке обшитой кожей с кожаным же козырьком, при очках. Пухлые щеки розовели крепким сибирским здоровьем, мороз им не страшен.

– Это одноклассник Витя Судаков, – представила Каринка, открывая сумку, – а это мой братец Юрик.

– Список есть? – спросил Витя, деловито заглянув в сумку.

– Конечно есть, цену я обозначила желаемую, до рубля можешь опускать на те книги, которые подчеркнуты, на остальные держи, как написано.

– Ясно, – Судаков закрыл сумку и, подняв ее не так легко как Погосян, унес в магазин.

– Сдавать будете букинистам?

– Нет, Витя сам топчется в предбаннике, сам продает и покупает, это, конечно, опаснее, чем здесь стоять, – она снисходительно посмотрела на зябнувших кафкианцев, взглядом утирая им сопли, – зато и результаты не сравнить.

– В библиотеку, значит, не идем?

– Нет, – засмеялась Каринка, – это я «Букинист» называю библиотекой для мамы. Она же умрет со стыда, если узнает, что любимая дочь книгами спекулирует. Нам кучу литературы задают читать, а в библиотеке список очередников на нужные издания на два года вперед расписан. В читальном зале три экземпляра на пятьдесят человек, кто успел с утра схватить – сидит читает, остальные ходят вокруг, и ноют хором: «Можно мы рядом посидим? Сморгаться не будем, гриппом не бодем, вот справка от врача». Идиоты, Достоевского на них нет. Мы книги скупаем, читаем и сразу продаем. Еще и навар остается небольшой. А вон, к примеру, наши девушки из группы топают по улице, дуры дурами, хочешь, познакомлю?

– Зачем?

– Ну, мало ли? Вдруг понравятся, влюбишься, письма будешь писать и одеколоном листки опрыскивать. Привет, девчонки! Позвольте представить моего брата из Армении, приехал на каникулы, на втором курсе учится университета, отличник, математик, комсомолец, спортсмен. Зовут Юра. А это наши самые красивые девчонки на курсе: Мария, Анна, Галина.

– Света, – поправила ее Галина.

– Точно, – согласилась, ни капли не расстроившись, Каринка, – представляете, девчонки, вышли мы сейчас из магазина, а Юрик мне говорит: смотри, какие красивые девчонки идут, вот бы с ними познакомиться! Нет, вру, он не так сказал, он сказал, если честно: смотри какая красивая девчонка, вот бы с ней познакомиться! А кто из вас красивая, не успел назвать. Так кто, Юрик? Говори, говори, признавайся, деваться тебе некуда. Маша, Аня или эта... которая Света?

Девчонки засмутились, покраснели, но стояли, потупившись, и ждали его решения. Погосян тоже растерялся, эта сестрица вечно подведет под монастырь для собственной забавы.

– Смотрите, девчонки, застенялся молодой человек, ну извини, Юрик, чего ты так-то уж, свои люди, в конце концов. Скажи мне на ушко, а я им передам, и она повисла у него на плече, приблизив пышную песцовую шапку.

– Дура, – прошептал Юрик, раздвинув белокурые локоны, прямо в розовое ухо.

– Света, – торжественно объявила Каринка, – нравишься ты ему Светлана, прямо не знает, что делать с собой. У них военка скоро начнется, пистолеты начнут выдавать на дежурство по столовой, если телефона своего не скажешь, может застрелиться. Так какой твой телефон?

– Я в общежитии живу, – скромно сказала Света, недоверчиво посмотрев на Погосяна.

– Вот видишь, Юрик, а ты говоришь, телефона не даст – застрелюсь. Он у нас южный человек, вспыльчивый ужасно. Номер комнаты какой, родная моя, говори скорей! Еще спасибо мне потом скажешь, когда свадьбу играть будем, в Армению жить поедешь, в солнечные края! Ах, как я тебе завидую! Обещай, что в гости потом пригласишь?

– Четыре – двадцать шесть.

– Все, жди в гости. Вы не подумайте, девчонки, что он немой какой-нибудь. Просто Светку увидел и обомлел, кавказский человек при виде красивой девушки полностью соображение теряет, я его отведу домой, хорошо? Как в себя придет, обязательно ждите в гости и, схватив Юрика под руку, потащила дальше.

– Представляешь, Юрик, как они теперь будут готовиться к встрече, полы мыть, пыль протирать, наряды готовить. У них жизнь наполнится смыслом недели на две. Потом не выдержат и спросят, где, мол, тот черноглазенький комсомолец-спортсмен, чего не зашел? А я им обстоятельно разрисую все в подробностях, так, мол, и так, беда приключилась – в горячке парнишка две недели пролежал, все бился, метался, звал: Света, Света, родная! И родственники увезли его срочно на далекую армянскую родину в город Еревань восстанавливать здоровье. Заодно и женить хотят, потому что без жены южному мужчине жить – одно умопомешательство, – Каринка прикрыла перчаткой рот и широко зевнула. – Тогда она тебя спасать поедет, я, может, адресок какой устрою, но это уже другая серия фильма, идем домой.

– Мне надо пластинки купить.

– Хорошо, купим пластинок, и поедем к нам обедать.

Снег опять усиливался. Они стояли на последней площадке троллейбуса, глядя, как белая круговерть обвивает стеклянные окна салона, будто натягивается огромная сеть, в которую медленно, но верно погружается весь рогатый троллейбус целиком.

– Мам, мы проголодались! Давай быстренько-быстренько поедим, – скороговоркой произнесла Каринка, сбрасывая с себя дубленку на стул, а сапоги один за другим скинула в угол.

Несколькими резкими движениями у зеркала растрепала волосы на голове, вальсируя, быстро причесала их, создав необходимую пышность, и протанцевала на кухню.

– Как вы скоро, – удивилась тетя Тома, – вот молодцы какие. У нас гости.

– Кто еще?

– Девочка из твоей группы пришла книжку попросить. Ждет в комнате. Приглашай ее обедать.

– Думаю, она не надолго.

В кресле у стенного шкафа сидела уже знакомая Юрику девушка Света, которую встретили у “Букиниста” и держала в руках огромный фолиант средневековой классики.

– Что читаем?... А, «Декамерон», – с хода определила Каринка, даже не видя обложки.

И тут же, как была в своем длинном узком обтягивающем платье, хлопнулась наискосок дивана, головой на маленькую подушку, с интересом оглядывая гостью, оказавшуюся в поле ее зрения.

Увидев Юрика, Света вспыхнула, опустила лицо. Хозяйка это отследила, как радарная установка чужую ракету над своей территорией.

– Юра нам не мешает здесь? Нет? Ну, останься, Юра, в комнате, не обращай на него, Светочка, внимания, при нем можно обо всем говорить и о нашем, девичьем тоже, тем более, что он к тебе, Света, чрезвычайно равнодушен. Всю дорогу покоя не давал, донимал меня: когда к Свете в гости пойдём, ну когда? Один стесняется, робкий шибко. Чуть не плакал, ей богу. А ты сама зашла, очень кстати, молодец. Вы, Юрий, довольны?

– Разумеется.

Гостья покраснела еще больше.

– Карина, ты не дашь мне «Декамерона» дня на два почитать?

– Зачем тебе надсажаться, тащить его куда-то? Здесь сиди и читай, не жалко. А на вынос – нет. После того, как одна моя любимая подруга зажилила у меня книжку, я принципиально никому больше не даю.

Мы с ней раньше при встрече целовались раз двенадцать, не меньше, а при расставании три раза по двенадцать. И вот, представьте себе, потребовалась мне та книга,

которую ей же дала почитать, и я с ней под конец, натурально нацеловавшись больше сорока раз, говорю, ты, мол, того, книгу другой раз как-нибудь занеси. Она: “Какую такую книгу?” Так ведь и не вспомнила. Отрицает факт вчистую, что с ней прикажете делать? Целоваться мы с ней по-прежнему целуемся, правда, раз по десять всего за один присест, ну а книг больше не даю, извините, братья и сестры.

Не карточки же оформлять, как в библиотеке, с подписями? Никому за так не даю. Хватит. Только целуюсь страстно. Посиди с нами, Светик, почитай. Я даже вон Юрику не даю. А на днях как он просил, чуть не убил меня здесь на диване, но нет, так нет. Правда же? Между прочим, скажу тебе по девичьему секрету: Юрик – удивительный человек, одно слово – брат родной по папочке любимому. Помнится, в девятом классе заболела я краснухой или свинкой, ну это когда морда распухает подушкой, что глаз не видать, и естественно, никто ко мне в гости не идет навестить, один братец приперся, не знал, видно, чем болею. Я ему сразу призналась начистоту, что заразная, другой бы деру дал, а Юрик сидит рядом на стуле, истории разные рассказывает смешные, настроение мне поднимает. Он очень мил, правда же, Света?

Света выглянула на Погосяна из-за «Декамерона».

– И Витя Судаков тоже Юру нормально воспринимает. Бывает, Юрик придет в гости к нам с утра пораньше, часиков в семь, он любит пораньше ходить, а мы с Витей лежим, книжку читаем в постели, культурно развиваемся, как вот Света сейчас. Так Юра, не будь дурак, рядышком приляжет, приспособится, и тоже книжку вместе со всеми читает, время зря не теряет – развивается. Ага.

Я ему, бывает, сделаю замечание: ты, мол, того, хоть галстук-то с пиджаком сними, когда под одеяло влазишь, нехорошо на постели при пиджаке лежать, в котором по улицам шляешься. Ну, снимет он пиджак, галстук, подумает, постоит, поразмышляет и брюки скинет. Сам сообразит, что стрелку беречь надо.

И прыг к нам в одной рубашке белой. Надо отдать должное – с рубашкой никогда не растается, до ужаса стеснительный молодой человек, ну, и лежит с нами под одеялом.

Потом время подходит, Вите пора к бабушке. Надо так надо – встает и уходит, а мы с братцем Юриком остаемся дальше книжку на пару читать, так иной раз и проваляемся весь день. Витя от бабушки вернется, а мы спим, обнявшись, а Витя прекрасно знает, что я одна спать не могу. Сейчас как раз собрались «Декамерона» почитать с Юриком, ты к нам не присоединишься, Света? Юрик, будь добр, стяни с меня это платье, всю грудь передавило.

– Нет, нет, – Света вскочила с кресла и быстро пошла к двери, – я очень спешу, мне надо в библиотеку.

– Юра, проводи девушку, да приходи меня раздевать, уж сил нет никаких, как «Декамерона» почитать хочется.

Света схватила свое пальтецо и пулей выскочила на площадку.

– А обедать? – удивилась вышедшая с кухни тетя Тома.

Но дверь захлопнулась

– Ой, как жалко, у меня такой обед сегодня чудесный. Юра, проходи, садись.

– Да что ей твой обед, мамуля, когда ей Юрик нужен был. Влюбилась Света в Юрика и пришла к нам на разведку, а Юрик сидит бука буккой, пришлось мне коллегу развлекать.

– То-то она бросилась вон, как на пожар.

– А что делать? С детства не терплю девушек вокруг себя. Мужчин предпочитаю. Девушки с какой руки мне тут нужны? Да ни с какой, в университете надоели, на всю группу два мужчины. Одного ты, Юра, видел, Витя Судаков, маленький, толстенький, в очках, его бабушка воспитывает, преподаватель русского языка и литературы. Витя – бабушкин внучок. Бессмысленный и бесполезный как русский бунт, приклеился ко мне сразу и бегаёт хвостиком. Так девушки наши ополчились на меня за это, фыркают, мол,

вот армянка предпоследнего русского парня увела. Последний-то Борис, – Карина зевнула, – ладно, давайте кушать будем. Эх, Юрик, как она на тебя смотрела, счастье свое упустил! Уплыло счастье прямо из рук.

– Пусть себе плывет на пароходе, – отвечал Юрик беззаботно, – а мне завтра на поезд и в Борисов! Конец каникулам, учиться пора.

2.

Как всегда доцент Сахалинская заскочила в аудиторию с резвостью тринадцатилетнего шалопаю, взлетела за кафедру по-юношески бодро и оглядела зал, жаждущий математических истин, со счастливым лекторским восторгом.

В это время с разных мест аудитории поднялись пять человек – старосты групп, и помчались сверху вниз по ступеням навстречу преподавателю, как слаломисты, вместо лыжных палок неустрашимо вздымая огромные букеты роз. Окружив, заговорили взахлеб, наперебой:

– Дорогая наша... уважаемая... родная... Евстолия Николаевна... поздравляем... да... поздравляем и желаем всего-всего... с семидесятипятилетием... с юбилеем вашей... нашей жизни... желаем от всей души... по поручению... и от лица...

Сахалинская вертела головой во все стороны, поворачиваясь к тому, кто в данный момент громче выкрикивал.

После торжественного момента она еще пару мгновений благодарно разглядывала свой поток, после чего принялась носиться у доски молоденькой теннисисткой, а огромная аудитория следила за кусочком мела, скользящим по доске из угла в угол, как за мячом.

Причем в отличие от посетителей матча, слушателям приходилось записывать не только то, что она пишет, но желательнее и то, что говорит. Из-под пера Юрика выходили рваные каракули.

– К семидесяти пяти годам, – мечтательно вздохнул Иванпопуло, уронивший ручку под стол и не полезший доставать, – я уже давно выйду на пенсию, благополучно попаду в дом престарелых, где буду кидаться в нянечек манной кашей. А тут, смотрите-ка, расцвет таланта.

Он сидел развалившись, на затылке вихры, вид заспанный.

Не успел Юрик толком записать формулировку теоремы, бабушка уже ее доказала, разрисовав полдоски значками интегралов, похожих на маленькие скрипичные ключи, рассказала смешную историю и сама первая рассмеялась заразительным смехом, безбоязненно трясая вечерней прической баронессы, как бы приглашая всех присутствующих повеселиться вместе с нею.

– Это старческий маразм, – констатировал Марк Глузман, сидевший выше, почти над Юриком. – Уж я-то знаю, с моей бабушкой было такое. Она лет с восьмидесяти хозяйство передала тете Рите, и начала за здоровьем следить, да моционны выгуливать по Одессе. С утра по Дерибасовской прошвырнется до моря и обратно. Когда домой вернется, то скушает супчик с рисом, полкурочки слупит, и снова на Дерибасовскую прохладиться. Вечером в Аркадию обязательно гулять с веером. А потом плутать начала, то на Привозе ее найдут, то в Краснодаре, у подружки детства. Короче, посадили под домашний арест, она так по комнате металась, так металась... вы себе представить не можете, вот точно Евстолия Николаевна сейчас у доски, то же самое. А через три дня умерла.

– Товарищ Глузман, вы что-то не можете понять? – нацелилась на Мараню кусочком мела бабушка.

– Напротив. Мне все абсолютно ясно, – важно произнес Глузман с интонацией профессора-диагноста областной психбольницы.

– Неужели все? – воскликнула бабушка изумленно. – В таком случае имеем перед собой уникальный случай. Для данной темы это чрезвычайно большая редкость, когда студенту все ясно с первого раза. Попрошу выйти ко мне с конспектом. Посмотрим, каким образом лекция преломилась в вашей гениальной голове, и что имеемся на выходе в тетради.

– Поняли, какой у нее слух? – зашептал Глузман окружающим, вставая, – а на экзамене придуряется: «Говорите громче, я плохо слышу».

– Что? Вы говорите, пожалуйста, громче, я плохо слышу.

– Знаем, знаем, как вы плохо слышите, – бубнил совсем под нос Глузман, сбегая вниз по ступенькам с конспектом.

Бабушке хватило одного взгляда.

– Товарищ Глузман, к вам надо срочно прикрепить кого-нибудь из учебно-воспитательной комиссии. Староста, передайте в деканат, пусть с ним позанимаются дополнительно, иначе...

Она щелкнула по конспекту пальцами:

– Чувствуется полное непонимание... и в сессию в вашей группе опять будут потери.

– Да и на этот раз вы точно меня потеряете, – расхныкался Глузман, возвращаясь обратно, – девушки, все слышали? Поэтому срочно любите и уважайте, пока есть время.

Второй час бабушка проводила еще более энергично и весело, казалось, усталость в принципе неведома ее семидесятипятилетнему организму.

– Откуда что у человека берется? – уже без всякой зависти вздыхал Иванпопуло, глядя на бабушку и по-прежнему не конспектируя, – тут вроде ничего не делаешь, а даже сидеть невозможно: голова падает, веки слипаются.

– В карты резались?

– Если бы... просто двойной завтрак съел, теперь в сон кидает. Что там следующей парой, не знаешь? Пойти домой, что ли, да выспаться, как следует?

– Профессор Пахлеаниди, если под переключку попадешь, все. Люди говорят, летнюю сессию до Нового года пересдавать будешь.

– Придется тогда идти, черт бы его вовсе побрал.

Профессор топологии Пахлеаниди опять явился на свою лекцию в маленькой старинной аудитории, которую он предпочитал всем прочим, не один. В его традиционную свиту входят молодой аспирант с вопросительными круглыми карими глазками и неумным хохлом на голове, и столь же юная аспирантка с лицом белым и ангельски кислым, будто отмоченным хлебным квасом.

Аспиранты топологии двигались парочкой, придерживая друг друга, точно опасались, что им скажут нечто такое, отчего немудрено свалиться в глубокий обморок.

Кроме них к пахлеанидьевской свите причислена женщина средних лет, с замершим раз и навсегда лицом, про которое можно подумать, что на него наступили однажды невзначай, и от того произошло полное онемение мускулов. Задачей “женщины в маске” является составление новых курсов лекций профессора Пахлеаниди, славившегося своими учебниками, то есть запись их с последующим редактированием и сдачей в набор университетскому издательству.

Чтобы вместить сию святую троицу на передний ряд, прочим приходилось ужиматься до крайности, а некоторые за неимением места в мизерной аудитории, вынуждены писать свой конспект, разложив тетради на коленях.

У Пахлеаниди настало дурное настроение, он был хроник по многим болезням, но считал своим долгом обязательно являться на лекцию, как бы плохо ему не было.

– Вот мы, старшее поколение, скоро уйдем на покой, – проговорил он дребезжащим голосом, оборвав лекцию на полуслове, прикрывая глаза тонкой синеватой

пленкой века и морщась, видно, от боли, – а кому передавать дело, позвольте вас спросить? Некому, абсолютно некому.

Пленка вдруг сдернулась с глаз долой и те, круглые, цвета арбузной корки, беспощадно вцепились в следующее поколение, мелкое, как горох на полу.

Женщина с омертвевшим лицом продолжала невозмутимо конспектировать. Аспиранты слились воедино, довольствуясь одним стулом, и возле них образовалось свободное пространство, которое не стремилась занять крайняя к ним комсорг Великанова.

– Кого я вижу перед собой? – все еще слабым, вроде даже подобревшим голосом произнес профессор, раскачиваясь сухопарой фигурой. – Сколько вам лет, студенты-математики? Уже восемнадцать? Девятнадцать? Кому больше? О, двадцать? И что? Чем прославились в ваши годы? Есть у вас статьи в журналах? Победы в международных олимпиадах? Может быть, идеи имеются интересные? А ведь ничего такого нет, я вижу, и от того мне становится обидно и печально. Урысон создал топологию в двадцать пять лет, а в двадцать семь уже утонул в Бискайском заливе, во Франции. Нет, дорогие мои, с удовольствием позвольте заметить, что вам не суждено утонуть в Бискайском заливе, но от этого никому не делается легче. Блеска радости познания в глазах не заметно, да-с, вам не только свершить ничего не дано, но даже и порывы неведомы, вот в чем незадача!

– Ну уж! – попытался сопротивляться сын проректора Тычинкин.

– А вы слушайте, слушайте старика, вам этого никто больше не скажет. Я емь сильнейший тополог за Уральским хребтом, да будет вам известно! И говорю прямо: если нет блеска, работать надо! А то оканчивают университет с красными дипломами, в аспирантуру поступают, а простейших вещей не знают и не понимают! – при этом Пахлеаниди воззрил на свою аспирантку, и та сделалась еще тоньше, таких на стул с десяток уже войдет. – Да-с, милейшая, к вам обращаюсь непосредственно, просто нонсенс какой-то вы мне в отчете представили! Второкурсник такого не напишет, чего вы напридумывали!

– Не обращайтесь внимания, – вдруг тихо, но отчетливо произнес аспирант, – у него опять язва разыгралась.

– Да язва, – закричал Пахлеаниди, – а кто не заработает себе язву, имея таких учеников? Позвольте мне тут молчать и слушать, когда с вами руководитель разговаривает!

Женщина в маске строчила по страницам невесть что.

Аспирантка поднялась и молча выбралась из аудитории вон. За ней подскочил было аспирант, рука его с вытянутыми пальцами устремилась во след исчезнувшей, но он нашел в себе силы опуститься на прежнее место.

– Что же вы не уходите? – озорно подмигнул Пахлеаниди. – Идите, успокойте девушку. Боже, какой детский сад, с кем приходится работать!

Аспирант схватился за голову, пытаясь причесать хохол, но тот вырывался из рук и стоял непоколебимо.

– Ну ... это уж я совсем не знаю что, – сказал аспирант, – ... это как бы совсем вне рамок, – и вылетел следом из старинной аудитории с геологическими образцами прошлых эпох.

– Да. Точно, – профессор схватил список группы, по которому проводил переключку в начале лекции и назвал первую попавшуюся фамилию:

– Глузман.

Тот скучно посмотрел по сторонам, запустил пальцы в кучерявую шевелюру, встал:

– Да?

– Что да?

– А что Глузман?

– Дайте мне определение топологического многообразия!

– Локально евклидово пространство называется топологическим многообразием, если оно хаусдорфово и обладает счетной базой.

– Хорошо. Тогда, товарищ Глузман, знаете что? Ах, нет, пожалуй, не то, еще нет, это же тривиально, свойства какие-нибудь назовите.

Глузман потоптался, наклонил голову, прочел еще две строки из книжки, лежащей на столе:

– Многообразия локально компактны – это раз, и еще метризуемы, – он вопросительно посмотрел в сторону расклеившегося по непогоде профессора.

– Хорошо, Глузман, значит так, я вас попрошу, сходите немедленно в коридор и... попросите тех молодых людей, что нас покинули... вернуться обратно. По моей личной просьбе. Да-с. И вот еще что... попросите у них прощения, если не пойдут. Вам все ясно?

Глузман пожал плечами:

– Почему нет?

Тихими маленькими шажками аспиранты пробежали на свое место. Разглаживая непокорную прическу и смеясь веснушчатым лицом, Глузман продефилировал на свое.

Лекция продолжилась. За окном ветер нес снег, женщина в маске смотрела прямо в стену и отчего-то не писала. “Какая препротивная эта наука – топология, – размышлял Юрик, – вот уж никогда бы, ни за какие коврижки с ней не связался. Диффуры намного приятнее”.

Если не приятнее, то, во всяком случае, безобиднее.

Дифференциальные уравнения читает доцент Кулик, очень жизнерадостный толстяк, мало интересующийся своим внешним видом, и лето и зиму бегавший в одном и том же затрапезном костюме с вытянутыми пузырями на коленях и галстук, выглядевшем так, будто не однажды побывал в тарелке с супом.

Старорежимный костюм сшит по моде пятидесятых годов и соответствует круглым очкам в стальной оправе, сидящим на носу-картошке. В таких Ботвинник еще играл на первенство мира по шахматам, и представьте себе, выигрывал.

На всем факультете Кулик один носит “бабушкины” очки. Несмотря на приличную толщину, он не ходит, а носится так, что единственная длинная прядь вьется за ним по воздуху. Это человек без церемоний: когда на его лекцию кто-нибудь заходит через полчаса после начала, преподаватель кидает рассеянный взор на опоздавшего, и делает движение рукой, означающее “Заходи по-быстрому, брысь на место!”

Кулик сам не проводит перекличек и не любит, когда их приходят делать от деканата. Не без основания считая это напрасной тратой времени, поэтому во время оных язвительно поглядывает на часы. Также не рассуждает о падении нравов у молодежи и о плохой подготовке.

С первой минуты лекции Кулик бросается к доске с куском мела в одной руке и тряпкой в другой, и начинает выводить какую-нибудь теорему.

Длиннее теорем, с которыми самозабвенно сражался по два часа к ряду доцент Кулик, Погосян в жизни не видывал. На первых лекциях все ошалело конспектировали, потом поняли, что никаких тетрадей не хватит и успокоились, поняв, что Кулик просто любит экспериментировать, доказав одно, пытается то же самое получить при более слабых условиях, глаза его лезут из орбит, горя первооткрывательским восторгом, он весь перемазан мелом с головы до ног. Да, Кулик любит биться изо всех сил!

А когда получается вдруг на доске ни с того ни с сего какая-то совершеннейшая ерунда, отскакивает от нее подальше к окну, ошарашенно вращая огромными выпуклыми глазами яблоками, как рыба в аквариуме, натолкнувшись на прозрачную стенку и говорит: “Зачеркните все, что мы сейчас с вами здесь написали!”

– Все-все с самого начала тетради? – ужасается какой-нибудь умник вроде Иванпопуло, который и не думал конспектировать, а строгаёт из сучковатой палки пернатую деревянную птицу.

Тогда Кулик ставит корректную задачу:

– Внимание! Прошу обратить внимание на полученный результат, – и обводит результат рамкой из мела. Мел крошится в его толстых пальцах, осколки долетают до первых рядов, обитатели которых ощущают себя во фронтовых окопах, но без касок, противогазов и прочих средств защиты, – все, все, внимание сюда! Пишем дальше: этого не может быть ни при каких условиях! – он с удовольствием перечеркивает рамку на доске крест накрест, – оставьте место. Теорему докажите самостоятельно, если не получится, перепишите то, как она изложена в учебнике, – и начинает диктовать условие следующей.

– Так вам и надо, идиоткам, – говорит Иванпопуло соседкам, которые пытались конспектировать, а теперь чуть не плачут.

Теоремы сыплются из доцента, как семечки из дырявого кармана. Кулик – головная боль для завзятых конспектеров, которые не могут понять, как и все прочие, каким образом отделить плевелы от проса во время чтения таких лекций. Где кончается учебный материал, а где начинается импровизация на произвольную тему? Наконец, они собираются для смелости могучей кучкой, во главе со старостами и комсоргами обеих групп и подходят к доценту на перемене.

– Нужно ли нам конспектировать, все то, что вы говорите на лекции? – заикаясь, спрашивает нежным голоском Оксана Белочкина, стыдливо улыбаясь.

– Обязательно нужно! – восклицает эмоциональный Кулик. – Что за наивный вопрос? Мы же здесь с вами должны работать, а не ласы точить.

Все поникают, но сообразительная Великанова переиначивает:

– Можно нам не учить к экзамену то, что есть в конспекте, но чего нет в учебнике по дифференциальным уравнениям?

Вопрос застаёт Кулика врасплох.

Он жуёт толстые губы, пытаясь вспомнить, что такого лишнего мог наговорить, чего нет в общепринятом издании, и ничего не может вспомнить, поэтому отвечает осторожной:

– Никто не будет вас заставлять отвечать на те вопросы, которые не освещены в основном учебнике, и которых нет в программе.

Все облегченно вздыхают, и перестают конспектировать Кулика – овчинка выделки не стоит. Но тот все равно самозабвенно носится у доски, трагически заламывая руки, как древнегреческий трагедийный актер, стирает, черкает, стреляет мелом, в общем, живет своей захватывающей пунической жизнью, на которую очень любопытно посмотреть со стороны, поэтому все смотрят, и практически никто на лекциях Кулика не спит.

Когда звенит звонок, пиджак на толстом пузе перемазан мелом, длинная прядь обмоталась вокруг лысины венчиком, он вытирает багровое лицо платком, страшно тяжело дышит, но в глазах удовлетворение прожитым днем: славно потрудились, черт возьми!

Совсем другое дело семинар по дифференциальным уравнениям, ведомый тихой вежливой ассистенткой Фокс, которая никого не терроризирует теоремами, а спокойно учит решать дифференциальные уравнения и систематизировать их по полочкам. На ее семинарах все вдруг становится ясным и понятным, кроме одного: почему у Кулика пена из рта, но ничего никому не ясно, а здесь тихий голосок, два-три слова, после которых даже Иванпопуло начинает решать, ибо все просто, а местами даже интересно.

На втором занятии Погосян принялся с интересом разглядывать Фокс, боже, да она действительно смотрит печально. Еще бы: так погореть с диссертацией, не всякий оклемается! О ее истории Юрику рассказал сосед по комнате первокурсник Толик Шихман, которому известно практически все, что происходило на факультете задолго до его личного здесь появления.

Он знает, у кого из преподавателей докторская диссертация на выходе, а кому бесполезно пробиваться с кандидатской, так как много врагов близких к ВАКу.

– А при чем здесь враги? – недоумевал Погосян. – Мы же математикой занимаемся, абстрактной наукой, совершенно не политизированной. Докажи теорему Ферма – и дело в шляпе, ты доктор наук, даже академик. Никто вякнуть не посмеет.

Шихман кивал головой и чмокал иронически, приводя умопомрачительные контрпримеры. Одним таким примером была история с диссертацией Фокс, которая оказывается являлась аспиранткой самого Арбузова, который удрал в ФРГ. Кроме нее на разных кафедрах факультета числилось еще несколько аспирантов московского доктора-профессора Арбузова, что поехал на конференцию в Западную Германию, да там и остался, к ужасу своих аспирантов.

– Теперь им защититься – дохлое дело. Арбузов всех их скопом посадил в большую лужу, на них клеймо – арбузовцы, их даже на защиту никто не поставит, или на защите завалят, как миленьких. Надо искать другого руководителя, да и это едва ли поможет, у несчастных все работы написаны в соавторстве с Арбузовым, а он стал отщепенцем хуже Сахарова. Вот козел, да? Нет, ну ты дай своему народу защититься, а потом дергай на все четыре стороны, – негодовал Шихман, – ясное дело за берлинской стенкой жизнь послаще нашей, но надо же и совесть общечеловеческую иметь.

Возмущенный Толик очень не походит на первокурсника. Когда Погосян увидел его первый раз в комнате общежития, то растерялся.

Навстречу поднялся грузный представительный мужчина в сером импортном, отливающим сталью костюме, модной темно-вишневой рубашке, дорогим галстуке, с заметно выступающим над брючным ремнем животом, крупной головой. На загорелом лице выделялись фундаментально сработанный нос и здоровенные оладьи щек. Темно-карие глаза мерцали честным достоинством.

Туловище выглядело как бы приделанным к нижней части тела с некоторым сдвигом, то есть при ходьбе оно выдвигалось вперед, будто торопилось убежать, в то время как сам двигательный аппарат несколько отставал, что придавало солидному первокурснику вид характерный.

И возраст, по такой солидности, Юрик мысленно определил лет в тридцать пять-сорок.

Изредка случалось в местной истории, что пожилые деревенские учителя вдруг оставляли свое многочисленное потомство на попечение жен, и приезжали получить настоящее математическое образование на очном отделении университета. Однако много больше, чем на деревенского учителя, человек сей походил на крупного научного деятеля (фундаментальный лбище!), причем даже не местного, а столичного, европейского разлива.

Мужчина встал тогда навстречу Погосяну, протянув широкую ладонь:

– Анатолий Моисеевич Шихман, из древнего города Киева, – представился он и дипломатично добавил: – Нас к вам поселили.

Второй первокурсник-сосед назвался Вовой и оказался младшим братом самого Гриши Соловейчика – четверокурсника, Ленинского стипендиата, молодого коммуниста, члена парткома факультета. В отличие от брата, Вова выглядел совсем сосунком: роста низенького, лицо в многочисленных мелких угрях, голос ломающийся точно у подростка.

Таким образом через Шихмана Погосян узнал подноготную ассистентки Фокс и смотрел теперь на нее с сочувствием, однако та ни единым звуком не выдавала своего отчаянного положения, все время тихо с достоинством печально улыбаясь, не выказывая посторонним, что жизнь у нее – собачья.

Кстати, благодаря усилиям Фокс дела в группе двигались весьма неплохо, и большинство студентов диффуры решало легко, ибо на семинарах постепенно разобрались, что не так страшен черт, как его малюет у доски мелом доцент Кулик.

Особенно преуспел в сем второгогодник Мордвинов, пришедший к ним в группу после службы в армии. За два года в войсках он приобрел хитроватый солдатский прищур на всю эту студенческую жизнь, и с высоты двадцати двух лет глядел на подрастающее

поколение однокашников сверху вниз, хотя и был невысокого роста, рыж волосами, но черен бровями и ресницами. Любил Мордвинов поболтать на переменке, а особенно рассказать, каково попасть в армию из студентов.

– Да нет, бросьте брехать, какие деды, я же говорю, что из учебки сразу на точку попал в тайгу, там в основном офицеры дежурят, в звании не ниже капитана, а солдат человек пять всего было, для подай-принеси.

Но вот старшина попался еще тот. Прибыли мы, построил он нас и командует: “Кто из студентов, шаг вперед!”. И давай материть: “Я из вас эту арифметику с алгеброй здесь быстро выбью, зарубите себе на носу!”

Уходя со второго курса в армию, Мордвинов прихватил с собой почему-то задачник по диффурам, и установил за правило решать каждый вечер хоть по примерчику, чтобы не оскотиниться совершенно.

– Сапоги почистишь на ночь, постиранный воротничок пришьешь, бляху на ремне зубным порошком натрешь до блеска, а потом уравнение на сладкое решишь и в койку. А если дневалишь, то нарешаешься так, аж дым коромыслом из ушей валит.

К сожалению, все другое Мордвинов за два года службы на точке забыл напрочь: ни по матанализу, ни по физике даже допуск к сессии получить не смог, и очень скоро вылетел из университета, уже в гражданскую жизнь.

Мордвинов был местным борисовским парнем, долго не расстраивался – пошел работать водителем троллейбуса. Даже пару раз потом Погосян ездил с ним без билета, стоя у раскрытой кабины, рассказывая новости студенческой жизни располневшему, вальяжному от сидячего образа жизни Мордвинову, который курил в окошко, небрежно вращая рулевое колесо одной рукой и улыбался, будто ему повествовали старую добрую сказочную историю Шарля Перро. Хвастал, что в огромном троллейбусном бардачке у него до сих пор валяется задачник по диффурам.

– Ты в какой комнате живешь нынче? – спросил перед остановкой, где Погосяну нужно было сходить. – Загляну как-нибудь, по пиву вдарим.

Погосян назвал номер, Мордвинов кивнул, но впоследствии так и не пришел, забыл, что ли, цифры? Сбылось, знать, астрологическое предсказание старшины – вылетела из головы студента вся арифметика полностью. О топологии и говорить нечего. Все напрочь вылетело, кроме диффуров.

3.

Мартовским вечером к ним в комнату заглянул нескладный первокурсник Кухля, как всегда жутко делового вида, в своем черном потрепанном костюме, узеньком траурном, в настолько сбившемся набок галстук, что из-под воротничка выглядывала грязная резинка. Такие мелочи внешнего вида его не интересовали. Да и то сказать, при таком носе сосулькой, что значит сбившийся на сторону галстук? Бесконечно малая ерунда.

Полагая, что Кухля заглянул к своим однокашникам, Погосян поздоровался с ним чисто машинально и продолжил решение интегралов. Тот действительно перекинулся несколькими ничего не значащими фразами с Шихманом, придвинулся вплотную к Юрику:

– Разговорчик есть минут на пять, пойдем выйдем в коридор, побазарим.

Они вышли в холл. Влюбленных парочек еще не было, народ обитал на кухне, нюхая аппетитные запахи от своих или чужих сковородок.

– Завтра заседание УВК, ты в курсе? – начал Кухля, деловито поправляя прессованный пластиковый галстук и опять не в ту сторону. – Придешь?

– Святое дело.

– Молодец. Уважаю. Слушай, я к тебе давно присматриваюсь, и думаю, что ты давно перерос пост выпускателя «Экрана успеваемости», пора идти в гору.

Юрик удивленно выпучил глаза. Как раз эта конкретная деятельность его вполне устраивала. Посмотрел на Кухлю с легким недоумением: неужто первокурсник собирается учить его, второкурсника, жизни? Даже если этот первокурсник зампреда Учебно-Воспитательной Комиссии и сын факультетского парторга Горганадзе.

– Слушай, Погосян, предлагаю тебе сотрудничество, давай работать в связке. Смотри сюда: Эшпай давно всего добилась – и коммунистка она, и Ленинская стипендиатка, и даже депутатка, хватит ей этого за глаза, да и какой из нее председатель УВК, если честно? Сидит, моргает близорукими глазами, стесняется очки надеть, щурится, щурится, а не фигу не видит. УВК должна быть: уух! – он высоко задрал маленький кулачок на тонкой руке и потряс им. – Чтоб двоечники трепетали, когда их вызывают. Лично я считаю: нам – мужикам надо делать карьеру, а девица пусть замуж идет, если возьмут, конечно. Устроим небольшой бескровный переворотик, девушку отправим на выданье, посты делим: я председатель УВК, ты заместитель председателя, согласен?

– Кто же позволит нам свалить Эшпай, – усмехнулся Юрик, – деканат или партком?

– Демократический централизм. Проявим комсомольскую принципиальность, поставим вопрос в открытую, проголосуем и отправим тетю Аню на заслуженный отдых, баста! Смелость города берет. Так ты с нами? Это не разовая акция, предлагаю сотрудничество на перспективу, таких дров наломаем, чертям жарко станет!

Нет, не нравятся Погосяну горящие неистовым бунтарством глаза Кухли, пусть лучше Аня Эшпай и дальше близоруко щурится, сидя в председательском кресле.

– Я подумаю, – холодно глянул в зрачки Кухли.

– Уважаю, можешь вообще не отвечать, завтра по голосованию пойму, с нами ты или нет. Знаешь ведь, кто не с нами, тот против нас.

Кухля поднял два пальца рогаткой, вскинул вверх и, широко размахивая длинными тонкими жирафьими ногами, унесся по коридору, пропав из поля зрения в темной дали, лишенной всякого освещения.

На очередном заседании Кухлю охватил критический настрой: он принялся кричать и ругаться, что дела в УВК никуда не годные, что кругом разложение дисциплины, нет боевитости, и все в таком духе.

Сильно махал руками, носился по аудитории белый от ярости. Голос его становился все тоньше и писклявей.

– Товарищ Эшпай не справляется с данной работой! У нее слишком много обязанностей, но нельзя, товарищ Эшпай, обнимать необъятное, в то самое время, когда успеваемость на факультете упала по сравнению с прошлым годом аж на четыре процента! Предлагаю работу в УВК считать недостаточно активной, и в связи с данным обстоятельством освободить Эшпай с поста председателя для лучшего выполнения других нагрузок! Кто за?

Требовательно посмотрел на Погосяна.

Однако Погосян руки не поднял. И никто, ни единый человек не проголосовал заодно с заместителем председателя. Всем стало ясно, что революционный Кухля устраивает собственную карьеру в виде дворцового переворота. «Уж больно ловок этот первокурсник Кухля, – говорили глазами члены комиссии, переглядываясь меж собой, – полгода всего проучился, а уже в председатели метит. Экий узурпатор, однако. Надо бы ему по ушам хлопнуть!»

– Оппортунисты! – вскричал первокурсник Кухля, тыча длинным указательным перстом в присутствующих. – Вы организовали здесь настоящее меньшевистское болото,

в котором отсиживаетесь, прячьтесь от жизни советского общества! Вам плевать на требования момента!! Я вынужден буду поставить вопрос о нерабочем настроении в УВК на партийном собрании факультета!

– Вы же беспартийный, голубчик, – поправила Эшпай, к которой вернулась всегдашняя розоватая окраска щек, после того как затея Кухли провалилась, – вас не допустят присутствовать, или вы поручите кому-то сделать это за вас?

Кухля задохнулся от возмущения, поправил перекосившиеся очки.

– Поставлю вопрос ребром на открытом партийном собрании, предупреждаю открыто.

– Займемся лучше планами работы на второй семестр, – вздохнула Эшпай и открыла тетрадку. – Товарищ Кухля, начнем с вас, как с заместителя председателя.

Кухля достал из кармана замызганный листочек, развернул его и принялся читать пункты бухгалтерским скучным голосом. Куда только девался народный трибун Робеспьер?

4.

Среди новых предметов в весеннем семестре появились методы вычислений, а вместе с ним то, чего многие разочарованные в математике студенты давно ждали – программирование. Методы вел доцент Невольский, абсолютно невозмутимый человек средних лет, любой разговор сводящий к вычислению погрешностей. Абсолютных и относительных.

Погрешности были его коньком, и погрешности он видел везде, даже в деле строительства социализма в отдельно взятой стране, к тому же не только не боялся, но даже любил поговорить об этом между делом со студентами.

– Это потому, что его еще жареный кочет в зад не клевал, – объяснял столь легкомысленное поведение доцента Марик Глузман, по нервной привычке наворачивая прядь волос на палец, – вот клюнет жареный кочет, тогда он сразу по-другому закукарекает. У нас же большая страна... непуганых идиотов еще много, особенно в Сибири. Прямо заповедник устроили в пределах университетской рощи.

– Марик, ну что ты такое говоришь? – возмутилась комсорг. – Дискуссий в обществе развитого социализма никто не отменял.

– Девушка, все дискуссии, и особенно экономические, имеют дурное правило начинаться в столице нашей родины Москве, а заканчиваться, как правило, на Магадане. А знаете, почему?

– Ну, почему?

– Потому, что дальше некуда. Вот.

Практику по программированию вела худая-прехудая аспирантка, мастер спорта по бегу на длинные дистанции, часто приходившая на занятия прямо с тренировок в красном спортивном костюме, в котором чувствовала себя явно удобней, чем в цивильном женском платье.

Обучение она начала с черчения блок-схем программ. В этом запутанном деле, как ни странно, преуспел больше всех троечник Глузман. Чертил он лихо, без помощи специальных линеек, от руки, как бог на душу положит, но твердо, красиво, а главное, верно организуя разнообразные циклы и правила перехода.

– Больше всего мне нравится команда ГОУ ТУ, – кричал он громко прямо на занятии, – кстати, знаете, как будет по-украински эта команда, – спрашивал, хитро поглядывая на красноштанную аспирантку, и тут же отвечал: – ПИДИ К ...

Аспирантка-бегунья обладала марафонской выдержкой, прощая Маране его выходки за успехи в составлении блок-схем, да и писать программы тот начал быстрее всех, ведь терпение – это главное в стайерском беге.

– Мой кусок хлеба, – объяснял Глузман свое превосходство, – из лучших сортов пшеницы, мягкий, белый, с толстым слоем сливочного шоколадного масла, а поверх него еще более толстый слой красной икры. Я и сейчас толстый и красивый, а то буду самым толстым и самым красивым программистом в мире. Поняли? Хорошие программисты на вес золота – везде нужны, хоть у нас в Черновцах, хоть в Киеве, хоть в Москве. А чистых математиков как собак нерезанных, просто пройти нельзя, куда ни плюнь, везде математик сидит, и вежливо утирается. Еще извинения попросит. Вы как хотите, девочки, а я лично специализируюсь в программировании.

Составив свою программу на листочке бумажки, Погосян понес ее на вычислительный центр в подвал второго корпуса. Но чтобы набить программу на специальных станках, нужны были по крайней мере перфокарты. С перфокартами напряженка.

– Сколько вам? – недовольно спросила его затурканная девушка в белом халате.

Погосян прикинул число команд:

– Штук двадцать.

Ему дали пятнадцать, но и их бы хватило, если смог безошибочно набить на станке-перфораторе команды, а так пришлось вырезать бритвочкой на картах дополнительные дырочки, а ненужные дырочки заклеивать. Прodelав несколько таких операций с перфокартами, Погосян понял, что профессия программиста ему жутко не нравится.

Конечно, предмет этот он сдаст, кто бы сомневался, и программы отладит любые, какие зададут, но слишком уж муторное, кропотливое занятие с бритвочкой над перфокартами маяться. Так можно в конце концов и на самоубийство решиться, при помощи той же самой бритвочки.

Нет, Погосян решил оставаться верным абстрактной математике до последнего, пока не сошлют в деревню учителем.

В субботу Рифкат забежал в их комнату несколько раз для того только, чтобы спросить: пойдет ли Погосян на танцы? Странно. Юрик отвечал, что еще не знает, но обязательно подумает над этим вопросом. Несколько позднее. Рифкат стоял в дверях комнаты, поправлял очки, смотрел, недоверчиво улыбаясь, уходил и снова прибегал через десять минут с тем же вопросом: идешь на танцы?

– Что такое? Что случилось? С полки азбука свалилась?

– А ты во сколько в прошлый раз ушел?

– Часов в одиннадцать.

– Во-во, а после такой бордель начался, – Рифкат завел глаза вверх очков к потолку, – приятно вспомнить! Несколько девиц устроили... как бы это выразиться... короче, секс-революшн.

– Что, разделись? – радостно испугался Погосян.

– Ну, ты размечтался. Танцевать стали убойно, причем в основном первокурсницы разбалделись на полную катушку, которые прежде полгода у стен выстаивали, а тут будто с цепи сорвались девушки. Я с одной потанцевал этак пару минут, так чуть не это... короче полная борделино де коморра! Разогрели публику – дым коромыслом! До утра в целовальник пробиться нельзя было, на всех ступеньках парочки стояли в обнимку, нормальному человеку даже ступить негде.

– А чего нормальному делать в целовальнике?

– Ну, как бы да, в смысле нечего, я так, случайно там пробегал, – скромный Рифкат поправил реденькую белесую челку, оскалился радостно, – так ты идешь сегодня? На пару не так колотит.

– Позже.

Рифкат стеснительно фыркнул, поправил сползающие на вспотевшем носу очки, и отправился на негнущихся ногах в нижний холл за час раньше назначенного срока. Постоять у стенки, присмотреться: что да как?

Юрик, напротив, решил на час припоздниться.

– Юрик, привет! – увидел высокую первокурсницу Ленку, с которой как-то танцевал белый танец.

Сейчас она на высоких каблуках, поэтому кажется еще выше. Слишком большая, идет к нему, покачиваясь бывалым матросом. Этого еще не хватало. Юрик решил смыться, но не успел: первокурсница встала перед ним стеной, оттеснив прочих своим большим полуголым телом. На ней супермодное платье, похожее на синтетическую комбинацию с тоненькими ниточками на белых роскошных плечах. В этом одеянии руки и ноги и все прочие компоненты выглядят излишне громоздко.

– Потанцуем? – спросила безапелляционно, хотя никакого белого танца не объявлялось.

После чего обрушила ему на плечи тяжелые руки, холодные, покрытые некой сыростью, словно бы подтаявшей изморозью, и отчаянно поглядела прямо в лоб беззащитными серыми глазами.

Погосяну сделалось тяжело на душе, когда девушка облокотилась на него всей своей массой, как на постамент. Ничего не ответив, он вынужден был обнять партнершу за талию уже потому только, что так удобнее поддерживать ее в горизонтальном состоянии. Скромная первокурсница оказалась пьяна. Она обвисла на нем созревшей виноградной лозой, и вися этак, немножко боком, поинтересовалась:

– Почему не танцуем, молодой чел-эк, а стоим на одном месте? А?

– Может быть, вас проводить до комнаты?

– Проводить, – мотнуло головой несчастное создание.

Юрик повел ее, пятясь раком к коридору, стараясь ни в коем случае не запнуться и не грохнуться. Он был бы заживо похоронен под этим большим белым, гладким и почему-то уже холодным телом.

– Юлька!!! – вдруг крикнула кому-то в пространство повисшая телом первокурсница. – Не теряй, меня наверх повели!

Все окружающие на секунду отпрянули в стороны, чтобы рассмотреть ту, которую уже повели, достаточно ли она хороша и зрела для главного дела жизни.

Юрик чуть не раскланялся на все стороны, как провалившийся мим, которого на сцене высветил раньше времени прожектор. Рифкат помахал ему. Он танцевал галантно, согнувшись в пояснице под углом в сто двадцать градусов, с прямой спиной и на прямых ногах.

– Вон повели деваху в номера! – крикнул кто-то.

Рядом засмеялись.

Первокурсница нагло подтвердила ложную информацию, свесив голову на спину Погосяна:

– Да, в номера, – сказала она, – Юра, а здесь есть номера?

Они начали подниматься в обнимку по лестнице. «Почему я вообще обязан тащить ее? – думал Погосян с раздражением. – Ничего не понимаю, сплошной идиотизм».

Сегодня перед ним совсем не та пугливая симпатичная высокая первокурсница, что прежде, нет, какая-то толстенная пьяная оголенная сверх всякой меры бабища напала, ей-богу, икры толстые, мужские, ручищи тоже как грабли, почти удавила за шею, и морда бессмысленная. Полная идиотка. Все встречные смотрят, снисходительно улыбаясь: напоил телку до бесчувственного состояния, повел теперь в койку, пропускают их с преувеличенной вежливостью.

– Вас в какую комнату доставить, девушка? – спросил нарочито громко. – Какой у вас этаж?

– Ой, да что ты так кричишь, Юрик, да веди хоть к себе, что ли.

– Что, значит, к себе? – обиделся Погосян. – Зачем? Нет, уж извините, пожалуйста, говорите номер комнаты, так и быть, доставлю.

– Юрик, веди к себе, – безжизненно повисла, прикрыв глаза, бледнея мертвенным саваном, – что... не видишь, я же не... в... меня... емая.

– Ладно, напою крепким чаем, а то вас что-то сильно развезло.

Бормоча сквозь зубы ругательства, втащил бесчувственное тело в комнату, где она сразу рухнула на кровать отсутствующего Соловейчика, привалившись спиной к стене, выставив из-под комбинации свои большущие голые колени в стороны, и так полулежала, фривольно улыбаясь.

Вконец деморализованный печальным развитием событий, бросился на кухню разогревать чайник. Поставил на свободную конфорку, застыл рядом. Боязно даже возвращаться в комнату.

– Юрик, ты чего здесь? – спросил, забегаая с тетрадкой под мышкой Шихман.

– Чайник грею.

– Так включи конфорку-то, – и Шихман исчез с довольным видом, утянутый в коридор за рукав однокурсницей: «Толик, ну объясни мне эту формулу».

В комнате налил в чашку побольше заварки, добавил кипятку и сказал:

– Пейте.

Девушка открыла глаза, досадливо поморщилась.

– Не хочу чая.

– Пейте.

– А вы сядете рядом? – похлопала рядом со своей коленкой. – Садитесь, не бойтесь, я вам ничего не сделаю.

– Зачем мне садиться на чужую постель? Я и на стуле прекрасно посижу.

Первокурсница растерянно взяла чашку, отпила немного.

– Это не ваша постель?

– Нет.

– А где ваша?

– Какая разница?

Она погрозила ему пальцем.

– Думаете, я ничего не помню, да? – снова отпила глоток, еще и еще один. Молча выпила всю чашку, попыталась встать, но завалилась набок.

– Ой, уведите меня отсюда, где здесь дверь? Помогите же мне!

Он вывел ее в коридор.

Девушка вдруг сильно ударила его по руке:

– Не трогайте меня, – и оттолкнулась от Юрика, – я сама дойду. Никогда больше меня не трогайте, понятно вам?

И пошла, куда ноги несут, почти уверенной походкой, придерживаясь за стену.

В сессию, на экзамене по дифференциальным уравнениям по закону подлости попала теорема Ковалевской о существовании решения, на четыре страницы мелкого текста в учебнике. При подготовке он не стал учить ее из принципиальных соображений: раз Кулик не смог изложить полностью на доске, он, Погосян, лысый, что ли?

Экзамен проходил в подвальной комнатенке первого корпуса, где вместо окон под самым потолком имелась узкая застекленная дыра, но света она не приносила, так как утыкалась в подземный колодец. Благодаря толщине стен аудитория походила более на каземат или карцер.

Столы и парты собраны по новой методе из металлических трубочек и узких фанерных плоскостей, причем последние строго параллельны поверхности пола. Списывать абсолютно невозможно из-за отличной просматриваемости аудитории. Но

списывали все поголовно, уж кто как мог, прячась друг за друга. Сидевший на первой парте Погосян положил книгу на скамью рядом с собой и принялся, после тяжелого вздоха раскаяния, переносить содержимое теоремы на листочки.

– Погосян! – возмущенным голосом вскричал Кулик. – Прекратите списывать!

Погосян тотчас закрыл книгу и сделал вид, что думает. Но так как книгу у него не отобрали, выждав момент снова открыл и продолжил начатое.

– В чем дело? – спросил Кулик. – Погосян, в чем дело?

– Давид Самуилович, а я вот слышал, Ковалевская Софья была ученицей самого Вейерштрасса?

– Конечно.

– И так как женщин не допускали в университеты Германии, она была его частной ученицей и жила у него в доме?

– Вполне возможно, это обычная практика тех времен.

– Говорят, Вейерштрасс очень помог ей с задачей о волчке, за которую она получила премию Французской Академии.

– Тоже весьма возможно.

– Злые языки даже утверждают, что он сам все сделал, а Ковалевская лишь оформила работу и поставила свое имя.

– Ну, знаете ли, едва ли...

– Но вот эта теорема о существовании – уж точно работа Вейерштрасса! Такая немецкая педантичность, строгость и скрупулезность на каждом шагу, прямо с души воротит, поневоле всякие вопросы в голову лезут.

– Какие вопросы, Погосян, какие вопросы на экзамене, когда от вас теперь требуются ответы?

– С чего вдруг Вейерштрасс так расположился к этой молодой прогрессистке? А? Или правду говорят, любил очень молоденькую ученицу? У себя дома?

– Вы намекаете... Смею уверить – враки, – взволнованно закричал Кулик, – самые настоящие исторические сплетни! Я изучал этот вопрос и могу констатировать со стопроцентной уверенностью – враки. Хотя, конечно же, сам со свечкой в изголовьях не стоял. Кстати, вы там уже все переписали из учебника? Тогда милости прошу ко мне. Будете решать задачи. Теорема Ковалевской ему не нравится, видишь ли... Вейерштрасс, видишь ли...

– Еще не до конца...

– Все равно идите.

Покупать билет домой до сдачи экзамена – дурная примета. А идти на вокзал за билетом по завершению сессии, когда там соберутся иногородние студенты со всех борисовских вузов и техникумов, вообще чистой воды идиотизм. Вот и выбирайте, что вам ближе.

Он обнаглел, плюнул на предрассудки и купил за тринадцать рублей билет в купированный вагон, чтобы ехать четырехсессионным отличником в отдельном купе весело и мягко. Итак, что имеем? Четыре экзамена – четыре пятерки, осталось получить последнюю, и дело в шляпе.

У Эли Грамм обстоятельства складывались не столь блестяще, пятерки чередовались с тройками, она пожаловалась ему, что не успевает занять место в научной библиотеке, когда приходит туда, то все места огромного студенческого зала уже заняты.

– Во сколько ты приходишь?

– Часов в десять утра.

– С ума сошла? Надо в восемь быть на месте.

– Нет, в такую рань я не соберусь, – обреченно призналась подружка, – авитаминоз, что ли? Спать хочется все время, а утром вообще не могу проснуться.

Послушай, ты же член УВК, должен бороться за повышение успеваемости на факультете, займешь на меня место в библиотеке завтра?

Занять место труда не составило, однако сонная Грамм притащилась лишь к обеду. Поддерживая голову обеими руками, она смогла посидеть полчаса, после чего решила идти обедать. Погосян составил ей компанию. После обеда Эльвира утруждала себя чтением не долго:

– Спать хочу – умираю, наверное, сбились биологические часы, пойду домой. У меня раньше самая большая работоспособность была по утрам, а именно это время я теперь и просыпаю. Надо лечь спать пораньше. Слушай, ты зайди завтра к нам, разбуди, пожалуйста, а потом в библиотеку пойдем вместе заниматься?

– Ладно, зайду. Но я рано встаю. Во сколько тебя будить?

– А во сколько встаешь?

– Я в шесть.

– Вот в половине седьмого и буди.

Сказано – сделано. В половине седьмого подошел к комнате, где жила Грамм, как трудновоспитуемая и взятая на поруки треугольником группы, состоящим из комсорга, старосты и профорга, но у семи нянек дитя без глазу, и вот он, Юрик, теперь также имеет обязанность при ней – обязанность будильника. Постельничий, одним словом.

Синий свет неоновых ламп заливал пустынный коридор со множеством одинаковых коричневых дверей, на которых висят одинаковые бумажки – списки жильцов. Тихонько постучал костяшкой указательного пальца три раза: тук-тук-тук, кто в теремочке живет? И пугливо прислушался, со старостой не хотелось ссориться, а уж про комсорга и говорить нечего, крику от Великановой не оберешься.

Нажал сильнее – дверь растворилась. Как же сразу не сообразил: Грамм специально оставила комнату незапертой, чтобы ему можно было легко зайти утром без помех, и разбудить только ее одну, а не весь комсостав группы.

Шагнул в темноту. Окно плотно закрыто бархатной шторой. Кровать со спящей Грамм крайняя. Лежащая с головы до ног закутана в одеяло. Он склонился и прошептал: «Тонна, вставай, половина седьмого». Ноль внимания. Погосян осторожно потянул с головы одеяло, вот что-то вроде вылезло, так, голова, плечи... и... извините, не хотел...

– Грамм, проснитесь, – прошептал Юрик, применяя официальный тон члена УВК, выполняющего свою миссию утреннего горниста, и слегка тряхнул ее за верхнюю часть теплого плеча.

Грамм спит как убитая, но все еще очень живая. Снова затряс плечо, щеку погладил зачем-то, тоже распаленную жаром. Еще постоял некоторое время, согнувшись над распростертыми в стороны руками, понимая – нет, не получится уже уйти, и тихонько опустился на колени у кровати, сливаясь с местной восхищенной тьмой.

Грамм сразу сделалась ближе. Совсем близкой. Лицо парит над смутно видимым серебриющимся телом, ощущая токи восходящего тепла и силы притяжения. Он больше чувствует, чем видит: закрытые глаза, и наоборот, полуоткрытые губы, и разлохмаченные волосы на подушке, и плечах, и даже ... одеяло почти само сползает вниз на пару сантиметров, обнажая гладкие холмы.

Сколько продолжается зависание летающей тарелки над земными просторами неведомо никому, пока одеяло, как море во время прилива, само собой не поглощает пространства, скрывая их в своих пучинах.

Юрик принялся трясти щеки и всю голову Грамм почти сердито. Голова моталась из стороны в сторону, принимая удары судьбы, но глаза упрямо не раскрывались и даже дышать она стала ртом громче, поди-ка разбуди ее тихонько такую, того и гляди перейдет на храп.

Причем в темноте он чуть только различал под бровями прикрытые веками глаза, как темные провалы ущелий, в то время боковым зрением отметил вновь случившийся лунный отлив, произошедший от притяжения близко подошедшего иного огромного

небесного тела. Открывшийся цвет розовой нежной молочности схож с матовым цветом морской жемчужины необыкновенной величины и формы, прекрасно заметен с любой стороны.

Темными кругами глазниц Грамм сама смотрит прямо на него, задавая вопрос: а вдруг кто-то не спит, и смотрит, и все видит? И еще: зачем ты меня трясешь, как идиот? Он попытался взглянуть на дело здраво. Увидел почти то же самое: темнея кругами глазниц, Грамм смотрела прямо на него, дышала ровно, спокойно, чувственно, пламенея жемчужной кожей.

– Иди, – шепнули губы в самое ухо щекотно, – Все, все, разбудил уже. – С усмешкой из-под одеяла, откуда из горячих недр вулканических вырвалась горячая ладонь и щипнула за ухо.

– Сейчас народ проснется.

Через пятнадцать минут переговоров, уговоров, просьб и обещаний, местами довольно громких, кои слышали многие присутствующие, они все-таки расстались, договорившись идти вместе в научную библиотеку.

В зале сели рядом за один стол, разложили перед собой множество книг, пособий, но к обеду Юрик понял, что ничего не выучил. Подружка также выглядела сонной, хотя временами начинала вдруг с азартом шелестеть страницами. Несколько раз уходила из зала, по возвращении приносила запах сигаретного дыма, от которого притяжение к ней ослабевало, и тогда хоть что-то проникало в голову из области топологии. Потом они пообедали, вернулись на свои места, где и просидели до вечера.

А на следующее утро, в шесть часов Юрик вскочил, и вновь бросился будить подопечную, уже без сомнения толкая плечом незапертую дверь в чужую комнату, и быстро сливаясь с темнотой. Грамм не спала, но и не вставала – лежала с закрытыми глазами. Ждала. Сразу опустился перед ней на колени.

Губы, как американский астронавт, впервые высадившийся на Луну, беззвучно совершали длинные перелеты-прыжки по светящейся на фоне черного космоса поверхности обнаженного до пояса тела.

Особенно астронавта привлекали сложная география двух холмов, которым он посвящал большую часть экспедиционного времени исследования, кинокамеры глаз снимали все на самую высококачественную пленку памяти. Из-за сложного рельефа местности иногда, очень-очень редко случались провалы, когда астронавт неудачно приземлялся в новую точку, производя неожиданно громкое для безвоздушного космического пространства чмокание.

Полет длился до того момента, пока с подушки в углу комнаты не поднялась голова старосты Оксаны Белочкиной, спросившая ужасно громко и рассерженно:

– Погосян, может быть, хватит, а?

Вопрос застал стоявшего на коленях врасплох, как раскат грома в чистом поле. Он тихо поднялся, вышел донельзя пристыженный, ощущая, как уши прижались к голове.

Тем не менее, через час они с Грамм сидели в библиотеке за одним столом. Возмущенного гласа свыше оказалось недостаточно, чтобы окончательно разрушить тяготение физических тел, хотя оно и уменьшилось. Стало ясно, что ходить по утрам будить, действительно, не очень хорошо, разумеется, этого не стоит более делать, но почему бы не продолжить совместных занятий?

По крайней мере, он может занимать для нее место в читальном зале науки, раскладывая по всему столу книги, это ведь нетрудно? Однако сидение рядышком приводило к помутнению рассудка, но никак не изучению топологии, а с другой стороны, не сидение вместе после всего утреннего казалось абсолютно невозможным.

Грамм все же сдала учебники, и ушла от него однажды, а он принудил себя остаться на месте, и через три часа к нему вернулась способность мыслить, после чего он попытался начать учить билеты, прекрасно понимая, что все равно теперь не успеет подготовиться к сроку.

Почему-то это его не слишком беспокоило. Вскоре он сдал книги, вернулся в общежитие и некоторое время безвольно торчал в комнате, сидя на своей кровати и держа в руках раскрытый учебник.

Но преодолел себя, пошел с книжкой в читальный зал на второй этаж, однако, как во сне, почему-то застал себя стоящим у комнаты, где жила Грамм, будто шел уже седьмой час утра и пора ее снова разбудить. Погосян долго стоял перед дверью, замороженный, с ощущением, что сейчас совершится преступление.

Она не заперта, как и утром, он толкнул и вошел. Кроме Грамм в комнате никого не оказалось. Элька сидела над раскрытой книжкой, освещенная настольной лампой. Вроде бы читала. Бросила на него растерянный взгляд – и снова уткнулась.

Юрик подошел и молча встал рядом. За отворотами казахского халата знакомо виднелись притягательные недоисследованные выпуклости. По всей видимости их никогда нельзя понять до конца.

Грамм будто вовсе не замечала очень близкого присутствия. Юрик заглянув в учебник, прочел про себя: “Упражнение. Доказать, что сфера стягиваема”. После чего обе его ладони одновременно скользнули вниз.

– Сейчас войдут, – предупредила Грамм низким ровным голосом, который показался ему чужим, продолжая смотреть в книгу, будто ничего не произошло.

– Не войдут.

Но, конечно же, вошли. Пока мешкались перед занавеской, успел убраться восвояси, сжав кулаки, чтобы внутри них сохранить сладкое ощущение нежности, отсутствующее в обыденной жизни, вернулся в свою комнату, лег на кровать и тотчас заснул крепким сном.

Уснув, оказался стоящим перед знакомой до крошечных трещинок дверью: толкнуть? Уйти? Снова толкнул. На этот раз дверь растворилась со страшным обморочным треском. Грамм сидела в желтом свете настольной лампы вся в капельках пота и ждала его.

– Представляешь, – сказала она, удивленно глядя в книгу, – если нормальное пространство сильно локально стягиваемо в выделяемой точке, оно составляет с ней пару Борсука.

– Знаю, – пальцы устремились за отворот казахского цветного халата, переливающегося в искусственном свете лампы, золотыми и серебряным шитьем, а там, вместо ожидаемой, и столь притягательной девственной нежности, оказался твердый мужской торс, покрытый жесткой шерстью.

Замдекана Вилли Теодорович поднял на Юрика вопрошающие карие очи:

– Когда у нас будет готов экран со сводками по четырем экзаменам?

Погосян бурно выбросился из кровати, подхватил сумку с литературой и бросился в читалку учить. Первый час ночи. Просидел пару часов, но самые сложные и трудные теоремы, последние в курсе так и остались неразобранными. Тогда простым, остро заточенным карандашом, мельчайшим, отчетливым подчерком выписал их на белых листах, листы засунул внутрь той пачки, которую возьмет с собой сегодня на экзамен и посчитал таким образом, что подготовился.

Утром, как всегда после мозгового штурма непреодолимой крепости, содержимое головы не свидетельствует о предшествующей учебе. Пустота и солнечный свет. Ничегошеньки не осталось. Хуже того, даже о Грамм не думалось. И не хотелось идти ее будить и делать еще что-нибудь исследовательское.

Все наваждение исчезло разом, сразу, полностью после явления Вилли Теодоровича, которому, как замдекану, пристало заботиться о нравственности студентов, так что все как отрезало. Если бы не осталось воспоминаний, а кто-нибудь со стороны вдруг сообщил ему, что с ним в принципе возможны такие вещи, как проскальзывание по утрам в комнату спящих девушек, стояние там на коленях перед кроватью, да он бы ни за что не поверил, не захотел бы верить: навет, ей-богу, навет. Вот ерунда какая. Не идиот

же он полный творить этикие безрассудства? Ай-яй-яй. Надо же, точно как отрезало, слава тебе, господи!

5.

Профессор Пахлеаниди любил принимать экзамен у каждого отдельного студента подолгу. В студенческом эпосе это называлось «мотать кишки на лопату». Тополог Пахлеаниди очень любил мотать кишки на лопату.

Поэтому, когда у очередного выпавшего из дверей кафедры, как из парной, Иванпопуло спросили: «Много намотал?», тот утер лоб и сплюнул:

– Все выдрал. И выгнал, зараза.

– На чем валит?

– На всем и всех подряд, не человек – бульдозер! – и пошел вон, тяжело выдохнув воздух.

В час дня человек-бульдозер оправился на обед, а очередь на экзекуцию осталась его дожидаться, припав позвоночниками к стенкам коридора. К этому времени вся группа поголовно пребывала в самом угнетенном состоянии духа. Погосян тоже начал нервничать из-за поезда. До семи вечера еще далеко, но кто знает, как развернутся события по такой толкучке.

Пахлеаниди вел допросы с изнурительным пристрастием, потом и кровью, как заправский следователь ЧК товарищ Петерс. Может затянуть время и перенести сдачу на завтра, ему это запросто.

Подошла Грамм, встала рядом:

– Все прочитал?

– Убей, не помню.

– Нет, я прочитала все, но тоже ни черта не знаю, – она вдруг взялась поправлять ему галстук, облокотившись на грудь, в обычно строгих ее глазах при этом явилось столько нежности, по весу составляющей никак не меньше суммы всех прежних утешных чувств, растроченных Погосяном на прыжки лунного астронавта.

Заметив это, Колокольчик выпучила глаза:

– Ну, ни фиги себе, Килограмм!

– Чего тебе, старче?

– Ну, ты даешь, Килограмм! Устраивает тут принародно пир во время чумы.

В аудиторию Погосян зашел в самом дурном расположении духа. В худшем расположении находился только профессор Пахлеаниди.

К своему удивлению Погосян увидел, что профессор пользуется школьным приемчиком: студент сначала готовится к ответу за столом, затем, подготовившись, идет к доске, пишет там снова ответ полностью и отвечает, стоя у доски, а Пахлеаниди, раскинувшись в невероятной величины кресле, с явно пренебрежительным видом, время от времени почесывая белые залысины, как бы стимулируя умственные процессы в голове, выдает при этом такие язвительные рекламации, что дурно становится всем – и кто парится у доски, и тем, кто еще готовится на месте.

К тому же и билет достался – хуже не придумаешь. Ни первого вопроса не знает, ни второго. О чем тут разговаривать с единственным действующим математиком на факультете, зауральской величиной первого порядка?

Остается взять себя в руки, и ни в коем случае не менять билета, как делают некоторые, тем самым признаваясь, что они чего-то могут не знать. Ни черта подобного, он, Юрий Погосян, знает все! А что не знает, то спешит.

Паниковать на глазах экзаменатора распоследнее дело, надо уважать себя, высоко ставить и даже любить. С серьезным видом прошел и сел на такое место, откуда экзаменатору его прекрасно видно, и тотчас принялся писать, в данном случае просто

переписывать формулировку вопроса, ведь главное в его положении постоянно быть занятым делом.

Математика чем приятна народу? Математика приятна тем же самым, чем неприятна история. Там если не знаешь фактов события, то пропал, а тут если не знаешь, как доказывать теорему, то все равно можно попробовать сочинить доказательство, и при этом угодить по логике вещей в одну-единственную правильную точку. Такова разность между естествознанием и гуманитарными науками. В математике можно правду сочинить.

И он принялся сочинять. Сочинял долго, мудрил, ходил какими-то задними дворами, околицами, потом лесом, полем-полем, чужим огородом, но в конце доказал то, что написано в вопросе билета. Ощутил легкую гордость, разбросал исписанные листы по столу, создавая рабочую и даже несколько интимную обстановку, как бы наводя мосты: «Мы тоже неким образом действующие математики. За Уралом, разумеется».

Но вторая тема незнакома в принципе. Ничего нельзя доказать, используя термины, смысл которых неизвестен. Тут и для вида не поумничаешь.

Вот так просто рушатся дутые авторитеты. Учиться надо было лучше, а не воспитывать других в разных комиссиях, читая нотации.

Как Погосян не сопротивлялся страху позора, но уже начал покрываться липким потом грядущего фиаско. Чего там извиваться зря у доски? Не проще ли встать во весь рост, отдать билет, забрать зачетку и до завтра? А билет? А мама? Нет, не проще, надо сражаться.

– Вы что, действительно, так думаете, – продувая заклинивший нос поинтересовался Пахлеаниди у Колокольчика, которая пыталась что-то доказать с мелом в руках, – или просто хотите нас здесь рассмешить?

– Тут же не КВН, чего бы я кого-то смешила?

– Да? – поразился Пахлеаниди. – А я вот, представьте себе, подумал грешным делом, что попал на КВН. Что за домашние заготовки вы мне тут выкладываете? Совсем забыли о жюри? Я здесь единственное жюри, и это жюри полагает, что надо еще позаниматься, прежде чем выходить на экзамен. Да-с! Представьте себе, перед экзаменом надо заниматься! Берите зачетную книжку и до свидания. Следующий!

Колокольчик ушла с гордо поднятой головой, почти весело, во всяком случае без слез.

Перебирая зачетки и составляя из них аккуратную стопочку, Пахлеаниди заметил в одной зеленоватое инородное составляющее, заинтересовался и выхватил его. То был купейный билет Юрика, который он забыл вынуть из зачетки, вложив при покупке.

– Кто это здесь билет уже купил? Удивительное все же самомнение присуще современному студенчеству. Купит человек билет, и скорей в зачетную книжку вставлять – смотрите, профессор, я вас не боюсь! – Он рассмотрел дату на билете: – Да-да, вообще в грош не ставлю, сегодня же уеду домой. Топология такая тривиальная наука, которую сдать ничего не стоит. А товарищ этот у нас будет... – полистал книжку, – товарищ Погосян так в себе уверен, что ... есть здесь Погосян?

Юрик сказал «да» и встал.

– Так это, значит, вы.

– Я.

– Хорошо же, при случае на деле проверим глубину ваших познаний. Естественно, со своей стороны гарантирую полную... беспристрастность и честную оценку. Коли ответите отлично, так и получите, а ответите негодно, придется другой раз прийти, а уж сегодня-то бегом... на вокзал, билетик сдавать, – улыбка профессора сделала его рот шире, но таким же прямым и плотно сжатым.

Впрочем, просуществовав под носом, как новый искусственный элемент, миллионную долю секунды, она бесследно исчезла. Улыбался Пахлеаниди крайне редко, какие-либо приметы на такой случай в студенческом суеверии отсутствовали,

приходилось полагаться исключительно на собственное предчувствие, которое вело себя совершенно по-свински, ничего хорошего не обещая.

Зато по второму вопросу в голове наступило долгожданное просветление: вот если он в нем ничегошеньки не петрит, и даже не помнит приблизительно формулировки, стало быть, имеет дело с одной из последних теорем, записанных на листочках внутри чистой пачки для черновиков, которая лежит на углу стола. Там и определения есть. Юрик воспрянул из ниоткуда к новой жизни.

Правой рукой он черкал что-то на листке, как буйно помешанный, а пальчиками левой м-е-д-л-е-н-н-н-о перлюстрировал листы, разыскивая тот, с искомой теоремой. Нашел. Принялся с умным видом, поглядывая время от времени в окно и морщась, неторопливо переписывать, изображая творческие муки пока начинающего, а в будущем несомненно блестящего тополога. Переписал все успешно до последней точки. Черт, кажется, повезло. Встретился взглядом с прищуренным Пахлеаниди, который вращал головой как фронтальной зенитный прожектор, выслеживая неприятеля-шпаргалиста. Чуть не подмигнул ему. Эх, дядя, дядя, ну как же так можно, а?

Сзади сильно пахло гарью. Там дымилась от мозгового перенапряжения Чалина, сосланная от доски профессором с дополнительной задачей.

Скрывшись за спиной Юрика, она что-то откуда-то тоже сдирала, потом вдруг потыкала в плечо: «Дай чистых листов». После катастрофического падения в пропасть, и последующего удивительного спасения, Юрик расслабился, не стал жадничать – выделил Чалиной сразу половину имевшихся, пиши родная хоть кандидатскую диссертацию для университета Патриса Лумумбы.

Чалина мощно застрочила, стол запрыгал на месте, тычась ему в позвоночник. Слишком высоко для второкурсницы уложенная прическа растрепалась, на свекольное лицо боязно смотреть, как на неисправную лампочку при очередном включении: вдруг взорвется? Хочется защититься рукой.

Что народ так боится профессора? Не убьет, поди. Обычный человек с несколько черствым лицом, нездорово бледный. Широкий рот, лишенный губ, прилизанные к черепу блестящие черные волосы. Глаза. Да глаз и боялись. Они неуловимо плавали за толстыми линзами роговых очков, здорово мешая списывать, потому что неясно куда профессор смотрит, вдруг на тебя?

«Ну и пусть себе смотрит». Погосян несколько раз перечитал написанное, и уверенно пошел к доске, которая уже минут пять оставалась свободной после очередного выгнанного вон с позором.

Самостоятельно доказанная теорема, которой Погосян возгордился, заняла почти всю имеющуюся в его распоряжении площадь. С освещением второго вопроса пришлось быть кратким, в уголке написал главные пункты и достаточно.

Чалина решила-таки рассказать задачу профессору. Начала говорить пронзительным голосом, глаза неподражаемо блистали. Волосы закрывали лицо, Чалина запиховала их обратно в прическу-корону, а они тут же спадали вниз.

Надеясь на свои толстые линзы, профессор снисходительно слушал отвечающую, меланхолично постукивая пальцами по залысинам, выказывая, что, когда нужно, он становится человеком в футляре, который от всех психических атак защищен толстенным слоем вольфрамовой брони. И всегда начеку. Вот бросил стучать себя по лбу, подпрыгнул в кресле, и, выхватив из-под носа Чалиной лист, перевернул его другой стороной:

– Ну те-с, уважаемая...

Без написанного текста Чалина отвечать не могла, безмолвно поникла короной.

«Как мелко. Как низко! Вот до чего может докатиться действующий математик и главный тополог от Урала до Камчатки», – подумали присутствующие, осмелившись даже переглянуться между собой, выражая формой губ друг другу осуждение и порицание, естественно, делая это как можно незаметнее для главного тополога.

– Что? – вскричал профессор. – Что это? Позвольте вас спросить! Шпаргалка? Ну, сударыня, такой беспредельной наглости не ожидал! Много чего перевидел на своем веку, а такое вижу впервые. Идти ко мне отвечать по листу-шпаргалке! Это... это...

– Это не моя шпаргалка, – пролепетала Чалина чужим голосом, отрывая взгляд от стола, и переводя его на Погосяна, замершего у доски, и уже чувствующего, что он снова летит кубарем в глубокую пропасть, – тут совсем другой вопрос описан и почерк не мой.

– А чья?

Чалина еще раз осуждающе посмотрела на Юрика.

– Я нашла листы в парте. Мне не хватило бумаги, я взяла листы, думая, что они чистые, что их кто-то оставил, и написала.

– Чьи листы? Признавайтесь! – потеряв свой футляр, вскричал профессор гневно. – Будет гораздо хуже, когда я сличу почерки и вычислю шпаргалиста! Тогда поздно будет! Тогда все, выход один – вон из университета!

«Вот чудо в перьях, – подумал Погосян, – надо же было не посмотреть, на чем пишешь. А сам-то, идиот, тоже не посмотрев отдал, не посмотрев! Ах, ты добряга ты шелудивый! Ну, допустим, найти по почерку – это вам, профессор, вряд ли удастся, почерк в шпаргалке – идеальный, таким он только шпаргалки и пишет».

Тут Погосян глянул искоса на бумаги и сообразил наконец, что держит в руках те же самые листы размера А4, что достались Чалиной, и что по-прежнему лежат у него на столе, а у всех других обыкновенные тетрадные в клетку. Даже сличать нет никакой нужды, все и так на виду.

Снова Юрик провалился в пропасть.

Профессор сорвался с места, принялся бегать по кафедре: заглянул в стол Чалиной, где ничего не было, заглянул в другие, тоже ничего не нашел. И окончательно разозлился.

Не обращая внимания на бумагу, лежащую поверх стола Юрика, злой как черт, вернулся в свое кресло. Рыкнув, поставил трояк Чалиной, которая удалилась почти счастливая, и перешел к допросу Погосяна, успевшего сложить листы, с которыми вышел к доске пополам, преобразовав тем самым в формат А5.

Погосян докладывал теорему, как собственное изобретение на научно-студенческой конференции.

– Что это тут у вас? – переспросил профессор. – Что за ерунда? А это? Почему ходите огородами? Вы на лекциях моих бывали? Видели, как надо доказывать?

– А мне самостоятельный вариант больше нравится.

– Ерунда. Следующий вопрос излагайте.

Списанный материал Погосян рассказал максимально кратко.

– У меня все, – сказал он.

– Чушь собачья, – по привычке крикнул профессор, даже не глядя на доску, полистал его зачетку. – О, да вы отличник, оказывается, билетиком запаслись домой, а ответили на тройку, на слабую тройку, даже четверки я вам поставить не могу, несмотря на все предыдущие пятерки. Нет, больше тройки не выходит никак, извините, молодой человек. Так ставить, или придете пересдавать?

– Ставьте, – Погосян начал стирать с доски, освобождая место следующему несчастному, – пересдавать не буду.

– Хорошо, свободны, заберите зачетку, и билет купированный тоже.

Погосян вышел с кафедры. Вокруг него тотчас сжалось кольцо:

– Что получил?

– Трояк.

– Счастливый.

Погосян пошел к лестнице, подмигнув Чалиной, и тут только заглянул в зачетку, там стояло: «хорошо» с невероятно корявой подписью профессора.

Нет, что ни говори, а тополог... с приветом, да точно ли не заметил листов на его столе?

6.

В пустом доме темно и тихо, как в погребѣ.

Юрик открыл ставни – все равно пусто, на полу толстый слой пыли, будто мамы нет целый год, а не пять дней. И огород чересчур быстро зарос сорной травой, одичал, повсеместно царит запустение. Он почувствовал ужасающее одиночество, которое не смог вынести, срочно бежал из дома в больницу, прихватив с собой зачетку: нынче не круглый отличник, но все равно ей будет приятно.

Если здорового человека одеть в больничный халат и подержать недельку в душевной палате, где дважды на день смачивают пол хлоркой, а дышать и так нечем, то выглядеть этот человек будет, как самый настоящий больной.

Что же говорить о не вполне здоровом человеке? В халате неопределенной формы, в платочке, с шаркающей походкой мама походила на старушку. Он едва ее признал и не смог скрыть огорчения, хотя в подобные минуты следует держаться весело, поднимать настроение.

В тот же день сходил в бюро трудоустройства, где получил направление грузчиком на маслозавод с окладом сто тридцать рублей.

Завод производил подсолнечное масло из семян подсолнечника. Линия полностью автоматизирована, если в ночную смену масло не во что было затаривать, оно уходило в специальную высоченную трубу на заднем дворе, а потом начинало переливаться сверху, и сливалось в десятиметровой глубины яму.

Иной раз так много его сливалось, что и яма переполнялась, масло разливалось по заднему двору, а девать было некуда: то бутылок не хватает, то ящиков, то еще какая-нибудь лабуда приключится.

В магазинах города подсолнечное масло появлялось в продаже редко, дефицит страшный, зато в каждый обед рабочие выносили с собой через проходную по паре бутылок, как бы бесплатный приработок, но Юрик был новенький, и к тому же ему как-то совестно воровать. Впрочем, словом “воровать” процесс воровства не называли, говорили – тащить. Или просто “Я сегодня вынес литр”. “А я два”. “Ну, ты несун!”

Юрик и “носить” боялся. Он грузил все подряд, что заставляли: с конвейера затаривал бутылки в ящики, ящики грузил в машины, идущие на базу. Мешки с пустой стеклотарой составлял в большие ряды – стенки пятиметровой высоты на складе стеклопосуды. Таких рядов было огромное количество. Иногда. А иногда не было вовсе.

При плановости экономики здесь отсутствовал элементарный порядок. Все грузчики с утра пьяны, а после обеда, вынеся за проходную достаточное количество масла и обменяв его на самогон, уже пьяны просто в стельку. Масло фонтанировало в трубу, волнами выливалось из ямы, штормило на заднем дворе, как грозное море, священный Байкал. Конвейер ломался и все останавливалось, хотя в магазинах масло и в розлив пошло бы нарасхват. Но согласно того же плана, завод выпускал его исключительно в бутылках.

На высоченных таборах из мешков со стеклопосудой, занимавших добрых полсклада, жил любовник заведующей складом, высокой, статной бабы – тоже высокий, красивый, всегда заспанный парень с густыми спутанными волосами и бессмысленными от пьянки глазами.

Однажды Юрик с напарником работали возле края стены-айсберга, сложенного из высоченных рядов мешков с бутылками, как вдруг напарник нутряно рыкнул, и отскочил далеко в сторону. Погосян в эту секунду, нагнувшись, укладывал бутылки в

мешок, но тоже совершил удивительный не по красоте, а по дальности кенгуриный скачок.

Два ряда мешков пятиметровой высоты уже отделились от айсберга, клонились медленно-медленно, будто при замедленной съемке, и вдруг со страшным звоном рухнули на бетонный пол. На краю айсберга остался сидеть пьяный полюбовник с шальными глазами без зрачков.

Завскладом дико взматерилась на всех подряд, хотя было поздно, битых бутылок оказалось не счесть. Впрочем, похоже, за это тоже никто особенно не отвечал. Все были пьяны или полупьяны, всем было на все плевать, и все списывалось на бой. А бой был ужасен. Особенно ужасно билась завскладом с полюбовником, залезши к нему на верхотуру в обеденный перерыв. Бутылочный айсберг дрожал и трясся, будто в предсмертной лихорадке.

После работы Юрик навещал маму, принося ей передачку, а вечерами поливал огород.

Как-то сходил в гости к сестрице Карине.

Дверь открыл Витя Судаков, ставший, кажется, еще более тучным. На малиновом лбу его дрожали капельки пота. Увидев Юрика, он развернул голову назад, что само по себе удивительно, ибо шею Витя практически не имел, и на чем вращается его голова, неизвестно, прокричал недовольно:

– Хозяйка, к вам мужчина пришел!

– Пусть мужчина проходит сюда, – раздался Каринкин голос с кухни, – нам мужчины нужны, а женщины нет, женщины пусть идут домой.

Юрик разулся и пошел следом за Витей.

На кухне у стола стоял молодой человек в фартуке, который очень старательно резал лук на досточке. В углу за столом с видом царицы, восседала Каринка. На сковородке обжаривалось мясо.

– Ага, Рюрик Рабиндранат Тагорович пожаловали, – воскликнула Каринка, – давненько же вы у нас не были. Ой, как я по вас соскучилась, прямо сил моих женских нет! Не далее как вчера поминали, правда ведь, Боря? За здоровье, конечно, ты не беспокойся, маменька тоже вспоминали, куда, мол, делся, чего не идет? Проходите, садитесь, братец, будете картошку чистить. Витя отказывается руки марать, говорит, что интеллигент аж в третьем колене, начиная с бабушки, и к тому же у него освобождение от тяжелой физической работы. Витя, у тебя справка есть?

– Есть, – огрызнулся Витя, всем своим видом составляя нерабочую оппозицию компании, садясь у холодильника и скрестив пухлые маленькие ручки на животе.

– Точно, он на физкультуру не ходит, – вспомнил Борис, – у него освобождение, так что ты Карина, зря.

– Ой, да не расстраивайся. У Вити все наладится, и здоровье будет входить в него не золотниками, а прямо пудами, как в Чехова на курорте в Баденвейлере. Погоди, вот сейчас все сготовится, покушает Витя, и настроение сразу поднимется. Смеяться начнет и стихи читать. Кстати, Витя, забыла спросить, ты собрание сочинений Гоголя Инессе Арнольдшне показывал?

– Таскал вашей Инессе три первых тома, – ответил, не меняя злость на милость, все тем же раздраженным голосом Витя, – отвергла, дрянь такая. Ничтожная бабенка. Говорит: потертый ваш Гоголь. У нее, вишь, книжный шкаф в зале стоит на всеобщем обозрении, и на фоне ковров, хрусталя и золота, потертых книг ей на фиг не надо.

– Да, она женщина одинокая, – вздохнула Каринка, – ей видное место занять хочется чем-то более игривым, чем Николай Васильевич. Мопассана в ледериновой обложке, например бы, выставить напоказ.

– Для этих целей у нее блюдо на столе стоит с виноградом и бананами, – уже немного теплее вспомнил Судаков, – берет она этот банан, наполовину сдирает с него

кожуру плавными движениями и в рот свой покрашенный засовывает. Смотрит при этом таким взглядом... как из гроба.

– И где только народ эти бананы достает? – позавидовала Каринка.

– Она ж в столовой обкомовской трудится товароведом.

– Почему как из гроба? – заинтересовался другим обстоятельством Борис, порхая у плиты, уже добавив лук и прочие снадобья в обжаренное мясо, подлив кипяченой воды, посолив и убавив огонь.

– Веки синим намазаны и под глазами тоже, точно у покойницы.

– Ну, принялись мальчишки старую тетку обсуждать. Давайте ближе к делу. У нас же, Витя, Мопассан хороший есть, ты ей предлагал?

– Да это ей дорого. Больше пятерки за том давать не хочет. Жмотина.

– Ну и черт с ней тогда, – равнодушно молвила Каринка, – пусть ленинских работ наберет в «Политкниге» по дешевке, на полках расставит и радуется. К ней, наверное, обкомовские члены КПСС ходят. А у них Ленин боевой дух должен поднимать. Юрик, картошка вся готова? Борис, давай, высыпай, пусть вместе тушится, а то голодный Судаков делается просто невыносим.

Когда по кухне поплыл аппетитный запах готовой пищи, сдержанный строгий и строгий, как английский дворецкий, Борис выключил плиту, разложил картошку по тарелкам, достал вилки, нарезал хлеб кусочками, а помидоры дольками, полив последние подсолнечным маслом, и поставив кипятить чайник, элегантно присел на свое место. Витя уже лопал вовсю, ожесточенно звеня вилок по тарелке, низко наклонясь над ней и широко расставив локти в стороны.

– Картошку испортил, пересолил, – заявил он сразу, – а мясо недотушил, на зубах вязнет. Вот что я тебе скажу, ты, Борис, определенно недоносок в области кулинарии. Тебя за это сечь надо солеными розгами, в людской. Я бы тебя с превеликим удовольствием высек.

– Боря, не отвечай, прояви выдержку, – вмешалась Каринка.

Борис смущенно кушал, цепляя кусочки картофеля и подолгу пережевывая закрытым ртом. Бабушкин внук злобно сверлил его маленькими круглыми глазками, темными от гнева и ненависти.

Юрику было очевидно, что Каринку деловые отношения связывают больше с Витей, а человеческие с Борисом, и что она уже созрела для того, чтобы пожертвовать совокупно и делом и Витей за одного Бориса.

Единственное, что мешало этому осуществиться, была ее страстная любовь к созданию спорной, конфликтной ситуации. Пребывая в подобной накаленной атмосфере, девушка царила над своей маленькой трупной избалованным великим режиссером и сценаристом одновременно. То, что Витя психованным мопсом нападает на высокого, тонкого сеттера Бориса, а тот лишь отворачивается в сторону, не желая драться, ее ужасно развлекало и как женщину, из-за которой идет весь этот сыр-бор. Ей приятно, она требовала для себя бесконечного продолжения спектакля, где перекормленный комнатный бабушкин мопсик на глазах зверел, превращаясь в злобного бульдога.

– Когда пересаливают, значит, сильно любят.

На что Судаков, потыкав вилок в сторону Бориса, возразил:

– Сей недоносок не в состоянии любить точно в той же степени, как не умеет жарить картошку. Вот моя бабушка, действительно, славно готовит, а я умею любить и лобзать.

Первым очистив до блеска тарелку, он отодвинул ее от себя, смело водрузив на ладонь челюсть, впился в Каринку безумно вытаращенными глазами.

– Умелец нашелся, – недовольно поморщилась Каринка, – успокойся, Витя, ради всего святого, и будь добр, приведи себя в порядок, а то на пузе картошка валяется.

– Да? Ну и что? Что вам за дело до поэта? Ничтожно вы сумнящиеся! – завел глаза к потолку и продекламировал с блоковскими интонациями:

Я не твой и не их,
Я ничей, я – свободный!
В сторону, в воротник,
Прячу взгляд свой голодный...

– Вот обжора! Борис, да наложи ты ему еще, а то человек стесняется прямо сказать, поэтически выражается здесь при людях, будто его совсем не кормят!

– С превеликим удовольствием, – Боря перекинул через руку полотенце, – позвольте вашу тарелку, дружище!

– Пшел вон, скотина непорядочная! Какие строфы испортил, и не вздумай мне пережаренного накидать... еще помидоров туда же в тарелку клади, а то поставили на другой конец стола, что я вам тянуться обязан, что ли?

– Скажи прямо, что у тебя руки короткие, – подзуживала Каринка, – то ему недожаренное, это пережаренное, сам не знает, чего хочет, лишь бы канючить.

– Зато я – гений! Вы все не понимаете, с кем имеете дело! Я гений чистого разума, сижу здесь и общаюсь с вами за бесплатно. Цените, бездари! Гений, а чем вынужден заниматься? Мелочной торговлишкой, таскаюсь с сумой по городу, как жалкий книгоноша, и все благодаря тебе, Каринка, благодаря тебе! Вот вам, пожалуйста, – он слез со стула и низко поклонился, отчего картошка, лежавшая на пузе, свалилась на пол, – все для тебя: стихи, книги! Все тебе и тебе, тебе и тебе, а что мне? Чем порадовала ты меня? Замену подыскала и какую? Ничтожнейшего Бориску-молчуна, который двух слов связать не может. Картошку и ту пересолил! Ничтожество в твидовом пиджаке!

– Почему не могу? – удивился Боря. – Могу. Пожалуйста. Витя, вы – осел, золотой апулеевский осел, который исторгает дикие вопли, испытывая ненасытное вождление, если, конечно, его хорошо перед этим покормят. В противном случае он также испускает дикие вопли, требуя, чтобы его накормили. Ослиные вопли – ваша единственно непреходящая стихия.

Получив неожиданный отпор, Витя повернулся к Юрику.

– А ты чего сюда приперся? Тебя кто приглашал?

– Уж точно не к оборзевшему бабушкиному внуку, – отрезал Юрик.

– Витя, если ты не утихомиришься, я выставлю тебя вон, – объявила Каринка.

– Да что ты без меня делать будешь? Кто тебе книжки пойдет толкать у «Букиниста», Пушкин, что ли? Или папа римский? А может эти пентюхи? Человек, подай вина. Нальет мне сегодня кто-нибудь, или я обязан всухую риторикой заниматься?

– Боря, налей ему чаю с шиповником, а то он всех замучает.

– Может, сразу валерьянки?

Витя, разгневанный, вскочил, подбежал к кухонной двери, распростерся в ней в позу и начал читать:

Из тьмы веков я вышел к свету,
Из тех, кто умер и сотлел!
Быть человеком человеку
Я более всего б хотел!

– А где его родители? – наклонился Юрик к Каринке.

– Где-где, спились напрочь.

– Прелестно, – похвалил Борис, разливая чай по стаканам в подстаканниках, – кстати, Виктор, как там здоровье нашей бабушки?

– Вашими молитвами! Моя бабушка – человек! Единственный во всем мире, кто меня действительно любит. Все остальные люди – чистой воды сволочи, и я их ненавижу. Всех без исключения! Ясно вам?

Вам весна – цветочки!
Сытая любовь.
Не впервые в мире,
Ну а все же вновь!
Вам штиблеты греет
Тепленький асфальт,
Вечером культурно
Слушаете альт.
Не близко – не далеко,
Долго чтоб не тлеть,
Старуха бога молит
Скорее помереть.

– Растете прямо на глазах, как финиковая пальма. Пора одевать шарф, желтые туфли на толстой подошве и выходить на сцену местного Политехнического института.

– Да? Ну, спасибочки. А я на это тоже скажу откровенно, что чаем поэтов поят только самые распоследние негодяи, вроде вас, о чем ответственно заявляю напрямиком в ваши свинячьи пушистые рыла. Каринка, душа моя еловая, плесни немного бренди, я ведь тебе сегодня пятнадцать рублей чистого дохода принес. – Он кинулся в прихожую, и точно, бросил из коридора на стол свернутые в трубочку жульканные бумажки.

– Где же чистого? Смотри, какая грязь, в лужу, что ли, падал?

– Ах, в какое дерьмо я только сегодня не падал, где только не валялся. Налей граммультку, не жмись.

– Ты меня, Витя, заколебал сегодня. Мальчишки, вы будете?

Борис и Юрик синхронно задвигали шеями.

– Ладно, значит, так тому и быть.

Каринка принесла из бара красивую импортную бутылку, достала пузатые рюмочки и разлила всем, за исключением себя, по полной.

Витя опрокинул рюмку махом, заел помидоркой, темные маленькие глаза его блаженно закрылись, он потянул синюю рубаху из штанов, выпуская еще в большей степени пузо из-под ремня.

– Так бы сразу, это другое дело, братцы. Все вы, братцы мои, большие собаки, пся крев! И все ни на гран не понимаете чувств простого уличного поэта. Людей искусства у нас повсеместно презирают, ненавидят и походя норовят толкнуть локтем, а то и пнуть, унижить ни за что, посмеяться над обнаженной душой. Душа в этом мире ничегошеньки не стоит, тем более такая, как у меня, страдающая и любящая весь мир, кроме тебя, Бориска, и еще вот этого родственника. Но даже с вами, людьми глубоко мне противными, я пью, оплакивая грешный мир, гибнущий на глазах. Борис, собакин сын, наливай!

– Довольно с него, – сказала Каринка, – знаю, сейчас понесет всех оплакивать да ругаться, а больше ничего сроду не было. Несерьезный ты, Витя, человек, ей-богу.

– Это я-то несерьезный человек? А кто всю торговлю ведет? От кого доход имеете? От меня! Кстати, Юрик... он Юрик, да? Юрик, тебе полное собрание сочинений Николая Васильевича Гоголя нужно? Ага, по глазам вижу... каждый культурный человек нашего времени обязан иметь в своей библиотеке всего Гоголя, иначе просто язык мой не повернется назвать тебя культурным человеком. А тогда, уж извини, брат, с полным на то основанием буду звать бескультурным невеждой, то бишь свиным рылом в суконном ряду.

– А правда, у тебя Гоголь есть? – спросила Каринка.

– Тсс-с! Мать, не мешай ... я же работаю.

– Так, разрозненно, кое-какие вещи.

– «Тарас Бульба», поди, – хмыкнул быстро опьяневший Судаков, – цензурно перлюстрированное издание для младших классов. Вот, а тут пэ-сэ-сэ, полное собрание сочинений...

– Я тебе недорого уступлю, всего за шестьдесят рублей. Дело-то в чем? Мадам Карина Виардо приобрели себе нового Гоголя, а старого ставить некуда, место требуется освободить, поэтому и продаю.

– Между прочим, – раскрыл рот Борис, – там последние тома – письма. Возможно, ему, как не специалисту, письма будут не нужны.

– Ну и что, что письма? – удивилась Каринка. – Если хочешь знать, письма чужие как раз интересней всего читать.

Витя погрозил пухлым кулачком Боре.

– Нет, ты поняла, кого пригрела на груди? Такой заложит первому встречному ни за понюх табака. Продажная вонючая тварь, убить тебя мало.

– Он просто честный человек. Да, все произведения Гоголя плюс его подноготная, бери, не пожалеешь.

– Хорошо, беру.

Каринка взглянула на Юрика со странным недоверием, так что подумалось, что она сомневается, есть ли у него такие деньги, и не шутит ли он над ней по пьяному делу, чтобы отвязаться.

– Точно берешь?

– Беру, если продается тот самый Гоголь, что стоял у тебя в шкафу на второй полке.

– Тот, – она сидела, как бы опешив, в сомнениях. – Ладно, я загнула шестьдесят рублей для Инессы Арнольдовны, тебе отдам за сорок, по себестоимости.

– Дура-женщина! А мои комиссионные? Пять рублей? За сорок пять! Это я начал торговлю, я – торгующий поэт, или поэт-торгаш, вроде Кольцова. А Боря у нас – позерствующий филолог, критиком станет со временем, помяните мое слово: быть Боре журнальным критиком, быть! Я бы критиков этих убивал всех до единого, сапогом! Борю – первого! Мне нальют сегодня, в конце-то концов, за успешно проведенную сделку? Боря, наливай, что маешься вечным сомнением? Карина – та еще барышня, а разливать не умеет, налейте ж гению-барыге, которого никто, кроме бабушки не любит! Почему рядом с Борей села? Почему не со мной?

– Боря, не наливай Вите. Витя – пьяница. Он со второй рюмки в дугу пьян и стельки лижет.

– Я не пьян! Я, черт возьми, глубоко несчастен, как вы не понимаете? О, бабушка моя родненькая, почему сейчас я не с тобой, ведь только ты одна меня понимаешь, все остальные – зубастые крокодилы. А я опять не с тобой, а с ними, пью в террариуме, в самом змеюшнике. И ты, Карина, тоже! Тебе руку в пасть не клади, ты самая лютая крокодилица из всех.

– Ну, все, угомонись, Витя, достал уже! Чего ты взялся меня ругать, а бабушку свою здесь возвеличивать? Прекрасно знаешь, я ужасно не люблю, когда в моем присутствии о других женщинах говорят хорошо. Надо или плохо или ничего. Все, все, хватит тебе, забыл партийное поручение?

– Да какое еще поручение? Я все по плану...

– Пора идти за хлебом. Видишь, хлеб на столе кончился? Хлеб – всему голова, а ты у меня Витя – главный кормчий. Так ведь?

– Хорошо же, Карина! Я пойду! Схожу, мне совсем не трудно. Я даже рад, если разобраться, сходить в магазин для твоего удовольствия. Но пусть теперь и Борис идет со мной! Боря, собирайся! Я передам тебе эстафету, то бишь палочку, теперь кормчим

станешь ты! Ах, нет, нет, извините, вам недосуг, надо за Каринкой ухаживать! Приношу извинения и соболезнования.

– Иди, Витя!

– Что за свинство? Почему как в магазин, то каждый раз я, а как на диване рядышком сидеть, так он?

– Потому что партийное поручение. Вот!

Витя обнял холодильник и приложил к нему голову.

– Вы плохие люди, я на вас бабушке пожалуюсь.

– Витя, ты любишь?

Витя отнял голову от холодильника, устало жмуря глаза на Каринку.

– Люблю.

– Тогда в чем дело, дорогой мой человек? Отчего хамство?

– От того, что я тебе совсем не дорогой. Тебе они дорогие, а не я.

– Боря, прочти ему стихотворение для успокоения. Наш поэт без стихов жить не может, его необходимо постоянно воодушевлять на существование.

– Слушать не хочу этого диктора всесоюзного радио. Ухожу, не надо, – и он выбежал обуваться в коридор.

Карина пошла проводить Витю на трудовой подвиг, а Юрик выпил еще рюмочку замечательного бренди на пару с Борисом, понимая, что бабушкин внук действительно влюблен в сестру, и кажется несчастному внуку, что влюблен на бесконечный срок, навсегда и безумно страстно. А всем окружающим ясно, что тот побежден. Побежден давно, но все не желает уходить. Боря спокоен, скромен, вежлив со всеми и всегда сосредоточенно тих. Он очень полезен на кухне. К тому же высок и строен. Имеет интеллигентное лицо, будто постоянно удивлен всему, очки, слегка грассирует. Это вам не самопальный поэт, это серьезный молодой человек и тоже влюбленный, тоже не желающий упустить своего счастья в виде прелестной Каринки.

– Ох, наконец-то выпроводила. Как он мне надоел, кто бы знал, вместе со своей бабушкой. И когда я от него только избавлюсь?

– Кто вам будет книжками торговать? – вежливо поинтересовался Борис.

– Ты, конечно.

Борис молча скушал дольку огурца из салата. Предложение не вызвало в нем сильного протеста, он только пробурчал себе под нос: «Уж лучше луком-севком на базаре».

– Отличное бренди, – решил перевести разговор в иное русло Юрик, входя во вкус.

– Этот Витя всегда страшно ревнует, потому что глуп необыкновенно. Вот Боря не такой. Боря очень интеллигентный, аккуратный в словах и действиях, он понимает... Садись сюда, Боря, а я сяду к тебе на коленки.

– Табурет, кажется, не очень прочен, – смущенно улыбаясь, попытался увильнуть Борис.

– Кажется – крестись. Кажется ему. Очень крепкий табурет, намного крепче любого Боливара, – она уселась на колени, – ах, как он хорош, правда, Юрик? Когда смущается? Точно дитя. Дай-ка я обниму тебя, дитятко. Борис, ты краснеешь? Смотри, смотри, какой он застенчивый, правда? Прямо на глазах покраснел, я от него местами бываю в диком восторге. Наверное, я глупо поступаю, что говорю это? Правда? Не надо? Не надо, Боря? А я все равно не желаю скрывать свои чувства.

В прихожей скрипнула дверь, и Витин голосок промолвил:

– А вот и я.

– С хлебом и плавленым сырком?

– Со всем, чем прикажете. А почему ты на Боре сидишь? – расстроился Витя, входя на кухню. – И это в то время, когда я ходил для тебя по магазинам и стоял в очереди? Не увиливай, говори прямо, почему?

– Потому что мне приятно сидеть на Боре, а не на тебе. Кстати, не наливайте больше Вите, человек в дугу пьян, даже не поэтично как-то.

– Я не пьян. Я несчастен. О, моя бедная бабушка, ведь ты так тоскуешь, оставаясь одна, но почему, почему я не с тобой сейчас? Почему я бросил тебя, зачем?

Пришла с тяжелой руководящей работы тетя Тома, Юрик попрощался. Вместе с ним откланялся Борис. Витя так расчувствовался по поводу несчастной судьбы своей бабушки, что дело кончилось рыданиями. Его успокаивали, отпаивали холодной водой, и он еще остался.

7.

Только Погосян вошел с чемоданами в свое общежитие, в душе переживая события первого-второго курсов: лишение стипендии, неудачные поиски квартиры и приключения, им сопутствующие, так сразу в глаза бросился список поселенных, и на этот раз его фамилия числилась среди обладателей койко-мест.

Да, нынче везет. А в прошлом году за неучастие в общественной работе места не дали, и он неделю бегал испуганным тараканом по городу в поисках квартиры. Так ничего и не нашел. За взятку комендантша незаконно вселила к первокурсникам. Потом при помощи замдекана Рутмана удалось получить общественную нагрузку и проживание в общежитии узаконили.

Более того, сегодня комендантша нашла его еще и в привилегированном списке (замдекана Рутман заботится о своих людях из Учебно-воспитательной комиссии), сладко улыбнулась, и предложила на выбор несколько комнат. Это ж надо! Он степенно выбрал на пятом этаже, подальше от туалета и не рядом с кухней.

Потом рыжая взяточница поинтересовалась, не будет ли он против, если с ним поселят прежних соседей и добавят однокурсника – механика Христенко.

Погосян солидно молвил, что он лично против данной кандидатуры не возражает. Все мы люди и все человеки. В том смысле, что от добра добра не ищут, и улыбнулся ей благодарно, как улыбаются человеку, спасшему вас когда-то в прошлом всего за тридцать рублей. Заметьте, не погубил за тридцать сребреников, а спас за тридцать рублей, и в этом состоит существенная разница. Нет, он не привередливый человек. И должно же за это, ну хотя бы за это, когда-нибудь воздастся: что-то свое коменданту, а что-то ему.

Вовсе нетрудно быть спокойным, уравновешенным, улыбчивым, и даже непривередливым человеком, имея крышу над головой по соседству с университетом, маленькую, но все же повышенную стипендию. Поэтому ходил и улыбался всем подряд: у него все в порядке. Дай бог каждому.

С высоты третьего курса все выглядит не страшно. Даже военка.

На первое занятие по военке собрались все студенты курса и те, кто имел приписное свидетельство и являлся годным к несению службы, и те, кто не очень годен, имея “белый билет” на руках, почему-то красного цвета, то есть годные к нестроевой, даже девушки пришли. Погосян относился к “негодникам”, которые могли обязательно пригодиться в военное время, он принес красно-белый билет и майор, сидевший за столом при параде и в фуражке, осмотрел сей документ с кардиологической медицинской статьей, сделал пометку у себя в листе и отпустил его, как рыбак золотую рыбку: “Ступай себе с богом, сердешный!”

Девушки во множественном числе и несколько “негодников” торопливо покинули помещение, оставив горстку здоровяков на произвол военной судьбины в опустевшей аудитории, где тотчас зазвучали громкие отрывистые команды и с хода в карьер началась подготовка лейтенантов запаса.

Освобожденные тихо радовались, что получили дополнительный выходной в неделю. К тому же им оказался самый тяжелый день – понедельник и от того было вдвойне радостно негоднику на душе.

Но первый же понедельник показал, что выспаться в этот день вряд ли удастся. Дело в том, что в комнате на пятом этаже, где он оказался снова с братцем Шихманом и братцем Соловейчиком, нынче пребывал и бравый третьекурсник-механик Валера Христенко. А Христенко попал в военное братство, которое в первый же понедельник забегало по этажу стадом тараканов откормленных до семидесяти килограммов живого веса.

Нет, побегав и поорав с часик по коридорам общаги, они к восьми часам утра все благополучно вымелись, и за Валерой тоже громыхнула дверь.

Погосян обрадованно перевернулся на другой бок и заснул в самом приятном расположении духа. Не всякому удается так устроиться в жизни, чтобы в понедельник можно было спать хоть целый день. Что касается младших по возрасту Шихмана и Соловейчика, то они спали, завернувшись с головы до ног в простыни, как куколочки бабочки шелкопряда, спасаясь таким образом от клопов, и не думали просыпаться. Им что? Им во вторую смену.

Христенко ушел тихо, но возвращение его через двадцать минут наглядно показало, как быстро, а главное, бесповоротно военка портит человека. Он с топотом ворвался в комнату и заорал:

– Люди, дайте быстрее галстук и комсомольский значок! А то погиб!

Куколочки поизвивались на кроватках:

– Нету! Нету!

Погосян тоже хотел изнеженно заявить: “Нету”, но Христенко принялся трясти кроватную дужку над головой, материться, ругая их тыловыми крысами и просто обзывая разными частями тела.

Да, что ни говори, армия – вещь серьезная! За двадцать минут сделать из приличного, даже, можно сказать, вежливого студента-механика такого отъявленного мордоворота может только она и никто больше.

Стряхнутый, как груша с дерева, на пол, Погосян доковылял до шкафчика, вытащил свою гордость: самый модный галстук от парадного костюма и протянул Валере, будто награждая его медалью за храбрость:

– Для наших родимых ракетных войск не пожалею последнего. С себя сниму, но отдам!

– Дурак! – гаркнул Христенко с той же неистовой интонацией, с какой полковник Иванов только что орал на их взвод при построении. – Галстук должен быть военного образца, защитного темного цвета, узенький!

– Другого нет!

– Болван!!! – взорвался Христенко уж прямо по-генеральски, но тут же понизил голос до нормального и тихо, заискивая, попросил: – Хоть значок комсомольский дай! Мне же еще постричься надо успеть сбегать в парикмахерскую.

– Валера, я с восьмого класса значок не ношу.

– Западло это, носить комсомольский значок с утра пораньше, – хрюкнул Шихман.

– Западло не запаadlo, а не... модно. У нас в школе никто не носил. Дома он у меня остался, в другом городе.

– Все, можете считать, что нет больше Христенко Валеры на белом свете.

– Койку в аренду сдадим, – придумала куколочка-Соловейчик, – денег кучу заработаем, целую тринадцатую стипендию.

– Пойду у девчонок поспрашиваю значок, которые из деревни, те носили.

– Ты к комсоргу нашему беги, я у нее видел, – вспомнил Погосян.

Слома голову, Христенко бросился вон. Но только первая атака была отбита, как дверь со стоном отлетела аж к стене – то в комнату ворвался Глузман с шалыми глазами. На правах военного человека он открыл дверь ударом ноги.

– Народ! Срочно нужен галстук и комсомольский значок. Полцарства за значок, и еще собственную невесту в придачу! На сегодня.

– Это черносотенный погром какой-то, прости господи, – Шихман сунул голову куколки под подушку.

– А кто у тебя невеста будет сегодня?

– Грамм Эльвира.

– А, Тонна... она такая же твоя невеста, как и моя.

– Тогда еще и твою невесту даю в придачу! Две невесты за один комсомольский значок, ну я вас умоляю!

– Изыди, насильник!

– Значок дадите с галстуком – уйду, – скромно присел на стул Глузман.

Шихман, вытащив из-под кровати чемодан, стал в нем копаться, пока не нашел галстук поуже, но не защитного цвета, а голубого.

Глузман галстук взял, одел:

– А значок?

– Нет, значков не коллекционирую, – Шихман уполз башкой обратно под подушку.

– Ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок. – Глузман вышел, но тут же вбежал Мурат, дверь даже не успела закрыться:

– Народ, не дайте пропасть человеку, есть у кого комсомольский значок? Озолочу.

– Только пионерский, – жеманно хихикнула куколка Соловейчика женским голосом завятой стервы, явно издеваясь над старшими.

Мурат подумал-подумал и отказался:

– Нет, пионерский не надо. Товарищ полковник может неправильно истолковать.

– Сейчас. Я придумал, – Шихман в простыне вырвался из кровати, схватил лист и написал: “Комсомольских значков и галстуков нет!”

Эту бумагу он показал Мурату, а потом вышел в коридор и кнопкой прищипил к двери.

Там ему встретилась соседка – одноклассница Светочка Немцова.

– Шихман, как тебе не стыдно голым в простыне по коридору ходить.

– Я не хожу, а тут стою и, видишь, работаю.

– Как тебе не стыдно в одной простыне в коридоре работать.

Раздался громкий треск, извещающий, что Шихмана хлопают по пузу. И обиженный голос Светы:

– Ох, ну и толстый же ты! Гораздо толще, чем я думала!

– А ты обо мне часто думаешь? – обрадовался Шихман.

– Когда извещение на посылку увидит, – прокричал Погосян злорадно.

Шихман быстро зашел, прикрыв за собой дверь:

– Разве так можно? – укоряюще посмотрел он на Юрика. – Девушки ведь...

– Не девушки, а обжоры, тортик наш любимый киевский вечно сжирают!

– Ладно, теперь к нам больше стучать не будут. Ручаюсь.

Однако в дверь мелко и звонко застучали костяшками пальцев, раздался вежливый, но тревожный голос Рифката:

– Ребята, есть у кого-нибудь комсомольский значок?

– На двери же написано!

– У Рифката минус восемь диоптрий, он не видит, что там написано.

– А как же его на военку взяли?

– Как-как. С распростертыми объятиями. Нет, Рифкат, что было – все роздали, последнее с себя сняли и отдали.

– Что же вы такие... не бережливые?

Военка, если уж начинала колебать, то колебала прямо с утра пораньше всех подряд, без исключений где-то приблизительно минут сорок. Потом у негодика Погосьяна наступил день свободный для творческой мысли. Он – третьекурсник, а это не фунт изюма, если поднапрячься и сдать еще одну сессию, то в анкетах можно писать не “среднее образование”, а “незаконченное высшее”.

Из новых предметов на третьем курсе появились теория функций комплексного переменного, теория вероятностей и функциональный анализ – все вещи серьезные, требующие массу времени для усвоения. Про философию естествознания, которую вел Валерий Борисович Бордос, изгнанный из Московского университета в Борисовский за то, что не считал Ленина самым великим деятелем всех времен и народов, а ловким политическим пронырой, и говорить нечего.

Бордос – маленький тучный человечек без шеи, с рыжей головой. Самое удивительное в нем – взгляд. Косой на оба глаза, он с трудом мог навести на какой-нибудь предмет зрачок хотя бы одного, для этого вертел головой по-птичьи, а так как шея практически отсутствовала, то помогал ей всем массивным туловищем, перемещаясь возле объекта своего наблюдения самым произвольным образом, бегал и как-то странно изгибался всей фигурой, одетой в шикарный костюм-тройку с искрой, хотя, казалось бы, изначально совсем неспособен был сгибаться ни в каком месте.

Кроме официальных занятий Валерий Борисович устраивал в подвалах главного корпуса дискуссионные семинары, каждый раз меняя аудиторию, как опытный подпольщик, и с подозрением относился к каждому новичку, появившемуся на семинаре.

Увидев на последней парте новое подозрительное лицо, коим оказался Погосьян, Бордос начал ловить его в фокус зрачков, нахохлился, подбежал поближе, еще немного порассматривал, как опасную ядовитую жужелицу, и произнес не без сожаления:

– Нет, в незнакомом обществе я о Платоне говорить, конечно же, не могу. Нет, нет, ни в коем случае, – он задумался, еще раз попытался разглядеть Погосьяна с близкого расстояния. – Даже и не уговаривайте. Знаете что? Давайте поговорим лучше о вещах менее крамольных, к примеру, о величайшем эгоисте двадцатого века Сальвадоре Дали.

И, начиная с этого занятия, на протяжении трех семинаров рассказывал о творчестве художника, точнее о собственном восприятии его творчества, демонстрируя роскошные альбомы с цветными репродукциями, которые коллекционировал на доцентскую зарплату.

Старший преподаватель теории вероятностей Маркелов тоже имел пятно в биографии, его диссертационный руководитель, тот же самый, что и у ассистентки Фокс, профессор Арбузов слинял в ФРГ. По манере поведения он напоминал Кулика, тоже в вечно запачканном мелом костюме, за очками бесшабашный взгляд ученого, но гораздо моложе – всего-то лет тридцать, но уже толст как бочка, с одышкой, хотя и быстр в походке.

Говорили, что Маркелов долго не мог защититься по старой тематике, плюнул на это дело и написал диссертацию на новую тему без шефа, сам по себе. Так надежнее, хотя без поддержки руководителя тоже не просто защититься.

Вероятностник вечно опаздывал на лекции. Ему дали квартиру в новом микрорайоне на краю города, у черта на куличках, транспорт ходил из рук вон плохо, иногда он ездил в университет на велосипеде. Нередко бывало, что, стоя у окон, вся группа смотрела на часы и одновременно за окно, где Маркелов изо всех сил крутил педали, мчась по прямой как стрела асфальтовой дорожке ко второму корпусу. Светлый плащ развивался на ветру, рот открыт нараспашку, успеет или не успеет уложиться в интервал ожидания?

Главное для Маркелова было опоздать не более чем на пятнадцать минут. В противном случае студенты имели право покинуть аудиторию и уйти, после чего обычно поднимался большой шум, которого никто не любил.

Впрочем, читал он свою, обожаемую игроками всех мастей науку, интересно, и от него как правило не сбегали, к тому же наблюдая собственными глазами бешеный финишный спурт, как-то не по-человечески взять и тихо спуститься по черной лестнице.

И вот тяжелое топанье по лестнице сотрясает целый этаж, Маркелов врывается в дверь, за ним волочится по полу белый плащ, который он так и не смог стащить с одной руки, очки на носу перекошились, глаз выглядывает как-то сбоку, большой, желтый в крапинку, еще на что-то надеющийся...

– Не ушли? Слава богу. На чем мы там остановились в прошлый раз?

Мел в руки и бегом к доске. Пошла писать губерния!

Теория вероятностей в его изложении выглядела весьма и весьма стоящей вещью, но гораздо более Юрику понравился функциональный анализ, вот где наконец-то начинается наука математика! Тем более, что еще недавно в Борисове жили несколько настоящих сильных математиков, создавших местную научную школу в данном направлении.

8.

Доцент Грум-Канавин один из них и лекции читает замечательно. Вид у Грума всегда на пятерку, чисто кембриджский интеллектuala начала века, весьма возможно, даже не нашего. Вот он покинул свою позицию у доски, изрисованную значками функционалов и, близоруко приглядываясь, вошел в студенческие ряды.

– Что вы знаете о восемнадцатой гипотезе из списка Вайса?

– Ничего! – радостно воскликнул Марк Глузман, тотчас всплыв из общей массы лиц и начинал всем улыбаться, раскланиваться, а Грамм посылать воздушные поцелуи.

Та показала крупный кулак. И предупредила грозно:

– Мараня ...

– Расскажите, пожалуйста... – вежливо попросила Чалина, откладывая авторучку в сторону и потрясая пальцами от усталости (Хватит писать. Можно и просто послушать устный рассказ. О восемнадцатой гипотезе).

– Могу, но очень коротко, чтобы нам не выбиться из учебного плана текущей лекции. Эту задачу не могут решить на протяжении вот уже семидесяти лет, хотя формулируется она чрезвычайно просто и элегантно. Гениальный Вайс (вы, надеюсь, знаете, что гениальные математики ставят задачи, а талантливые их решают) составил список задач, которые необходимо решить в ближайшие пятьдесят лет.

По известности сильно уступает теореме Ферма, но не думаю, что существенно легче последней. Так же, как за теорему Ферма, за восемнадцатую кто только не брался, м-да, – Грум скромно кашлянул, – но воз и ныне там. Поэтому и на ваш век, видимо, хватит. Я думаю, что еще не одно поколение математиков на ней помучается. Если бы любой самый последний троечник, десять раз подряд передававший топологию Пахлеаниди, взял вдруг и доказал 18-ю, то очень скоро без всякой защиты получил сразу докторскую степень и целый год катался бы за государственный счет по всему миру с конференции на конференцию с изложением своей теоремы. Я уж не говорю, что его имя на века войдет в математические анналы, а сам он будет присоединен к числу крупнейших математиков современности. Вот так, уважаемые товарищи студенты. Вот где надо дерзать.

– Очень интересно, – сказал Мурат, – а сформулировать сейчас условие гипотезы нельзя?

– Что, не терпится войти в анналы?

– Было бы неплохо, – радостно согласился Рифкат.

– Посмотрите потом в книжках, никуда от вас условие не убежит. Но предупреждаю заранее, гипотеза опасна, это вам не игрушка. Бывали случаи, когда из-за нее гибли люди.

– Как это?

– К примеру, профессор Жихарев, основатель нашей научной школы, несколько лет пытался решить 18-ю. Практически все последние годы занимался исключительно ею. После нескольких лет упорнейшего труда, представьте себе, профессор получил, наконец, строгое доказательство гипотезы: две общие тетради, исписанные мелким бисерным почерком, больше ста листов сплошных формул и преобразований.

Можно представить себе радость, охватившую математика, который в зрелом возрасте достиг такого пика, ведь по большей части главные открытия делаются до сорока лет, даже мне уже поздно замахиваться на великое, а он вот не побоялся взяться за столь грандиозную задачу и смог получить результат!

Грум-Канавин достал белейший платок и принялся кропотливо протирать линзы очков, кося на аудиторию выпуклым левым глазом, правым исследуя стекло на прозрачность.

– Так ее доказали или нет? – не без раздражения поинтересовался Иванпопуло, не глядя на доцента.

Но вопрос оставался без ответа, пока, наконец, очки не оказались на носу доцента, и тот хмуро не оглядел аудиторию, зашумевшую после звонка на перемену. Заметив это, все сели на места.

– Правильно, сидеть, – тоже хмуро и ни на кого не глядя, произнес Иванпопуло.

– Итак представьте себе две толстые тетради, сплошной вывод формул, без комментариев ...

– Потерял портфель?

– На базаре украли?

– После недели счастливого отдыха сел профессор переписывать свою работу набело, сначала в таких случаях пишут все преобразования подробно, а после сжимают в журнальный вариант.

Последний наверняка бы появился во всех математических изданиях мира от Берлина до Сан-Франциско, не говоря о том, что всенепременно прошел бы профессор Жихарев в члены-корреспонденты Академии наук. Как подумаешь, и сейчас, хотя столько лет прошло, а в жар бросает. Так вот, переписывает он, переписывает и вдруг видит: в одном месте знак неверно поставлен. Ну, что ж теперь, поменял на правильный, переписывает дальше, знаки правит, правит, а через пару страниц становится ему ясно, что весь последующий вывод неверен. Не смог доказать 18-ю, опять устояла. Все последующее неверно, увы, из-за того знака.

На следующий день профессор неудачно простудился, получил воспаление легких, и через некоторое время, несмотря на все усилия врачей, скорострительно скончался.

Грум-Канавин поник, сгорбился, махнул рукой, отпуская всех на перемену и пошел сам на выход.

В тот же день Погосян набрал в читальном зале книг, принялся выискивать формулировку 18-ой. Неподалеку заметил Рифката с Муратом, которые, оказывается, уже нашли ее, выписали, осталось только решить.

А вечером в комнате Грамм Юрик застал Марика Глузмана, лежащим на ее кровати тоже с книжкой.

– Хочешь формулировку дам?

– Какую формулировку?

– Не хочешь – не надо.

– Ладно, давай сюда. Так и быть.

– Лучше решай сразу теорему Ферма. За нее премия назначена сто тысяч немецких марок.

– Да? – обрадовался Мараня, отбрасывая в сторону книжку. – Точно сто тысяч? Западных или восточных? Что же вы мне голову морочите, столько время зря потерял!

Второкурсница Елена, та самая, из-за которой он перестал посещать субботние танцы в нижнем холле, продолжала преследовать Погосяна с молчаливым укором во взгляде: так сосед смотрит на соседа, с которым прожили бок о бок сто лет, почти родственники, когда тот вдруг ни с того ни с сего начал воровать чужие дрова из поленицы у общего забора. «Да ты попроси, если нужна я тебе и так, без воровства разрешу позаимствовать», - смотрит укоризненно сосед, а сказать вслух не решается, потому что неудобно и стыдно даже намекнуть.

Юрик старался не обращать на Ленку внимания, отдавая все силы науке, как мог избегал второкурсницы, а та, как на зло, постоянно оказывалась рядом.

В один прекрасный момент он обязательно докажет 18-ю, только бы успеть, не то уведут из-под носа многочисленные конкуренты, что времени зря не теряют, напряженно гнут спины над столами читального зала общежития.

Вечером незанятых мест в зале не осталось, Юрику пришлось сесть к незнакомке, накрывшей плечи шалью, которая не разложила свои книги по всему столу, дабы избавиться от соседей, как обычно поступают все нормальные люди, а оставила место свободным, хотя книг и конспектов у нее было предостаточно – две высокие стопы. Хватило бы занять два стола при желании.

Книги все филологические, и в тетради красивое чистописание, просто загляденье, а не почерк, важные места выделены разными цветами. Ясно, что рядом оказался человек, связанный с русским языком и филологическим факультетом.

Что за сельская учительница поселилась в общежитии? Девчонки тоже имеют в запасе на случай сорокоградусных морозов шали, но предмет сей настолько морально устарел, что ни одна под страхом смерти не нацепила бы «оренбургский пуховый платок» на плечи среди бела дня в читальном зале, ну, кроме, может быть, Чалиной.

Он удивился. Заинтересованно глянул в лицо. И все. Попался: подперев ладонью висок начал купаться в водопаде блаженных чувств.

Меж тем соседка по столу на самом деле не была так уж красива и юнна.

Пуховая шаль мягко облегает широкие худые плечи, голова относительно их кажется непропорционально маленькой, черты же лица и вовсе выглядят мелкими. Впервые он воспылал к девушке, имеющей столь маленькие, невыразительные, запавшие глаза. И все остальное тоже мелкогато: носик коротковат, губы тонкие, упрямо поджаты, а главное, годами она значительно старше его, на вид легко можно дать лет двадцать семь, но скорее двадцать восемь, а сколько по паспорту и гадать не стоит.

Он ни о чем таком не думал, плывал себе от созерцания волшебного, казалось, лица в радужных волнах удовольствия, которые генерировал мозг. Восхищение настолько всеобъемлюще, что тут же Погосян принялся излагать свои чувства на бумаге, используя при этом большей частью превосходные степени. Излив многословное объяснение в любви, тут же переписал его набело в каллиграфическом стиле (откуда что берется?), и, положив листок на самом видном месте, где даже случайному взору нельзя было его не заметить, вышел из зала, предоставив чудесной незнакомке право в спокойной обстановке ознакомиться с его чувствами.

Он весь трепетал от пламенного, волшебного восторга: 18-ая гипотеза миготом отошла на задний план, заняв место где-то между временами Past Indefinit и Past Perfect английского языка, которыми тоже надо бы действительно заняться, тем более, что в зимнюю сессию предстоит завершающий экзамен по английскому, оценка за который пойдет в диплом. На все необходимо время, на 18-ю тоже, Юрик ею непременно займется и обязательно решит, но не сейчас, а в какой-нибудь другой, более подходящий момент.

А в эти минуты он пребывает в священном трепете необыкновенных чувств. Учиться при этом, естественно, невозможно. Кому-кому, а Юрику сие доподлинно известно.

Правда, выходя из читального зала, опять напоролся на Елену, которая сидела у самых дверей с одной тоненькой книжечкой на столе, заниматься не занималась, а смотрела на него бесконечным взглядом. Что-то задело сейчас в этом взгляде, что-то мелькнуло в нем материнское, когда та ругала отца, причем не за то, что ушел от нее, а за то, что меняет подружек и жен безо всякого счета, беспрестанно влюбляясь во все новых.

Он легко отмел упрек. Чего комедию ломает? Вот так спасешь невинность захмелевшей дурочки, уведешь вовремя с танцев, чаем отпоишь, в чувство приведешь, а потом она тебе будет высказывать свое презрение. Зачем? Бесполезно. Она ему не судья. И нет здесь судей, раз так устроено самой природой. Все равно, что злиться на дождь и бранить его, на чем свет стоит.

Юрик покинул читальный зал и не видел, как проходящий мимо студент-юрист, со скучающим видом тащивший стопку книг по гражданскому и семейному праву, остановился у его стола и прочел записку, лежащую на самом видном месте. Из записки ясно, что адресована она девушке, сидящей рядом. Прохожий посмотрел и ухмыльнулся в густые рыжие усы. Присел на свободное место, о чем-то спросил ее, та ответила. Они стали тихо разговаривать. Юрист положил руку на спинку ее стула.

Меж тем Юрик маялся у окна в конце коридора, пережидая время, за которое записка должна быть прочитана и обдумана. Медленно досчитав до ста, слегка пристыженный собственным слишком быстрым признанием в любви, но пылая еще жарче, возвратился в читальный зал, где, к своему крайнему удивлению, обнаружил вальяжно развалившегося на стуле рослого мужчину с усами, в синем спортивном костюме, приобнявшего предмет его нежных чувств и что-то нашептывающего ей на ухо.

Погосян встречал этого великовозрастного студента в коридорах общежития и прежде. Тому лет двадцать пять, очень здоровый, крепкий, явно после армии, на юридическом факультете таких любят.

Пришелец вольготно расселся на чужом месте, как бы не замечая стоящего над ним Юрика, наконец с лукавым видом поправил отлетевшую на угол стола записку, встал, и под локоток увел шалевую девушку за собой, одной рукой придерживая за талию, другой показывая дулю Юрику.

Встретившись взглядом с юристом, Погосян понял, что тот прочел признание, и необыкновенная нежность, с какой он теперь смотрит на блондинку, изливается специально и напоказ. Ему давали понять, что девицу у него воруют из принципа.

Погосян скомкал дурацкую записку в карман. А чувство продолжало развиваться внутри независимо от внешних непогодных условий. Он сидел на месте и ждал ее, не может быть, чтобы не вернулась к своим книгам.

Однако по равнодушному виду предмета обожания нетрудно догадаться, что записки она не читала.

«И к лучшему».

Как бы не так! Погосян ничего не мог с собою поделать. Он преследовал ее целую неделю, занимая соседнее место или, на худой конец, стол рядом. Ему бесконечно приятно находиться поблизости. От этого он испытывал почти физическое блаженство. А без нее умирал, мечтая о новой встрече.

Усатый развлекался по-своему. Стоило Юрику добиться желанной географической близости с шалевой девушкой, юрист немедленно забирал филологиню болтать, и даже специально являлся в зал с приятелями, показывал им пальцем на Юрика, что-то громко шептал и смеялся, а потом уводил предмет его чувств в коридор.

Набраться смелости заговорить с ней Погосян смог только через неделю, в полутемном месте коридора второго этажа, где не видно, как он бурно краснеет.

Поздоровался и спросил, откуда незнакомка появилась в их местах. Оказалось, поступила в аспирантуру в этом году, дали место в общежитии. У Юрика закружилась голова, пребывая в легком бреде, напросился в гости. На удивление, ему не отказали, назначив встречу на завтра, на восемь часов вечера.

Трудно передать, что Погосян пережил за сутки. Он не мог думать ни о чем другом, кроме предстоящего свидания. Что надо будет говорить? Как развлекать? Покупать ли цветы, торт или пирожные? Или конфеты – вино? Позволит ли она поцеловать себя? Посмеет ли он сделать попытку поцеловать, если окажутся одни? Восторг окончился, начались страдания: нет, он ни за что не посмеет.

Это был трудный день с заседанием УВК. Когда Погосян увидел новых членов, ему чуть дурно не стало: Рутман ввел в состав Елену (такие люди нам нужны!). Ту самую Елену, которая повсюду дышит ему в спину.

Даже Шихман подметил это обстоятельство, когда они тащили с кухни в комнату картошку в огромной сковороде. Проходя мимо статуи читающей студентки, Толик проявил чудеса эквилибристики: начал лягаться толстыми джинсовыми ножищами, изображая низжайшее почтение, улыбаться приторно-сладко, будто только-только слопал банку вишневого сиропа, приглашать:

– Откушать к нам зайдите, пожалуйста.

Елена искательно взглянула на Погосяна, который страховал сковороду от всех этих ужимок и прыжков: «Можно?» Тот нахмурился в ответ: «Ни в коем случае. Самим мало». Молчаливые переговоры завершились вталкиванием Толика в дверь, а кавалергард-девица осталась стоять на своем боевом читательском посту.

– И чего стоит? – пробурчал Юрик, надеясь, что его услышат в коридоре.

– Извиниться следует перед девушкой.

– Какой девушкой?

– Вот этой, Леной.

– За что?

– Да всем уже известно, за что. Кто увел ее с танцев в свою комнату и, воспользовавшись не вполне трезвым состоянием?

– Чего-чего? Обалдел?

– Все знают. Насколько я понимаю, человек ждет твоих извинений и все, больше ничего не треба...

– Да? А почему так мало ей надо, случаем не знаешь? Потому что все выдумала. Я эту пьяную дуру приводил сюда отпаивать чаем, чтобы привести во вменяемое состояние.

Шихман почесал затылок.

– Это в тот раз ты ее приводил?

– В тот самый, другого не было.

– Тогда я не знаю. Зачем ей себе биографию портить?

Шихман недоуменно открыл крышку со сковороды и с воодушевлением заглянул, будто там были белые грибы со сметаной или рябчик в белом вине, но комнату наполнил аппетитный пар от обыкновенной жареной картошки.

– А фиг ли ботик потопили?

И вот теперь девица в составе УВК. И такая уверенная в себе, прямо новый организатор производства.

– Товарищи! – начал замдекана Рутман, – председатель УВК Эшпай уходит со своего поста, и деканат рекомендует двоих: Погосяна или Кухлю. Кого вы сами изберете своим председателем, тот и будет.

Погосян кинул взгляд на конкурента и удивился: Кухля резко сменил окраску. Он был не в своем обычном чиновничьем черном костюме с короткими штанишками, белой рубашечке, при галстукe, но в чем-то аляповато-сиреневом, почти женская курточка,

цветной галстук, джинсы, импортные кроссовки, волосы на голове взбиты. Химию сделал? Прямо не узнать Кухлю.

«А интересно, в чем будет сегодня вечером аспирантка, снова наденет на плечи шаль?» – задумался вдруг Юрик, блаженно улыбаясь, ощущая благодатную приятнейшую волну, уносящую его далеко-далеко от заседания УВК.

Кухля улыбнулся ответно.

– Я даю самоотвод, – вдруг сказал он, – снимаю свою кандидатуру.

– Почему? – удивился Рутман. – Почему меня не предупредили?

Встал Горганадзе.

– Товарищи. Поясню ситуацию очень коротко и в порядке регламента. Дело в том, что буквально вчера от одного очень крупного ленинградского математика пришло известие, что студент Кухля принят к нему на специализацию. Вероятно, студенту Кухле придется часто ездить в Ленинград к своему руководителю, а деятельность УВК не должна страдать от этого. К тому же нашему студенту уже дана весьма важная интересная работа, которая будет отнимать у него все его свободное время. Несмотря на то, что студент Кухля пока еще второкурсник, он с очень хорошей стороны зарекомендовал себя в плане теоретических разработок. Как говорится, большому кораблю – большое плаванье, товарищи. Давайте поблагодарим студента Кухлю за огромную проделанную им работу в воспитательной комиссии и пожелаем успехов на академическом поприще. – Он захолопал, и все поддержали.

Кухля перестал махать ногой, встал, раскланялся, сел.

Председателем УВК при одном воздержавшемся избрали Погосяна. Воздержалась второкурсница Елена.

– А вы имеете свою отдельную точку зрения относительно кандидатуры товарища Погосяна? – заморгал Рутман. – Разъясните, пожалуйста.

Елена встала, привычно уставилась на Юрика беспросветными глазами.

– Относительно товарища Погосяна я могу сказать, – начала она как будто собралась читать длиннейший доклад, – что по конкретной учебно-воспитательной работе мне его деятельность пока известна так мало, что я не в состоянии голосовать ни за, ни против. Поэтому воздерживаюсь.

«Зато скоро вечер, – думал Юрик, – и я иду в гости».

9.

У него впервые в жизни свидание со взрослой женщиной, причем в вечернее время, что придает будущему свиданию опасное очарование и сногшибательные надежды, о коих он даже мечтать не решается.

Не зря она сама – Надежда. Хотя и про себя Погосян предпочитал называть ее Надеждой Николаевной. Восемь часов вечера в октябре – это почти ночь. Нет, ерунда, она просто сказала: «Подходите к восьми часам, к этому времени я обычно дома». И улыбнулась. Ах, как приятно улыбается Надежда!

Грядущая жизнь приобрела на удивление замечательные очертания. Все трудности показались микроскопически малыми, справиться с ними не составит ни малейшего труда. Тем более председателю УВК. Успех сопутствует ему положительно во всем, несмотря на происки Елены.

Потом вдруг как ожгло: ведь он останется с ней один на один в комнате. Надежда Николаевна по-настоящему взрослая, ей лет двадцать пять, никак не меньше, кто знает, как пойдет дело?

Юрик не знал, как ведут себя настоящие взрослые женщины, оставаясь наедине с мужчинами, одни невероятные догадки и соблазнительные предположения в голове.

Он купил в гастрономе торт за два рубля семьдесят копеек с розочками из сладкого сливочного крема, разбросанными по верхней окружности.

– О, торт! – воскликнул Толик, вскидывая восторженно руки, когда Погосян притащил в комнату промасленную коробку с почти истекающим сроком хранения и водрузил на стол. – Позвольте, позвольте, – с видом специалиста Шихман деловито изучил название: «Любимый», вес, цену, – конечно не киевский, но есть можно и даже нужно. Все, греем чайник!

– Отставить! Не ели твоих киевских, не будем трогать и этот.

– А что так? – загрузил Шихман. – То ж не я, то ж девушки.

– В гости иду.

– К девушке?

– К ней.

Проснулся Христенко. Он по утрам вкалывал с метлой у общежития, подрабатывал дворником, и потом днем каждую удобную минуту использовал для сна.

– Жаль, – Валера потянулся, – а то сегодня с самого утра так сладенького хочется. Я сейчас на бы спор съел десять больших плиток шоколада.

– А я бы двадцать пять съел на спор.

– Дурно не станет?

Раздосадованный таким поворотом дела Шихман достал из окна пакетик жидкого сала и с очень грустным выражением лица принялся намазывать белую приторную смазку на кусок хлеба, невесть кем забытый на столе.

Махнув ему на прощание, Юрик устремился вверх.

Комната аспирантки располагалась на шестом этаже. Погосян постучался, чувствуя радостно пульсирующие виски, но все же коротко огляделся по сторонам, и постарался стать так, чтобы торт был не слишком заметен.

Надежда Николаевна оказалась в прежнем своем теплом, вылинявшем платье много ниже колен и опять с пуховой серой шалью, накинутой на плечи, имела вид немного замерзший, или больной гриппом. Впрочем, для него она словно бы виднелась в голубоватом сумеречном тумане, за которым невозможно разглядеть никаких конкретных подробностей, да и незачем, когда точно знаешь, что ничего прекрасней нет на свете, и быть не может.

Юрик стемительно прошествовал к столу со своим подарком, чувствуя как прохладный ветер обдувает уши.

– Вот и я, – сказал он, – знаете, вместо несъедобных цветов принес вполне съедобную вещь. – Водрузил коробку на стол, тотчас принялся разрезать ленточку тупым ножом, лежащим на столе, боясь, что заметят его волнение по мелко дрожащим пальцам.

Аспирантка тем временем села на стул спиной к окну в узком проходе меж столом и кроватью, откуда внимательно наблюдала за его порывистыми действиями по разделке торта.

– Хорошо, – сказала она после некоторого первоначального замешательства, когда половина торта оказалась изрезанной на большие куски, – я пока налью кофеварку, – и быстро выскользнула из комнаты.

Юрик опустился на стул отдышаться да осмотреться.

На кровати лежали одна на другой четыре взбитые подушки, внизу самая большая, потом меньше, меньше, и наверху самая маленькая, а вся эта горка покрыта белейшей накрахмаленной тюлевой накидушкой.

Наволочки подушечек вышиты цветными нитками. Сама постель так высоко поднята, что нетрудно догадаться, что вместо матраца здесь имеет место быть настоящая домашняя перина.

Кругом, как в русской деревенской горнице, светло, чисто, на полу постелены домотканые половички, занавески на окнах белейшие, опрятные. На сиденьях стульев лежат мягкие вязаные кружки. Все так домовито, что дурацкие мысли мигом исчезли из

головы, и Погосян подумал, что в дом с такой комнатой, где живет необыкновенная девица-красавица должны приходиться сваты, а не обормоты вроде него.

Надежда Николаевна принесла кофеварку, включила, и в ней быстро закипела вода. Они стали пить чай. Юрик не смог подобрать никакой темы для разговора, и чтобы заняться чем-то, всерьез принялся за торт. Аспирантка от угощения отказалась, она сидела прямо, куталась в шаль, пила пустой чай без сахара, глядя перед собой, а Погосян, с жаром стыда склоняясь над блюдцем, чтобы проглотить очередную порцию, уговаривал ее:

– Давайте, съешьте хоть кусочек, а то мне неудобно одному надсажаться.

– Я торты не ем, вы кушайте, не стесняйтесь.

Юрик стеснялся, но продолжал есть кусок за куском, потому что не знал, что ему еще делать и о чем говорить. От нервов у него развился страшный аппетит. К тому же по тортнику он действительно соскучился, ему давно хотелось сладкого. Вот и добился своего: один за другим съел по кусочку ровно половину торта. Скандал в благородном семействе.

Надежда Николаевна с интересом наблюдала за процессом. Насытившись, Погосян почувствовал себя значительно лучше. Он обжился в комнате и успокоился. Чего бояться, когда раздевать никого не надо? В такой домостроевской обстановке подобные вещи выглядят совершеннейшей глупостью, здесь покой, чистота и порядок. Во всем: и на столе, и в чувствах должно быть чисто и спокойно. Очень даже хорошо.

– А у вас какая специализация? – приступил он к расспросу харизматическим голосом отличника и председателя УВК.

– Топонимика. Происхождение названий географических местностей. Суффиксы ух-ах в сибирских названиях, например в Алтайском крае: Белуха, Топчиха, Шемонаиха, Буланиха.

– Самые русские суффиксы в русском языке: Ух! Ах!

– Да. Вы кушайте еще.

– Нет, спасибо. Все равно все не смогу съесть, а вы не помогаете.

К нему возвращалось зрение, утерянное было от волнения. За туманом он отчетливо видел, отчего-то неуловимо приятное для души личико с маленькими, подведенными глазами, тонкими, чуть подкрашенными губами. То, что она готовилась к его приходу, было приятно. Стоп.

Раз готовилась, красилась, значит ли это, в таком случае, что Надежда Николаевна рассматривает его как мужчину? Подходящего ей мужчину, для которого надо приукраситься? Но не придется. Да, все та же пуховая старушечья шаль на плечах, как противотанковая броня, а вот глаза и губы не те же, другие - новые, подкрашенные. И запах незнакомых духов.

Он снова напрягся, потерял нить разговора, сбился с толку и замолчал.

– Вы на каком курсе учитесь?

– На третьем. Но мне двадцать два года, – соврал и тут же обругал себя, зачем сказал «но»? Тем самым дал понять, что она старше его. Теперь делать нечего, надо объяснять, почему в двадцать два сидит на третьем курсе. Это просто. – Я отслужил армию, – продолжил лгать, сильно краснея.

– Это хорошо. После армии парни делаются самостоятельной.

– Конечно.

Желание сблизиться как можно более усилилось, сделало его чрезвычайно разговорчивым.

Он принялся рассказывать о математике, коротко, между делом сообщив, что является абсолютным отличником, не далее чем после этой сессии, ему обязательно дадут Ленинскую стипендию. Это дело решенное, сам декан вызвал к себе и пообещал, так и сказал: «Погосян, вы у нас главный претендент на Ленинскую стипендию! Мы на вас, Юра, очень надеемся, потому что кроме вас на факультете давать абсолютно никому».

Осталось сдать еще одну сессию на отлично и дело в шляпе. С общественной нагрузкой тоже все в порядке – он председатель факультетской УВК. Работать приходится много, но его работой не испугать, он и в математике кое-что уже из себя представляет.

Например, вместе со своим шефом Грум-Канавиным работает над 18-ой гипотезой из списка Вайса. (Если сейчас встать, сделать шаг к ней и погладить... ужасно хочется... погладить... по чему гладить? По голове? У нее прическа, это будет выглядеть смешно, она старше его, чего он ее, как обиженную девочку, вдруг начнет гладить по головке? Абсолютная глупость. По плечам? Там шаль, довольно, кстати, потертая, сейчас это видно. Нет, по плечам не подходит, если бы не было шали, тогда другое дело. Снять шаль? Что за наглость – стаскивать с хозяйки шаль? А вот она закинула ногу на ногу. Погладить по ноге? Стоя? Может сесть рядом на кровать и после этого? Смять перину? Это уже совсем никуда не годится. Да и неудобно как-то, ни с того ни с сего, вдруг сразу полезть к ногам... Нет, ни за что).

Так вот решение этой проблемы позволит ему стать доктором наук без защиты диссертации, просто по результатам работы, которая будет иметь эпохальное значение в математике. Заметив, что глаза аспирантки прищурились иронически, привел в пример Сергея Мергеляна, которому дали докторскую в двадцать три года по результатам одной блестящей работы. Результатов не придется ждать слишком долго, Грум-Канавин в совершеннейшем восторге, вот только вчера на заседании кафедры утверждал принародно, что у него, Юрия Погосьяна, блестящие способности и блестящее будущее.

Навравшись в досталь, Погосьян замолчал, поскучнел, и нахмурился. Уже про свою талантливость ему доводилось врать девушкам и прежде, но про гениальность в первый раз молотил, а после перехода таких границ всегда наступает минута, когда ни во что уже сам не веришь, и потому хочется срочно достать компас и убедиться, что стороны света находятся на своих обычных местах.

С такой неприятности отрезал ножом еще кусок торта и в полном молчании съел, тупо глядя перед собой на клеенку, прихлебывая жирный крем остывшим чаем.

– Такие случаи только у вас в естественных науках бывают, – нарушила покаянное чавканье Надежда Николаевна, не глядя на измазавшегося кремом Юрика, – а у нас все по-другому. Шаг за шагом, шаг за шагом, все ступеньки приходится одолевать обязательно через аспирантуру. Вот я еще и три года молодым специалистом отработала в деревне по распределению. За это время успела четыре работы написать, ездила выступать на конференциях три раза.

«Значит, где-то двадцать шесть – двадцать семь лет. А руки запачкал, как теперь погладишь? Нет, нельзя, – подумал он с некоторым облегчением, – обнять – тем более. Она такая чудесная. Мне и без этого отлично. Но, ясное дело, коснуться чуть-чуть, вскользь было вообще волшебство. Нет, не получится сегодня. А когда еще? Больше уж такого обжору не пригласит».

Будильник на столе показывает половину одиннадцатого. Надо продержаться до одиннадцати. А интересно все-таки знать, случайно она закинула ногу на ногу, а при этом с оказавшейся сверху ноги платье соскользнуло, обнажив часть белейшего бедра? Случайно? Специально? Знак? Приглашение? Обо что бы вытереть руки? Как хочется прикоснуться, кажется, что стоит это сделать, как она тут же проникнется ответно прекрасным чувством, которое непрерывно терзает его целую неделю, и еще недавно только и делало, что радовало, а теперь потихоньку начинает мучить неполнотой, недостаточной близостью к обожаемому объекту. Но домостроевская атмосфера, царящая в комнате, эта пирамида подушек, эта накидка, напоминавшая целомудренную фату невесты, не позволяют ничего предпринять.

С другой стороны на гладкой молочной коже бедра малюсенькие волоски. И он их видит, как под микроскопом.

Юрик встал, прошелся по комнате. Стараясь не запачкаться, вытащил из кармана пиджака платок, вытер пальцы.

– Я только в этом году поступила в аспирантуру. В деревне жить можно, но пьют сильно.

– Неужели ученики в классе пьяные?

– Ученики? Нет, мужики пьют, трактористы, механизаторы. Меня один пьяный тракторист замучил, все в гости норовил пьяным заявиться. А зачем пьяный гость учительнице нужен, правда?

– Точно, – подтвердил Погосян, – таких на порог пускать не надо.

– Я и не пускала. А он крышу разобрал, представляете?

– А вы что же?

– В дверь вытолкала еле-еле.

– Да, приятного мало.

– Другой раз снова пьяным пожаловал, в окошко кладовки залез с огорода, дверцу в сенцы выломал, сильно в гости рвался, всех перепугал до смерти: и меня, и хозяйку. В кладовке мешок с мукой порвал, перепачкался так, что смотреть страшно. Сильно пьют в деревне нынче, – сказала она с безрадостной интонацией пожилой женщины, поправляя шаль на плечах и глядя в сторонку.

– Здесь в общежитии тоже на Новый год напьется народ, только держись.

– На праздник простительно, а там ведь каждый вечер, без перерыва, всю жизнь. После второго случая я бросила деревню и домой уехала к бабушке, так тот тракторист приезжал извинения просить.

– Опять пьяный?

– Нет, трезвый. Они вместе с директором школы приехали, и обратно забрали, отработала уж до конца срока. Так-то нетрудно, я сама из сельской местности, меня бабушка с бабушкой воспитывали. Дедушка пасечником был, бабушка учительницей.

– Русского языка?

Она кивнула.

– К деду все село в гости ходило пить чай из самовара.

– С медом?

– Да, – она блеснула глазами, – у нас самовар медный начищенный, все время раскочегаренный, я за него ответственная была. Знаете, как хорошо, когда гости чинно чай пьют и обо всем разговаривают? Гости в доме – это очень хорошо. Вот такие, как вы, Юра. Пришли культурно, вежливо, поговорить-то по-человечески всегда интересно, правда ведь?

– А кто-нибудь с вами еще живет? – спросил чинно Погосян, бросив взгляд на вторую запроваленную кровать.

– Прописана одна ассистентка с кафедры общей физики, но она не переносит общежития и потому здесь практически не появляется, снимает комнату в городе, хотя с нашей аспирантской стипендией платить за частную квартиру – слишком дорогое удовольствие. По крайней мере, для меня. Вам подлить чая?

– Да, пожалуйста.

Он глянул на часы. Уже одиннадцать. Приличным гостям, каких так любила Надежда Николаевна, пора было братья за шапки и прощаться, а неприличным...

– Вы мне тоже очень понравились сразу же в читальном зале, – сказал доверительным тоном, – произвели неизгладимое впечатление, если честно. Да я же вам писал в своем письме.

– Каком письме?

– Когда сидел рядом с вами в первый раз, то написал письмо, оставив его лежать раскрытым на столе, а сам вышел.

– Я не читала.

– Его юрист в сторону отложил, который к вам подсел.

Надежда Николаевна очень быстро опустила взгляд, из чего Юрик сделал вывод, что, во-первых, усатый нравится ей значительно больше него, а во-вторых, ей бы не хотелось обсуждать эту тему.

Она встала, наконец, со своего места, вышла на середину комнаты, остановилась совсем рядом, запахнувшись еще сильнее своей шалью, позаимствованной, очевидно, у своей бабушки-учительницы, старушечьим жестом сложив руки крест накрест на груди, и посмотрела на него сверху вниз.

– Уже двенадцатый час.

– О, точно, – подскочил и он, – извините, засиделся, у вас тут так уютно.

Великолепное горячее чувство любви за время посещения превратилось в тепленькое, почти уже дружеское. Странно, что от одного воспоминания о кудряшках этой весьма и весьма достойной женщины, он летал под небесами всю последнюю неделю. Слово «женщина» больше подходило к ее одомашненному виду.

– Я пойду, до свидания.

– Стойте, – она подняла палец ко рту, – погодите немного. Мои знакомые в коридоре стоят. Что подумают?

– Хорошо. Подождем, не будут же они долго стоять под дверью.

Он не знал, что ему сейчас сделать. Было бы очень здорово присесть рядом с Надеждой Николаевной на ее перину, но очевидно, вряд ли ей понравится такое вызывающее поведение, и не стал уподобляться пьяному трактористу. Налил в чашку кипяченой остывшей воды без заварки, и незаметно для себя, слопал еще кусок торта. А люди в коридоре все разговаривали.

– Что случится такого ужасного, если я просто выйду и пойду?

– Помолчите, ради бога, и не думайте даже, вы ничего не понимаете, – раздраженным шепотом ответила Надежда Николаевна, – вслед за вами отсюда навсегда уйдет моя репутация приличной девушки. Я не хочу, чтобы меня считали... черт знает кем.

– Извините. Я тоже не хочу. Подождем.

Он взялся за кофейник налить себе еще воды, но тот оказался пуст.

– Дико хочется пить. Вы не принесете воды? У меня началась изжога. Вам же можно выйти за водой?

– Не мудрено, что у вас изжога, – иронически поглядев на почти опустевшую картонку от торта, усмехнулась она, – но если я сейчас выйду за водой, значит, собираюсь кипятить чай, и ко мне могут попроситься в гости. Понимаете? Будет невозможно отказать и невозможно пригласить. Они все сразу поймут, таким образом, вы предлагаете сделать то, чего я сделать не могу. Потерпите пару минут. Это же не смертельно?

– Наверно, нет. Кстати, не такие уж они хорошие, ваши знакомые, если так громко разговаривают после одиннадцати. Им наплевать, что люди хотят отдыхать.

– У меня глубокий сон. Когда я сплю, то ни на что не реагирую.

– Во рту все пересохло, я же в одиночку слопал торт с маргариновым кремом, у меня изжога впервые в жизни. А какая сильная! Вы можете дать мне воды?

– Что за человек? – спросила Надежда Николаевна у своей крестьянской шторки на окне.

– Нет, правда, у меня никогда прежде не было изжоги, мой желудок в состоянии перерабатывать копыта старой клячи, неделями потреблять один хлеб и вдруг такое! Могли бы помочь и скушать хоть кусочек.

– Тогда бы мы вдвоем мучались от изжоги, вы этого хотите?

– Вам хорошо говорить.

– Ладно, я схожу за водой, только вас прошу ни в коем случае не высовываться, даже если они уйдут. Дождитесь меня, ладно?

– Обещаю. Буду сидеть тихо, как мышь.

Выйдя, она поздоровалась и, не мешкая, удалилась по направлению к кухне. Вероятно, разговорщики посмотрели на часы и, поняв, что могут мешать знакомой спать, сразу разошлись. Он стал ждать прихода Надежды Николаевны, хотя здравый смысл подсказывал ему тихонько испариться из этой комнаты. У Шихмана есть пачка питьевой соды. Говорят, от соды изжога сразу проходит. Куда же запропастилась эта Надежда Николаевна? Сдохнуть можно в ее комнате ни за что ни про что. Сода-то у нее хоть есть? Может, так полизать, без воды? А, вот, наконец, идут! С кем это она разговаривает? Какой знакомый, противный голос.

– Таки и не пригласите на чай? Ай-яй-яй, Надежда Николаевна, а говорили: заходите, всегда буду рада...

И тут Юрик признал голос усатого юриста.

– Я и рада, только поздно уже, Ленком Лялевич, приходите завтра, часиков в семь, нет, даже в шесть, буду очень рада вас встретить, а теперь прошу меня простить.

– О, и поздно сразу вам, посмотрите на нее, да ничего не поздно, совсем еще детское время. И сегодня уже не сегодня, а как раз завтра, вот, пожалуйста, смотрите на часы. Приглашайте, радость моя, и чаю успеем попить и кофе успеем и все успеем, а? А то звали: приходите обязательно, будем пить чай, а как пришел человек, сразу извините, попрошу в другое время. Вы тогда расписание, что ли, вывесите, часы приема, эх, Наденька, Наденька... Что думать-то? Ладно, идите, не беспокойтесь, а я тут еще постою, пока вы чай будете в одиночку пить, может, передумаете.

Надежда Николаевна просочилась в комнату, щелкнула дверь на замок.

– Смотри, какие мы серьезные, – сказал снаружи Ленком Лялевич, – просто фу ты ну ты. И не скучно вам одной?

Лицо Надежды Николаевны действительно сделалось до чрезвычайности грустным. Она отказалась от помощи Юрика, который, выпив сырой воды из чашки, хотел помочь включить шнур кофейника в розетку, сделала это сама, и даже насупила на него брови и сморщила недовольно лоб.

Ленком Лялевич – взрослый солидный человек лет двадцати восьми, не менее, как раз ее возраст, хотя и учится на втором курсе, но будущий юрист, может быть, даже прокурор или судья. Он ей очень подходит. Юрик понял, что Надежда Николаевна симпатизирует усатому здоровенному парню и почувствовал острую вину, в конце концов, это было видно сразу, в самом начале, кто ей действительно интересен, а теперь из-за его несвоевременного присутствия выходит такая неприятная история. Жаль, что это не второй, а шестой этаж, со второго он бы мог выпрыгнуть в окно и все дела

– Все, я ухожу, Наденька, больше уж никогда к вам в гости не приду, учтите. Нельзя так с людьми поступать, не по-человечески это, и на будущее запомните. Приличные люди такого хамства по отношению к себе не прощают, поэтому и разговаривать с вами не буду больше, и здороваться перестану. Мы больше не знакомы, вот и все.

Надежда Николаевна сидела на своей перине чуть не плача. Погосян от стыда тоже не поднимал глаз. Ему жутко хотелось пить, чтобы заглушить жжение в желудке. Кофеварка быстро вскипела, но кипятик слишком горяч.

– Но не переживай сильно, – сказал опять после некоторого молчания Ленком веселым голосом, будто другой человек подошел к дверям. – Если бы не тот армянчик, который в тебя втюрился и написал записку, которую я по ходу дела прочитал, век бы к тебе не подсел, к старой деве. Кому ты нужна, кроме армянина? Я так, из желания позлить его, тебя, дуру, раскручивал. Все, надоело. Пока, пенсионерка, у тебя, наверное, давным-давно климакс случился.

Шаги уходящего стихли.

Надежда Николаевна посмотрела на Погосяна. Тот продолжал дышать паром от кипятка.

– Давайте налью заварки, похолоднее будет, – сказала она.

– Посмотрите, там никого нет из ваших знакомых?
 – Сейчас, посмотрю, – легко встав, открыла дверь и высунула наружу голову, – никого.

– Тогда я пошел.

– Ну что же, идите, Юра.

В коридоре редкая пустота. И отлично. Ему бы не хотелось подвести гостеприимную аспирантку. Погосян свернул на площадку и напоролся на взгляд из темноты. Казалось, два ножа ударили в обе глазницы разом.

Ленка смотрела с такой дикой свирепостью, что отшатнувшись в сторону, он обогнул ее фигуру, шаркнув по перилам и бросился прыжком вниз.

В комнате, не включая свет, пробрался к столу, где стояла водочная бутылка с водопроводной водой, исполнявшая роль графина. И с наслаждением забулькал. Шихман в унисон плямкал во сне губами, поди, снится человеку большая сковорода жареной картошки.

– Тортик вкусный был? – полюбопытствовал человек совершенно не заспанным голосом.

– Дерьмо, а не тортик. Толик, у меня изжога, выручай.

Толик без колебания включил свет, развел в стакане соду и дал выпить.

– Отлегло?

– Да. Спасибо.

– И что бы вы все без меня делали?

10.

Погосян прикалывал кнопками последние результаты сессии на доску, когда Рутман подошел к нему, заглянул в списки, после чего произнес странную фразу: «По линии успеваемости, Юра, вы уже одной ногой на Ленинской стипендии».

Одной ногой обычно попадают в другое место, к тому же у него имеется четверка. О последнем факте Погосян напомнил замдекану.

Но Вилли Теодорович, раздумывая о чем-то другом, пояснил, что при назначении Ленинской стипендии можно иметь не более двух четверок, а у него всего одна. Другое дело, что работа в УВК носит факультетский характер, для Ленинской стипендии необходима общественная деятельность на университетском уровне.

«Тогда тем более», – подумал Погосян и уехал домой на каникулы.

А когда вернулся на учебу, его вызвал к себе сам Горганадзе. Он сидел в своем кафедральном кабинете с очень внушительным, даже величественным видом.

– Мы решили рекомендовать вашу кандидатуру на очень ответственную работу в университетский профком, освободился пост заместителя председателя по организационной работе.

Посмотрел на Юрика долгим пронизывающим взглядом, измеряя глубину натуры, потом потеплел и смягчился.

– Надеюсь, вы не подведете наш факультет на высоком университетском уровне... Леонид о вас спрашивал. У него все пока нормально. Передавал вам привет.

«Кто такой Леонид? – не понял Погосян. – А, так он же про Кухлю!»

– Передавайте ему тоже большой привет... от всей учебно-воспитательной комиссии.

Горганадзе просто расцвел, радуясь за сына. Погосян не ожидал, что лицо секретаря партбюро может выглядеть настолько приветливым и обаятельно-ласковым.

– Да, студенческая дружба самая крепкая. Обязательно передам. Я всем говорю, что наш Борисовский университет входит в тройку лучших по стране, но молодежь рвется в Европу, разве ее удержишь? Как там Высоцкий ваш орет: на запад, на запад

ползут батальоны. Впрочем, как математик Ленка там быстрее сформируется в ученого. Очень талантливый молодой человек наш Леонид, к тому же в Ленинграде есть, кому полировать подобные бриллианты. А вас я буду рекомендовать в профком. Уж не подкачайте. Председателем является Шукис, серенький человечек из вечных студентов с юридического факультета, все в академотпусках числится большей частью, с ним осторожней на язык, особенно, когда коньячком угощать станет. Ходят разные слухи. Ясно?

– Ясно.

Так с мощной подачи самого Горганадзе, Погосян попал на работу в студенческий профсоюзный комитет университета, причем сразу на вторую строчку в рейтинге постов. Профком занимал одну большую комнату в главном корпусе напротив мужского туалета, что выдавало его низшую степень в иерархии властных структур.

Комната невидимым пунктиром делилась на две неравные части: одну большую, с четырьмя столами, высокими настенными шкафами, заставленными множеством папок, занимал профком сотрудников университета. Где, в красном углу, спиной прикрывая общий сейф, сидела его начальница уважаемая Белла Ивановна, на столе которой находился телефон. А в соседнем одном углу пребывал студенческий профком в составе одного стола, стула и шкафа.

В шкафу стояло множество рваных коробок с профсоюзными карточками студентов.

Их показал Погосяну первым делом председатель Шукис: «Главное твое дело на сегодняшний день эти карточки и своевременные взносы профвзносов. Здесь мы отмечаем, кто внес, а кто волынит. Работай конкретно с профорганами, их надо теревить сразу после выдачи стипендии».

Шукис – болезненного вида человек, с синеватой кожей до блеска натянутой на узкий, продолговатый, как дынька, череп. Ни ресниц, ни бровей, волосы на голове короткие и редкие, говорит тихим голосом больного лучевой болезнью: «Но сейчас для нас самое главное грамотно провести отчетно-перевыборное собрание».

Белла Ивановна виднелась из-за своего стола ровно наполовину: расплывшаяся в ширину тетенька с прямым пробором на голове, множество складок на обрюзгшем лице и шее, а также стеклянные глаза, делали ее вид в фас похожим на старого бульдога, лежащего на ковре у камина, но еще более на английского премьер-министра Черчилля.

– Белла Ивановна, обратите внимание, это мой зам по оргработе Юрий Погосян. Он будет теперь здесь каждый день появляться.

– М-да? – задумчиво пробурчала Белла Ивановна, не повернув головы, и даже для профформы не глянув в их сторону, вся без остатка уйдя в созерцание собственной мыслительной деятельности.

– Вы уж его запомните, пожалуйста, и не выгоняйте, как будет заходить. Это наш человек.

– М-ммм, - нечленораздельно мекнула председатель профкома научных работников.

– А ты, Погосян, гордись, с какими людьми работать будешь: улицу красного мадьяра Бела Куна знаешь? Так вот, названа в честь предка Беллы Ивановны. А я происхожу из красных латышских стрелков, такой у нас в профкоме Интернационал профсоюзный собрался. Кстати, у тебя родственников среди 26 бакинских комиссаров случаем нет?

– Нет. Я не из Баку, я из Петровска.

– А все же поспрашивай у родителей. Мало ли... Надо беречь семейные революционные традиции.

На прием к наследнице революционных традиций тихой сапой просочилась сотрудница лет пятидесяти, с остановившимися глазами.

– Белла Ивановна, – прошептала она, устроившись на стуле перед председательшей, словно встав на колени перед иконой деви Марии, – у меня в Новосибирске беда, сноха забеременела! Они мне не сообщали, хотели порадовать сразу внуком! Представляете?

Шукис сплюнул в корзину для бумаг.

– Ладно, я пошел. Вот тебе все тетради и журналы, изучай ведение, вопросы будут – завтра спросишь, мне пора по делам в райком. Пока.

Белла Ивановна встала, оказавшись низенькой, толстоватой, в длинной широкой юбке, чуть ли не волочащейся по полу, включила радиоприемник, висевший на стене, как раз между ее столом и столом, за которым расположился Погосян.

Выставя, таким образом, звуковую завесу, состоящую из районных сводок о плановом проценте надоя коров, вернулась к разговору. Если быть точным, то шептала одна посетительница. Утирала слезы и снова шептала.

Белла же Ивановна сидела, чуть подавшись вперед, сложив руки на столе и погрузив голову в туловище с видом ни капельки не сочувствующим. Ее вид в профиль напоминал сейчас дикую кошку из саванны, притаившуюся в зарослях и следящую за добычей, глупой травоядной ланью, подходящей все ближе и ближе, да еще весело покручивающей белым хвостиком, сообщая своим сородичам, что здесь вкусно и безопасно.

На «взрослый» математический семинар приходят специалисты жихаревской школы со всех институтов города Борисова, их человек двадцать. «Тот, кто хочет стать настоящим математиком, обязан посещать заседания жихаревского семинара», – объявил Грум.

Настоящими ныне мечтали стать далеко не все студенты. Половина ушла на школьную кафедру. Некоторые по собственной инициативе, другие по предложению деканата. Кусок хлеба школьного учителя хоть черен, но верен.

А Погосян с благоговением ощутил себя пребывающим у врат в настоящую современную науку.

Он чрезвычайно благодарен Грум-Канавину за открытие сезона современного научного знания, которого так долго пришлось дожидаться, и восхищенно смотрел во время лекций на его аристократическое лицо, резерфордский пробор на голове и вовремя усмехался непреходящему тонкому юмору, с которым тот вел занятия.

Даже педантичность Грум-Канавина, о которой на факультете ходили легенды, больше похожие на анекдоты, и та его восхищала. Грум обожал все документировать. По собственной инициативе он завел на кафедре каталог всех работ по их дисциплине и на карточках записывал результаты иностранных и отечественных работ из «Докладов Академии наук» и прочих математических журналов. «Математик должен знать, что уже открыто, а что ему предстоит». Этой общественной обязанностью по ведению каталога он щедро делился со студентами.

Погосян надеялся, что Грум-Канавин даст ему в качестве курсовой серьезную задачу, пусть не такую великую, как 18-ая гипотеза, но решаемую за полгода упорного труда по восемнадцать часов в сутки. Черт возьми, он будет стараться! Он сможет! И написать статью для математического журнала! Пусть маленькими шажками, каждый день, по сантиметру вперед, он придет к решению! Или вдруг его осенит ночью, как Менделеева? Так придумывал себе будущее мечтательный Погосян, однако оказалось, что по незнанию сильно ошибался.

– Что мы имеем? – спросил однажды руководитель, из-под белоснежных манжет сверкнули часы в золоченом корпусе, стрелки которых показывали, как быстро бежит время их только что начавшейся встречи. – Не хотите сами назвать тему курсовой?

Согласитесь, с моей стороны было бы гораздо вернее предоставить вам право заниматься тем, что вас более интересует, если вы имеете собственные наработки.

Юрик давно перестал сидеть над 18-ой гипотезой. С тех пор как осознал, как мало он еще знает и как неглубоко разбирается в простейших вещах. Поэтому ответил:

– К сожалению, не могу.

– Ясно. Следовательно, перед нами белый лист, понятно, понятно, белый лист отличного качества. Уже неплохо. А какой иностранный язык изучали?

– Английский.

– Вероятно, на отлично?

– Да.

– Вот и прекрасно. Тогда в качестве курсовой вам необходимо будет перевести эту книгу американского автора. Когда закончите перевод, известите меня, и мы его совместно обсудим. Не забудьте, пожалуйста, сегодня вечером состоится кафедральный семинар. О своих последних результатах доложит доцент Абрикосов.

– Обязательно приду.

Поняв по отсутствующему выражению лица руководителя, что аудиенция окончена, Юрик забрал с собой книгу и откланялся. Все правильно. Что он себе вообразил? Что руководитель будет с ним говорить о математике? А кто он такой? Что может?

Впрочем, если честно, то ему тоже некогда расслаиваться на кафедре. Давно пора бежать в профком: с половины третьего начиналось его дежурство. Он не успел поесть, да и не слишком хотелось. Настроение улучшилось в одно мгновение, когда не спеша прошелся по коридору главного корпуса, где на стенде ленинских стипендиатов висит теперь и его большой фотографический портрет: в нижнем ряду, на уровне глаз тех, кто останавливается рассматреть почетную галерею.

Ему казалось, что на фотографии он получился много лучше, чем в жизни, и не походит на себя. Там изображен задумчивый молодой человек, очевидно кавказского типа, очень уверенный в себе, с проницательными глазами и явно не без способностей.

В реальности же не было человека, более сомневающегося в своих способностях, чем Погосян, и до сего дня вопрос по-прежнему открыт, ах, если бы Грум дал ему настоящую задачу, а не перевод! А так главное остается неясным: сможет ли он стать настоящим математиком? Способен ли на великие дела? Есть ли у него талант?

Дежурство в профкоме состояло из приема профоргов групп, которые приносили взносы и клеяния новых коробок под карточки. Коробки делали огненно-красного цвета, на чем настоял Шукис, постоянно всем напоминавший, что его дед был красным латышским стрелком. Теперь, если откроешь резко профсоюзный шкаф, оттуда как пламень выскакивает, и хочется бежать за огнетушителем.

После профкома Юрик заспешил в общежитие – перекусить в буфете яичницей с колбасой перед семинаром. Торопливо шагал по асфальтовой дороге, запруженной людским потоком, через университетскую рощу к воротам. И только разлетелся, как его поймала широко расставленными руками Надежда Николаевна, одетая в мешковатое синее пальто и пуховую шаль. В свете фонарей аспирантка смахивала на сельскую учительницу средних лет, приехавшую в город на весенние каникулы со своими школьникам: посетить драматический театр и краеведческий музей.

“Все, не успею теперь поесть”, – было первой мыслью Погосяна, когда он остановился, и удивленно спросил себя: “Неужели она так мне нравилась, что я не мог спать три ночи подряд, а все валялся с открытыми глазами и мечтал?”

– Где пропал? Почему не заходишь? – принялась расспрашивать Надежда Николаевна, беря его за руку с застенчивой нежностью. – Я как иду в главном корпусе, обязательно останавливаюсь на тебя посмотреть.

Он удивился, отвел глаза за грязный сугроб, на замершие прутьики кустов сирени.

– Где? А... фотография. Да, повесили вот ни за что, ни про что.

– Ну что ты, это ж такая честь. Я просто восхищена, а когда первый раз увидела, у меня даже голова закружилась, чуть в обморок не упала. Знаешь, давай встретимся сегодня, посидим у меня, чаю попьем. Печенье домашнее как раз испекла. Придешь?

– Нет, сегодня не смогу, – глянул на часы, теперь нет смысла даже вставать в буфетную очередь. Надо возвращаться. – Сегодня у нас кафедральный семинар, я читаю доклад, потом все будут обсуждать, это надолго затянется. Извини.

Она не выпустила руки. Осматривала его с ног до головы.

– Ты даже вырос как-то, возмужал, такой интересный молодой человек, – с неумелой кокетливостью повела глазами вниз, – заходи в любое время. Я тебе всегда рада.

– Как-нибудь зайду, – вынул рукав из теплых объятий, и помахав, пошел обратно в корпус.

– Юра, – окликнула Надежда Николаевна громко, так что народ заоглядывался, – заходи, когда хочешь, я тебя всегда жду!

Он кивнул, быстро отвернулся. Странные люди эти женщины. И мужчины тоже весьма странные люди.

11.

По темному коридору возле кафедры бродили незнакомцы, настоящие математики, составлявшие основной костяк жихаревской школы. Не пройдет трех лет, и весьма возможно, что он станет одним из них.

По коридору бродило будущее, Юрик взирал на него с искренним любопытством из прошлого.

Конечно, если брать университетских преподавателей, здесь все более или менее, Грум-Канавин получает триста семьдесят рублей, Погосян знал это из профсоюзной карточки. У него квартира в центре, рукой подать до университета, всегда отличные костюмы, свежие рубашки и галстуки, и сейчас он, как секретарь семинара, деятельно со всеми здоровается, крепко жмет руки, от такого рукопожатия прядь деловито рассыпается по лбу, пышет оптимизмом и боевым настроением на научное дерзание. Наследственные серебряные запонки на манжетах белоснежной рубашки с камешками красного граната тоже замечательно смотрятся.

Возможно, не все посетители семинара хватают звезды с научного небосклона, но одно то, что эти уже не совсем молодые люди отказались от удовольствия провести вечер с семьей, не смотрят себе спокойно телевизор, сидя на теплом диване, даже не пошли в театр по культурной программе, не собрались за дружеским столом в приятной компании, а по грязи и скользкому льду улиц, по неосвещенным тротуарам, можно сказать, с риском для жизни добрались сюда, чтобы выслушать чей-то доклад, делало их претендентами на звание математиков почти в той же степени, как и самого Погосяна, у которого за день во рту не побывало еще ни крошки.

Первые, на кого он наткнулся, пробегая вверх по древней каменной лестнице, были сидевшие на широком подоконнике лестничной площадки два очень похожих друг на друга слепых человека. Они громко разговаривали о свойствах функции Бесселя, не выпуская из рук тонких тросточек, которыми трогали пол и окружающие стенки, фиксируя себя в пространстве.

Лет им тридцать-тридцать пять, плотно сбитые, явно низкорослые, в одинаковых серых бесформенных костюмах, рубашках с мятыми воротничками. Большие круглые головы лохматы. Слепые математики отнюдь не нонсенс даже в большой настоящей науке, стоит вспомнить академика Понтрягина, огромную величину на математическом

небосклоне и любые насмешки тихо увянут. Заслышав скачущего вверх Юрика, они как по команде обернулись к нему с простецкими улыбками на веселых возбужденных лицах.

– Вы не на жихаревский семинар?

– Туда, – приостановился Погосян.

– Какое счастье! А прихватите нас с собой.

– В качестве бесплатного самодвижного груза прихватите?

Грум-Канавин подсказал расположить их за ближним к доске столом.

В факультетском коридоре, несмотря на позднее время, разгуливали посторонние граждане: мужчины среднего возраста в не слишком парадных костюмах, иные даже совсем поношенных.

Один вообще в резиновых сапогах, похож на рабочего сельской строительной бригады. Давно не стрижен, завитки соломенных волос рассыпались по плечам, от зимней шапки на волосах глубокий след. Он бродил в одиночестве у доски расписаний, найдя там неизвестно что для себя интересное и пристально разглядывая какие-то строчки, при этом шевелил губами. К нему подошел известный Погосяну научный сотрудник прикладного института, читавший спецкурсы на старших курсах и хлопнул сзади по плечу.

– Каковы успехи нашей сельской интеллигенции в решении восемнадцатой гипотезы? Сдвиги наметились? Что-то давно тебя не слышно и не видно, я уж было решил, что где-нибудь в Сорбонне излагаешь решение, учишь французов уму-разуму.

Услышав про восемнадцатую гипотезу, Погосян вздрогнул, будто спросили его лично, насторожился, и как бы невзначай встал ближе, чтобы лучше рассмотреть коллегу в тусклом вечернем свете. Опрошенный вид специалиста по восемнадцатой гипотезе, грязные брюки, запросто воткнутые за голяшки сапожек, насторожили студента.

– Да как тебе сказать... решаем помаленьку. Нам ведь торопиться некуда, план сдачи статей отсутствует, не то, что у вас в институте.

– Ой, и не говори, запрягли, черти, прямо выдавливают результаты, хошь не хошь, а пиши. Даже когда сказать, собственно, и нечего, приходится мудрствовать лукаво. За тот год в десяти статьях поучаствовал соавторством, две лично сочинил. А ты, я вижу, как-то успокоился. Да неужто женился?

Сельский учитель математики молча кивнул. Выражение его лица при этом не выразило ни особенного счастья, ни горя.

– Ну вот, – почему-то озлился научный сотрудник, – а говорил, пока не решу 18-ю, в хомут этот ни ногой не полезу, буду сеять доброе вечное и думу думать научную на чистом деревенском воздухе. И вот те на... и на ком же?

– Учительница биологии из нашей школы.

– Даже так? Поздравляю, родина прибыла еще одной ячейкой сельской интеллигенции, это дорогого стоит. Жизнь, старик, все равно свое возьмет. И что дальше? Насчет детей думаете?

– Да уже полгода сыну.

– Эвона как, ну ты, брат, смотрю я, резво за дело взялся, молодец. Корову-то завел для молока? Или соседской обходитесь?

Учитель вновь кивнул смятой шевелюрой.

– Купили по осени.

– А я тебе что говорил, помнишь? Корову заведешь, ей сено потребуется, покос в сельсовете выпросишь, огород вскопаешь, на полях картошку посадишь, огурцы с помидорами выращивать начнешь, в сельмаге же ничего кроме хлеба и водки нет. А яички надо детям? Курей придется завести. Мясо надо? Кабанчика растить будешь и пойдет дело! Я же сам из села, знаю эту канитель, везде один и тот же конвейер. И теперь ты мне даже можешь не говорить, что 18-ю решаешь.

– Решаю!

– Да брось заливать! А вдруг решит кто раньше тебя где-нибудь в Австралии или Бразилии, а ты и знать не знаешь? И будешь еще лет десять корпеть, а потом, не дай бог, еще и угораздит на старости лет решить решенное – каково будет узнать, что дурака всю жизнь провалял, а? Я тебе тогда говорил и сейчас то же самое повторяю: все это – чистой воды самодеятельность. Лучше гармошку купи, да в клубе по субботам наяривай, хоть какая-то польза будет для души.

«Экий наглец сотрудник этот, оказывается, – подумал Погосян, испепелив того взором, а на сельского учителя посмотрел с жалостью, понимая, – да, не будет у него времени».

– А вдруг я первый решу? Что тогда?

– Да ты игрок! Авантюрист!

– Это точно, – серьезно подтвердил учитель, – причем игрок азартный, поэтому даже в карты за стол не сажусь. Я сразу на кон жизнь ставлю.

– Вот скажи мне лучше, кто у вас корову доит, ты или она?

– Я.

– Она учительница биологии, а ты доишь? Да ладно, ладно, а по гипотезе-то есть сдвиги?

Лохматый мужичок в мокрых резиновых сапожках (помыл в луже перед главным корпусом) так посмотрел на приятеля, что тот резко выдохнул, и взял его под руку.

– Пойдем, брат, места занимать.

Незнакомые Погосяну питомцы жихаревского гнезда, работавшие в других непрофильных институтах, имели вид слегка затрапезный, иные вовсе без галстуков, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки, и явно претендовали на известную вольность, возможно и вольнодумство, вроде употребления брюк без стрелок, но туфли вузовские преподаватели все как один предпочитали качественные, импортные, пусть и на стоптанных подметках.

– Погосян! Стулья! – скомандовал Грум-Канавин, сам вытаскивая пару стульев из деканата. – После заседания не уходи, надо будет обратно все убрать.

Как секретарь семинара он же выступил со вступительным словом, коротким и деловитым:

– Товарищи, сегодня на нашем семинаре докладчиком выступит доцент Абрикосов, Илья Исакович. Прошу вас, Илья Исакович.

Абрикосов неторопливо встал и пробрался к доске. Был он черняв, широк всей фигурой, просторным костюмом, повидавшим многое, при том весел как человек, которому легко даются труды праведные.

– Нынче доложу вам один свой результатик, который недавно вышел в польском математическом журнале, – несерьезно начал доклад Абрикосов, доставая из портфеля глянцево-красные листочки и потрясая ими. – Послал наобум в несколько журналов стран народной демократии, и вот, пожалуйста, напечатали. У нас, сами знаете какие очереди на публикацию, на два года все вперед расписано, а идеи, между прочим, в голову приходят без всякого плана. Так что рекомендую издание, у кого что есть в столе, можете тоже посылать, адрес дам.

– Да, было бы что печатать, – сказал сельский учитель, усмехаясь в неровно подстриженные усы.

Как видно, он не страдал застенчивостью и говорил прямо, что думает.

– Вопросик можно? – поднял руку один слепой.

– Пожалуйста, – Абрикосов обертывал кусочек мела бумагой, чтобы не испачкать пальцев.

– А как с оплатой дела обстоят в странах народной демократии?

Все присутствующие очень вежливо загнули губы, но все равно поднялся шум, и Грум нахмурил брови.

– Это и есть самое удивительное. Я собственно и не ожидал ничего, напечатали и, слава богу, но пришел перевод на три доллара. Удивительно, да? Напечатали, да еще оплатили валютой.

– Какой сейчас курс? – снова на полном серьезе полюбопытствовал слепой, вызывая нервный смех аудитории.

– Восемьдесят семь копеек.

– При чем здесь курс, с долларами надо ехать в Москву, там идти в магазин “Березка” и покупать импорт.

– Не с тремя же долларами.

Старший научный сотрудник отвлекся взглядом к плафону, считая, сколько валюты потерял на своих статьях, напечатанных в закрытых институтских сборниках за один только прошлый год. Обалдеть можно, старики!

Однако же Абрикосов перешел собственно к докладу: смешно выписывая буквы, каждую двумя штришками.

Погосян быстро утерял нить смысла, что еще раз показало, насколько низок уровень его познаний в данной сфере. Ладно, хоть Грамм тоже хлопала красиво накрашенными глазами, явно ничегошеньки не понимая. Не так обидно. Про Чалину и говорить нечего, кстати, именно у нее Абрикосов стал научным руководителем. Благодаря эмоциям более зрелой математической аудитории Юрик понял, что результат сильный и доказательство интересное, народ забыл даже про доллары.

Грум сильно тер пальцем переносье, напряженно следя за доказательством, искал ошибку, однако никак не находил. Первым делом он советовал всем искать ошибки. На этом действе доцент фокусировал все свои умственные способности. И вдруг Погосян позавидовал Чалиной, которая распределилась к такому умнице. Жаль, что Абрикосов ничего не читал у них на курсе, и Юрик его не знал прежде.

После семинара все собрались у доски, устроив небольшую толкучку, принялись забрасывать Абрикосова вопросами, которые касались в основном зарубежных журналов и долларов. Погосян таскал стулья на место. А Грум-Канавин сидел за столом, скрупулезно заполняя очередную карточку в своем каталоге данных. Перед ним лежал красный листочек из польского журнала.

Буфет в общежитии давно и надежно закрыт: десять часов, ночь на дворе.

– Шихман, полцарства за бутерброд с салом!

– Сало – пожалуйста, сколько угодно, а хлеба нет, утром последний доели. Купить, разумеется, никто не догадался, – Толик укоризненно посмотрел на маленького Соловейчика, прилежно пишущего в тетрадке, а также на Христенко, что лежал во весь немалый рост на кровати, просунув ноги сквозь прутья спинки, и сложив руки на груди, мечтательно глядя в потолок.

– Так кто пойдет в гастроном на площади? Он еще работает.

– Мужики, я буду магнитофон покупать, – выдохнул Христенко, – все, решено!

– Значит за хлебом не пойдет, – произвел логический вывод Шихман, – Соловейчика и просить нечего, – насмешливо кинул взгляд на ярко горящие уши, торчащие над тетрадным листом, – для него после восьми вечера наступает комендантский час.

– На площади Революции по вечерам, в темноте собираются онанисты, – выдохнул Соловейчик, выставив испуганный глаз из-за тетрадного листа.

– Что они там делают на морозе меж сугробов и мраморных могил революционеров?

– Да уж известно что... прохожих девушек пугают.

Шихман хмыкнул.

– Значит, нам бояться нечего. Мы не девушки.

– Да, не похожи, – успокоил Христенко, – сходите, ребята, в магазин, я тоже проголодался, по сколько скинемся? Купите хлеба, пряников к чаю и консервов каких-нибудь.

– Ладно, уговорили. Погосян, я иду с тобой, а то накупишь с голодухи всякой дряни.

В гастрономе на длинных полках царствовала пустота. Они купили полкило овсяного печенья, две баночки морской капусты и булку хлеба. Булка сильно помята и с одной стороны кусок оторван, словно кто-то пытался забивать ею гвоздь.

– Последняя, – мрачно сказала продавщица, глядя поверх их голов, – хотите – берите, не хотите – как хотите...

– Вообще-то на ночь много кушать вредно, – начал было сомневаться Шихман.

– Да разве ж это много? Берем, берем, – прервал его оголодавший Погосян и побежал платить деньги в кассу, а потом самолично понес сумку без всякого спора.

– Пойдем через парк Героев, так ближе.

Шихман поморщился.

– Дорожки не чищены. И вообще, чего в потемках шариться?

– Боишься, комиссары выпрыгнут из могилки да хлеб отнимут? Или Соловейчик тебя напугал?

– Вот еще, – Шихман круто свернул в парк, – просто с детства не люблю мест, где ни черта не видно.

– Вот, от голодания развивается куриная слепота. Надо кушать морскую капусту, в ней много витаминов. Давай обойдем эту сугробную клумбу слева, там тропинка короче, куда тянешь вправо?

Погосян настоял на своем, обход белоснежной клумбы свершился слева, однако не принял во внимание молчаливую толпу, поджидавшую их на дороге к сытой жизни, почти слившуюся в темноте с кустарником и деревьями.

– Закурить есть? – спросили их тут же, и Погосян понял, почему Шихман не хотел идти налево и пытался тащить его по другому пути, несмотря на всю свою куриную слепоту.

– Нету, – ответили хором студенты, – не курим, ребята.

– Здоровье берегут, – изумился кто-то.

– Не уберегут, – мрачно пообещал другой голос.

Следующая секунда принесла из темноты Юрику ослепительный свет прямо в нос, он был легко снесен с ног чьим-то мчащимся, словно комета, телом. Не расставаясь с сеткой, Погосян перелетел через сугроб, кувыркнулся, зарывшись лицом глубоко в холодный снег, отчего мгновенно пришел в полную ясность сознания, поняв, что надо срочно делать ноги.

– А фиг ли! – донесся до него возмущенный вопль Толика, отбивавшегося от многочисленных ударов со всех сторон.

Сбить с ног Шихмана для учащихся ПТУ было, конечно, делом нелегким, но это тоже только вопрос времени.

Оставшись без спарринг-партнера, Погосян выбрался из сугроба, и, зло размахивая сеткой с морской капустой, как пращой, кинулся к толпе малолеток, скопившейся возле непоколебимого броненосца Анатолия, что присев, самозабвенно отбивался от налетавших со всех сторон врагов увесистыми кулаками, махая ими как ветряная мельница, не забывая задорно покрикивать: “А фиг ли?”

Пэтэушники лупили его руками, ногами, как в тренировочный мешок с песком, однако временами получали увесистой сдачи, падали и начинали ползать вокруг места сражения, истерически вопя: “Мочи гада!” Было удивительно, что эта начинающая, мелкопакостная, по возрасту неподсудная шелуха ночного Борисова, так легко снесла его, Погосяна, закинув на несколько метров башкой в сугроб. И хорошо, что в данном сугробе не оказалось мраморной могилы борцу за народное дело. На бегу он увидел, что

среди пэтэушников все же имеется человек постарше, который, сгорбившись и присев, подкрадывался к Толику сзади, намереваясь отоварить по темечку.

Время не терпело, от пращи пришлось отказаться, Юрик с лета врубился ботинком в бок основного врага и заорал, что есть мочи в образовавшуюся брешь во вражеском стане:

– Полундра!

Пэтэушники разом присели и оглянулись. Их руководство корчилось на льду крендельком, хватая воздух ртом.

– Толик, ноги!

Толик спорить не стал. Они помчались по сугробам, как лоси, высоко вскидывая конечности по направлению к освещенной остановке. Учащиеся ПТУ мчались по дорожке наперерез стай мелкопородных волчков.

Студентам повезло выпрыгнуть на дорогу первыми, и тут же на страшной скорости в них врезался первый, самый быстроногий и легкий из нападавших, значительно опередив других. По счастливой случайности нарвался лицом прямо на кулак Шихмана, обмяк, сел на мокрый лед, широко раскинув ноги.

– Ты чо, пацан, обалдел, что ли? – спросил его, тяжело дыша, Толик.

– Не соображает уже ничего, – ответил за молодого человека Юрик, с размаху добавив морской капустой по мордам.

Тихой рысцой, не оглядываясь, они побежали к общежитию.

За ними неслись с гиканьем, криками, страшными угрозами убить, но почему-то никак не могли догнать.

– А фиг ли ботик потопили? – все переживал Шихман, – слышь, у тебя лицо в крови.

В свете общежитских окон разобрались, что у Погосяна примитивно разбит нос, но, к счастью, не сломан. Шихман тоже имеет пару синяков. Пришлось делать снежные примочки.

Пряники отлично сохранились внутри полиэтиленового пакетика, банки с морской капустой тоже в полной целостности и сохранности, а вот хлебу не повезло, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что булка во вражеских соплях.

– И ведь не сидится придуркам дома, – ругнулся Погосян, обрезая корку, чем значительно уменьшил объем главного продукта питания. – Пристают к людям, чего-то лезут еще, шмакодавки. Вот зараза, какой сморчок попался!

В связи с сильным уменьшением размеров ужина, Шихман разделил весь обрезанный хлеб на тоненькие кусочки, намазал салом, разложил поверху морскую капусту, после чего провел дележку.

Соловейчик вышел из комнаты, чтобы не смущать компанию.

Христенко ел с большим аппетитом и рассказывал:

– В Африке воины поедают своих врагов иногда прямо свежееубитыми. Вырезают кусочки печени, почки, очень любят сердце и половой орган. Считается при этом, что они забирают их силу.

– Силы там было – кот заплакал, одни сопля, – вспомнил Шихман, – а скорость точно, приличная. Мне лично скорости часто не хватает.

И откусил полбутерброда сразу.

Среди ночи раздался требовательный стук.

– Откройте, милиция!

У Погосяна екнуло сердце: неприятности продолжались. Неужто что случилось с тем сморчком?

Он встал, включил свет. Шихман уже сидел на кровати, упакованный с ног до головы в простыню, и на его обеспокоенном усатом лице читался тот же вопрос. Делать

нечего, Юрик открыл дверь, и в комнату прошли сразу двое: милицейский капитан в полушубке и еще парень в штатском пальто и шапке.

– Кто сегодня подрался на площади Героев Революции? – задал первый вопрос капитан, по-хозяйски рассаживаясь за столом, и с умопомрачительным щелканьем расстегнув тугую папку.

Штатский тоже сел.

– Так они первые начали, – принялся объяснять Погосян, ища тапки под кроватью, – мы возвращались из магазина, и в это время...

– А, нос, вижу. Фамилия, имя, отчество?

– Погосян Юрик Артурович.

– Так, еще кто был?

Шихман потрогал скулу, обнажая синяк из-под простыни.

– Шихман Анатолий Моисеевич.

– Двое? Ну, рассказывайте суть да дело, на что жалуетесь?

– Ни на что мы не жалуемся.

– Кто звонил в милицию?

– Откуда нам знать? – переглянулись Юрик с Толиком, – мы не звонили.

– Я звонил, – куколка Соловейчика тоже восстала, – они пришли избитые, и я позвонил, чтобы вы нашли и наказали виновных.

– Ну, раз не жалуетесь, просто рассказывайте, – сказал милиционер, удивленно разглядывая толстую куколку Шихмана и миниатюрную Соловейчика. Наметанным глазомером он сравнил их размеры, почесав авторучкой мочку уха.

Толик с Юриком рассказали.

– И часто вы в парк Героев ходите? – вдруг поинтересовался парень в штатском.

– Вы онанисты? – уточнил капитан, не отрывая глаз от протокола, куда он заносил чистосердечные показания.

– Нет, мы в гастроном только. Когда буфет закрыт. А там до одиннадцати работает.

– Приметы нападавших не запомнили?

– Темно было, и в морду сразу.

– Прикурить спрашивали?

– Спрашивали.

– Так не онанисты? – капитан поднял голову, еще раз внимательно осмотрев замотанного в белое Толика. – А то в последнее время там какие-то онанисты повадились народ по ночам пугать, девушек тоже.

– А что там нормальным девушкам по ночам, извините, делать? – недовольным девчоночьим голоском поинтересовался Вова.

– Это к делу не относится. Возможно, тоже в гастроном ходят. Не вам же одним приспичивает кушать на ночь глядя.

– Ладно, материальных претензий не имеете, дела открывать не будем?

– Нет.

– Тогда распишитесь здесь, и желаю спокойной ночи. Через пару недель наведаюсь к вам.

– Зачем?

– Как зачем? А вдруг у вас от ударов по голове гематома мозга организовалась, и вы уже в больнице. С гематомой сегодня ходишь здоров и весел, а завтра хлоп – и покойник. Вот тогда уголовное дело и заведем по всем правилам.

Как только ночные гости покинули комнату, Шихман зашипел на Соловейчика:

– Ты чего в органы звонишь, доносчик хренов? Еще раз такое случится, замочу прямо в сортире, не посмотрю на старшего братца.

Однако маленький Соловейчик отвечал бесстрашно:

– Попробуй только тронь, замаешься по этапу пыль глотать, сдам с потрохами.

Раздался хохот. На кровати сотрясался Христенко.

– Ой! Не смешите меня, хлопцы!

Но две куклки – большая и маленькая – сидели на соседних койках в белых одеждах, и строго по очереди поносили одна другую, пока Погосян не догадался выключить свет, после чего на комнату снизошли ночной мир и тишина.

12.

Выполняя ответственное задание своего профбосса, в четверг Погосян отправился на встречу с председателем районной организации профсоюзов работников высшего образования с отчетом по взносам.

В прошлый раз Шукис проинструктировал его, что председателя зовут Маргарита Бекбулатовна Гомак: “Не Гамак, а Гомак, ударение на первом слоге, заруби это себе на носу и не перепутай при случае, а то обидится на всю оставшуюся жизнь. А значит, тебе жить не даст”.

После такой аттестации Юрик обеспокоился и два часа гладил брюки на столе, делая стрелки безукоризненными, начистил ботинки, попросил у Шихмана совершенно отпадный киевский галстук. Тот дал лишь после торжественного обещания не закапать вином, если будут угощать.

– Не будут, – успокоил Погосян, делая перед зеркалом ответственное лицо личного порученца и зампреда по всем возможным оргвопросам и даже оргвыводам.

Взошедши по широчайшей лестнице на второй этаж к роскошной царской двери, резко открыл и вошел. Секретаря у Гомак не оказалось, зато имелся роскошный двухтумбовый стол с телефонами, к нему ковровая дорожка и даже раскидистая пальма в деревянном ящике у окна, не говоря уж о портрете Брежнева, как атрибуте власти.

Гомак сидела перед ним в образе красивой молодой женщины, лет эдак тридцати, очень следящей за собой, если судить по наполовину открытой, очень выпуклой груди, еще более гладкой, чем ее ухоженное лицо.

– Ну, племя молодое незнакомое, – задорным комсомольским фальцетом произнесла она, улыбаясь резко очерченными губами и приглашая Юрика занять место, – чем вы нас сегодня порадуете?

Погосян подвинул папочку с отчетом и на память огласил цифры, стараясь не задевать взором оголенное тело. Серьезный неулыбчивый вид, когда ему улыбается районное начальство, и то, что глаза убегают куда-то в сторону, все это вместе не понравилось профбоссу.

– Что у вас здесь?

– Количество должников и сумма. Все оплатили, поэтому нули.

– За прошлые годы не осталось должников? – страшно удивилась Гомак. Похоже, это потрясло ее до глубины души.

Ага, Маргарита Бекбулатовна заметило их достижения! Не зря Погосян прошелся по факультетам и стряс с секретарей в деканатах справки на тех студентов, которые давно отчислены, тем самым списал большую часть суммы долга. Осталось всего-то шестнадцать рублей, их внес из ленинской стипендии, благодаря чему отчет получился практически блестящим.

– Нет.

– Вы что, за дурочку меня считаете? Такого быть не может, понимаете?

– Почему не может?

– Потому что всегда были должники и недоимки, чем меньше, тем лучше. А теперь сразу видно, что подсовываете липу. Почему никогда не бывает на выборах 100 процентов голосовавших, а только 99? А потому что люди могут заболеть или даже умереть в день выборов. Всегда останется должник, а если его нет, то это фальшивый отчет. Почему Шукис не явился?

– Он очень занят и не смог.

– Что значит занят? Он освобожденный профсоюзный работник и обязан являться к своему непосредственному начальнику по первому вызову! Вот я ему сейчас всыплю!

Зло глядя перед собой, набрала номер телефона. Юрика поразило мгновенное изменение настроения начальства. И буквально из-за ничего. Он чувствовал, что отчет тут не при чем, какая же настоящая причина? Может, у нее приступ мигрени?

– Ты кого прислал? – закричала в трубку Маргарита Бекбулатовна, попав сразу неведомым образом на Шукиса. – Какого-то мальчишку, он двух слов связать не может, что это ты себе позволяешь в отношении меня? Твоих мальчигов мне не надо! Будь ласков, приди сегодня же сам, коли вызван!

Трубка что-то шуршала в ответ.

Погосян сгорал со стыда. Какой он ей мальчик?

– Да он молокосос, у него молоко на губах не обсохло! Вот и приди! И сделай мне все, как полагается. Да! Я не потерплю к себе хамского отношения! А ты иди, иди, и бумажку свою заberi, пусть Шукис собственноручно отчет доставит, – пренебрежительно махала пальчиками, выпроваживая из кабинета, словно надоедливую муху.

Он сошел по лестнице вниз не столько расстроенный, сколько в недоумении. Отчет правильный, никакая не фальшивка, просто Маргарита Бекбулатовна дурит, а чего дурит? Да кто ее знает? Погосян вздохнул и побежал в общежитие, где жил Шукис. Тот сидел с ребенком, значит, он, Погосян, как не справившийся с заданием, обязан подменить.

– Молодец, что догадался сюда прийти. Посидишь?

– Посижу. Только не пойму, чего взъярилась. Просто на ровном месте, вот отчет посмотри, должников у нас теперь нет, я же тебе показывал, все по нулям, а она бочку катит.

– Женщина, – вздохнул Шукис, – к ней подход нужен. Да ничего, со временем освоишь эту науку. Ладно, вижу пока рано тебе меня в высших сферах представлять, будешь семейную помощь иногда оказывать. Не против?

– Конечно, нет.

– Отлично. Дочь у меня тихая, спит сейчас, если проснется и заплачет, кроватку покачаешь и все. Пока.

И Погосян начал замещать Шукиса дома. Это была обязанность всех членов профкома, имелся даже график, который назывался барщиной. У Юрика барщина составляла два раза в неделю, по два часа.

Ребенок действительно оказался на редкость спокойным. Погосян сидел рядом и переводил с английского книгу, выданную Грумом.

Если первой приходила жена Шукиса, Юрик тут же прощался и уходил. Если Шукис, то он обязательно угощал Юрика отличным коньяком. Юрик не отказывался. Шукис любил поговорить за рюмочкой коньяка. В основном о политическом положении и рассказать анекдот про Брежнева, его нижнюю челюсть или хирургическим образом расширенную для орденов грудь.

Анекдоты известные, но Шукис так мастерски изображал, что Юрик хохотал до слез. Валдас (дома он просил называть его только так) делал сэндвичи с бужениной под коньяк. Коньяк был самый-самый, армянский, пять звездочек.

Дома в семействе Шукисов еду не готовили, и не по причине отсутствия кухни, а из соображений рациональности. Валдас с женой питались бесплатно на профкомовские талоны в столовой профилактория, домой оттуда же еще приносили бутерброды, пирожки, молоко, а с конференций – коньяк и конфеты. Ребенок питался из молочной кухни. Короче, самая настоящая Европа. Шукис этим очень гордился, а прочую жизнь не привечал.

– Смеемся, смеемся, а над чем смеемся? Над собой смеемся из года в год, из жизни в жизнь, под управлением зажавшихся членов Политбюро, – говорил он, поднося к носу коньяк и вдыхая аромат то левой, то правой ноздрей.

– Кругом показная святость коммунистических идей, черт бы побрал этого Маркса на том свете, и продажность сверху донизу всей номенклатуры, кормящихся или от райкомовского спецраспределителя или на взятках с дефицита. Просто поразительно, до чего дошла страна. Азиатская семейственность, которую ничем уже не скрыть, начинается от самого Брежнева и проходит сквозь все сферы. Тут вам и дипломатические московские кланы, и артистические, и академические и генеральские, а для народа через газеты тоже пропагандируют семейственность – фамильные рабочие династии, колхозные династии. Вот увидишь, касты скоро введут кшатриев – воинов, брахманов – партийной номенклатуры, и так далее вплоть до неприкасаемых.

– Уже существуют.

– Само собой, – обрадовался Шукис, – сразу после революции в срочном порядке весь народ поделили на пролетариат, крестьянство, интеллигенцию, а класс буржуев – прежних управленцев срочно уничтожили. А как бы отдельно, выше всех и вся возвели класс партийных коммунистов – новое духовенство. За шестьдесят лет только более детально дифференциацию провели. А чем заплачено за такую жизнь, какую мы имеем сегодня? Миллионами замученных в сталинских подвалах и лагерях, миллионами погибших в гражданских расправах! И сейчас не лучше. Деревню в конце измордовали, споили, затопили, разогнали, и удивляются ежедневно в своих передовицах редакторских: отчего жрать нечего в городе? Происки американцев: с климатом экспериментируют!

Взять вот меня. Давай, немного плесну. Меня вот возьми за шкурку и рассмотри, что за существо такое Валдас Шукис? Неглупый вроде человек, биографию с низов начал, на стройке работал, в армии отслужил, университет с красным дипломом оканчиваю, а что имею в тридцать лет, и что меня дальше ждет? Да ничего. Живу с ребенком и женой в общежитии. Хорошая комната, потолок высокий, ничего не скажешь, но это за то, что я профлидером заделался при активном содействии Бекбулатовны.

Про науку даже заикаться нечего. При сегодняшнем положении дел до пенсии придется в общежитии существовать. Здесь же через три-четыре года будем иметь отдельную, со всеми удобствами.

Так что делаем карьеру по профсоюзной линии, заводим знакомства наверху, подсиживаем старую красную мадьярку, которая вцепилась в свой хромоногий стул и сейф кошкой, и коньячок попиваем между делом.

Жизнь идет, как во всем нашем плановом хозяйстве, сейчас временно очень хреново, вследствие плохих климатических условий и низкого урожая зерновых, зато потом, в скором светлом будущем, должно быть очень здорово, коммунизм. Время приходит и тоже оказывается почему-то все дерьмово. А деваться некуда, надо жить. Но почему надо именно так, спрашиваю я тебя? Ничего не имея своего? Почему все у людей отобрано государством? Кем это все заведено? Тем смердящим трупом на Красной площади? Да плевать я хотел на него, если мне мою жизнь его учение своим зловонием реально отравляет. Уехать? А куда? За границу не пустят. В Москве получше с продуктами, но не пропишут, мы же как крепостные, прикреплены каждый к своей территории, к своему углу.

Ежели на Магадане родился, так там и умрешь, беззаветно строя коммунистическое завтра. Квартиру продать нельзя. Государственная. Купить нельзя. Государственная. Все специально устроено, чтобы человек, как гвоздем прибит был к одному месту на всю свою сволочную жизнь. И прибитым себя чувствовал всегда! Вот ты, что, собираешься после университета в науку подаваться?

– Если возьмут еще.

– Значит, долгонько придется в общежитском буфете кишки травить. А если, не дай бог, не защитишься, до пенсии суждено. Вот на Западе я ни за что бы из

юриспруденции не ушел. Адвокатом стал наилучшим из всех возможных, как Федор Плевако, как Спасович, как Урусов Александр Иванович, ах, как бы жил! Как барон!

Зарабатывал кучу денег, купил бы квартиру в Нью-Йорке, охотничий домик на озере Мичиган, процессы громкие вел по защите прав чернокожего населения и индейцев, статьи писал, может, политикой занялся и в конгресс попал! Силы чувствую в себе невероятные для такой деятельности, эх, да что говорить, гнием мы верноподданнически одной идее за право примитивного бытового существования. Но надо бороться, надо! Надо, Юрик?

– Конечно надо. За лучшую жизнь, – Юрик сделал смелый глоток терпкой жидкости.

Умнейший человек Валдас Шукис, жутко повезло ему с начальством! Что касается этой продувной бестии Бекбулатовны, к ней он больше ни ногой, нули ей не понравились, а чем нуль хуже любого положительного числа с точки зрения бухгалтерии, коли он соответствует реальному положению вещей?

Чокнулись, после чего выпили до дна, будто заранее сговорились.

– Я вижу, ты наш человек, – Шукис протянул ладонь, и они скрепили союз рукопожатием, – и воспринимаешь обстановку, как она есть на самом деле, без розовых очков. Поэтому предлагаю тебе вступить в нашу организацию сопротивления этому долбаному режиму.

Произнося последние слова, он опустил глаза и торжественно приглушил голос.

– Извини, нет, – ответил Погосян тотчас, по интуитивному наитию, не раздумывая.

Шукис изменился в лице, недвижность черт исчезла, он оживился:

– Ладно, понял. Давай еще по одной просто за дружбу, пока жены нет.

Юрик не отказался. Надо же как-то выходить из штопора, случившегося только что в отношениях с начальством, и коньяк и тост – неплохой вариант разрядки обстановки. Как будто ничего не произошло, Шукис ничего не говорил, а он не слышал. Короче, за дружбу во всемирном масштабе.

Придя в общежитие, Погосян рухнул на кровать, закрыл глаза и попытался проанализировать, что это было: крючок от КГБ или действительное предложение «борца», размягченного коньяком и доверившегося практически первому встречному. Следовало признать, что Шукис не походит на полного идиота. Поэтому с достоверностью в 95 процентов можно полагать, что он, Юрик Погосян, только что поболтался на крючке и благополучно с него сорвался. Неужели партайгеноссе Горганадзе оказался прав? Шуточки, однако.

Сами создают подпольную антисоветскую организацию, сами ее отслеживают и нейтрализуют. Полное самообслуживание, как в новом универсаме у Лагерного сада.

Может быть, поэтому от прежнего состава профкома Шукиса практически никого не осталось? Одни слишком умные, их ушли, глупых увели, теперь идет просмотр новых ребят, перспективных для подпольной работы. Да неужто современный университетский человек может до такого свинства докатиться?

Проснулся от слов Шихмана, вернувшегося с занятий:

– Днем спит, вечером спит. У тебя что, весенний авитаминоз начался?

– У меня свободное расписание, между прочим.

– По какому поводу?

– По поводу ленинской стипендии.

– О, это еще один лишний повод иметь ленинскую стипендию. Слушай, я сегодня такую книжку в библиотеке нарыл, высший класс! Смотри!

Погосян повернул голову и прочитал название: “Самбо – самозащита без оружия”.

– Вчерашний день. Все давно карате изучают в подпольных секциях, самбо вышло из моды.

– Давай изучим эти приемчики по-быстрому в спарринге, и будем вечерами в парке Героев гулять – для тренировки.

Погосян вспомнил жесткие немигающие глаза парня в штатском, приходившим вместе с капитаном милиции, потянулся и отверг предложение:

– Арестуют, как онанистов. Года три впаяют, не меньше.

– Не, мы же в штанах будем, с чего нас-то? Представь: шпана подваливает: “Дай закурить”, а мы им: “Не доросли еще, желторотые, дымить, а ну, отваливай по-быстрому, а то умрете прямо сейчас на клумбе от клинического пневмоторакса!” Они кидаются, а мы их валим. Они опять, а мы легко. Они психанули, за ножи схватились, а мы жесткий контакт, с переломом конечностей, сугубо в воспитательных целях и красиво уходим. Пусть в грязи поваливаются, может, остынут немного. Понял? – темные глаза Шихмана счастливо блестели.

– Кайф.

– Полный кайф!

– Ну, давай, почитаем.

Читать было собственно нечего, кроме вступительной статьи. Далее следовал разбор приемов с подробными схемами. Всякие там разминки и страховочные падения пропустили, оставили на потом, когда станут мастерами спорта. А нашли в середине книжки подходящий по красоте приемчик – бросок через себя с падением на спину. В темноте парка Героев революции такой финт будет смотреться особенно классно. Его и принялись разучивать.

– Слышь, можно будет встать у могилы мраморной, задом к ней, и бросить через себя, так чтобы он улетел прямо мордой в памятник. Размажется по мрамору.

– Да, недурно будет выглядеть.

После короткого спора Толик, как автор идеи, согласился немного полетать, поэтому встал лицом к своей кровати, куда Погосян должен был его бросить, подложив в качестве соломки две подушки, свою и юрикову.

– Ну давай, начинай.

Юрик, внимательно рассмотрев график бросания, отложил книгу, подошел к Шихману, встал перед ним и взялся за обе руки.

– Правильно, – сказал Шихман, – теперь отклоняешься назад, одну ногу мне в живот упри и падай на пол, а ногой меня перекидывай. Я буду сопротивляться.

Получилось феноменально, с первого раза.

По широкой дуге, начерченной ногой Погосяна, Толик взлетел даже несколько выше, чем предполагалось. В воздухе, несмотря на свою толщину и неспортивность, перекувыркнулся и грохнулся позвоночником прямо на две металлические спинки сдвинутых кроватей, после чего совершенно беззвучно свалился на свою постель, недвижно замерев на подстеленных подушках.

Погосян падал задом, медленно, так было задумано в приеме, потому что противник сопротивляется, пытаешься устоять на ногах, однако все же ударился затылком, причем об острый уголок кроватной перекладки и от этого голова словно бы лопнула сначала, а потом медленно и как-то ненадежно соединилась.

Не глядя на Шихмана, хотя и понимая, что тому тоже не сладко, он поднялся, боясь пощупать затылок, дошел до своей кровати, и молча слег трупом, не имея даже подушки под разбитую голову.

Так одним приемом самбо в одну секунду были выведены из строя два крепких мужика. В качестве иллюстрации смертельного оружия самозащиты на столе валялась книжка, открытая на нужной странице.

Они лежали, не говоря друг другу ни слова, минут десять. Шихман боялся шевелиться, думая, что у него перелом позвоночника, Погосяну и думать было практически нечем.

Тут, пнув дверь, в комнату широким строевым шагом вошел Христенко, несший перед собой огромный ящик, размерами напоминавший телевизор.

– Что у нас сегодня тихо, как в могиле? Дрыхнут дефективные круглыми сутками, эх, нет на вас полковника, товарища Иванова. У него бы не полежали, он бы вас быстро научил родину любить. Смотрите сюда, я магнитофон почти за бесплатно купил. С записями.

Лежачие реагировали слабо.

Шихман повернул голову и жалко улыбнулся, словно больной, принесенный из хирургии после неудачной операции, мечтающий об утке, но опасаясь лишней раз беспокоить сердитого медбрата. Погосян остался недвижимым. Ему казалось, что мозги помаленьку вытекают на колючее одеяло и словно в прострации наслаждался последними мгновениями сознательного существования. Вот-вот мир поблекнет... навсегда.

Не обращая больше внимания на лентяев, Христенко водрузил устаревшую машину на стол, вытащил из ее недр огромную бобину ленты, осмотрел, вставил на место и включил устройство в сеть.

Раздалась громкая музыка Тухманова. Они слышали ее впервые.

Во французской стороне, на чужой планете

Предстоит учиться мне в университете...

Христенко принялся пританцовывать и подпевать. У него неплохо получалось. Тяжело кряхтя, Шихман сел на кровати, придерживая свое тело обеими руками. Погосян открыл глаза и стал тоже смотреть на танец, постепенно переходящий в высокие ритмические прыжки.

Он видел, что Толик уже сполз с постели, боясь разогнуться в пояснице, и в такт стукнул ногой один раз, как старик клюкой (не развалился?), затем другой. Следуя его примеру, восстал, придерживая разломанную пополам голову руками, Юрик.

Всех вас вместе соберу, если на чужбине

Я случайно не умру от своей латыни...

Христенко прыгал во всю ивановскую. Шихман с Погосяном инвалидно топтались у кроватей. С каждой последующей минутой все смелее, раскрепощенней.

Вот бледные лица налились живостью, минута, другая, и вся троица заскакала так, что внизу живущим сделалось тошно от хоровых воплей и громохання досок. Никакой другой музыки, кроме животворящей тухмановской на бобине не оказалось, зато играла она полтора часа подряд, без перерыва, и все полтора часа они прыгали и визжали, как угорелые, в ритм студенческого шлягера. Потом завели по новой то же самое, и еще полтора часа жарили! Нет, что ни говори, а выпадают иногда в жизни приятные минуты!

13.

Весна выдалась затяжная, снег таял с начала марта до конца апреля, развезя повсеместно в городе, от центра до окраин, непролазную грязь. Днем текли бойкие ручьи, ночью все замерзло, образуя смертельный гололед, мела метель, нанося новые белые сугробы выше прежних.

Огромные двухметровые сосульки рушились с крыш на тротуары, в городе были раненые и убитые. Люди обходили опасные места по проезжей части, где их обрызгивали грязью и сбивали машины. По пути в университет, Юрик увидел новенький траурный венок, висящий на столбе возле перехода через дорогу в университет. Еще вчера его не было, значит, кого-то сбили насмерть совсем недавно. Скоро венок исчез.

В последнее время Погосян чувствовал себя не в своей тарелке, хотя дела обстояли совсем недурно.

Круг его обязанностей в профкоме четко определился и стабилизировался, он закончил реформу коробок с карточками, полностью заменив их новыми, кумачового цвета и теперь сделал заказ в типографию на новые профсоюзные билеты для всего университета. Согласно мечтам наследника революционных традиций красных латышских стрелков, они должны быть красного цвета, похожие на удостоверения силовых структур, правда, слово «удостоверение», несмотря на все желание председателя, сделать золотым тиснением оказалось невозможно из-за каких-то инструкций, потому решили вообще ничего не печатать на лицевой стороне, словно бы это было удостоверение особо тайной, самой зашифрованной агентурной структуры, о существовании которой не всякому смертному дозволено знать, троллейбусному контролеру в том числе.

Кроме того, он курировал профоргов по маркам, дежурил в отведенное время у профсоюзного шкафа, а также ходил на барщину – сидеть с ребенком председателя, когда тому и его жене надо куда-нибудь идти вместе или раздельно.

Можно сказать, Шукис доверял ему самое дорогое, но Юрик не заблуждался в уровне отношений со своим непосредственным боссом. Слава богу, не заводит больше разговоров по душам, не предлагает посидеть с коньячком в мягком, удобном кресле. После памятного разговора начальник требовал от него исполнения определенного круга обязанностей, но совместных планов на будущее уже не строил, смотрел свысока и снисходительно, в антисоветское подполье не звал.

Такое положение вещей вполне удовлетворило Погосяна. Он душой воспринял солдатский девиз: «Подальше от начальства, поближе к кухне».

Правда, и кухня в родной стране не застрахована от нападков высших сфер: согласно постановлению ЦК КПСС, четверг объявили рыбным днем, и весь общепит города теперь готовил в этот день только рыбу. Даже котлеты продавались исключительно рыбные. Народ в очередях возмущался, требовал мяса, громко ругая обслуживающий персонал:

– Сами жрите ваш минтай, завалили все прилавки хеком, взять нечего.

Антисоветское подполье, возглавляемое то ли Шукисом, то ли кем-то другим, обнаглело до того, что провело теракт, вывалив темной ночью мешок рыбных костей на кладбищенский памятник недавно почившего в бозе Первого секретаря обкома партии.

Органы в отместку провели повальные аресты среди местных диссидентов, хранивших самиздатовскую литературу. Некоторые преподаватели лишились работы и были вынуждены перейти в дворники, короче, чека не дремало, показывая обществу длинные зубы и острые клыки.

Все силы, которые у него оставались от профсоюзной деятельности, Погосян сосредоточил на учебе, он чувствовал весенний авитаминоз, десны распухли и кровоточили, зубы шатались, даже лапшу жевать стало трудно, а пюре весной в столовой не давали – картошка закончилась.

Боясь, что заболит по-настоящему, торопился изо всех сил перевести американскую книгу и сдать курсовую Груму. В три недели работа была окончена. Еще неделя ушла на чтение перевода своему научному руководителю, сидя на кафедре.

Грум был великолепен, но у Погосяна не оставалось сил восхищаться его образцово-показательным внешним видом. Они сидели рядом за столом, Юрик быстро читал перевод, а преподаватель слушал с хмурым видом и все время тер переносицу дужкой очков.

Некоторые места в конце глав остались для Юрика непонятными, он надеялся, что руководитель объяснит их или хотя бы устроит дискуссию, поэтому честно указывал белые пятна. Однако Грум–Канавин на первое же такое признание только недовольно жевнул губу, глядя прямо перед собой, вздохнул безнадежно:

– Что ж, продолжайте, – и Юрику пришлось читать дальше.

По окончании читки Погосян и Грум остались взаимно недовольны друг другом.

Грум-Канавин был недоволен тем, что студент не разжевал все до конца, и еще умудрился задавать вопросы, хотя по сути вещей вопросы должен был задавать он. Однако, скрипя сердцем и пером, поставил «отлично» за курсовую и уже отпустил его, но Юрик попросил новую тему для работы. Он надеялся, что теперь-то научный руководитель поставит перед ним настоящую задачу, над которой можно будет думать. На что Грум протянул ему еще одну книгу для перевода.

Христенко уже серьезно грипповал. Сначала у него опух и покраснел нос, затем на кончике вскочил огромный чирей, превратив дыхательный орган в лиловую грушу, после чего начался сильнейший насморк. Христенко бодрился. Потом свалился всерьез. На занятия он не ходил, вставал только на военку, которую пропускать опасно для жизни, и по-прежнему таскался грести снег, падавший каждую ночь.

Кряхтя стариком, надел фуфайку, вытащил из-за кровати лопату и тяжело оперся на нее, задохнувшись от усилий.

– Да оставь ты в покое этот снег, сам днем растает.

– Нет, надо убраться. Комендантша только того и ждет, чтобы я провинился. Она хочет дядю своего из деревни в общаге пристроить дворником, комнату ему дать. Мне уже предлагала уволиться. А на что жить?

И он потащился в коридор, шкрябая каменный пол лопатой. Христенко учился на тройки, стипендии не получал.

– Сегодня в одиннадцать Кухля придет, вы никуда не уходите, – сказал Соловейчик, когда Христенко не стало слышно.

– Что, Кухля из Ленинграда приехал? – удивился Погосян.

– Еще вчера, – деловито пояснил Шихман, который мазал толстым слоем сала хлеб и ел его вприкуску с чесноком, – попробуй, что ты отказываешься, самое лучшее средство от всякой заразы.

Но Погосян не мог, ему любая еда казалась противной, а такая в особенности. Он даже не хотел смотреть, как ест Шихман, отворачивался в сторону, как ортодокс, не желающий видеть святотатства.

– Интересно, зачем мы ему понадобились?

Соловейчик быстро выбежал из комнаты. На время местного гриппа он перебазировался жить к брату.

Точно в одиннадцать раздался стук, вошел Кухля, разодетый в цветные тряпки, похожий на большую карикатурную куклу из театра Сергея Образцова. Длинные волосы завиты химией. Маленькая замшевая кепочка еле держится на макушке.

– Кухля, какими судьбами? Не замерз в этакой одежке?

– Черт знает где, старики, живете, хотя и в Питере погода не фонтан, – лежи, лежи, я понимаю, – прижал Юрика обеими руками к кровати, – видуха у тебя, Погосян, прямо скажу: хоть посмертную маску снимай. Мне все известно, ребята, глубоко вам сочувствую. Вы подверглись чудовищному избиению местными черносотенцами, и об этой зверской ксенофобской акции должна узнать вся Европа. Расскажите подробнее, что кричала толпа, избивая вас, и как вам удалось спастись в безвыходной ситуации? – Тут он включил кнопочку магнитофона, и поднес микрофон к сальным губам Шихмана.

Шихман с Погосяном переглянулись.

– В смысле?

– Чем они вас избивали? Металлическими прутьями, палками? Говорите, не бойтесь.

– Да ничем таким особенным, так, слегка кулаками помахались.

– Но все же нанесли вам побои.

– С чего ты взял?

Кухля окинул обоих просительным взглядом:

– Ну, ребята, так не пойдет, давайте сначала просто пообщаемся, я вижу, вы зажаты. Надеюсь, понимаете, что нападение на вас было не случайным, вас избили на расовой почве, и это избиение имело явно националистический характер?

– Да ты что, с березы упал? Там же не видно ничего, к тому же в шапках и пальто все приблизительно на одно лицо, даже если негры придут учиться, ночью и негра не отличишь...

– Нет, нет, вы не обманывайтесь, ребята, ты же Шихман – еврей, скажи честно?

– Ну, еврей. Я разве против?

– А ты Погосян – армянин?

– Ну, допустим, и что?

– А почему били именно еврея и армянина, представителей малочисленных, исторически преследуемых наций, а не кого-то другого? Э ... – он помахал длинным пальцем, – меня не проведешь! Не надо таить очевидное от общественности – конфликт явно на национальной основе. Разве была какая-то другая причина для избиения?

– Попросили закурить, но это обычный финт.

– Вот именно, закурить здесь ни при чем, вы что, не понимаете? Зачем покрывать черную сотню?

– Слышь, Кухля, ты на какое радио работаешь, «Свобода» или «Би-би-си»?

– Я свободный художник.

Погосян все-таки встал с койки, сходил, растворил дверь:

– А ну, вали отсюда, свободный художник, по-быстрому, чтобы я тебя не видел.

– Значит, так. Ты сильно пожалеешь, Погосян, я тебе лично обещаю неприятности. Пожалеешь, но будет поздно. Запомни. Я давно чувствовал, что вы оба – не наши люди, посею мне искренне жаль, что вас, идиотов, не пришибли до конца.

Разноцветный длинный человек с унылым носом гордо вышел вон.

Шихман задумался, даже перестал жевать.

– А ведь запросто может неприятности устроить. Выставит по своим голосам какими-нибудь борцами за права сибирского человека, современными областниками, а эти местные скучающие от безработицы гэбэшники сразу ухватятся за шанс карьеру на заговоре сделать, и в Москву на повышение вырваться. Вот зараза!

Он продолжил питание, хрустко откусывая зубки чеснока и сплевывая шелуху на пол.

Все это была ерунда. Гораздо хуже внутреннее ощущение, что он, Юрик Погосян вступил в черную полосу жизни, как в темную воду, и медленно, тихо погружается в глубь, бессильный что-либо изменить. Происходит это не из-за наступающей болезни, и не каких-то внешних неприятностей, нет, он ясно понимал, что причина отсутствия радости жизни находится в нем самом, а все болезни, сомнения, депрессии придут следом.

Ему не хватает чего-то очень важного.

Через силу поднялся и пошел искать неизвестно кого. На площадке шестого курила одиноко мужняя жена Эля Грамм.

Юрик присел рядом на пожарный ящик с песком.

– Эльвира, дочь моя, признайся начистоту, ты сейчас кто: Грамм или Глузман?

– Грамм, конечно. Зачем мне все эти проблемы с обменом документов?

– А ребенок будет Глузман?

Грамм выдохнула дым.

– Наверное.

– Комнату искать придется?

– Нам здесь дали. Для чего еще было регистрироваться?

Подошел Марк:

- Эльвирчик, я картошку порезал...
- Капусту вымочил?
- Мокнет пока.
- Морковь нашинковал?
- Нет.
- Так режь морковку, отжимай капусту и закладывай ее вместе с морковкой в бульон.
- Хорошо, – сказал вежливо Глузман, – ты бы не курила так много, это вредно, – и ушел на кухню.
- Пенку сними от капусты! – крикнула вдогонку Эля, – вот мужики пошли, суп сварить не умеет. Чему вас только мамы родные учат?
- Идеальный муж из Марика получится.
- До идеала еще очень далеко, но будем воспитывать. Пусть варит, чего бездельничать? Точно?
- Наверное.
- Прибежал Марик.
- А когда картошку класть? Сразу или подождать пока закипит?
- Юрик встал и вернулся в комнату.

14.

Он функционировал как автомат в профкоме, посещал лекции, дискутировал на семинарах по философии естествознания, стоял вместе со всеми у окна, наблюдая, как умирает на финишной стометровке вечно опаздывающий старший преподаватель Маркелов.

Но ничего, абсолютно ничего его не трогало.

Почти физическое ощущение потопленного корабля, что уходит все глубже в океанские холодные глубины бесчувственной жизни, и скоро достигнет дна, куда не проникают краски дня, где господствуют одни и те же безрадостные сумерки.

Одна радость – Ленка отстала. Снова начал ходить на танцы. С бесстрастной вежливостью приглашал девушку, танцевал, отводил на место, в следующий раз шел к другой. Скучотица!

Майские праздники продолжались три дня. Второго мая разразилась первая гроза с громом и молниями, могучие потоки которой расчистила город от мусора гораздо лучше, чем все жители вместе, вышедшие на Ленинский субботник.

За ночь на тополях университетского проспекта расщелкнулись почки, запахло настоящей весной.

Вечером Юрик опять спустился в холл общежития на танцы, где простоял у стенки ровно до двенадцати ночи. В двенадцать комендант приказала выключить магнитофон.

Толпа ринулась на широкий внутренний двор между общежитиями, похожий на площадь. Юрик проследовал за всеми. На площади собралось не меньше сотни человек. Мощные колонки, выставленные в окно четвертого этажа, извергали водопад танцевальной музыки. Было темно.

Кто-то поджег содержимое мусорных контейнеров, в них полыхало большое пламя, едкий дым причудливыми сизыми петлями тянулся через импровизированную танцплощадку. Пахло горячей городской свалкой. Погосян стоял в сторонке, где не было дыма, и внимательно рассматривал лица, насколько их можно было рассмотреть в мерцании красных бликов. Огонь полыхал адским багровым пламенем, сполохи его хорошо высвечивали фигуры.

Прошедший дождь смыл остатки снега, хотя от промерзлой земли еще сильно тянуло холодом, как из глубины деревенского погреба.

Глядя на медленно танцующую толпу, Погосян ежился, не испытывая ни малейшего желания присоединиться. Что здесь делать? Пора домой да лечь спать, а завтра встать пораньше и начать учиться на полную катушку. Динамики ноют прощальное:

Good by, my love, good by!

Неподалеку в сторонке скучали три высокие девушки в похожих белых плащах, и ни одна ни разу не танцевала за все то время, пока Юрик наблюдал происходящее, а только ждали приглашения. Так и не дождались.

Пренебрежительный скепсис, с каким он разглядывал всех по очереди в багровом освещении, перед тем как уйти спать, вдруг сменился вполне благожелательным настроением.

Перед ним прямо под открытым звездным весенним небом располагалась танцплощадка, вдали полыхало зарево костров. Музыка плыла откуда-то с небес, и в ритме этой небесной музыке жили земные счастливые люди. Когда еще в другое время можно увидеть на улицах столько спокойных, умиротворенных, довольных лиц вместе? Удивительное зрелище, прекрасное зрелище, что может быть чудесней?

Из хаоса обломков, покоящихся на глубине, летучий голландец в одно мгновение всплыл на поверхность под горячее солнце и распустил паруса по ветру. Душа наполнилась тугим зюйд-вестом, торопливо взрывая носом пенистую волну, заспешила к горизонту, где очень далеко уже белела вещая тучка – предвестница грядущего шторма.

Поразили глаза. Невероятные! Он мог поклясться, что никогда не видел ничего более совершенного, чем эти огромные темные медлительные зеркала, отражающие одновременно и звезды и пламя костров. И с такими сногшибательными глазами она стояла между двумя своими подругами, держа их под руки, и не танцевала! Никто ее не приглашал! Ему не верилось. Высокую, стройную, темнокудрую красавицу с бесподобными глазами. В светлом плаще и белых туфлях, самую заметную в этой толпе девушку. Какое счастье!

Юрик возликовал. Вот оно, утраченное и вновь найденное блаженство!

Известно, что чересчур восторженные поклонники отпугивают красивых девушек. Главное – не потерять в толпе, подумав так, подошел и коротко, без улыбки пригласил на танец.

Дарительница всевышнего счастья оглянулась на подружек, тотчас отступивших на задний план, и доверила свою ладонь с длинными, тонкими, явно замерзшими пальцами его горячечной руке.

Голос певца звенел совершенно необычайно, обещая сладкое, невероятно счастливое будущее всем присутствующим, а уж их паре просто даже навсегда. Девушку звали Юлия. Она училась на экономическом факультете, жила по соседству, в одном из тех общежитий, что окружали танцплощадку, и по счастливому совпадению тоже училась на третьем курсе.

Ее глаза замороженно смотрели за его плечо. Он быстро оглянулся. В той стороне не было ничего, кроме пламени костров и дыма.

Все, что могло выгореть в баках, выгорело, огонь угасал. Они медленно кружились три танца подряд, почти не разговаривая.

В час ночи магнитофон замолк. Народ посвистел, посвистел, но смирился. Так ни разу и не танцевавшие подружки опять взяли Юлию под руки, и троица, не оглядываясь, заспешила в общежитие.

Он последовал за ними.

К счастью, троица бежала домой без оглядки, даже у двери, когда вставили ключ, не обернулись: подружки зашли первыми, она последней, изнутри щелкнул замок. Юрик запомнил номер, когда быстро прошел мимо, прикоснувшись к крашеной поверхности двери пальцами.

– Что сегодня веселый? – отметил перемены не спавший Шихман. – Наверное, у девчонок наелся до отвала? Или в лотерею рубль выиграл?

– В лотереи не играю.

– А я – представь себе. С каждой стипендии покупаю один билетик.

– Денежно-вещевая?

– Нет, ДОСААФ. Пусть даже если не выиграю, то деньги пойдут на оборонно-массовый спорт. Я в детстве, между прочим, юным пожарником был.

– Ты? – Юрик чуть не расхохотался, представив толстенную физиономию Шихмана в медной пожарной каске, – бедняга! А я только что с девушкой танцевал, на площади между общагами!

15.

– Эти голоморфные функции меня заколебали, – заорал Марик в коридоре, выскочив с лекции по комплексному анализу – надоела математика, не хочу! Программистом буду!

– Молчи, забрею, – сурово пообещала мужу Грамм, – а не хочешь – заставлю.

– Киндер, кирхен, кюхен! – отбивался, как мог, от жены Глузман.

– Наголо! – настаивала Грамм, прищурившись на него. – И безоговорочно!

Эльвира в тот же день сдержала данное слово, обрила голову Глузмана, в результате чего Марк стал напоминать тибетского ламу с неприлично голыми ушами, и новое его обличье вызывало жалость всего женского населения общежития, выражавшееся криками ужаса: «Марик, кто тебя?» Однако Грамм он больше нравился именно в таком «мужественном» виде.

– Явно арийские черты черепа, – сказала она, – а то думаю все время, что это я в тебя такая влюбленная? Марик, дай сюда челюсть, смерю линейкой.

Марик отбил от жены и побегал по мужским комнатам общежития благовать компаньонов, согласных тоже обриться наголо, причем совершенно за бесплатно.

– Во-первых полезно для волос, гуще будут расти, – уговаривал он встречаемых и поперечных, – во-вторых за бесплатно, в-третьих, два месяца с военкой проблем не будет, а главное, представляете, придем завтра десять бритых, как ээки, и займем весь первый ряд на лекции политэкономии. Лекторша зайдет, увидит - и брык с копыт! Фирма гарантирует массу удовольствия! Идем по-быстрому, пока Элька согласная!

Мараня не говорил, что жене надо набить руку в работе с машинкой, она устроилась учиться на парикмахерские курсы, но все знали, что политэкономша обладала в высшей степени невосприимчивостью к поведению студентов. Ее ничто не могло вывести из себя. И ради того, чтобы увидеть, какова будет реакция самой смиренной преподавательницы, десять парней отдались за бесплатно начинающей парикмахерше.

Погосян отказался от сомнительного удовольствия. Он помнил о Юлии, и ему жилось хорошо предчувствием новой встречи.

Таким образом, Грамм набила руку, расположив свой салон в холле четвертого этажа, который на один вечер стал чем-то средним между сельской овчарней в период большой стрижки овец и призывным пунктом райвоенкомата.

Преподавательница в обморок не упала, только спросила:

– Что, ребята, труба зовет?

– Не труба, а военка, – уточнил Марик, стал хватать по привычке прядь на голове, но пальцы ушипнули пустоту, что его смутило, и он замолк бессильным Самсоном.

Юрик потерял всякое терпение, ему просто необходимо рочно увидеть свою новую знакомую Юлию. Он искал повод.

Такая красивая, высокая, тонкая в талии девушка, скорее всего, предпочитает смотреть в кинотеатре интеллектуальные ленты, коими в городе грешит исключительно Дом ученых, где Тарзана показывать не станут, там что-нибудь этакое, из Феллини. Бельмондо, который нравился Юрику, здесь тоже под эстетическим запретом, видно, местные критики считают, что он недалеко ушел от Тарзана.

Зато зал маленький, уютный, кресла мягкие, публика в высшей степени приличная, вон какие дамы и сеньоры встали в очередь, такие уж точно не будут семечки во время сеанса лузгать и шелуху через ряд кидать.

Ему приятно думать о будущем вечере, который они проведут вместе. Стоя за билетами в кассу, он снова, как на танцах, пришел в волнение самого высокого свойства. Купив, полетел приглашать.

Дверь открыла девушка: «Вам кого?» В коридоре темновато, на фоне света, исходящего из комнаты, она показалась ему знакомой, но не более: «Наверное одна из тех подружек, что стояли ни разу не потанцевав, – подумал он, соболезнуя задним числом, – жаль, что никто не догадался пригласить их по разику из элементарной вежливости. Девушкам-очкарикам в этом отношении, как правило, не везет».

Но тут Юрик внезапно сообразил, что перед ним сама Юля, захваченная врасплох в домашнем халате и не очень похожая на чудесную ночную незнакомку. Они застыли друг против друга, молча рассматривая в настороженном недоумении. Вот что значит темный майский вечер и танцы под лунным небом на фоне горящих костров!

Теперь у нее на носу очки с большими круглыми линзами, которых не было на танцах, а значит, вчера, без очков, она вряд ли по близорукости смогла толком рассмотреть его в полутьме. Не узнает и не может узнать!

А он все равно влюблен, как в первый раз, и бесконечно рад этому обстоятельству. Ему жутко приятно видеть новую знакомую, более того, он знает ее удивительнейшую, сокровенную тайну: какие огромные, невыносимо притягательные глаза скрываются за очками третьекурсницы Юлии.

– Вы к кому? – Юля запахнула халат на высокой груди и придерживая дверь рукой со знакомыми тонкими длинными пальцами, которые снова захотелось согреть.

В проеме тенью быстро мелькнула девичья фигура, и, кажется, в комнате кто-то что-то быстро шепнул.

– К вам. Хочу пригласить в кино.

По выражению глаз за стеклами трудно понять, понравился он ей или нет, однако дверь раскрылась шире:

– Входите.

Сказано, как старому знакомому. И в домашнем халатике она выше своих соседок, тоньше, гибче и гораздо привлекательнее. Те потупились смущенно и, быстро вспомнив про какие-то дела, резво испарились из комнаты.

– У меня билеты на сегодня, в Дом ученых, – заторопился Юрик, глядя на часы и видя, что время действительно поджигает.

– На сколько? – задумчиво удивилась Юлия, как бы решаясь, идти с ним или не рисковать.

Он еще раз посмотрел на часы:

– Через полчаса начало.

– С ума сошел? Когда же мне успеть?

– Да тут идти ровно десять минут.

– Выйди! – широким жестом указала на дверь.

В большом смущении Юрик замаршировал на выход. Ему показалось, что его прогнали навсегда. Поделом. Не будешь наглеть.

– Идите, – уточнила она, – и ждите в коридоре. Я постараюсь по-быстрому собраться, но в другой раз знайте, что, давая девушке десять минут на сборы, рискуете испортить самому себе предстоящий вечер.

Они сидели в темноте кинозала. Юлия смотрела на экран, Юрик на ее мерцающий голубоватый профиль. И прекрасно знал, что стоит снять эти действительно великоватые очки с лица, как она вновь станет поразительно красивой, а по сути, значит, она всегда самая красивая, просто не хочет открывать этого всем, и лишь ему одному доверяет полностью. Юрик восхищался четко очерченными призывно полуоткрытыми губами и гладкостью щек.

Фильм был французский, с мистическим акцентом. Главный герой, вполне современный молодой человек, кажется, студент Сорбонны, впал в летаргический сон и теперь ходил, чем-то обеспокоенный, по темным коридорам, наполненным голубоватой мглой и множеством занятых собой людей, разыскивая свою недавно умершую мать, но встречая лишь знакомых, которые заводили его в комнатки, где разыгрывались сценки комедийного или фривольного содержания.

Причем иногда где-то совсем рядом раздавался голос матери, но слишком много было дверей и комнат, наполненных неизвестно откуда исходящим голубоватым потусторонним светом, таким же, как в зрительском зале, он каждый раз открывал не ту дверь и вновь попадал в очередную историю с неудачным любовником, сидящим на кровати и готовящимся застрелиться. Вот человек поднес дуло к виску, закрыл глаза, нажал трясущимся пальцем курок, и в голове образовалось аккуратная черная дырка.

– Ой, – она испуганно схватила его за руку.

«Отличное кино, – подумал Погосян, овладев ее ладонью и не выпустив до конца двухсерийных мистических скитаний несчастного француза.

Ладонь была влажной от переживаний.

После окончания сеанса она так и не сделала попытку отнять правую руку, которой он надежно овладел в темноте. Это стоило ей определенных трудностей в расчесывании волос одной левой.

Они пошли рядышком с самым серьезным видом среди прочих добропорядочных и, верно, давно семейных граждан, как взрослые – под руку. Погосян надеялся, что она снимет очки после кино, но Юлия не сняла.

– Погуляем немного?

– Давай.

Перейдя через пустынную центральную улицу, очутились возле желтой цистерны с квасом. Продащица в белом халате и колпаке как ни в чем не бывало, несмотря на ночь, обслуживала страждущих по обычной дневной таксе: стакан кваса – три копейки, большая кружка – десять.

Народу немного, одновременно топтались два-три человека, одни отходили в сторонку, другие просили налить стаканчик. Кроме элитных кинозрителей, любящих обсуждать просмотренные ленты, у бочке останавливались гуляющие в ночи пенсионеры и студенты.

Вспотевший в темноте кинозала от слишком приятных переживаний Юрик сразу выпил свой стакан и стоял ждал, когда допьет Юлия, следя за ней восторженными глазами.

С проезжей части к бочке свернул велосипедист с рюкзаком за плечами, по виду которого нетрудно было догадаться, что он крутит педалями не первый час подряд, и еще крутить ему и крутить.

– Почему у вас квас?

– Три копейки стакан.

– Люди, дайте кто-нибудь три копейки, пить хочу очень, а денег совсем не осталось, – робким голосом заблудившегося в тайге учителя танцев попросил велосипедист, не обращая ни к кому конкретно.

Юлия порывисто дернула Погосяна за рукав и как-то слишком горячо и громко сказала:

– Дай ему, пожалуйста, я тебя прошу.

Поискав в кармане, он нашел подходящую монету, и в ответ велосипедист так возблагодарил, будто получил пожизненный пенсион, как минимум.

Они направились в сторону университета. Со слов Юлии, звучащих песнью песней, в которой слышишь в первую очередь мотив, а смысл только во вторую, а иногда и вовсе не слышишь, делалось ясно, что она отличная студентка, легко успевает по всем предметам, но занятия совершенно не оставляют времени на личную жизнь.

В то же самое время Юрик разглядывал с близкого расстояния ее серьезный профиль с красивой челкой, очень прямым, не большим и не маленьким, а в самый раз носом, ровным белым лбом и восхищался.

С Юлей жутко приятно идти под ручку. Слушать мелодично звенящий голос и каждую секунду с замиранием ощущать, как высокая грудь легко и мерно скользит под тонкой тканью плаща по его предплечью. Замечательно, что она так близко.

Когда они поженятся, будут гулять каждый вечер так близко как сейчас, лишь бы почувствовать эти волшебные прикосновения.

– Что?

– Я все говорю, рассказываю, а ты молчишь и молчишь, словно воды в рот набрал.

Поведай хоть как учишься, а то я все уже выболтала про свою экономику.

– Так, в общем и целом тоже неплохо, стипендию получаю.

Да, он хочет на ней жениться немедленно.

Если рассуждать здраво, для того имеются все необходимые предпосылки. Он ее любит до изнеможения – это главное. Она к нему тоже неплохо относится, раз идет настолько рядом и так весела. Это два.

Что касается материального обеспечения, он как-никак ленинский стипендиат, имеет сто рублей чистого дохода в месяц, не обложенного никакими налогами, кроме комсомольских и профсоюзных сборов. Это три.

Снять комнату обойдется рублем в сорок, а хорошую, светлую в квартире со всеми удобствами и рядом с университетом – пятьдесят. Останется еще целая стипендия на жизнь!

После длинного корпуса старой больницы с ободранными стенами начиналась университетская роща. Ночью запах распускающейся листвы множества деревьев, кустарников и травы проникал сквозь ограду и растекался по городским тротуарам, заставляя редких в такой час прохожих ни с того ни с сего замедлять шаг и дышать полной грудью, смотреть сквозь решетку сада, где не было ничего видно, кроме непроглядной сплошной черноты.

– Зайдем? – спросил Юрик. – Погуляем еще немного?

Она будто ждала этого приглашения и сразу, не задумываясь, кивнула, но когда проходили под старинной каменной аркой, осевшей на один край, вдруг сильно споткнулась, попав каблуком в трещину и ахнув, резко встала.

– Пойдем, – он потянул ее за руку, – здесь асфальтированная дорожка.

– Слишком темно, вообще ничего не видно, даже друг друга. Какие белые ночи? Мне кажется, зимой и то было светлее.

– Конечно, от снега. Да нам некуда будет с тропинки сойти, она же одна, и как раз приведет к главному корпусу.

Легкий влажный порыв ветра, несущий в себе сладость забродивших под корой живых соков, опухнул лица.

– Сколько сейчас времени?

– Половина первого.

Теперь двигались в полной темноте через кусты по вилявшей из стороны в сторону асфальтовой ленте, слишком узкой, чтобы идти вдвоем.

Юлия кралась рядом странными рывками, пригнувшись, и он никак не мог попасть с ней в шаг.

– Ни черта не видно, – громко пояснил Юрик, в очередной раз попав в грязь.

– Тише, тише ты, – зашептала она. – Чего раскричался? Услышат ведь, я и так от страха умираю.

– Извини. А что, разве мы от кого-то прячемся? Ау! Ау!!! Эй! Есть здесь кто?

Юлия тотчас вцепилась ему в лацканы пиджака и принялась трясти так, что затрещали швы. Чтобы сократить обезумевшей девушке пространство степеней свободы, Юрик охватил ее, прижав без объяснений к себе вместе с локтями, руками, головой, очками и даже... губами. Они потеряли равновесие, качнулись из стороны в сторону и оба сошли с асфальта в топкую болотину.

В сплошной темноте, как казалось, прямо на них мчался с шумом-гамом целый табун рысаков. Болото под ногами дрожало и сотрясалось. Юрик еще сильнее притянул подружку и поцеловал. Поцелуй из темноты успокоил девушку, по крайней мере, лацканы Юлия отпустила и даже принялась разглаживать их ладонями, не забывая подставлять губы для очередного невидимого поцелуя.

Кто-то, весьма тяжелый, вращая ногами и руками, снова промчался рядом по асфальтовой тропинке, обдав их воздухом, как настоящий международный экспресс, пролетающий без остановки мимо маленькой сельской станции.

Юлия испуганно отпрянула, чтобы сказать “Ах!”, Погосян тут же поцеловал ее снова. Второй локомотив прошел вслед за первым с интервалом в две секунды. Спуская пары, взвыл на одной ноте, протяжно: “Урою, гаденыш!” Движение по узкому асфальтовому полотну ночью оказалось весьма интенсивным.

Они окончательно утонули в длительнейшем поцелуе, который оказался самым приятным и единственно возможным условием существования в этой непроглядной тьме.

До общежитий шли медленно, часто останавливаясь, чтобы поцеловаться.

Голова пьяно кружилась, и весь мир раскачивался на высоких майских качелях. “Женюсь, – думал как о решенном, – все равно женюсь, чего еще ждать? С ума сойти, как жить стало хорошо!”

16.

В последнее время Погосян часто, ни с того ни с сего, столбенел на ровном месте, будто обмирал, чему не в малой степени способствовала ранняя летняя жара, наступившая чуть не с середины мая, но отнюдь не погода являлась главной причиной рассеянного состояния.

Надо честно признаться, это томление, пограничное с обмороком, являлось свыше по его же собственному желанию. Стоит подумать об Юлии, вспомнить о ней, представить, и вот, пожалуйста, мы уже ничего более не соображаем, у нас солнечный удар в легкой форме. Стоим, но шатаемся.

Во время одного Погосян ничего не видел, не слышал, и, разве что не валился на пол, сосредоточенно представляя себе чудесную девушку Юлию, испытывая при сем ощущение, подобное тому, какое переживает лабораторная крыса со впаянными в ее мозг проводками, ведущими к нервному центру удовольствий, которой, дабы замкнуть цепь и получить наслаждение, надобно только нажать на педаль задней лапкой, что она и делала

в своей клетке круглыми сутками, не обращая внимания на еду и питье, пока не сдохла во имя науки.

Следовало сказать, что в отличие от счастливой крысы, Погосян все же изредка пил и ел и даже занимался общественной работе в профкоме. Как раз вступила в решающую фазу работа по смене профбилетов. Он привез коробки с будущими документами из типографии и складировал в кабинете у стены штабелем.

По желанию председателя Шукиса корочки документов имели роскошный красный цвет, со зловещим оттенком, чисто как у силовых органов, будто венозная кровь, вытекшая из серьезной раны, и смотрелись в руках очень внушительно.

– Вот как раз то, что нам было надо! То, о чем мне днем мечталось и ночью виделось, – обрадовался Шукис, – вот это да, вот это я понимаю! Сильно!

Он так разволновался, что, взяв билет, не захотел возвращать на место:

– Поношу возле сердца.

Треснул с размаха Юрика, тем самым заново причисляя его к своей ближней гвардии, простив за отказ от вступления в антисоветскую подпольную организацию.

– Эх, брат Юрис, мы с тобой таких дел наворотим! Чертям жарко станет!

Белла Ивановна вдруг повернулась к Шукису:

– Кстати, – сказала она вьедливым голосом, продолжая неизвестный Юрику спор, – в ту ночь в Ипатьевском доме не было никаких латышских стрелков, там находились красные мадьяры, спасшие советскую власть в России! И сам Имре Надь, впоследствии глава правительства Венгерской Народной Республики!

– С чего вы взяли, товарищ Кун?

– Из документов, любезнейший!

По голосу Погосян догадался, что Белла Ивановна берет верх над его начальником, у ее предков оказалось больше заслуг перед партией и советским строем, и следовательно, она имеет право на отоварку более высокого качества и более разнообразную.

Шукис вдруг приобрел хрящеватую властность лица, давая понять Юрику, что время дружеского общения закончилось.

– Погосян! Срочно приступайте к оформлению документов. Время осталось мало, сегодня или никогда! Самым неотложным образом объявить на всех факультетах, чтобы профорги сдавали списки групп вместе с фотографиями и старыми билетами на обмен. Погосян, головой мне отвечаешь! Если какая группа не сдаст вовремя, в полном составе не будет допущена до сессии! Передай им: в полном составе! Разбираться ни с кем не будем! Вот так и не иначе. Работай, я на связи!

И работа по смене документов закипела. Привыкшие к легкой необременительной жизни, профорги забегали со списками, комната профкома наполнилась людьми, стенающими и просящими принять документы не от всей группы, а для начала у некоторой ее части.

Но красный стрелок Шукис неумолим, как его революционные предки в подполье Ипатьевского дома, требовал железной дисциплины и подчинения от своей профсоюзной армии, будто она тоже стала политическим авангардом пролетариата. У Беллы Ивановны в срочном революционном порядке реквизировали на нужды реорганизации столы.

Составив один к другому, усадили студенток с филологического факультета, обладавших лучшими почерками в университете.

Шукис пообещал выписать матпомощь в размере пятидесяти рублей на сестру, а это вам уже не игрушки. Филологини старались. От старания и боязни совершить ошибку у них обострилась худосочность лиц, видя это Погосян попросил для писарей еще и обеденные талоны на время работы. Шукис стал было гонять желваки по рифленным скулам, но согласился.

Билеты с номерами от 1 до 10 он зарезервировал для почетного контингента.

– Работу оставляю на тебя, уезжаю в Москву на неделю. Надо ТАМ вручить билеты. Все ясно?

Погосян кивнул, вопросительно глядя на Владимира Оттовича.

– Любит старичье всякие орденочки, удостоверения почетных членов коллекционировать. А нам следует наводить мосты и усиливать позиции на самом верху. Удобный случай, которого нельзя упускать. В таком деле кто поспел, тот два съел.

Отзвонившись по телефону два дня подряд на Москву, Шукис улетел, строго настроив запретив своим замам говорить, где он есть: «Это не профсоюзное, это партийное поручение. Между нами, профессиональными революционерами, говоря».

Конец мая Погосян большей частью проводил именно в профкоме, с бригадой писарей. Выдавал им чистые билеты, списки групп, фотографии, принимал готовые документы, на запорченные составлял акты.

Как-то само собой получилось, что среди филологинь выделилась самая активная, которая имела, наверное, большое пристрастие к канцелярско-кадровой работе, ставшая связующим звеном между остальными девчонками и Юриком. Ей он передавал талоны на всех, с ней поддерживал разговор, когда остальные ожесточенно скрипели перьями, короче, она стала его временной секретаршей.

Секретаря звали Люба. Высокая сухощавая, в очках, очень трудолюбивая, с таким обыкновенным лицом, которое трудно запомнить, даже если перед тем проговорить с ней три часа подряд, сидя друг против друга. На Любу он надеялся, как на себя. Вообще говоря, у них получился весьма слаженный коллектив, которым Погосян гордился, считая его своим первым организаторским достижением. И все же, глядя на сутулые плечи сидящих перед ним студенток, постоянно вспоминал Юлию, мечтая о скорой женитьбе.

Вечером они с Юлией ходили гулять в университетскую рощу, где буйно расцвела черемуха. Все утопало в белой кипени, ярко сияющей в свете неоновых фонарей. На пешеходных дорожках фонарей не было. Зато их склоненные друг к другу головы задевали распустившиеся кисти белых, сладко дурманящих головы соцветий.

Они бесстрашно забрались в самую чащобу и оказались рядом со старой кирпичной стеной, в темноте напоминающей неровную кладку древнего замка, так же отвесно уходящую вверх, с таким же изъеденным временем, шербатым кирпичом. Кругом полнейшая тьма. Жаркие поцелуи, объятия среди густых зарослей цветущей черемухи довели обоих до полного неистовства.

– Погоди, – затаив дыхание, Юрик снял с нее очки, она подняла руки, сбросила блузку, следующим на очереди был лифчик.

– Ой, – удивленно воскликнула Юлька.

Оказывается, он заключил ее в объятия вместе с пушистыми ветвями, а Юлия оказалась самым главным невидимым цветком в огромном сладостном букете. Он осторожно разъял руки. Ничего не было видно, только чувствовалось близкое дыхание. Дурманящие пушистые ветви качались повсюду, казалось, ее полуобнаженное тело плавает между ними, колыхается и неведомым течением может быть в любую секунду унесено куда-то навсегда. Он торопливо прикоснулся к невидимому, пробежал кончиками пальцев.

Юлия стояла, забросив руки за голову, вся вытянувшись вверх. Луч воображения выжиг в памяти контур фигуры по точкам прикосновения. Кто-то сдержанно кашлянул совсем рядом.

Подружка бросилась сквозь заросли, натягивая через голову блузку вместе с осыпающимися на кожу цветками черемухи, Погосян спешил за ней. Они выскочили на освещенный асфальт и начали целоваться здесь, у всех на виду. Впрочем, кто это видел? Все те же прогуливающиеся парочки, что сами то и дело останавливались для долгих объятий.

Последний раз целовались прямо перед дверью ее общежития, но Юлия не уходила, стояла, надув припухшие губки, молча, непонятно кося в его сторону, после

самого последнего прощания. Он тоже молчал, в благоговейном восторге рассматривая ее лицо. Наконец, не поднимая глаз, спросила шепотом, будто не слишком надеялась на положительный ответ:

– Может, все-таки вернешь?

– Что?

– Ну... очки хоть...

– Ах, извини, конечно, – достал из карманов очки, потом осторожно свернутый комочком лифчик.

Юлия тотчас упорхнула за дверь, шепнув: «Завтра, в три!»

Погосян радостно улыбнулся своему воспоминанию, встретившись глазами с одной из девчонок, она ему ответила быстрой неуверенной улыбкой и продолжила писать, близоруко низко склонившись над очередным профсоюзным билетом.

Зато вся последующая ночь оказалась ужасным, нескончаемым кошмаром. Он вскакивал несколько раз с постели и, схватив со стола графин, жадно пил холодную воду прямо из горлышка, вода била фонтаном в губы, бежала по горлу, груди. Это не могло остудить пылающее тело. Опять клопы пробили линию обороны?

Включил свет, тщательно исследовал простыню на предмет вражеских лазутчиков, не обнаружив ничего, кроме несколько смятых черемуховых соцветий на подушке, которые принес на голове из рощи. Умирая, те пахли особенно сильно.

Он не смог их выбросить, заложил в книжку, на память.

17.

Человек предполагает, а райком располагает.

В тот день судьба Погосяна оказалась в руках деятельницы райкома профсоюзов Маргариты Бекбулатовны Гомак, которая в среде вышестоящих сил имела кличку Королева Марго, а нижестоящие называли меж собой просто Мегерой.

Мегера позвонила в одиннадцать часов, требуя к барьеру по перетягиванию каната Шукиса. Белла Ивановна передала трубку Погосяну.

– А где Шукис? – вскричала Бекбулатовна так, что Погосян вынужден был отнести трубку на полметра от уха.

Начальник перед отъездом строго-настрого наказал никому не говорить, куда он направляет стопы, а в случае чего, если пристанут с пистолетом, сказать, что поехал хоронить родственника. Следуя этой версии, Погосян констатировал:

– Родственник у него скончался. Поехал хоронить.

– С кем я говорю? – с ходу озлилась и без того раздосадованная Мегера.

Погосян догадался по наглости общения, что имеет дело с начальством среднего районного уровня, но все же не смог избежать искушения и безапелляционно спросил:

– А я с кем?

На том конце провода похоже подавились от неслыханной дерзости.

– С Гомак!!!

– Боже мой, Маргарита Бекбулатовна! Извините, что не узнал, богатой будете! – и заорал опять же прямо в трубку. – Тихо всем! Мне из райкома товарищ Гомак звонит!!! Прекратить разговоры! Белла Ивановна, вас что, не касается?

Девчонки вылупили на него глаза, и он подмигнул им весело. Белла Ивановна и так молчала, глядя удавом прямо в зрачки доцента Коцебу, проводя сеанс лингвистического программирования. Доцент Коцебу думала, что плачется в жилетку по женской линии, на самом же деле Белла Ивановна программировала ее в свою подданную. Но Погосян добился воплями необходимого результата, доцент перестала жаловаться шепотом, и в комнате повисла требуемая зловещая тишина.

– Слушаю вас, Маргарита Бекбулатовна!

– Почему от вашего университета нет студенческой команды на профсоюзных соревнованиях? В одиннадцать часов начало стартов, а команды все нет! Вы что там, с ума посходили все? Вот что я вам скажу, как вас ...

– Погосян, товарищ Гомак! Мы разберемся со спортсменами и сделаем необходимые оргвыводы!

– А - а -а-а... мальчик... Вот что, выводы буду делать я! А ты, мальчик, бери себя за шкуру и дуй куда хочешь, но чтобы к одиннадцати команда участвовала в стартах! Я вам не девочка сама везде бегать! – с этими словами Мегера бросила трубку.

– Да уж, что не девочка, в том никто и не сомневался, – Погосян тоже положил трубку. – Девчонки, начальство шлет на передовую, защищать спортивную честь альма-матер. Сегодня на стадионе «Трудовые резервы» на нее опять кто-то посягает. Есть среди вас спортсменки?

Филологини скромно потупились.

– Тогда работайте ударными темпами в тылу. Обеденные талоны на руках, выполните дневной план и можете быть свободны. За командира остается Любаша.

– Если есть дневной план, то, значит, существует и ночной? – уточнила одна из девушек с постным выражением лица.

– Вы лингвисты – вам видней.

– Еще вопрос можно? – это уже его главная работница подняла худую ручку, состоящую из двух косточек, различимых невооруженным глазом (которые он изучал на уроках биологии в школе, но сейчас не мог припомнить названий), и расхлябано потрясла ею.

– Конечно.

– Юрик, вас вчера жена забрала от нас?

Вот, талоны явно пошли на пользу. Люди окрепли, набрались сил и стали интересоваться личной жизнью шефа. А сначала анемичные были, с ходу падали на стулья и молча строчили, строчили, ни на что постороннее не реагируя.

– Пока нет, но судя по тому, как разворачиваются события... в общем, девушки, скажу честно, я был бы счастлив.

Он, конечно, не ждал аплодисментов, но вежливо улыбнуться можно начальству, которое живет в предвкушении большого личного счастья? Нет, нет и еще раз нет! О, эта вечная антипатия между секретаршей и женой существует даже там, где нет ни той, ни другой, а лишь возникает некое абстрактное подобие отношений.

По дороге на стадион забежал в общежитие переодеться и приискать парочку-другую спортсменов.

Спортивная общественность их комнаты была представлена одним Шихманом, который, явно объевшись, возлежал поперек кровати, почесывая пузо и с суровым видом читал книгу о блокадном Ленинграде.

В ответ на приглашение составить компанию, Шихман столь бурно усомнился в своих спортивных возможностях, что Юрику пришлось пустить в ход самое изысканное красноречие, местами переходящее в откровенную грубую лезть, дабы уговорить его встать с койки.

Они попали на стадион, когда сборная университета не только нашлась, но и начала выступать, однако Стальной Конь записал их участниками. Шихмана по виду определил в толкатели ядра, Юрика поставил бежать стометровку. «В зачет все равно не попадете, а для массовости как раз».

На соревнованиях оказалась такая куча спортивного народу, что Погосяну пришлось два часа ждать своего забега. Шихман в это время развлекался, как мог: выпросил ядро и разучивал в сторонке технику броска. Поглядеть на его ужимки и прыжки народу собралось даже больше, чем у ямы с опилками, где все время сбивали планку профсоюзные «высотники».

Юрик засиделся на старте. Разогнувшись, увидел впереди лишь спины всех участников забега с наскоро прищипленными номерами, за исключением, разумеется, своей собственной. А ведь в этом первоначальном забеге бежали отнюдь не светила местного спорта, а такие же зачетники, как и он сам. Какого, спрашивается, черта?

Внутри полыхнула неспортивная обида, от которой подскочил в воздух и завис там, лишь изредка касаясь земли.

Вот таким же точно образом вчистили однажды в детстве с приятелем возле озера. Правда, босиком и по проселочной дороге. По мягкой, как мука высшего сорта пыли, лежавшей толстым слоем на обочине, и Юрик делал тогда с соперником что хотел, то замедляя шаг, давая шанс догнать, то включая такую скорость, о наличии которой сам не подозревал, и легко уходил вперед, к горизонту, по нескончаемой дороге, будто нажимал педаль газа в автомобиле.

Теперь получилось снова. Он легко опередил соперников на едином вдохе, будто пролетев все расстояние по воздуху.

Подошел к судейскому столу – узнать свое время.

Стальной Конь глянул без большой любви:

– Сто седьмой? А чего стартовал, как беременный гиппопотам? Радикулитом не страдаешь? Нет? Ну, слава богу. Да какой там результат, в тройку попал и радуйся. У тебя же первый разряд?

– Второй, – обеспокоился Юрик, поняв, что его с кем-то путают, и сразу отошел в сторонку.

– Для второго неплохо отработал, – гаркнул Стальной Конь, – на старте не спи больше.

Погосян кивнул и направился к толкателям. Здесь дела шли своим чередом: Шихман обнажился до нижнего белья, состоявшего из черных сатиновых трусов до колен и растянутой майки поверх, и ходил задумчиво, положив пухлую щеку на ядро, от чего последнего практически не было видно, иногда подпрыгивая на одной ноге.

– А я уже пробежал, – похвастался Погосян, – между прочим, первый в своем забеге.

– А сколько еще забегов будет?

– Черт его знает.

– У нас три броска полагается, и главное в этой науке с круга не свалиться.

– Ты поосторожнее, не травмируйся опять.

– А фиг ли ботинок потопили? Пусть не лезут под горячую руку, – и он принялся тяжело скакать с ноги на ногу, – главное, размяться надо как следует.

Когда объявили следующий забег для Погосяна, тот решил не сидеть на старте, включаться сразу на полную катушку. Но в низком стартовом напряженном положении сердце замельтешило не в своем ритме, забилося не в такт, а тут щелкнул пистолет, и он побежал осторожно-осторожно! То, что все прочие удрапали далеко вперед, теперь несколько не беспокоило. Хотелось пойти и тихо сесть на скамейку, что он и сделал, для убедительности захромав. К нему подошла врачиха.

– Что, потянул?

– Да, – согласился Юрик.

– Плохо разогрелся, – констатировала женщина в белом халате и вернулась к своему столику.

В это время и Шихмана, наконец, пустили делать первый бросок из бетонного круга. Тот вышел с солидным чемпионским видом. Юрик даже повеселел, глядя на приятеля, помахал приветственно рукой, а Шихман потряс двумя толстыми волосатыми ручищами всему стадиону, как олимпийский чемпион совершенно не спортивного вида, с толстыми короткими ногами, здоровенным пузом, который облепила еще большая огородная майка, будто каждый вечер он выдувает по трехлитровой банке пива.

Довольно лихо раскрутился на одной ноге фигуристом, и швырнул ядро почему-то практически вертикально вверх, а сам, согнувшись в три погибели и прикрыв башку руками, кинулся куда глаза глядят, чтобы ядро не треснуло по спине, как прошлый раз кровать. От ядра успешно убежал, а первая попытка дала результат два метра с копейками и заступ из круга.

– Слышь, Толик, кончай выступление, скажись нервно больным, и валим отсюда, мне уже давно пора идти.

– Ну уж нет уж. Я им швырну, как надо, у меня еще две попытки.

– Да видел я твою попытку, как ты от ядра бегал, весь стадион от хохота слег. Физику забыл, что ли? Снаряд летит дальше всего, если его бросать под углом сорок пять градусов, а ты вертикально зафантилил.

– Да? Почему сразу не сказал? Тогда заматано! Я же по твоей просьбе сюда пришел? Так что будь добр, за меня болей, ори: «Толик, давай!». Я люблю, когда за меня народ болеет.

Второй раз Шихман прыгал, как при замедленной съемке, может быть, и правильно, но ядро никуда не улетело, шлепнулось практически рядом.

Неунывающий толкатель отправился на трибуны: одеваться и ждать третьей попытки.

– Толик, я пойду, ладно? Пяти метров тебе в век не кинуть, а меня девушка ждет.

Толик насупился.

– А кто орать будет: “Толик, давай!”? В следующий раз ори, понял? Как начну вращаться, сразу же ори: “Толик, давай!”, иначе не по-товарищески.

– Ладно. Если успеешь до половины третьего выступить. А в половине третьего ухожу, договорились?

Как назло Шихмана пригласили на круг именно тогда, когда Юрик уже имел полное право уйти.

Толик вышел, снова помахал пустым трибунам, Юрик стоял у крайней скамейки, готовясь заорать, что есть мочи, после чего по-быстрому драпать. Шихман требовательно посмотрел на приятеля, согнулся в устрашающей позе, явно собираясь одним ударом разmozжить всю судейскую коллегию, сидящую за столиком.

Со страху не успеть на свидание к Юленьке, Юрик заорал, будто его неудачно зарезали. Шихман раскрутился по широкой орбите, но удержался, не вылетел из круга, зато ядро шмякнулось за десятиметровой линией, напугав контролера, не ожидавшего такой прыти от странного неспортивного атлета.

От радости толкатель подпрыгнул, рывкнул: “А фиг ли...”, и снова стал размахивать руками на все стороны. Но Погосян этого уже не видел, набрав скорость, он пулей пролетел ворота стадиона.

Главным сейчас было не опоздать, на переодевание времени не осталось.

Дверь в комнату открылась сразу, как только он подошел и стукнул.

– Привет.

– Откуда такой взмыленный? – удивилась Юлия.

– Бегал стометровку на профсоюзных соревнованиях.

– А по виду так марафонскую дистанцию на зачет сдавал.

– Куда пойдём? Может, в кино? Я бы сгонял за билетами.

– Мне кажется, ты на сегодня набегался, сядь, передохни лучше, – она повернулась к двери, и два раза щелкнула замком.

– А где твои девчонки?

– Девчонки как раз и убежали в кино.

– Ясно, так что, мы будем совсем одни?

– Ах ты догадливый какой, прямо на удивление смысленый молодой человек мне попался, – она села к нему на колени, обняла за шею.

Он обвил рукой талию. Поцелуй продолжался минут десять.

– Ты сводишь меня с ума, – простонала Юля.

Конечно, сходиться с ума – приятное занятие, но Юрик не хотел бы сходиться с ума окончательно, взял ее руку, сжал, пытаясь собраться с мыслями.

– Я хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Большом?

– Не очень, но чрезвычайно для меня важно. Давай как-нибудь сходим вместе в ювелирный магазин, сможешь выбрать одну вещицу.

– Какую? – она чмокнула его в нос.

– Секрет пока.

– Ах, ты мой богатенький Буратинушка, ну какие могут быть у тебя секреты от меня, когда я вот она, вся твоя? Ладно, ладно. Тогда для кого? – и снова – чмок в нос.

– Маме золотые сережки хочу подарить.

– Маме?

– Да.

– А что, у нее нет?

– Были, но она их продала, – Юрик не стал уточнять, что продала их мама, готовя его к отъезду в Борисов на учебу, еще перед первым курсом.

– Ну, ты молодец, хороший сын, однако, надеюсь, не маменькин сыночек? Поднять любимую девушку и поносить на ручках можешь?

– Да запросто.

Он встал, держа ее на руках, и слегка подбросил. Юлька еще крепче вцепилась в шею и согнула ноги в коленях, чтобы ему было удобней держать, но все же Юрик переоценил свои возможности, недооценив вес любимого человека, – красивого ношения на руках не получилось. Он сделал три неуверенных шага по комнате, оказался возле ее кровати, и опустил осторожно на постель.

Юлия заложила руки за голову и осталась лежать, глядя ему прямо в глаза в расстегнутом им халате и том маленьком купальном костюме, в котором ходила загорать. Сколько можно терпеть?

Он сорвал с нее лифчик, одновременно пытаясь развязать узелки на кедах и стащить их. С одним это вышло, а на другом узелок крепко затянулся, пришлось помучаться с расшнуровкой, жутко краснея, прежде чем желанный миг настал.

Кеды сброшены, олимпийка тоже, тенниска полетела куда-то следом, и он своей голой разгоряченной грудью поспешил прижаться к ее большой, нежнейшей, ждущей встречи груди, и, поймав жадно встречающие губы губами, стал целовать. Вдруг наступило счастье.

В дверь постучали особенно громко, так долбятя среди ночи комендант общежития с представителем деканата и милиционером вдобавок, дабы произвести паспортную проверку на предмет обнаружения не прописанных в комнате граждан. Юлька сильно оттолкнула его от себя. Затормозил только у стола.

– Одевайся быстро! – прошипела как кошка, неслышно вскакивая с постели и буквально на лету расправляя то, что оказалось смятым, бросая ему из своего полета откуда-то взявшиеся тенниску, олимпийку, ну, а за кеды он схватился сам. Конечно, те оказались не расшнурованными, а попробуй-ка враз обуть такие запутанные кеды, когда это смертельно надо. Тем более, Юлия стоит у дверей в халате, уже застегнутом на все пуговицы и следит за его неудачными попытками уничтожающим взглядом.

Треск, с которым он запихнул ноги в проклятую спортивную обувь, запросто могли услышать в коридоре. Не подняв головы, завязал крепко накрепко, рискуя оторвать шнурки, и распрямился во весь рост по стойке смирно, сверкая блестящими глазами на темно-малиновом лице, тут же быстро сел на стул и сложил ручки на коленках, как в детском садике.

Сурово молчащая Юлька с бледными носом и щеками, тихо крутнула замок и резко отворила дверь.

– Не займешь соли? – спрашивающая осталась невидимой для Юрика.

– Займу, – последовал лаконичный ответ.

И точно, взяла с подоконника пакет и отдала весь в коридор.

– Я сейчас же занесу, у меня суп варится, а соль кончилась.

– Хорошо.

Дверь закрылась, но Юлия осталась стоять на том же месте, не меняя позы. Только опустила голову и кусает губу. Ждет.

Что же сейчас произойдет? А вдруг она потом забеременеет?

Наконец соль вернули.

С тем же хмурым лицом Юлия подошла к своей кровати, села, потом легла, расстегнула пуговицу за пуговицей халат, лифчик оказался надетым:

– Ну, что же ты? Давай быстрее.

Он снова скинул олимпийку, тенниску, подошел, вздохнул тяжело, посмотрев на смертельно завязанные кеды.

– Быстро развязать не получится, узлы затянулись.

В этом было невозможно признаться даже себе, однако теперь он не желал ее с той страстью, как только что, всего минуту назад. Практически совсем не хотел, и казалось странным, совсем нерадостным, что Юлия так ждуще раскинулась своим удивительно красивым телом по кровати. Стыдно даже предположить, что не только ей придется сейчас заголяться до конца, но и ему надо стягивать спортивные трусы. Что за идиотизм открывать интимные места у другого человека, потом у себя, а если посмотреть со стороны трезвым взглядом на последующий процесс, то и вовсе одно скотство получается. Он понял, что не хочет ее. Еще может, но уже не хочет. Сладостная мечта превратилась в дико нецивилизованное извращение, которое придется совершить, потому что все к тому идет семимильными шагами и отступать поздно. Нельзя отступать. Это никогда не простится. Заметив его смущение, она подняла голову с подушки, глянула вниз на кеды:

– Ладно, не снимай, иди сюда, ложись. Подстели что-нибудь, вон хоть газету, – и, раздвинув ноги, показала место, куда следует положить, меж своих голых пяток.

Пребывая в легком, звенящем трансе, Юрик взял с тумбочки помятую газетку, аккуратно расстелил в конец кровати, куда было указано, прочел заголовок: “Вперед к новым свершениям!”, расправил получше, чувствуя, как она нетерпеливо наблюдает, и с тяжеленным многопудовым стыдом опустил одно колено меж ее раздвинутых, страшно оголенных ног, по-настоящему теперь голых, а не просто для соблазна, оглянулся назад, чтобы кед попал на газету, потом установил второе, и осторожно возлег на нее, с холодным ужасом осознавая, что не только не хочет, но уже и не может ничего. И хорошо, что она пока в трусиках, а он даже в тренировочных штанах. Привычным движением легко избавил девушку от лифчика, Юлия сразу облегченно вздохнула и в ироническом тоне, подавляя усмешку, спросила:

– Ты, наверное, меня всю разденешь?

– Нет, – выдохнул Юрик, отводя взгляд, но пытаясь говорить в том же ироничном ключе и погладив ее роскошную грудь потными от переживаний руками.

– Нет? – переспросила Юлия очень удивленно.

– Сегодня нет, – повторил он, – как-нибудь потом, в будущем обязательно.

От потных рук на белоснежной груди образовались катышки. Она не замечала этого.

– Извини, – он убрал ладони в стороны, – кажется, я запачкал тебя.

Юля не поняла и переспросила, расширив глаза:

– Что?

Он указал на грудь.

– Боже мой, руки не мыл со стадиона?

– Извини, я не успел, – понимая, что все окончено, оперся о кровать и легко соскочил своими дурацкими кедами с газетки на пол.

Юлия с равнодушным видом застегивала халат на все пуговицы, лежа и глядя на стенку.

– Ладно, иди, сейчас все равно скоро девчонки прибегут. Да мне и позаниматься надо, завтра два зачета, один правда автоматом должны поставить, но кто знает, что преподавателю взбредет в голову. Иди.

Обиделась. Погосян хотел поведать о своих планах, что собирается серьезно поговорить с матерью этим летом, и тогда они смогут жениться по-настоящему, но решил не нарываться. Юлия взяла книжку, лежавшую на прикроватной тумбочке, села за стол, открыла, не глядя в его сторону. Коротко попрощался: “Пока” и вышел, тщательно притворив за собою дверь. Газетка осталась лежать на кровати типографским пятном несмываемого позора.

Гнетущее состояние. Она точно решила, что попала на импотента, какой стыд, какой ужас! Хотя, если честно... второй-то раз, шурша кедами по газетке, ему уж точно расхотелось и, слава богу, что его выпнули до того, как окончательно бы припозорился. С одной стороны, конечно, слава богу, что все более-менее обошлось, а с другой – только и остается, что найти укромное местечко, где можно быстренько, аккуратненько, без лишнего шума повеситься. Люди добрые, займите веревку покрепче молодому влюбленному человеку! Он быстро.

18.

После первого сданного в июне экзамена по математической статистике Юрик внезапно обнаружил, что в городе расцвела сирень, причем благодаря жаркой погоде расцвела она повсюду разом, и все улочки-закоулочки наполнились ее приторным ароматом, будто разбрызгали тысячу флаконов с одноименными духами.

Он пригласил Юлию погулять в честь того, что зацвела сирень, к тому же, как оказалось, она тоже только что сдала экзамен и даже, представьте себе, уже второй и оба на отлично.

Сирень цвела за заборами частных домишек, выпуская наружу кисейные ветви, огромными сиреневыми парусами в палисадниках, просто на газонах, в парках и особенно бушевала в университетской роще.

Как назло всюду полно народу, все скамейки перед главным корпусом заняты, везде сидят студенты с книжками и конспектами, естественно, ни черта не учат, а только орут, обедаясь дешевым мороженым по тринадцать копеек, да хохочут.

Кроме того, что все скамейки заняты, так еще по самым потайным тропинкам шарятся компании, рассуждающие о ферромагнитных сердечниках и Льве Толстом, а задумчивые очкарики с конспектами, хоронясь в кустах, вслух бубнят про идеализм Платона и о марксистском понимании диалектики Гегеля. Остаться с девушкой наедине хоть на одну минутку, чтобы среди бела дня ощутить на губах летучий поцелуй, решительно негде.

Напрасно избегали все закоулочки, ничего не нашли и остановились у левого крыла главного корпуса, где широкая асфальтовая пешеходная дорога делает последний гибкий поворот, перед тем как разделиться веером. Люди окружали их стаей перелетных птиц, летящих во всех направлениях.

Посреди большого зеленого поля растет многолетний куст сирени, похожий на огромный шар, покрытый махровыми букетами цветов, а также множеством бабочек, пчел и шмелей, кружившими, жужжащими, перелетавшими с цветка на цветок, с кисти на кисть. «Для них этот куст – целая Вселенная, – позавидовал Юрик, – эти-то не

обращают внимания друг на друга». А тут кажется, что все смотрят на них, а страстный поцелуй первый, после долгой разлуки, требовал уединения.

Вдруг им одновременно пришла в голову одна и та же простая мысль: взявшись за руки, они обошли куст и, оказавшись с другой его стороны, тотчас набросились друг на друга так яростно, что вначале крепко стукнулись зубами.

Отсюда их не видят посторонние, бегающие и гулявшие по дороге с рассеянным видом иностранных туристов – делать людям нечего, сидели бы дома!

А вот через окна здания, изнутри, все, конечно, прекрасно видно, но это ни капельки не смущает.

Старинные стекла имеют цвет темный и непрозрачный как зеркала, отражающие ландшафт рощи, цветущие заросли сирени, стриженные зеленые лужки и голубое небо.

Она охватила руками его шею, Юрик обнял ее и крепко прижал к себе: поцелуй длится минуту, и две, и пять, и десять. В течение всего времени молодой человек напирал на девушку, та не двигалась с места, а лишь прогибалась гибкой тростинкой назад, и настало мгновение: вот-вот взмахнет руками и упадет на траву.

Чтобы не упасть обоим, пришлось поддержать ее за спину, но этого оказалось недостаточно для сохранения равновесия, они образовали некое балетное па, продолжая целоваться, однако в это мгновение раздались сильные удары в раму, с оглушительным треском огромное окно первого этажа разломилось створками, на зеленую травку посыпались кусочки застаревшей краски и дерева.

В окне сгрудилась куча народу, которая кричала, хлопала в ладоши и свистела.

– Ну ладно, будет смешить людей, – Юлия подхватила сумку, дернула Погосяна за собой, – идем отсюда быстро!

Скорым шагом обогнули главный корпус, шествуя с гордо поднятыми головами, полные достоинства и уверенности в себе спустились по деревянной лестнице на дорогу, которая, петляя, уходила в сторону старого стадиона.

Повеяло исторической родиной: грузино-кавказско-армянскими горными кручами. Машины здесь не ходят. Студенты после начала сессии тоже забыли дорогу на стадион, неплохое местечко для того, что бы приостановиться и отдохнуть...

Куда она так торопится? Главное, молча. Летит стрелой. А он за ней.

То, что их могут увидеть снизу, где за болотом растянулась длинная улица с редкими домишками и большими огородами – ну и подумаешь!

Юрик попытался затормозиться в исторически радостном месте, как никакое другое оно подходило для приятнейшего в мире занятия, однако Юлия тянула его вниз, туда, где стояли серые домики, и хоть редкие, но все же шлялись по улицам маленькие людишки. Что там делать?

Они свернули с дороги на немощный тротуар, пошли по улице, где на взгляд Юрика делать им было совершенно нечего. Вдруг Юлия дернула кожаную веревочку с узелком на конце, свисающую с низенькой, сбитой из реечек калитки, та со скрипом отворилась.

– Здесь моя бабушка живет, – сказала без улыбки, с сосредоточенным видом игрока, ведущего сложную партию вслепую, – давай, заходи быстро!

Погосян крайне удивился. Про бабушку он ничего прежде не слышал. От калитки прошли к невзрачному, обшитому теми же узкими реечками домику с завалинкой, крыша которого была покрыта рубероидом. Во дворе вдоль забора росли три куста смородины, стояла ржавая бочка для сбора дождевой воды с крыши.

Юлия быстро пошарила рукой над крыльцом меж неплотно прибитыми досками, и выражение лица из озабоченного сделалось радостным.

– Бабульки нет, наверное, по магазинам пошла в очередях стоять, это надолго. Назанимает с утра очередей, а потом бежит целый день меж ними, проверяет, колбасу в магазине на площади только после обеда привозят на час продажи, килограмм сто, не больше, а масло сливочное в другом магазине за два квартала.

Сунула ключ в скважину, дверь застонала, как тяжелобольная.

– Заходи по-быстрому!

Юрик испуганно сглотнул слюну.

Пригнув голову, нырнул следом под низкую притолоку в темные сени, потом по узкому, заставленному всевозможными вещами коридору, прошли в маленькую старушечью спальню об одно подслеповатое окошко, плотно завешанное шторками, с накрытым домотканым рушником вместительным сундуком, и, главное, железной крашеной-перекрашенной кроватью в углу, на которой высилась правильная пирамида подушек и подушечек, все в разноцветных наволочках. Над кроватью в углу голубым огоньком светилась лампадка. Пахло чужим, душным, церковным.

Юлия принялась решительно скидывать подушки с кровати на сундук. И одновременно трясла ногой, пытаясь сбросить туфельку. Юрик смотрел, как при этих энергичных быстрых движениях сотрясается ее икра, чувствуя горячее раскаленное желание, стремительно охватившее изнутри. Теперь она точно будет его, никуда не денется!

Совершенно необязательно уведомлять мать о принятом решении. Известить можно и летом, в спокойной обстановке, постфактум, ведь даже если Юлия и забеременеет, то ребенок родится все равно не завтра, не летом, а только через девять месяцев. А в сентябре, собственно, еще ничего не будет заметно, когда они сыграют свадьбу. Летом Юлька придет в гости в качестве невесты, и они будут вместе, навсегда вместе! Какое счастье!

Вторая туфелька улетела каблуком в беленую стенку, отбив кусок штукатурки, хорошо, что не попала в окно, весьма предусмотрительно занавешенное. Юлия рванула вверх платье, которое пошло не так, он кинулся к ней, помог стянуть через голову. По полу что-то покатило, то ли пуговица сломалась, то ли еще что-то пластмассовое или костяное, ах, да, очки. Не обращая на них внимания, Юлия бросилась к нему с поцелуем, мягко, но сильно прижимаясь грудью, все еще стиснутой тугим лифчиком, снимать который входило в его почетные обязанности, и заглядывая в лицо своими чудными бархатистыми и такими страстными очами. Все было решено. Сейчас или никогда.

Не закрывая глаз при безумно горячем поцелуе, он ловко растегнул защелку на спине. И тут же прихватил тесемки в горсть, не давая лифчику сползти, – в длинном коридоре, по которому они только что бежали и откуда проникал свет в эту затемненную комнату, мелькнула чья-то совершенно не нужная в данный момент тень.

– Кто-то идет, – произнес, насильно отрываясь от ее губ, севшим голосом.

Со скоростью, явно превышающей все известные пределы, сброшенное платье было с треском надето прямо на расстегнутый лифчик, найдены очки и все подушки одновременно, как в цирке у жонглера воспарили в воздух, и одна за одной поплюхались на кровать, выстроившись там правильной пирамидой.

– Юлька, ты, что ли? – раздался уже совсем поблизости старушечий голос.

– Я, – ответила Юлия деловито, как ни в чем не бывало.

Пошла навстречу из комнаты. Он потный, бордово-красный, будто только что разрезанный пополам и на скорую руку сшитый на машинке, а вдобавок с угоревшей от лампы головой, бочком двинулся следом. В темноте коридора они наткнулись на ссохшуюся старушонку с маленьким морщинистым личиком в виде треугольника, ограниченного черным платком. Темное одеяние и платок делали ее похожей на монашку и ничем, абсолютно ничем не походила старушка на высокую, статную красавицу Юлию.

– Опять парня привела, – всплеснула руками бабка, хлопнув по тощим мощам, – это ж чо ты с нами делаешь? Я вот отцу-то все расскажу, больше молчать не стану! Хватит!

Склонив голову несколько набок в бабкину сторону, не отвечая ей, Юлия быстро-быстро проскочила мимо, Юрик успел сказать: «Здравствуйте», попытался улыбнуться

бабушке своей возлюбленной и драпанул следом, сгорбившись, втянув голову в плечи, как будто опасался, что вслед что-нибудь кинут тяжелое.

Бабка не кидалась и больше ничего не говорила, а семеняла за ними до самой калитки.

Оказавшись на улице, Юлия вчистила обратно в гору с не меньшей скоростью, чем когда спешила сюда. Погосян бежал рядом. Это походило на позорное отступление и переход Суворова через Альпы одновременно.

– Давай поженимся в сентябре... или в октябре? Ты не против?

– Почему? – движение в гору замедлилось.

– Что почему?

– Почему обязательно надо ждать осени, занятий, когда впереди два свободных летних месяца?

– После экзаменов домой съезжу спросить разрешения у матери. Тебе тоже надо известить родителей. С учетом повышенной стипендии можно снимать комнату, или даже профком выделит нам отдельную в общежитии. А в июле-августе подзаработаю денег на свадьбу.

Юлия удивленно расширила глаза:

– Ты будешь спрашивать у матери разрешения жениться?

– А ты разве не будешь?

– Поставлю в известность. Пусть готовят свадьбу.

– Так, значит, ты согласна?

– С чем согласна?

– Выйти за меня замуж?

– В принципе, да, только не понимаю, зачем ждать так долго. И вообще я не считаю, что родителей надо спрашивать, жениться нам или так вместе спать. Любовь – это наше с тобой дело, и ничье больше. По любви можно хоть сейчас пойти и расписаться, – не заметив на лице Погосяна согласия, продолжила: – но учти, терпеть не могу малохольных маменькиных сыночков, у которых одно на уме всю жизнь: «А мама сказала то, а мама сказала это». Мама для них первая и последняя законная инстанция, держаться за ее подол будут до пенсии. С таким великовозрастным дитем все равно каши не сварить. Анекдот даже есть: после первой брачной ночи молодой муж ползает по постели и что-то ищет. Новобрачная курит сигарету в форточку и спрашивает: – Что ты там потерял? – А мама говорила, что на простыне должно быть красное пятнышко. – Передай своей маме, что у меня белокровие.

Юрик весело захохотал.

– Надеюсь, ты не из тех маменькиных сынков, которые по утрам ползают с увеличительным стеклом, изучая простынки? – спросила Юлия, дождавшись, когда он прекратит смеяться.

– Я? Нет.

– Мою бабку тоже слушать не стоит. Всегда норовит какую-нибудь пакость устроить, характер такой, поздно перевоспитывать на старости лет. Специально про парней сказанула, чтобы нас с тобой развести. По ее мнению, я обязана жить при ней и никуда не ходить, сидеть в духоте и слушать преданья старины глубокой. Благодарю покорно, пожила на первом курсе, больше ни за какие коврижки, довольно с меня, общежитие в сто раз лучше.

Юлия насмешливо скосила фиолетовый глаз на кавалера, вздохнула и замолчала.

И молчала весь оставшийся путь до общежития, внимательно разглядывая асфальтовые трещины под ногами. Задумчивость ее была настолько глубока, что Юрик не решался завести новый разговор.

– Вот что, Юра, – произнесла официальным тоном перед дверьми общежития, – давай встретимся завтра, я еще подумаю над твоим неожиданным предложением и завтра тебе отвечу, хорошо?

– Хорошо.

Она не пригласила зайти, и он побежал в профком, еще раз проверить все документы по проведенной билетизации студенческих масс. Со дня на день должен приехать шеф.

Открыл профкомовскую дверь и глазам своим не поверил, такая предстала умилительная картина: Шукис сидел перед Беллой Ивановной на месте ее постоянной клиентуры и разговаривал самым, что ни на есть, любезным образом.

– Здравствуйте, – второй раз за один час вымолвил Юрик с ошарашенным видом.

Белла Ивановна, как всегда в таких случаях, бросила взгляд точнехонько ему в переносье, после чего отвернулась к окну, давая понять, что заметила вошедшего.

– А, это ты, ну, привет, привет, – Шукис, лениво щурясь, протянул квадратиком ладонь. После чего вновь обратился к своей конкурентке, продолжая говорить, что им на данном этапе необходимо объединять усилия, и что многолетний опыт Беллы Ивановны есть бесценная сокровищница всего профкома, из которой он собирается черпать еще многие годы.

Короче, шеф лил ей на голову Черчилля самым щедрым образом, ни словом не упоминая Москву, мягко ненавязчиво улыбаясь. Что, впрочем, не производило на мастера гипноза ни малейшего впечатления.

Юрику Шукис подал сигнал сидеть и ждать его. Битых два часа пришлось слушать медоточивый голосок начальства. Аж противно, как внутривенное вливание. Наконец тот слез со стула, ибо пришла настоящая клиентка, и ему ничего не оставалось, как освободить место.

Юрик доложил о блестящем завершении обмена билетов, на что Шукис лишь вяло махнул пальчиками, мол, потом, да и неважно. Оставалось дивиться – шефа в Москве словно подменили. Они вышли из профкома и двинулись к общежитиям.

– Все полетело к черту, – сказал Шукис, нервно закуривая. – У Черчилля косматая рука наверху, мне только слегка намекнули, насколько косматая, что сразу поплохело. Не ожидал от нашей старухи такой подлянки, не ожидал... Просто черт знает что на свете делается. Я бы с такими связями давно в Политбюро сидел. Придется жить в любви и дружбе, черт бы побрал этот профсоюз, нелегитимная организация, кругом одни блатные. А куда деваться? Блат выше наркомата. – Он задумался. – Так говоришь, обмен документов нормально завершили?

– Все в порядке.

– Это плюс. Молодец, потом расскажешь в подробностях, я сегодня с самолета, устал, как цирковая мартышка в очках и сразу к Черчиллю на прием – грехи замаливать. Надо будет выстраивать отношения с этим мажарским контингентом, ничего не поделаешь, придется терпеть, петь дифирамбы и здороваться по утрам. Кстати, тебе она отвечает?

– Нет.

– И мне нет. Значит, и впрямь солидные связи имеет. Так бы и прибил за хамство. Ты еще забеги обязательно до отъезда, кой-какие дела обсудим на перспективу.

Шукис согнулся в пояснице, и, семеня ногами как старик, быстро перебежал дорогу перед самым носом автомобиля.

Вот как Москва может выбить из колеи человека, так что он начисто забывает о собственной безопасности.

Все утро следующего дня Погосян чистился и принаряжался, готовясь к решающей встрече. Ситуация напоминало сватовство, где он выступал в роли свата и жениха одновременно.

У бабок, торгующих на трамвайной остановке цветами с мичуринских садов, купил роскошный букет пионов и точно секунда в секунду стоял, стучался в притягательную дверь на втором этаже.

В комнате кроме Юлии находились обе ее соседки, которые явно не собирались никуда уходить, сидели за столом и готовились к очередному экзамену. Юлия указала ему на стул, сама же присела на кровать, имея вид самый, что ни на есть домашний.

– Хочу спросить, как ты представляешь себе нашу жизнь после окончания университета?

– Обыкновенно. Окончим, значит, и если не поступим в аспирантуру, поедем домой, устроимся на работу, и будем жить-поживать, добра наживать.

– У твоей мамы?

– Конечно. Да ты не беспокойся, у нас две комнаты, мама в одной, она нормальный, хороший человек, мы в другой, все автономно, места всем хватит.

– Ага, стукаться на кухне задами. Ты должен сразу уяснить, что я буду во всем выступать против твоей мамы и в первую очередь потребую, чтобы мы жили с ней раздельно.

– Но, понимаешь... Она у меня не очень молода... здоровье неважное... скоро совсем состарится, что будет делать одна в частном домике с печкой?

Юлия остановила на нем долгий, немигающий взор.

– Чтобы сохранить хорошие отношения с родителями, надо жить с ними раздельно. Желательно в разных городах.

Странная получается история. Еще минуту назад он и думать не думал о матери, некогда было, но стоило Юлии поставить вопрос ребром, как все внутри, гораздо более глубокое, более важное и насущное, вдруг возмутилось.

– Нет, я так не согласен. Будем жить в нашем доме, с матерью. Она тебе понравится. Со временем получим благоустроенную квартиру и переедем туда все.

– Она мне не может понравиться.

– Не говори так, ты ее не знаешь.

– Она мне не понравится, я это знаю, – Юлия встала с кровати, подошла к двери, открыла ее и встала возле, указывая рукой в коридор.

– Уходи.

Юрик встал и вышел. Дверь закрылась.

Пошел по коридору обычным шагом, каким ходил всегда, потом свернул на лестничную площадку, спустился на первый этаж, дошел до вахтерши, пожилой, огромных размеров тетки в стеганой безрукавке и домашнем байковом халате, в платке и очках на веревочке, рухнул без сил на стул рядом под грузом огромной тяжести, которую нес от комнаты Юлии.

Вахтерша оторвалась от газеты, недоуменно глянула в его сторону поверх линз, вздохнула и продолжила чтение.

Его будто оглушило: в голове ровный монотонный шум и ничего более. Не хочется ни вставать, ни думать ни о чем.

Вахтерша перестала обращать на постороннего внимание: сидит и сидит себе, ждет кого-то, наверное. Иногда она делала тщетные попытки наводить порядок, требовала предъявить документы, но приходящие спокойно шли мимо, будто не слыша. Некоторые доставали какие-то корочки. Прочие только обидно улыбались.

Покричав для видимости, бабка затихала, снова бралась за пожелтевшую, в пятнах газету «Известия» месячной давности. Она походила на систему законов страны: требовательных и строгих, которые большей частью никем не исполняются. Органы орут, что все про всех знают, а народ тащит напропалую, что где плохо лежит, тем и выживает только. Система действительно это знает и не двигается с места: всех пересадить никаких тюрем не хватит.

И он тоже не двигался. Сидел и смотрел прямо перед собой, как пустой игрушечный болванчик. И пусть себе. Это бывает. Но что же ему теперь делать?

Ничего. Ничего не делать. Сдать последний экзамен и домой.

Так он, извините, все еще сдает экзамены? Просто удивительно, что когда мир кругом рушится на глазах и разбивается вдребезги, некоторые по-прежнему учатся. Он станет вечным студентом. Будет весь седой ходить на лекции. А преподаватели станут рассказывать первокурсникам: вон, видите, тот человек, который посидел в один день из-за несчастной любви, это есть наша древняя университетская достопримечательность. Ему разрешено посещать лекции всю оставшуюся жизнь.

Оглушенный Погосян пробыл на вахте несколько часов, пока на улице не стемнело, было около двенадцати. Старуха перестала клевать носом, начала недовольно поглядывать в его сторону, – дескать, хватит, посидел, пора и честь знать!

Ей надо затворяться, да укладываться на боковую, сдвинув стулья и соорудив неважнецкое лежбище. В семьдесят лет она вынуждена спать на стульях. Вот дожила бабка, так дожила!

Вдруг мимо по коридору знакомой горделивой походкой прошла к телефону Юлия. Набирая номер, она не выглядела слишком удрученной, да и разговаривала веселым голосом, совсем как из прежней жизни. Юрик глядел на нее тускло, без всякого выражения, он не понимал, о чем разговор и даже не прислушивался.

Тем временем Юлия обернулась к вахте лицом, бросила случайный взгляд, который угодил прямо на него. Резко отвернулась, со значением повесила трубку и быстро прошла мимо, доказывая, что удаляется от него навсегда.

Погосян тоже встал и вышел вон. К большой радости старой пенсионерки-вахтерши.

В магазине стоял таинственный полумрак, у входа дежурил милиционер. Он смерил Юрика подозрительным взглядом, а тот раскрыл рот, не зная, куда идти.

По всему периметру зала толпились в три слоя граждане большей частью солидного возраста и солидной комплекции со светящимися глазами и лицами. Привычной очереди, как в гастрономе, здесь не было.

Вновь прибывшие пристраивались к третьему слою, постепенно проникали во второй, затем в первый, оказываясь, наконец, у вожделенных стеклянных прилавков с драгоценностями.

Юрик последовал общим правилам, и скоро разгадал причину счастливого свечения лиц граждан. Витрины с драгоценностями освещались изнутри, и этот свет просто-таки одухотворял покупателей. Однако из третьего ряда не видно, что там рассматривают граждане первого ряда. Когда он пробрался к прилавку, занимая постепенно освобождающиеся места, стало ясно, что попал не туда; на черном бархате светились кулоны разных форм, цветов, с камнями и без, но ему-то нужны серьги.

В другом месте, где народа набилось плотнее всего, отстоял минут пятнадцать и, находясь во втором ряду, осознал, что здесь предлагают только кольца да перстни, снова сменил место на соседнее, где довольно легко пробился к наборам серебряных ложек, ножей и рюмок с позолотой, что продавались по весьма дорогой цене и не были ему нужны, так же как и кольца.

Юрик покосился на милиционера, в тот же момент, когда милиционер зыркнул на него. К сережкам попал только после цепочек. А попав, вцепился в прилавок и не поддавался, когда не пытались оттеснить и слева и справа тетки, считавшие, что кроме них никому другому здесь делать совершенно нечего.

То, что захотелось купить, увидел сразу, и уже не мог отвести взгляда от большущих фигурных золотых сережек, с красными лучистыми камнями. Они возлежали на черном бархате королевским подарком и сверкали меж своих собратьев, затмевая их полностью. Конечно, стоили украшения прилично, но именно такие деньги у Юрика и были. Все сошлось воедино, он потребовал показать изделия, продавщица не в пример

более вежливая, нежели в гастрономе, дала одну штуку. «Беру», – сказал он, хотя в руках и без спецосвещения сережка не выглядела столь великолепной, как на витрине.

Заодно приобрел плоский черный футляр размером с ладонь, с красным бархатом внутри, куда феноменально красиво улеглись тяжелые золотые серьги, ставшие настоящими фамильными драгоценностями.

Стоит нажать кнопку, крышка футляра откидывается, и блеск золота бьет прямо в сердце. Вот мама обрадуется!

Против всех прежних правил на этот раз к экзамену готовился у себя в комнате, чтобы иметь приятную возможность через каждые двадцать минут устраивать пятиминутную перемену, во время которой доставал из-под подушки футляр с драгоценностями, нажимал кнопку: щелк! И с красного бархата в грудь вливалась волна радости. Как же она обрадуется, боже мой!

На волне приподнятого состояния легко сдал последний экзамен и поехал домой, не зайдя на прощание к Шукису.

Он заранее все продумал. Вручение подарка должно произойти за столом с праздничной скатертью. Срезал с маленькой затененной клумбы оцветающие пионы, поставил вазу с цветами в центр стола. С позабытым детским нетерпением еле-еле дождался маму с работы, попросив занять свое место на стуле. Сейчас состоится грандиозное волшебство. Внимание!

– У меня для тебя сюрприз, – произнес загадочно, располагая футляр на столе специально таким образом, чтобы лучи осветили содержимое в лучшем виде, когда крышка откроется.

Мама не без удивления следила за странными приготовлениями.

– Да? И что это?

– Сейчас посмотришь!

Нажал кнопку, луч блеснул по золотому узору, пролился на красный бархат гранатовым живым светом.

– Примерь. Это мой тебе подарок.

– Откуда?

– Купил в ювелирном магазине. Деньги накопил со стипендии.

– Слишком роскошно, – смутилась она, робко беря сережку. – Какая тяжеленная, здесь килограмм золота!

Надев вторую, приблизилась к зеркалу, недоверчиво в него заглянула.

Юрику и без зеркала ясно, что купил не то. Если бы мама была яркой жгучей брюнеткой, армянкой, гречанкой или цыганкой с чувственными губами, горячими черными очами, то да, они пошли бы ей. Но на ее маленькой голове, с блеклыми седоватыми волосами, тонкой сухой кожей и многочисленными морщинами на шее, тяжелые золотые серьги смотрелись излишеством.

Оба поняли это, но вслух восхитились и отображением в зеркале и самими сережками. Мать надела их на следующий день на работу, чтобы похвалиться подарком. Кому еще сын-студент покупает золотые серьги со стипендии? Только ей. И только раз она в них вышла в свет, после чего убрала на место в футляр.

А через неделю спросила Юрика, не будет ли он против, если обменяется сережками с одной яркой коллегой, которой те весьма приглянулись, на другие, поменьше, с камнем александритом. Ведь ее камень – александрит. И те, другие украшения все равно будут навсегда считаться подарком Юрика маме.

Он с жаром согласился: конечно, само собой, какой разговор? На завтра в ее ушах оказались скромные, почти незаметные сережки с розоватыми камушками.

– Да, эти тебе больше подходят, – согласился Юрик, – я купил слишком большие и без александрита. Блестели уж очень красиво на витрине, не смог устоять. Глупый, правда?

19.

Скучно, грустно и настроение день ото дня делается все хуже, – не помогает ни созерцание родных мест, ни купание, ни загар, ни хорошая погода. Душа укладывалась в зимнюю спячку, перепутав сезоны.

Впереди еще полмесяца летней каникулярной жизни, а он уже предчувствует грядущую осеннюю депрессию, в ожидании которой начинает подташнивать, как забеременевшую в предчувствии огромного живота. Нет ничего противнее грязной, холодной и одинокой осени в городе Борисове.

Юрик лежал на сарае, уткнув нос в пахнувший нефтью горячий рубероид, а близкая осень грозила засохшим листом, павшим с тополя на крышу от жары и безводья.

Влияние весеннего взлета окончательно утеряло силу; слишком долго планировал с гималайской высоты чувств, пока не ткнулся в землю. Дальше начнется сползание по наклонной плоскости в грязную канаву подлейшей тоски.

Чтобы поднять настроение, решил сходить в гости к однокласснице Вике, узнать новости. Штатная домоседка Виктория никуда не уехала, как водится, пребывала дома.

Погосян прошел следом за ней в комнату, сел на другой край дивана и подумал, что у Вики появилась новая черта в общении: ровно она чего-то стесняется, явно пребывает не в своей тарелке. Будто ждет кого, кто придет, и, застав ее с Погосяном, рассердится, нет, не рассердится, но все равно их отношения изменятся в худшую сторону, и ее это беспокоит каждую минуту.

– Если к тебе должны прийти, говори сразу, я ведь просто так зашел, без всякого дела. Могу забежать как-нибудь в другой раз, время еще будет.

– Нет, ничего.

Ручка закрытой двери повернулась, в комнату вошла девушка с пышной копной влажных волос, сказала «Уф!» и стала расчесывать их у зеркала, опустив голову вниз. Юрика она заметила минуты через две, когда он кашлянул.

Вика медленно улыбнулась тонкими губами.

– Катя, познакомься, это мой одноклассник Юрик. Юрик, это моя подруга Катя. Прошу любить и жаловать.

От девушки исходило благоухание чистоты и невинности. А также хорошего импортного шампуня. Красоты она не отличалась, имея круглое лицо, на котором зеленели в прищур умные глаза и остренький нос. Белесые брови, ресницы и множество полувыведенных веснушек дополняли картину. Пожалуй, волосы лучше всего, – подумал Юрик, – даже влажные пушисто выются и редкого естественного светло-серого цвета, в остальном ничего особенного. К сожалению.

Видимо, и девушке Кате Юрик не понравился, она продолжала расчесываться, не обращая на него никакого внимания.

– Юрик учится в Борисовском университете, а Катя в нашем университете, филолог-литературовед, собирается изучать творчество Булгакова. Будьте знакомы!

– Будем, – сказал Юрик. – Но, честно говоря, не слышал про такого писателя.

– И не читал «Мастера и Маргариту»?

– Нет, не читал.

– Он математик, – выправила положение культреггер Вика, – ты его подтяни, дай почитать.

«Не мой типаж, – подумал Юрик, – нечего и начинать, думать даже не стоит. Но есть в ней нечто. А что – непонятно. Впереди четырнадцать дней, день отъезда – день приезда, так и вообще двенадцать. Напроситься, что ли, в гости, на Булгакова?»

Сделать это с помощью Вики оказалось легко. С Катей они вышли вместе.

И как-то само собой подразумевалось, что идут прямо к ней домой за «Мастером и Маргаритой» неизвестного писателя Булгакова.

Катя жила в центре, в новом девятиэтажном кирпичном доме, стены которого выложены плиткой. По сравнению с обычными панельными многоэтажками не дом, а кремлевский дворец.

Они вошли в лифт, отделанный пластиком, а не стружечными плитами, Катя оказалась совсем близко, ее волосы все еще пахли влажной свежестью.

– Хороший у вас домик.

– Да, новый, – согласилась Катя, – поэтому все время перебои с горячей водой, и приходится ходить в душ к знакомым.

– А сколько комнат в квартире?

– Четыре.

– Семья большая?

– Тоже четверо: папа, мама, сестра и я. Сестра еще учится в школе и в балетной студии.

– Ясно. А нас двое. Мать и я. Кстати, и комнаты тоже две. В таком доме, как этот, квартиры дают только большим людям. У вас кто большой человек, папа или мама?

– Мама работник культуры, а папа директор завода, того самого, где папа Вики главный технолог.

– Значит, дали папе.

– Не дали, он сам себе выбрал. В молодости папа хотел стать летчиком, но стал инженером. И до сих пор очень жалеет, не смог пройти комиссию по здоровью.

В прихожей с ними поздоровалась белокурая, высокая женщина лет сорока. Приветливо посмотрела на Юрика, словно искала в нем сходства с кем-то и вроде бы даже нашла чуть-чуть, улыбнувшись, пригласила проходить в Катину комнату, а когда они вошли, заботливо притворила за ними дверь.

Комната наполнена новыми современными вещами, там стоял мягкий раскладной диван, большой книжный модульный шкаф-стенка, комбинированный с платьевым шкафом, на отдельном столике большой музыкальный центр «Вега». Поверхность письменного стола, на котором находилось множество книг, тетрадей, ручек и фломастеров, тем не менее, являл собою воплощение абсолютного порядка, но трельяж увешан мягкими игрушками, открытками, подарочными сувенирами. Большая розовая хрюшка и коричневый плюшевый медведь сидели по углам дивана, и сразу делалось ясно, что комната девичья.

Нет только соответствующего запаха духов, одеколонов, туалетной воды, и отсутствовали миллионы флаконов, коробочек, пузырьков с лаком, как у той же Вики, что удивительно.

Можно, конечно, предположить, что дамские аксессуары спрятаны в укромненьком местечке, а она просто не успела нарисовать свой образ после душа, благодаря чему Юрику удалось лицезреть ее действительное лицо. Однако полное отсутствие помадно-одеколонного запаха в девичьей говорило, что это не так.

Оказавшись в комнате, Катя сразу же достала из ящика кипу отдельных больших листов. Книга оказалась распечатанной на ЭВМ; все одинаковыми подслеповатыми заглавными буквами.

– Самиздат?

– Вроде того. «Мастера» печатают с шестидесятых годов, но очень небольшими тиражами, у букинистов он стоит бешеных денег, а такая машинная распечатка обходится гораздо дешевле.

– Нельзя ли свернуть все это дело в ненужную газетку? У меня с собой нет никакой сумки.

Катерина взглянула критическим взором и осталась недовольна:

– Я не могу отдать книгу с собой. Это мой единственный рабочий экземпляр. Можешь читать его здесь, пожалуйста, садись за стол и читай сколько угодно. – Она включила проигрыватель: – Баха слушаешь?

– Да.

Поставив пластинку, взяла с полки книгу, карандаш и привычно легла на диван, открыв нужную страницу. Лицо ее хмурилось. Карандашик скользил по строчкам.

Короткая джинсовая юбка обнажила колени и бедра, которые не имели идеальных удлиненных форм, как у Юлии, но выглядели весьма гладкими, крепенькими и такими исконно молочно-белыми, похоже, пляжное солнце никогда не пигментировало их кожу.

Погосян вздохнул, уселся за стол и принялся читать распечатку. Прямо как в читальном зале научной библиотеки. Переворачивая хрустящий, захватанный десятками рук очередной лист, кидал любопытный взгляд на ноги. Потом сделал перерыв. Подошел к книжным полкам, что над диваном, делая вид, будто разглядывает названия.

Катя достала с кресла плед, укрылась им до пояса.

Юрик продолжил молча изучать комнату, переходя от предмета к предмету. Когда пластинка доиграла до конца, перевернул другой стороной.

В дверь коротко стукнули, и сразу вошел чернявый, высокий, с большими залысинами мужчина, по-спортивному поджарый, без малейшего намека на живот, но весьма начальственного вида. У Юрика не возникло ни малейшего сомнения в том, что перед ним находится отец Кати – директор завода, который, одним коротким взглядом оценив производственную ситуацию, откашлялся и сурово произнес, обращаясь к дочери:

– К тебе человек пришел, чего разлеглась, как корова?

Та бросила возмущенный взгляд, открыла рот, вспыхнула, но... ничего не сказала в ответ. Села на диване, краснея все сильнее, пока лицо в пять секунд не сделалось бордовым от возмущения. Меж тем, выразив то, что думал, с поистине директорской прямоотой и, не дожидаясь возражений, папа вышел вон.

Юрик вернулся за стол, продолжив чтение текста. Следуя указаниям старшего поколения, Катя осталась сидеть на диване.

Через час в комнате появился еще один человек: чернявая девочка, с очень смуглой кожей и диковатыми темно-кариими глазами. Вернее сказать, она вбежала сразу на середину комнаты на носочках и устала на Погосяна, будто он был собакой неизвестной породы, и она не знала, что от этой собаки можно ждать: или сейчас бросится и укусит, или замашет хвостом, предлагая поиграть?

– Это моя сестра Лидия, – устало прокомментировала появление нового лица Катерина, – я говорила, она учится в балетной школе, поэтому у нее такая странная походка.

– Почему ты про меня всем рассказываешь? Я про тебя никому ничего не рассказываю, между прочим. И не странная, а нормальная. Ты брала мою линейку?

– Нет, не брала.

– Я все равно проверю, – Лидия выдвинула верхний ящик стола, порылась в нем, с брезгливой миной отбрасывая предметы, потом средний, тоже все перелопатила, надув губки, навела полный беспорядок в нижнем и заглянула под столешницу.

Не найдя ничего, опять приняла балетную позу, стоя посередине комнаты и оглядываясь по сторонам.

– Скажи честно, где спрятала, не то я здесь все переверну вверх дном.

– Уйди, у меня от тебя голова болит.

– Прямо так уж и от меня! – девочка сделала странную штуку ногами, мельтеша икрами и пятками мелко-мелко, начала перемещаться к двери, за которой и пропала.

Катерина посмотрела ей вслед, потом на Юрика и слабо, обреченно улыбнулась краешками губ, словно вскорости ей предстоит умереть от чахотки, и она об этом знает. Лицо неимоверно осунулось по сравнению с тем, как он увидел ее розовой, только из душа.

– Слушай, ты ложись, я пойду, – поднялся он из-за стола, – потом как-нибудь дочитаю, ладно?

Она кивнула головой и тут же схватилась за виски.

– Голова раскалывается.

– Прими таблетку.

– Кончились все таблетки.

– Давай, схожу в аптеку, возьму каких тебе надо.

Она удивленно посмотрела, подумала и согласилась.

– Купи аскофена пару стандартов.

Страдальчески морщась, проводила до дверей, попросив у матери денег на лекарство.

– Да у меня есть.

– Нет, денег мы вам дадим, – радостно сказала мама.

– Куда собираетесь? – поинтересовался из кухни папа.

– Юра сам ходит для Кати в аптеку купить лекарство, – с некоторой гордостью объяснила мама, будто бы повествуя о необыкновенном подвиге.

– Вот и отлично, – обрадовался папа, – пусть заодно принесет нам пивка, – как тебя? Юра? Юра, возьми вот банку трехлитровую и сетку.

– Не бери у него банку, пусть сам идет за своим пивом, – сказала Катя, страдальчески держась за виски.

– Вот интересно, – изумился папа, появляясь из кухни с тарой, – тебе, значит, так иди, а мне нет? Заодно же, я не посылаю его специально, а только заодно, здесь рядом, пять минут - и полную банку в ларьке нальют.

– Действительно, мне нетрудно, – подтвердил Юрик, беря банку в сетке.

– Ну и зря, – сказала Катя, – совершенно необязательно им пиво покупать.

– Что поделаешь, окончилось раньше времени, – пояснил папа и вернулся на кухню, где сообщил кому-то: – Сейчас принесут свежего.

Лекарство Юрик купил в первой же аптеке, с пивом вышло затруднение. В ближнем ларьке не оказалось, а других поблизости он не знал, потому что в этом районе за пивом ранее не ходил. Поехал туда, где должно было быть точно, там очередь. Пришлось стоять полчаса.

– Пиво будешь пить с нами? – спросил папа-директор, сам открывший дверь.

– Нет, спасибо. – Юрик отдал лекарства и сдачу маме, Катя еле-еле вышла из своей комнаты, помахал ей рукой и повернулся уходить.

– Приходите к нам еще, будем ждать, – сказала мама, мило улыбаясь.

Погосян кивнул, а про себя подумал, что больше к ним не придет, ничего особенно интересного в том Булгакове нет, так себе текст.

Действительно, зачем идти? Чтобы снова встречаться с папашей-грубияном? Мамаша ничего себе, приятная тетенька, улыбка у нее хорошая, и Катя, похоже, в нее пошла, по крайней мере, внешне – серебристая блондинка, а сестра в папу, брюнетка с фокусами. Все равно счет 2:2, и главное, к ней его ничуть не тянет.

Ни к самой Кате, ни просто в гости ради общения, хотя, без всякого сомнения можно сказать, есть в этой девице что-то особенное, какая-то простодушная открытость и прямота.

В принципе он рад, что на свете существует такая нормальная порядочная девчонка, но дружить с ней исключительно ради ее прекрасных душевных качеств – увольте. А значит, прощайте, Катя, мы с вами больше не увидимся! Но как многозначительно посмотрела Вика им вслед. Как сваха на своих должников.

Приняв решение, развеселился окончательно, поставил под иглу виниловую пластинку, где заунывно-трагический ВИА стонал: «Никогда-никогда, никогда-никогда, никогда-никогда...», и сам гнусаво ему вторя, запрыгал по комнате козлом, отчего игла поехала по пластинке, а Юрик, подскочив последний раз повыше, улетел на свой диван и в полете даже сцепил ручки на груди самым примерным образом и закатил глаза.

Гип-гип, ура! Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается, а здесь даже начаться не успело. Девушки с мигренью и прежде не входили в круг его интересов, не войдут и впредь!

Ближе к вечеру возникло тревожное ощущение невосполнимой потери, которое к следующему утру четко определилось: он так и не прочитал роман Булгакова! Хотя, если подумать, эка невидаль! Можно потом как-нибудь взять в библиотеке, к тому же стиль произведения не по душе. Точь в точь писал в местной областной газете завзятый фельетонист Райхлин, бросаясь словечками, словно кирпичами в чужие окна.

Однако и в этом Юрик быстро переменял точку зрения. Стоит перевернуть газетный лист, как все напрочь вылетало из головы: и про что писал Райхлин, и на какую тему, а Берлиоз с Бездомным так впечатались в мозг, что ему просто необходимо дочитать начатое до конца!

Не в характере Погосяна оставлять даже самые мелкие дела недоделанными. Через день он собрался и снова поехал в гости по известному адресу в деловом, а не влюбленном настроении.

«Если папаша привяжется с пивом, резко пошло на фиг, – думал Юрик, сочиня фразочку поубойней. – Скажу: извините, сегодня не в настроении за пивом бегать. И за водкой тоже! А что? Посмотрим, как директор проглотит. Лично ему, Юрику Погосяну, даже интересно прозондировать номенклатурного работника на предмет язвы желудка».

Катя встретила его будто старого знакомого, голова у нее явно не болела, она лучисто ему улыбнулась, провела в комнатку, закрыла дверь, усадила на диван, сама села рядом и стала показывать семейные альбомы с фотографиями. Нет, все-таки любит эта девушка носить короткие платья дома. То, что надето сегодня, тоже открывает ноги высоко, впрочем, из-под альбома видны одни коленки, на них Юрик в основном и глядел.

К фотографиям остался равнодушен, кивал головой, слушал, да помалкивал, один только раз черт дернул для проформы ткнуть пальцем в одну фотку, где Катенька была сфотографирована в обнимку с молодым человеком в зимней шапке-ушанке.

– А это кто?

Катенька сбилась с не слишком сложного повествования, разволновалась. Краснеет гораздо сильнее, чем он, все эмоции на лице. Она пыталась объяснить, у нее перехватило горло, как на морозе, и получилось нечто нечленораздельное. Погосян хотел перевернуть страницу, но Катя не позволила. Справилась с волнением:

– Один знакомый, мы с ним дружили в десятом классе, Володей зовут.

«Ясно, – подумал Юрик, и скорей перевернул лист от греха подальше. – Мне-то что? Володя так Володя. Мне – ничего».

Но дальше тоже оказались фотографии с тем же молодым человеком. И еще несколько листов подряд, видимо, действительно, дело было серьезное.

У Кати снова испортилось настроение. Она сидела, болезненно нахохлившись, пока альбом не захлопнулся. После этого вздохнула без всякого облегчения.

– Так я почитаю книгу? – спросил Юрик, направляясь к своему месту за столом, где по-прежнему лежала кипа листов, явно нарушая своим присутствием заведенный идеальный порядок. Раз не убирала, значит, ждала.

Хозяйка рассеяно кивнула, продолжая сидеть на диване, в обнимку с альбомом.

Юрик перестал ее замечать, нырнул в роман, как в озеро.

Катя убрала альбом в шкаф, взяла книгу и простой карандаш, открыла, посидела немного, снова закрыла и скользнула по Юрику смятым взглядом. Тот сидел сосредоточенный и отстраненный от всего. Ей показалось, что он сердится на нее.

– У нас с ним все давно окончено, – произнесла она неуверенным тоном.

– С кем? – Юрик еще более нахмурился, что его отрывают.

– С Володей, ну тот, на фотографиях. Мы начали дружить, когда я еще училась в десятом классе, а он вернулся из армии, и это продолжалось два года.

Сделав понимающее лицо, Юрик дернул плечом. Его это не касалось.

– В десятом классе все дружат. Я тоже дружил, что с того?

Катерина оживилась:

– И какие у вас сейчас отношения?

– Никаких. В смысле нормальные, товарищеские.

– Мы собирались пожениться, – произнесла Катя глуховатым тоном, – а он вдруг уехал жить в другой город. К бабушке. Поссорился с родителями и уехал.

Погосян вспомнил Судакова, с трудом сдержал улыбку. Мысль, что какая-нибудь девушка тоже может тужить по Вите, никогда бы не пришла ему в голову без дополнительного постороннего воздействия. Такого, как сейчас. Мир оказался полон бабушкиных внуков и маменькиных сынков, куда ни плюнь, обязательно угодишь в того или другого.

– Сначала переписывались с ним, потом, как это обычно случается, он писал все реже и реже, потом я одна писала, а он не отвечал. Через некоторое время пришло вдруг письмо, только не от самого Володи, а от его бабушки. Она слезно жаловалась, что внук сильно пьет, нигде не работает и не учится, ведет бездельный образ жизни. Просила помочь, а что я могла сделать, находясь за тысячу верст? Поехала к нему, помогать.

Юра, ты не представляешь, какие удивленные глаза сделала та бабушка, когда меня увидела! Будто и не писала никакого письма, будто я сама приехала от нечего делать, ах, что говорить? Я почувствовала себя дура-дурой и в тот же день ушла обратно на вокзал. Целый год потом не могла избавиться от воспоминаний, зато хоть письма писать перестала. А так, наверное, до сих пор бы писала, пыталась наставить на путь истинный.

– Все проходит со временем, – попытался быть мудрым утешителем Юрик, – и хорошее и плохое.

– Нет, – не согласилась она и показала на висок, – у меня лично все остается здесь, до самой последней мелочи, и это жутко мешает. Я не умею забывать. Я все, все помню, решительно все, от самого начала и до конца.

«С девицей не стоит иметь дел, слишком уж переживательная особа». Юрик кивнул и снова уткнулся в Булгакова, он спешил прочесть все за сегодняшний день, чтобы больше не возвращаться, и гнал галопом по европам. Лишь просматривая по диагонали места про Древний Рим, предпочитая новое время и уже поздним вечером со страшным облегчением отбросил в сторону последний лист распечатки.

Кати в комнате не было: она то уходила, то возвращалась, один раз предлагала пойти то ли пообедать, то ли поужинать, он отказался, не желая становиться здесь своим, аккуратно сложил кипу, передал Катерине, поблагодарил, глянул на часы и ужаснулся:

– Забыл, мне надо огород полить!

Катя молча провожала до дверей своей комнаты. Как и в первый день, она прижалась к косяку и молча глядела, как гость торопливо обустраивается.

Из кухни появилась мама со своей впечатляющей улыбкой, скорее даже не работника местной культурой, а прямо народной артистки.

– К нам приехала замечательная балетная труппа из Киргизии, Катя купила билеты, а папочке нашему некогда, может, вы, Юрик, составите нам завтра компанию?

Он вопросительно посмотрел на Катю, та отстраненно кивнула, ощутив на себе его взгляд, коротко подтвердив информацию.

– Хорошо, во сколько спектакль?

– В семь вечера, вы приходите сюда к половине седьмого, отсюда близко, вместе и пойдете.

– Спасибо, буду.

Распрощавшись, вышел в прохладу площадки и у лифта понял, что с Катей придется встретиться еще раз. Это не вызвало в нем досады, только легкое удивление: «Зачем это я?»

20.

– Куда наглаживаешься? – поинтересовалась мама, заметив приготовления к походу на балет.

– К Кате. Недавно познакомился, учится в университете, тоже окончила третий курс. Натуральная блондинка, приличная семья, сестра – балерина. Кстати, сегодня идем с ней на приезжий балет из Киргизии. Я посмотрю, если понравится, ходим с тобой потом.

– Ты даже Майю Плисецкую по телевизору смотреть не хочешь.

– Что сравнивать? Или пожилая Плисецкая по телеку, или молоденькие киргизки живьем.

– Вот папаша вылитый! Даже смеется так же, ох, глаза бы мои не видели!

Возле Катенькиного дома, прямо на тротуаре расположилась черная блестящая «волга», полностью перегородив путь пешеходам.

Дорога после ночного дождя стала грязной, машина въехала для стоянки на тротуар. Возле бордюра пешеходу еще можно было бы проскользнуть, однако водитель для собственного удобства раскрыл дверцу и курил, развалившись на подушках с важным видом, выставя на асфальт ногу.

Обходя машину, прохожие спрыгивали козликами через лужу на проезжую часть и, помесив там грязь, чертыхаясь, возвращались на тротуар. Шофер снисходительно наблюдал их разнообразные прыжки, мизинцем стряхивая пепел на улицу. Он явно возил большого начальника, раз не боялся ГАИ и парковался на тротуаре, что простым автолюбителям делать строго запрещалось.

Юрик сдержал острый мстительный порыв, возникающий всякий раз, когда ему предлагают поступиться с толикой собственного достоинства, и попросил вежливо:

– Вы заняли весь тротуар, будьте так добры, прикройте дверь.

– Больной, что ли? Обойдешь, не облезешь.

Помечтав немного о магнитной бомбочке под бензобаком, Юрик следом за всеми выпрыгнул на дорогу своей сверкающей обувкой, прямо как балерун. От проезжающего транспорта увильнул, а от грязи все равно не уберегся, долго топал по асфальту, прежде чем зайти в подъезд. Водитель снисходительно наблюдал, пуская колечки дыма.

В прихожей стояли готовые к отплытию Катя с Маргаритой Сергеевной, но откуда-то доносился голос сестры, что бы ее немного подождали, она скоро! Катя была в строгом сером костюме, простом, но очень элегантном, в нем она казалась взрослее своих лет, и походила на молодую учительницу на выпускном школьном балу, которая с полным на то основанием может запрещать старшеклассникам пользоваться косметикой, так как сама ею не пользуется.

– Как вы подходите друг другу, – произнесла Маргарита Сергеевна, – просто чудесная пара.

Сестра мигом выскочила в прихожую:

– Кто это здесь чудесная пара? Дайте посмотреть.

Посмотрела, но ничего не сказала, возможно не нашла слов. Катерина скромно потупившись коснулась пальцами его рукава, как бы прося не обращать внимания.

Вчетвером они спустились на беззвучном лифте, а выйдя из подъезда маман вдруг указала на «волгу»:

– Папа выделил нам свою служебную машину по такому случаю.

– С Рудиком? – обрадовалась Лида.

– Конечно, с Рудиком, он же ее водит.

В костюме и при галстукe, словно он тоже собрался в театр, Рудик элегантно открыл заднюю дверь для дам. Юрика он в упор не узнавал, или сделал вид, что не узнал. И сев на переднее сиденье, тот решил ему напомнить.

– У вас не найдется чистого платочка?

Рудик тотчас вытащил из нагрудного кармана.

– Рудик неудачно припарковался, – объяснил Юрик спутницам, обтирая грязь с туфель, – прямо поперек тротуара. Пришлось обходить его по дороге, а там, сами понимаете, грязь.

Вернул платочек Рудику, с удовольствием ощущая, что ответные маленькие гадости делать много приятнее, чем даже подкладывать бомбочки под бензобак.

Не моргнув глазом, Рудик принял платок, закинув его в бардачок. Он поправил зеркало заднего вида и весело помахал девушкам.

– Маргарита Сергеевна, можно, я вас ждать не буду, надо друга свозить в роддом, забрать ребенка?

– Конечно, Рудик, подъедешь потом, к окончанию. Девочки, во сколько закончится балет?

– В девять.

– Нет, минут без пятнадцати девять.

Понимая, что сейчас начнется дискуссия, Юрик определил регламент голосом, не приемлющим возражений.

– Рудик подъедет в половине девятого, если что – подождет.

Заднее сиденье промолчало.

Поняв, кто в салоне хозяин, со следующей просьбой шофер обратился непосредственно к Погосяну:

– Я уже опаздываю, давайте здесь вас высажу, а то придется разворачиваться и потом сложно парковаться на площади.

– Будь добр, припаркуйся на площади, где положено. Пора учиться делать это правильно, не все же тротуары баррикадировать.

У Рудика побелели костяшки пальцев, так сжал он руль, а ничего не поделаешь, пришлось-таки парковаться у драмтеатра.

– Чтобы в половине девятого был как штык на этом же самом месте, – сказал Юрик на прощание и хлопнул дверью, не дожидаясь ответа.

– Ты прямо как папа, – сказала Катя с непонятым выражением: осуждает она его или восхищается.

– Да, Юра настоящий мужчина, умеет настоять на своем, – подхватила маман уже с очевидной похвалой. – Рудик этот совсем от рук отбил, чуть что, так сразу: «ждать не могу, надо ехать заправляться». Почему-то всегда на нас заправляется. Пользуется тем, что папе не говорим, тот бы ему быстро хвоста накрутил.

Только Лида, блеснув мстительными глазами, промолчала, она была явной поклонницей Рудика. По мнению Юрика, младшая сестренка походила не на балерину, а на цирковую наездницу, было в ней много горячего и рискованного. Когда вошли в театр, Маргарита Сергеевна указала вверх:

– Это самая большая театральная люстра из хрусталя в Сибири, между прочим, делали в Германии, правда грандиозное производит впечатление?

– Если грохнется сейчас, мало никому не покажется, – резюмировала Лида, и тут он был с ней полностью согласен.

Люстра производила впечатление тяжеловесной ненадежности. Народ под ней пробегал скоренько, не останавливаясь, предпочитая разглядывать произведение искусства со стороны, а лучше даже с балкона второго этажа.

– И паркет новый великолепен, и мрамор, правда?

– Да, паркет хорош, – согласился Юрик, догадываясь, что по работе Маргарита Сергеевна имеет непосредственное отношение к строительству очага культуры.

– Какие сюда деньги вложены! – восхитилась она, – представишь, и ужас охватывает.

Десять минут до спектакля они прогуливались по ковровым дорожкам, скрадывающим шаги, парами: Маргарита Сергеевна с Лидией, а Юрик с Катей. Очень близко, но уж, конечно, не под ручку, как все прочие.

Гуляя, Юрик чувствовал себя чудовищно воспитанным человеком, не пылал жаром как печка, мысленно не раздевал свою подругу, нет-нет, что вы, даже в голову не приходили подобные мысли.

То же самое в зале, где предупредительно уступил даме подлокотник.

Пожалуй, впервые в жизни ему было очень просто сохранять рафинированную воспитанность со знакомой девушкой, с которой оказался рядышком в темноте. С Катей он ощущал себя женатым человеком примерно пятнадцатилетней выдержки. Далеко позади остались три пятилетки совместной жизни, в своей половине уже нечего искать нового, все давно известно, к тому же благодаря хорошему воспитанию и благородству натуры, сюрпризы не грозят.

А он еще удивлялся: как это могут спать муж с женой в одной постели? Оказывается, можно и очень даже спокойно сидеть и не желать ничего кроме интересного зрелища. Но его-то как раз и не показали.

Сцена оказалась не приспособленной для балетных прыжков. Оркестр, привыкший играть из глубины ямы так, чтобы не перекрывать голосов актеров, не мог затмить страшного грохота ног по резонирующим доскам сцены. Получилось то, что должно получиться, когда в театре драмы дают балетную постановку. В воздух поднялись клубы пыли, хорошо видные в синем свете прожекторов.

– Ничего страшного, – успокоила всех Маргарита Сергеевна после окончания спектакля, – к тому времени, как наша Лида окончит балетное училище и станет прима-балериной, мы обязательно построим у себя Театр оперы и балета. Проект уже имеется.

Они вышли из театра оглушенные, сели в машину, которая довезла их до дома. Юрик проводил дам до дверей, заходить не стал, попрощался, после чего сразу же пошел домой с ощущением полностью выполненных и перевыполненных обязательств по культурной программе.

Теперь уже точно ничего не мешает расстаться навсегда.

– Ну что, понравился балет? – спросила мама.

– Пыль и грохот под фанфары.

Однако через день пригласил Таню в кино, в качества ответного жеста доброй воли. Они же отказались взять с него деньги за билет. Потом она позвала его сходить на выставку современной живописи, откуда они ушли вместе в гости на квартиру молодых художников – мужа и жены. Это были хорошие Катины знакомые.

– Ты подружился с новой девушкой или по-прежнему с Катей? – поинтересовалась как-то мать.

– С Катей все ходим.

– Она тебе нравится?

– Слишком ортогональная, правильная то есть. Если сказать откровенно, то как девушка она мне не вполне нравится.

– А как кто нравится?

– Как необременительный и приятный спутник.

Когда пришла пора уезжать в Борисов, Катя попросилась прийти на вокзал.

– Меня мама пойдет провожать, – предупредил на всякий случай, – но если хочешь, тоже приходи, окажешь моральную поддержку.

С матерью у них с детства не заведено целоваться, с Катей тем более, с чего это вдруг? И говорить совершенно не о чем, поэтому смотрели по сторонам, как отъезжающие

студенты веселились большими толпами: бренькали на гитарах, орали песни и хлопали друг друга под локоть со всего размаху, играя в «жучка».

После объявления отправления, перед тем как зайти в вагон, Юрий попросил их идти домой, однако они предпочли встать у окна и ждать с вымученными улыбками на лицах.

Напрасно махал рукой: «Идите, чего стоять ждать? Хватит, сколько можно?» И поезд, как назло, попался слабосильный: гудел, дергал вагоны, а с места никак не двигался.

Они почти одинакового роста, обе неяркие белесые блондинки, только мать похудее из-за болезни. Когда поезд тихо покотился вдоль перрона, обе замахали руками, все уменьшаясь, пока не слились в одну неопределенную точку.

На этот раз Юрий ехал в Борисов с твердой целью заняться наукой по-настоящему. Деваться некуда – четвертый курс, пора брать Грум–Канавина за глотку и требовать с него тему диплома.

21.

Все свалились в комнату с вещами и чемоданами в один последний день перед занятиями, и казалось, что здесь встал на постой цыганский табор.

На столе самое походное домашнее угощение, какое может быть только раз в учебном году: пироги, бутылка с домашней наливкой, наконец-то киевский торт! Целый, невредимый, не обкусанный острозубыми девицами!

До чего же сытный и ароматный запах стоит в комнате! Жить хочется! Кровати не заправлены, матрасы побросаны как попало, все торопливо уселись за стол в предвкушении пира горой.

– Мужики, дайте я расколуюсь вам, как родне, – объявил Христенко с загадочным видом беря бутылку в руки, – представьте себе, сегодня ночью в поезде, с такой чертовкой познакомился, что ни словами сказать, ни пером описать. – Он зубами вытащил пробку из бутылки и стал плескать густое темно-рубиновое вино по стаканам.

– Вишневка? По запаху чую – вишневка!

– Украйной пахнет. Так где ж ты ее ночью надыбал, ту чертовку?

– Где-где. Говорю же русским языком – в поезде! Где ж еще?

– Ну, допустим, я в самолете прилетел, там тоже девочки были – первый класс! Но я на своем месте сидел, и только облизывался.

– Не, тут как в сказке. Представьте себе ночь, сижу на нижнем боковом сиденье, жду, пока все пробегают на ночь глядя, успокоятся, спать лягут, тогда можно и мне на боковую идти – все нижнее сиденье мое. Пацан, с которым вместе ехали, к себе наверх забрался. Сижу, за окном полнейшая чернота, народ утихомирился, освещение потушили, ночники еле тлеют.

Перед тем как встать, чтобы матрас раскатать да постелиться, посмотрел вверх, кабы головой в чьи пятки не угодить. А с ближайшей второй полки, которая торцом ко мне выходит, представьте себе, мужики... глаза смотрят! В упор, не мигая, черные такие, круглые. Как на расстреле!

Я вставать начал, но под их напором меня прямо об стенку как шибанет, пал обратно на место. Смотрит! И не отводит!

– Эх, везет же некоторым! Даже в занюханном плацкарте, – расстроился Шихман, – а тут и в самолете никто внимания не обратил. Хотя нет, тоже было дело. Одна шикарная стюардесса идет по проходу своей фирменной аэрофлотовской походкой, ножками виляет, виляет, и этак друг за дружку ими цепляет, я к ней со всем своим расположением разулыбался, она вдруг наклоняется, тоже улыбаясь, и говорит: «Вам пакетика не требуется?». Нет, вы представляете? Наглость какая!

– Ты обалдел?

– Да просто в транс впал! Неужели у меня морда такая, что перепутать можно, когда ножками восхищен, а когда... извините, – Шихман огорченно замотал головой. – Предлагаю тост: «За глаза с верхней полки!»

– И что дальше? – продолжил опрос счастливчика Христенко Погосян. – Рассказывай подробно, как чего, не тяни резину.

– Какую резину, боже ты мой, когда такая женщина смотрит!

– Что, очень пожилая?

– Видите ли, было темно, но приблизительно лет... этак... тридцать есть, а глаза черные, с огоньком, и молодые-молодые!

– Эх, Валера, Валера, опять тебя на старушек тянет.

– Нет, тридцать лет – самый шик, – запротестовал Шихман. – Давай, давай, продолжай, ужасно любопытный случай.

– Короче, встаю во весь рост, мое лицо оказывается напротив ее, одернул рубашечку и говорю деликатно: «Разрешите представиться, Валерий Христенко, студент университета, четвертый курс».

– Зачем про курс сморозил? Будто на работу устраиваешься, в дворники.

– Я в смысле, что не третий уже.

– Да откуда ей знать? Сказал бы – так и так, математик.

– Я – механик.

– Вот и отлично, она бы подумала, что ты гаражом заправляешь.

– Эй, чего препираетесь? – остановил разбор любовной партии Шихман. – Пусть Христенко скажет, чем дело кончилось.

– Шибко ты, Толик, скорый, поспешишь – людей насмешишь. Тут она садится на полке, представьте, женщина вся в черном, свешивает ноги вниз, слезть собирается, но все равно смотрит не отрываясь, огонек так горит отблеском от ночника в зрачках.

– А почто в черном? Мужика схоронила? – не удержался, ввернул противный Погосян.

– Хоть поцеловал ей ножки? – Шихман облизнулся и одним махом всосал маленькую лужицу пролитой на столе вишневой настойки. – Хоть одну ножку поцеловал? Ну, пальчик?

– Ты, наверное, еще не наелся, на, возьми лучше пирожком закуси, – присоветовал Юрик.

– Нет, только я протягиваю руку, в смысле предлагаю руку помощи, чтобы ей удобнее было спускаться со второй полки, это... разливайте остатки, что-то во рту пересохло, давайте выпьем за ...

– Вдов в черном?

– За роковых женщин с черными сияющими глазами.

– Из этого множества исключаем один элемент – Светку Немцову, совершенно бесстыдную, наглую, бессовестную пожирательницу киевских тортиков.

– Нет, извините, у Светки глаза не черные, – возразил Толик.

– А какие?

– В каждой отдельной ситуации разные.

– Значит, и черные иногда бывают, и исключительно в тех случаях, когда лопают чужой торт.

– Да перестаньте вы! Дайте рассказать! – возмутился Валера. – И вот, предлагаю правую руку, как истинный джентльмен, а она, представьте себе, протягивает навстречу сразу обе руки. Дескать, сними меня отсюда!

– И ты поволок ее к себе на лавку?

– Фу, Толик, – поморщился Христенко, – мы же здесь о высоких материях разговор ведем, о рождении необыкновенного чувства, а ты все ужасно портишь. Лучше правда съешь чего-нибудь еще и замолчи. Да, сиди и помалкивай, не то я за себя не ручаюсь, понял? Кстати, ты в этом году на военку идешь? Ну вот, а я там уже второй год

парюсь, старослужащий ракетных войск, так что ты при мне вообще молчать должен и под козырек брать.

Вспомнив совершенно некстати про военную кафедру, Христенко расстроено посмотрел в окно, за которым ярким золотым костром пылали верхушки тополей, далее взгляд его пробежал по серым, плохо побеленным стенам, и поставил стакан на стол.

– Надо не забыть плинтуса намылить и ножки у кроватей, а то сожрут нас клопы этой ночью.

Толик исправно помалкивал, входя в роль молодого бойца, восторженно моргая глазами.

– Вот и дело вам на вечер, чем сидеть без толку, дурацкие разговоры вести. Эх, сбиваете вы меня на прозу жизни! Короче, пьем за нас!

– За нас! – горячо поддержал рядовой состав комнаты. – За тех, кто в море! Кто всегда в море, как мы!

– Короче, братцы, подхватил под коленки одной рукой, другой за то место, где талия должна быть, и на свою нижнюю полку в проходе эвакуировал.

– Ловок!

– Посидели, немного поговорили. Работает на заводе кем-то, я не разобрал название специальности, с мужем не живет, ушел он от нее, а ребенок есть.

– И что вы с ней дальше делали?

– Что, что, – вдруг застеснялся Христенко, – много знать будете – скоро состаритесь. Прочеловались часов до трех ночи, потом я ее обратно на верхнюю полку вернул в целостности и сохранности, а сам спать лег.

– И только? – поразился Шихман.

– А что тебе еще?

– Он еще спрашивает, что? – возмутился Толик. – Да если бы я ехал на твоём месте, я бы...

– Скормил весь торт целиком? Она и так... полненькая.

– Ну и что, я тоже толстый, кому какое дело? Давай мне адрес ее, я к ней в гости пойду и скажу, что Христенко ехал на моем месте. У тебя есть ее адрес?

– Дала. Я сам сегодня к семи часам в гости к ней приглашен, зачем ты мне там нужен?

Весь последующий вечер, после того как Христенко собрался и ушел, пахнувший одеколоном, к одинокой женщине с ребенком, Шихман не находил себе места. То убегал из комнаты, то появлялся вспотевший, красный, запыхавшийся, кричал: «Что, наш хохол не вернулся?», услышав отрицательный ответ, хмыкал и размышлял вслух: «Конечно, нашел себе местечко, чего ему возвращаться? Ему и там хорошо».

Снова убегал, через десять минут возникал в дверях с тем же вопросом:

– Христенко не вернулся? Вот гад! Не знаешь, он собирался покупать цветы?

– Понятия не имею, – отвечал Погосян.

– Всю обедню испортит, – морщился Шихман.

Какую обедню, и какое отношение к организации обедни имел Толик, оставалось совершенно непонятным.

Христенко вернулся со свидания далеко за полночь, но отнюдь не под утро, как все надеялись. Местное общество, взбудораженное приездом, встречами и обнаглевшими вконец клопами, еще не спало.

Свет горел. Его включил Соловейчик, который стоял над своей кроватью, и лупил по матрацу от души:

– Что, попался? Ага! Это тебе не абитуру жрать, здесь вам не равнина, здесь климат иной! Получай! А еще хочешь, фашистская морда? А вот тебе! Получай! Получай! Получай, гад!

В самый разгар борьбы дверь отворилась, и бочком-бочком, тихо проскользнул Христенко. Прямо у входа стал раздеваться, складывая одежду в шкаф, чего обычно не делал.

– Ну, – подскочил со своего лежбища Толик, – как дела?

– Да так себе... – неопределенно проронил тот.

– Прямо, прямо говори.

– К ней муж вернулся. Сегодня. Я как раз в гостях был.

Христенко встал фасом к публике, и все увидели стандартный фонарь под левым глазом.

Шихман рухнул обратно в койку, обхватил живот и принялся хохотать громко и неудержимо.

– Что это с ним? – поинтересовался механик, взяв на столе зеркало, и весьма озабоченно принялся разглядывать лицо.

– Да так, нервное, уж очень он размечтался вместо тебя сходить. Теперь радуется, что не повезло, – Погосян отвернулся к стене. – Давайте спать? Мне завтра рано вставать. Гасим свет, а?

– Получай, гад! Фашист! Ублюдок! Счас я тебя по стенке размажу!

– Молодец, Соловейчик, – похвалил Христенко, – боевое у нас нынче пополнение будет. Наверняка командиром отделения назначат, орешь ты как настоящий комод. И взводным бы назначили, да ростом не вышел.

Когда же все окончательно улеглись и снова выключили свет, в темноте раздался ровный задумчивый голос: «А все к лучшему. Она мне с самого начала не очень нравилась, уж слишком полная женщина, к тому же в возрасте».

Но никто ему не ответил.

22.

Первый курс всех факультетов отправляли в колхоз на месяц.

Шукис назначил Погосяна курировать отправку, ибо оплата транспорта, а точнее городских автобусов, производилась из профкомовских средств, поэтому и путевые листы должно было подписывать профкомовское начальство и печать ставить. Этим начальством оказался Погосян.

Колонна из нескольких автобусов, снятых решением горкома с городских маршрутов, каждое утро формировалась на университетской аллее, поблизости от главного корпуса.

Вчера Юрик уже отпускал машины. Как и полагалось, пришел в восемь утра, а все закончилось в одиннадцать – для него, а для тех цыплят, которых повезли в деревню, все еще только начиналось.

Взрослые водители относились к Юрику безо всякого уважения.

– Кто тут путевки подписывает? Ты, что ли? Давай, подписывай!

Но Юрик обязан подписывать непосредственно перед отправкой, когда первокурсники займут свои места, когда их проверит по спискам сопровождающий преподаватель. Тогда двери закрывались, Юрик подписывал путевку, ставил печать, и автобус мог ехать. А до того три часа все толкались у главного корпуса, собирались, ждали опоздавших. Водители хотели, чтобы им подписали заранее, чтобы у них не болела голова. Юрик, следуя инструкции, подписывать заранее отказывался и на него сердились.

– Из молодых да ранних, этот всю жизнь в галстучке проходит и ни разу не снимет, – говорили друг другу шоферы так, чтобы ему было слышно.

Оставалось только ругать себя, что вырядился в костюм, вечную свою белую нейлоновую рубашку и галстук, когда даже деканы пришли в штормовках, линялых трико с пузырями на коленках и драных кедах.

На ошибках учатся.

Сегодня оделся уже по-рабочему, даже купил в магазине пачку «Беломорканала», который никогда раньше не курил, но который бесконечно смолит, бездельничая, шоферня все те три часа, пока толпа собирается. Сегодня им нечего будет сказать. Так-то. Все происходило как вчера. В восемь часов вереница автобусов выстроилась на главной аллее. Хмурые водители собрались кружком и пару раз пытались атаковать Юрика, но тот отвечал кратко, выпуская дым через нос:

- Время придет, подпишу, не беспокойтесь.
- Да подписывай, куда я уеду, что ли, без студентов?
- И я тоже никуда не денусь.
- С вами тут заржавеешь, пока соберетесь.

Они отстали. Сказать относительно его галстука было нечего, хотя настроение это им не улучшило. Юрик курил одну папиросу за другой, не заметил, как извел полпачки.

Вдруг его мотнуло в сторону, сильно ударив о беленую известью колонну на фронте главного корпуса, так что на мгновение потерял сознание, а очнувшись, почувствовал, что сползает по колонне вниз. Ноги не держали тела.

«Надо было подписать, пока мог. Сейчас едва ли подпишу их путевки», – подумал озадаченно.

В ушах звенело. Кругом темно, как в тоннеле. Далеко впереди маленькое круглое пятнышко зрения. Он навел его на шоферов, те по-прежнему сидят на корточках друг против друга, кружком, как замерзшие воробьи.

Сполз до самого низа, пытаясь удержаться в этой позе, спиной к колонне. Только бы не упасть! Мутило запахом «Беломора», из пальцев выпала папироса. Все кругом качалось. Лихотило, будто только слез с головокружительного аттракциона. Он понял, что отравился и ждал, что будет дальше. Если упадет сейчас при всех, начнется очень большой шум. Такой большой, что не хочется про это и думать.

Самостоятельно подняться вряд ли сможет, будет качаться и снова падать. «Вот тебе, – скажут люди, – и профкомовское начальство! Каков? С утра лыка не вяжет!»

Нет, надо терпеть, сидеть так. Минут десять находился в совершенно невменяемом состоянии, если бы кто подошел и спросил что-нибудь, он не смог бы членораздельно ответить. Ему казалось, что многие находят его поведение странным. На него точно смотрели удивленно. Он видел чьи-то ошарашенные лица в дальнем конце тоннеля, но не мог определить вполне точно: на него ли народ дивится, или на кого другого.

Как только в глаза вернулся большой свет, наполненный миллиардами плавающих амёб, сделал попытку встать, опять же используя колонну в качестве направляющего вектора движения. Теперь вверх. Полез, стирая штормовкой известью, и, в конце концов, распрямил ноги.

Появилось много воздуха для дыхания. Мир перестал качаться. Вернулся многоголосый шум и смех толпы. Юрик больше не боялся, что упадет и не сможет подняться, поэтому сделал шаг в сторону, сел на ступеньку перед корпусом. Здесь можно сидеть, с нее он не свалится, а стоять еще не вполне хватает сил. Кто-то чиркнул спичкой за его спиной и закурил. Донесся мерзкий, отвратительный запах табака, у него перехватило дыхание, он схватил себя за нос, пытаясь дышать ртом.

– Что, трудна, Погосян, руководительская ноша? – похлопал по плечу замдекана Рутман. – Ничего, ничего, привыкай. В аспирантуре полегчает. – И побежал сбивать группы первокурсников поплотней, чтоб никто никуда не отлучался. С минуты на минуту начнется посадка.

К нему подошел радостный доцент Грум-Канавин.

– Вижу, вы все горите на общественной работе, как-нибудь найдите время на наш кафедральный семинар заглянуть. Да, пора и за математику браться, четвертый курс! Семинар в пятницу, в половине седьмого. Есть какие-нибудь сдвиги за лето?

– В чем?

– В математике, конечно, в чем же еще? – мелким сухим смешком рассмеялся Грум. – Большому кораблю – большое плаванье. Я жду от вас интересной работы, все надеюсь. Так что не обманите моих ожиданий, молодой человек.

– Но вы же еще не дали мне тему работы, – тупо удивился Погосян.

– А самостоятельность где? Впрочем, если вы так желаете, дам вам и тему, коли за ней дело стало. Но об этом надо говорить отдельно и довольно продолжительное время. Давайте вот что, – он задумчиво нахохлился. – Давайте встретимся в воскресенье у меня на даче, поговорим на свежем воздухе обо всем подробно, обсудим пятничный семинар. Вы оденьтесь как сейчас, я вас подберу на машине по дороге на дачу где-нибудь здесь, на остановке университета, часиков в десять утра. Согласны?

– Конечно. С удовольствием.

– Это хорошо. Только вот что, не сидите, голубчик, так на камне, это очень опасно для здоровья. Значит, до воскресенья, – и отошел, оставив Юрика обрадованным и взволнованным.

Шеф дает тему! Наконец пришла пора врубиться в математику по-настоящему. Судьба награждает за то, что устоял, удержался, не свалился в обморок. А если бы грохнулся, все повернулось бы совсем иначе, и Юрик ни минуты не сомневается, что та, иная сторона жизни была бы весьма и весьма непривлекательной. От радости подписал шоферам путевки раньше времени. Куда они денутся? Отправив автобусы, вернулся в общежитие.

В комнате пыхтел Шихман: делал приседания и наклоны, «чтобы согнать жировую массу», при этом сильно потел, а из коридора казалось, что за дверью работает небольшая ветряная мельница.

– Тебе письмо.

– От кого? – удивился Юрик, который не привык получать почту, да и сам писал маме не слишком часто.

– От какой-то Кати, – Шихман перестал махать, – я принес, вон на столе лежит. Иду, вижу на вахте письмо. Смотрю – тебе. Смотрю – от девушки! От Кати!

– От Кати? А ну-ка.

Юрик быстро вскрыл конверт, откуда как теплой волной его окатило: «Здравствуй, Юра!» Письмо было на четырех страницах.

«Здравствуй, Юра! Вернулась с вокзала и решила сразу тебе написать...» – прочел раз, другой.

В ее изложении летние события, такие заурядные в его памяти, выглядели фантастически счастливыми, и теперь, читая и будто слыша ее голос, он не мог не согласиться, что все действительно было очень здорово в августе, и поход на балет и их нечаянная встреча у Вики, и особенно самиздатовский Булгаков, распечатанный на печатающем устройстве ЭВМ социалистического дружества. Оказывается, на заводе папы, того самого папы, что сказал: «К тебе человек пришел, чего разлеглась, как корова?» И который выглядел сейчас чуть ли не провозвестником какой-то необыкновенно интересной новой эры в ее и его жизни.

Он тут же написал ответ. На одном листе, но с обеих сторон. Сбегал на почту и сбросил там в ящик, откуда корреспонденция забирается дважды в сутки, причем до второго «забора» оставался всего-навсего час, он испытал радость, что успел. Вот Катенька удивится, когда получит! Не в меньшей степени, чем он сегодня. Жаль, что не попросил у нее фотографию, захотел увидаться, раз – посмотрел, а так хочешь увидаться, раз – и делается немного тоскливо.

Юрик лег свою кровать, положил Катину письмо на грудь, закрыл глаза, пытаясь представить ее в воображении.

– Симпатичная эта твоя Катя? – как бы между прочим спросил Шихман.

– Ты бы с ума сдвинулся, когда увидел. Мы с ней в августе познакомились. Провожала на вокзал.

– И почерк красивый, – похвалил Толик.

23.

Зеленый москвич притормозил перед Юриком, ожидавшим на остановке в условленном месте, передняя дверь открылась.

– Садись, – пригласил водитель, одетый в старенькую курточку и кепку, измазанную пятнами известкового цвета, с длинным козырьком, из-под которого торчали знакомые очки. По ним Погосян признал своего научного руководителя.

В свою очередь, тот внимательно оглядел его одежду. Юрик вписался в салон, говоря всем сразу: “Здравствуйте”. На заднем сиденье располагались еще два одетые по-рабочему человека: женщина и девчонка с вредным выражением лица, очень похожая на Грум-Канавина.

– Здрасьте, здрастье, – ответила девчонка за всех тем нахально-презрительным, противным голосом, который прорезывается у тринадцатилетних единственных дочек-любимец, не имеющих ни в чем отказа.

– Долго ждали? – проявил заботу Грум.

– Нет, – успокоил его Юрик, – только что подошел.

– Самосвал уже поехал в сад, они знают место, сами свалят раствор, – вступила в разговор женщина, как будто отчитываясь перед Юриком.

“Какой такой раствор?”

– Да, нам сегодня должны привезти раствор, хотим вокруг домика дорожку по периметру зацементировать, чтобы сточные воды не разрушали фундамент.

– Папа, эта дорожка отмостками называется, – поправила вредная девчонка.

– Да, да, конечно. Я забыл вам представить, это мой дипломник Юрий Погосян, а на заднем сиденье обитают моя жена Земфира и моя дочь Аннет.

– Прямо все кругом твой, – съехидничала Аннет, – хорошо устроился.

– Ну, дорогая, знаешь ли... – начал было длинную речь Грум, но жена перебила:

– Вы, Юра, не поможете нам сегодня раствор перетаскать и разложить вокруг домика? Опалубку мы сколотили, нужна теперь просто большая физическая сила.

– Конечно, с удовольствием, – он предполагал, что надо будет копать картошку. Нужна физическая сила, дело ясное.

Колька Салахов тоже помогал сколачивать стеллажи для библиотеки своему научному руководителю, почему бы Погосяну не потаскать раствор для отмосток? Юрик успокоился и повеселел.

Когда москвич подкатил по высокой, еще зеленой траве улочки садоводческого товарищества мичуринцев к участку, самосвал уже разворачивался в обратный путь. В сколоченном из больших досок коробе, на постеленный внутри полиэтилен была низвергнута куча раствора, часть которого вывалилась на траву рядом.

– Не могли попасть, что ли? – с недовольным видом обходя короб, задала вопрос скорее самой себе жена Земфира.

– Что мы, снайперы? – хохотнул шофер из окошка кабины, беря бумажки от Грума и небрежно сунув в карман спецовки.

– Ничего, ничего, все в порядке, – закивал Грум, – до свидания и огромное спасибо!

Самосвал дал по газам, Грум лихо отпрыгнул из сизого вонючего облака.

– За что спасибо? Деньги получил полностью, без вычетов, а работу сделал кое-как. Везде и всюду у нас одни халтурщики работают, рабочий класс называется. Работать не умеют, а хамить – пожалуйста. Давайте начинать быстрее таскать, а то раствор застынет.

Грум-Канавин принес носилки и лопату, Юрик накидал в них раствора с горкой, и они потащили к домику. Грум, как хозяин, впереди, Юрик - позади по протоптанной в траве дорожке, запинаясь о выкрашенные в зеленый цвет водопроводные трубы.

В траве-мураве чирикали стаи воробьев, с треском склеывая последний осенний урожай семян. Домик новенький, обшит вагонкой, веранда с резными столбиками, резные наличники на окнах, пока некрашенный, но уже очень симпатичный.

– Мы на месте старого поставили этот, – похвасталась с довольным видом Аннет, – дедушкин сарайчик совсем завалился, а у этого даже фундамент есть, вот!

Вокруг дома сколочена опалубка для отмосток, в одну доску высоты, внутри насыпан слой гравия.

Земфира лопатой, Аннет гладкой дощечкой разравнивали раствор в опалубке, хлопая по нему, пока он не затекал во все неровности и не становился сверху гладким. Научный руководитель со своим дипломником таскали без отдыха целый час, а куча почти не уменьшилась, хотя сначала показалась Юрику совсем небольшой.

Через час Грум-Канавин совершенно выбился из сил. Стучало это как-то сразу. Его сильно зашатало из стороны в сторону, он начал тяжело дышать. Уже не мог доносить раствор до конца, на половине дороги они отдышали, поставив носилки на землю и стоя на своих местах, как запряженные.

– Стоим, – командовал Грум, – опускаем! Пальцы сами разгибаются, совсем не держат, – объяснял он далее, – боюсь, вырвутся носилки.

Земфира глядела на них, опершись на лопату, не выдержав, крикнула:

– Что-то вы, мужчины, больше отдыхаете, чем работаете. Канавин, может, мне тебя подменить? Ты прямо как кляча заезженная выглядишь, от тебя пар идет.

– Скажешь тоже, не женское это дело – раствор таскать.

– А что делать прикажешь, если ты уже почти умер, ждать, когда совсем свалишься? Отдохни на моем месте с лопатой, а мы с Юриком потаскаем.

Грум молча схватился за поясницу. Ни на кого не глядя, поменялся с ней местами. Похоже, ему действительно очень плохо, как тогда Юрику при отправке в колхоз от беломора.

На этот раз Юрик специально набросал раствора не с верхом, а поменьше.

– Еще, еще, – скомандовала Земфира, – такими порциями мы до темноты не управимся.

Он кинул еще пару лопат, и они потащили. Погосян впереди, Земфира следом, конечно, она тоже запнулась о трубу, хотя как хозяйка должна была бы помнить, где водопровод проходит. В результате такой забывчивости метров пять скакали покослиному, чтобы не грохнуться вместе с носилками и раствором. В результате еле-еле дотащили, даже Юрик запыхался.

– Нет, все, еще немного, и вены на руках выскочат, – сказала Земфира Юрику, озабоченно разглядывая свои запястья и сгибы локтей, – придется обратно запрягать Канавина.

Однако тот имел вид совершенно несчастный, даже не был в состоянии хлопнуть лопатой по раствору, держался за поясницу, страдальчески морща лицо.

– Радикулит опять сломал.

– Вот и приехали, что теперь делать прикажете?

Все смотрели на Погосяна, вдруг оказавшегося главным строителем.

– У вас есть большие ведра? – спросил Юрик, – два ведра почти все равно, что носилки неполные. Я бы пока потаскал ведрами, а там видно будет.

– Конечно, есть, только очень большие.

– Сойдет.

Он принялся таскать раствор ведрами в одиночку, бегая как заведенный.

Еле волоча ноги, Грум скрылся в домике, Аня и Земфира разравнивали отмостки а он таскал и таскал, и ни конца этой куче, ни края. Зато дорожка на глазах удлинялась, а домик приобретал все более респектабельный вид.

Земфира неумоимо тыкала лопатой раствор, который, постепенно смешиваясь с гравием и железной арматурой, становился бетоном.

– Может, передохнем? – спросила она как-то по-приятельски, – пойдем чаю попьем, у нас плита с газовым баллоном в домике, так что чай быстро вскипит. А раствор этот польем водой и накроем чем-нибудь.

– Нет, лучше не останавливаться, раз в ритм вошли. Потом сил может не хватить.

Земфира не стала спорить. Юрик схватил ведра и побежал к куче, куда перебазировавшись помогать вездесущая Анька.

– Ставь сюда ведро, я нагребать буду! – сказала она командирским голосом, похожим на мамин, когда та разговаривает с Грум-Канавиным.

Однако нагребать не очень получалось. Юрик не торопился, терпеливо ожидая, когда дело кончится полным фиаско и лопата будет ему возвращена добровольно.

– А ты сильный, – говорила Аннет, борясь из последних сил с совковой лопатой, – сильней папки. Он себе опять радикулит потянул, значит, на сегодня больше не работник. Ладно, давай, неси, – указывая на неполные ведра, – а то тоже радикулитным станешь мне тут.

С такими ведерками Юрик полетел по дорожке стрелой, делая это играючи. Прилетел к Земфире, опрокинул в опалубку одно ведро, она тут же начала тыкать в раствор лопатой, держа ее обеими руками, отчего грудь под тугой тенниской запрыгала вслед резким движениям. Тенниска женская, с большим вырезом. Второе ведро опрокинул прямо ей под лопату, выбил его и, не до конца разогнувшись, посмотрел за вырез. Благодаря продолжению энергичной деятельности груди взлетали и бултыхались. Он вытер пот со лба рукавом, продолжая смотреть.

– Ой, чего-то я сжарилась совсем, – сказала Земфира, снимая с себя куртку, и кинула ее в сторону на колышек. Снова взявшись за черенок лопаты, она успела заметить взгляд, поглощенный вырезом, и чуть заметно благотворительно улыбнуться.

– Что, устал?

Он отрицательно потряс головой.

Земфира продолжила свои движения лопатой, она несколько худее, тоньше и мускулистей, нежели Юлия. Видимо, сказалось строительство дачи, да и другие работы по саду. Относительно этой худобы ее бюст смотрелся более внушительно. Если у его бывшей подружки груди имели беломраморный цвет и на вид казались твердыми, как у манекена в магазине готового платья, то здесь напоминали созревшие золотистые плоды, так и просясь в руки. Несмотря на то, что движения лопаты были вверх-вниз, плоды еще сталкивались внутри между собой, и разлетались в стороны, выбиваясь вверх из-под выреза, будто ими жонглировали.

Внезапно Юрик ощутил в руках, ногах, спине громадный прилив невесть откуда взявшихся новых сил. Он повернулся и резво кинулся за раствором. Земфира перестала взбивать бетон, обернувшись вслед ему со странной, очень спокойной, почти незаметной улыбкой.

Аннет ворочала лопатой, утопив ее глубоко, а теперь пытаясь вытянуть обратно.

– Что, достать не можешь? А ну, погоди маленько, – Юрик отодвинул плечом девчонку и в два приема накидал ведра с верхом.

– Так не честно, – заныла она.

– Зато быстро.

Он сбегал десять раз на той волне пришедшей силы и только после этого, вывалив очередные ведра, опять немного постоял – посмотрел на работу Замфиры, которая, повернувшись к нему, говорила что-то, чего он решительно не слышал, продолжала месить раствор лопатой: вверх-вниз, вверх-вниз.

И снова Погосян кинулся на сражение с бесформенной кучей, захлестываемый девятым валом чувств и третьим дыханием. Десять ходок, двадцать ходок, тридцать ходок, снова умер, что уже не испугало.

На веранду вышел Грум-Канавин в подвязанном впереди маленьком разноцветном фартуке.

– Скоро обед будет готов!

– А мы тоже скоро кончим! – воскликнул радостно в ответ Юрик, пробегая мимо с наполненными ведрами.

– Правда? – удивился руководитель, – вы поосторожней, как бы чего не надорвать, не нарушайте технику безопасности, пожалуйста.

Не слушая его, Юрик мчался к Земфире.

– Жарко как! – вытряхнул ведра и убежал.

Даже не повернувшись в его сторону, Земфира снова взялась за лопату.

Аннет уже скребла по сусеку неполное ведро и еще четвертинку ведра, а Юрика вдруг покинули все силы разом, он едва дотащился до места, как старая коняга на скотобойню, вытряс и бросил наземь, даже не посмотрев, чем занимается Земфира. Больше его это не интересовало, так сильно ломило руки, а запястья казались выкрученными каким-то садистом на триста шестьдесят пять градусов.

– Все, последние, – прокаркал пересохшей глоткой, подбирая свою куртку, тяжелую, как матрац.

Впрочем, буквально через пять минут у него нашлись силы, чтобы потолкаться с Анькой у рукомойника. Рукомойник стоял в стороне от крыльца. Аннет тоже просунулась мыть свои руки и задорно толкнула его задом, потом он ее, потом она набрала воды и вылила на него, потом он плеснул на нее, и та заверещала сиреной патрульной машины ГАИ.

– Мама!!! А что Юра не дает мне умыться!!!

Земфира вышла на веранду.

– Аннет, будь добра, не приставай к мальчику, он сегодня все вывез на своих плечах, сделал главную работу, так что дай ему умыться, а пока вытряси его куртку.

– А я что, не работала, что ли, в тенечке сидела? – возмутилась Аннет. – Ну ладно, давай сюда свою куртку, работник.

– Почему, дорогая? Все мы ему помогали, в меру наших женских сил.

– Не надо трясти, пусть цемент засохнет, потом легче отвалится. – Юрик пошел к яблоне, подвесил куртку на ветке под солнышко.

Яблони стояли уже почти голые, желтые листья усыпали приствольные круги, издавая сладковатый запах. Было очень тихо, если не считать хлюпанья Аньки и ее же сморканий. Везде над головой светлело усталой голубизной осеннее небо с ярким, чуть тепленьким солнцем, которое, отражаясь в падшей листве, создавало праздничное золотое свечение на всю округу.

На самой верхушке деревца одиноко висело красное маленькое яблочко.

Заметив его, Юрик даже рассмеялся от радости:

– Аннет, хочешь ранет?

Анька плеснула в него водой из ладошек в последний раз, потому что на этом вода в умывальнике кончилась.

Подобрав помидорный колышек, Юрик кинул его вверх, задев только соседнюю ветку, но, видно, яблоко держалось из последних сил, еле-еле, и от сотрясения свалилось вниз вперед палки.

– Ну, хочешь ранет или нет? – переспросил Юрик.

– Давай.

С яблочком Анька разделалась быстрее, чем белка с орехом, раз – и косточки выплюнула.

– Дети, идите кушать, – позвала Земфира, – все готово, папик накрыл нам праздничный стол.

– Лимонад к конфетам не забыли?

– Нет, не забыли.

– А мороженое?

– Мороженое потом, после обеда, на веранде.

– Мама, знаешь, а Юра только что меня соблазнил в нашем саду, возле умывальника.

У Юры и мамы в такт расширились и округлились глаза, они посмотрели друг на друга очень удивленно и с опаской.

– Что такое ты говоришь?

– Нет, правда-правда, не вру. Он с верхушки ранетки сбил палкой яблочко и дал мне. Я съела. Ведь Адам Еву тоже соблазнил яблоком адамовым? Значит я теперь соблазненная?

– Ты все перепутала, не Адам дал яблока Еве, а змей.

– Еще он меня обзывает Аннет – ранет.

– Детский сад, чистый детский сад. Тебе уже четырнадцать лет исполнилось, а ты все как в песочнице выясняешь отношения. Идите, садитесь кушать.

Дача состояла из веранды, кухни с желтыми бревенчатыми стенами и большой комнаты с дверью на веранду и старинным столом, горбатым посередине.

У стола выточенные массивные ножки красного дерева. На скатерти стояли две плетенки с хлебом, на одной лежали маленькие пластики черного бородинского, на другой пышные белые от каравая. В большой треснутой тарелке остывала круглая вареная картошка, на селедочнице красная рыба, в вазе помидоры и сваренные вкрутую яйца.

Когда обед был окончен, Грум-Канавин скованно поднялся со стула, не до конца распрямившись, дошел до дивана, осторожно водрузился на него, беря папку с бумагами.

– Сегодня я дам вам тему диплома, – заявил он торжественным голосом, – рановато, конечно, в начале четвертого курса, зато будет достаточно времени над ней хорошенько подумать.

Медленно достал из папки листочек, на которой была записана всего одна строчка.

– Это функциональный класс, для которого надо попытаться определить границу по методу Жихарева.

Он тяжело перевел дух.

– Спасибо, – сказал Юрик, – я постараюсь найти границу побыстрее.

– Запомните, – снисходительно продолжил Грум-Канавин, – если только удастся определить хотя бы маленький кусочек границы области – это уже кандидатская диссертация. Придется много считать, очень много, и, скорее всего, вы получите нерешаемое современными методами дифференциальное уравнение. Решить его – настоящая сверхзадача.

– Ого! – восхитился студент.

– Юра, если поел, идем со мной, – дернула за руку Аннет, – я тебе сад должна показать. А то работал-работал, а сада так и не видел.

– Дай Юре отдохнуть, пожалуйста.

– А может, он со мной лучше отдохнет, чем с тобой!

– Да? Возможно. Что ж, сходите, погуляйте по саду. Жаль, что там сейчас никакой ягоды не осталось, картошку и ту выкопали. Одна грядка с морковкой. Морковку не потопчите.

Анька сразу потащила его в кусты крыжовника:

– Смотри, вот дедушкина беседка. Ее дедушка самолично строил.

Беседка состояла из двух почерневших лавочек буквой “Г” и навесиком над ними.

– Мамин папа, мой дедушка, был доцент, как и папа. У нас все доценты – дедушка, бабушка, мама и папа, кроме меня, конечно. Я доцентом ни за что не буду, не барское это дело. Я стану профессоршей.

– Хочешь сказать, профессором?

– Нет, профессоршей, женой профессора. Здорово?

Она вскочила на скамейку:

– Подойди ко мне.

– Что?

– Повернись спиной.

– Зачем?

– Ну, повернись, что тебе трудно, что ли?

– Скажи сначала, зачем.

– Я сегодня дико устала. Покатай меня, пожалуйста, по саду на горбушке, а за это я буду тебе все показывать.

– Размечталась, может еще иго-го при этом покричать?

– Если очень захочешь.

Он повернулся спиной, Аннет обхватила руками за его шею и, подпрыгнув, вцепилась пятками в бока.

– Можешь взять меня под коленки руками, а то неудобно болтаться. Не бойся, я ведь еще маленькая.

Он подбросил ее:

– Не такая уж ты и маленькая.

– Н-но, коняга! Поехали! Вон туда вези, там ранетки растут желтые, после мороза они делаются сладкими, как мед и прозрачными... нет, еще не сделались. – Она зажевала одну ранетку, другую сунула в рот Юрику. – Поехали дальше. Видишь, там крыжовник страшно колючий, к нему лучше не приближаться, там малина, там смородина, на малине может еще ягода быть, поехали туда. Хочешь, страшную тайну расскажу?

– Давай.

– Только ты, чур, никому. Это наша секретная семейная тайна. Моя мама была Грум, а папа просто Канавин, поженились и тогда стали оба Грум-Канавиными. Но это еще не тайна, это присказка такая. А тайна в том, что мой папик тоже возил моего мамика по саду на горбушке после их знакомства, когда в первый раз приехал сюда. Здорово, да? А теперь ты меня. Здорово? Значит, мы с тобой тоже поженимся, и станем Грум-Погосянами, ведь папик был дипломником моего дедушки, а ты папин дипломник. Я знаю, ты перспективный.

– Все понял. Куда дальше?

– Поглубже в малину давай заедем. У мамика грудяки видал какие? Блеск, да? Все мужчины сразу обращают внимание. У меня такие же будут, спорим на десять рублей? Это наследственное, по женской линии передается из поколения в поколение. У нее самая красивая грудь была еще в школе, а потом в университете, понял? Вот сейчас ты на четвертом курсе, а мне как раз четырнадцать лет. Через три года мне будет семнадцать, тогда посмотришь. Ты, кстати, уже в аспирантуре будешь учиться, а я тебя буду по рукам бить, пока не женишься, здорово? Мамик била по рукам папика, даже когда он женился, говорит, по забывчивости. Наверное, путала с кем-нибудь посторонним, – Анька весело расхохоталась.

– А ну слазь, – Юрик перестал поддерживать ее ноги и распрямился.

Но та крепко держалась руками за шею, стонала, хныкала, но не отцеплялась.

– Ой, миленький, не бросай девушку одну-одинешенькую на погибель ужасную, хоть до скамеечки доведи дедушкиной.

– Здесь падай.

– Ну и дурак. Не хочешь – как хочешь. Не достанется тебе тогда ничего: ни сада, ни меня с шикарной грудью, ни аспирантуры. Дай руку, ну дай сюда, бука-бьяка, не бойся! Пойдем мороженое кушать. У нас холодильничек маленький есть автомобильный, сейчас мамик десерт подаст. Идем.

Получив заветную бумажку с настоящей задачей дипломного уровня, Юрик чувствовал себя настолько замечательно, что абсолютно ничто не могло вывести его из равновесия. В голове зароились множественные надежды и мечты. Сбылось! Теперь все зависит от него самого, его таланта, упорства и работоспособности.

С завтрашнего дня он начнет трудиться по восемнадцать часов в сутки! Он добьется всего, что наметил, ибо всегда добивался в жизни того, чего хотел. Страшным трудом, но добивался. Так случится и на сей раз, не может быть по-другому! Он решит эту задачу, найдет всю границу области функционала, в результате чего появится задел сразу на кандидатскую диссертацию!

После мороженого, которое кушали все вместе, сидя на веранде, благо комаров в сентябре нет, Юрик еще долго гулял с притихшей Аннет по саду просто так, не таская больше сапрофитку на себе. Она сама таскалась следом, как привязанная. Нашел в зарослях малины ветку, увешанную огромными, фиолетовыми от спелости и давности висения ягодами. Положил в рот – а вкус-то уже винный. Но Аньке ужасно понравилось, и она высосала одна за другой все ягоды, поднимая их в руке и провозглашая: «За нашу роковую любовь!», а последней вымазала лоб и щеки, как американский индеец племени навахо.

Перед отъездом Земфира обрызгала всю отмостку водой из лейки, чтобы цемент схватывался постепенно, и как можно дольше, покрыла ее старым полиэтиленом, снятым с теплиц.

– Главное, чтобы заморозки не ударили, – беспокоился Грум-Канавин, расхаживая следом за женой, по-стариковски придерживая себя за поясицу.

– На три дня передали прогноз хороший. Так что не переживай, бетон схватится так прочно, что отмосткам не будет сноса сто лет, пока будет стоять этот дом, – с гордостью сказала Земфира, со значением посмотрев на Аннет, будто передавая ей некую эстафету.

Юрика высадили возле общежития с благодарностями Земфиры и ее же приглашением заглядывать к ним домой, «а то бедная Аннет будет скучать». Грум-Канавин устало засыпал за рулем, сама Анька дулась в углу сиденья, не желая прощаться, но потом вдруг, когда «Москвич» тронулся, послала через закрытое окошко воздушный поцелуй.

24.

Письмо от Кати он увидел сразу. Тут же прочел. Из письма следовало, что она еще не получила его ответа, просто написала вдогонку своему первому посланию.

В комнате еще раз подробно, с наслаждением, перечитал все, что она написала от первого до последнего слова. Там не содержалось ничего такого, чего он бы не знал или не видел, но все в ее изложении выглядело настолько интересно и увлекательно, что он опять пожалел, что не перевелся учиться домой.

Жил бы сейчас дома с мамой, учился в одном университете с Катей, это казалось непостижимой сказкой. Непостижимой в том смысле, что он не мог понять, почему до сих пор не сделал ничего, чтобы воплотить эту сказку в жизнь. А теперь уже получил дипломное задание, и значит, надо его делать.

Он перечитал еще и еще раз, быстро запомнив письмо наизусть.

– От нее? – спросил, вежливо улыбаясь, Шихман.

– Да.

– Ясно тогда. Есть будешь?

– У Грум-Канавиных накормили.

– Это хорошо, когда кормят нашего брата. А грех подневольного студента голодом морить, верно?

– Конечно.

Вдосталь начитавшись Катиным посланием и приобретя новый блеск в глазах, подскочил с кровати, набросал в сумку побольше книг и конспектов, взял драгоценную бумажку с задачей и спустился в читальный зал.

Сел в половине десятого вечера, а очнулся только в три ночи. В зале не осталось ни одной живой души.

Весь его стол завален исписанными листами, и на последнем перед ним лежало полученное дифференциальное уравнение размером в полстраницы. Он смотрел на него с восхищением. Это уравнение в неявном виде содержало решение! Но оно было слишком сложное, и вряд ли решаемое известными аналитическими методами. Попытаться пробить через операционное исчисление, которое только-только начинает читать им Поляковская? Или на ЭВМ численным методом? Он собрал листки, их набралась приличная стопа.

Какой удачный день! Неужели он самостоятельно произвел все эти вычисления за один вечер? С ума сойти! Нет, все-таки есть в нем, несмотря на сомнения, что-то эдакое, определенно сидит талант математический. Смотрите, что отчебучил! Получил уравнение за несколько часов. Надо будет проверить его хорошенько, как бы не допустить ошибки, как безвременно погибший профессор. Возможно, удастся сжать. Привести к решаемому виду, хотя бы через какие-нибудь эллиптические интегралы.

Юрик поднялся из-за стола, сгреб бумаги в сумку, вернулся в комнату, где все давно спали. Осталось раздеться и лечь. Разделся и лег. Что дальше? А, закрыть глаза. Закрыв глаза. Теперь надо уснуть. А как? Какова методика засыпания? Он забыл ее.

Ему показалось, что спал одну секунду, и вот надо вставать и топать на семинар доцента Кима. Если где-то в другом месте вам и удастся с полчаса поспать на паре, но только не у Кима, который не смотри, что в очках, – все видит, что делается на самой последней парте в амфитеатре и обид от невнимательности не прощает, начинает высказывать прямо на лекции, тут уж не до сна станет.

А народу к нему все равно ходит много, потому что зачет ставит, не глядя, а на экзамене никто ниже четверки еще не мог получить. Одним словом, очень неоднозначный человек, шиворот навыворот, из тех, кто жестко стелет, а спать довольно-таки мягко.

Но главное, Ким прирожденный артист. На лекциях его буйная фантазия бьет ключом через край.

То носится, как метеор, у доски большими скачками туда-сюда, то вдруг замрет и прислушивается: черные пряди рассыпались по лбу, галстук съехал набок, не думайте, что устал. Молчит полминуты, разглядывая всех сквозь щелочки век, молчит минуту, а потом вдруг как заорет:

– Возьмем единичку!

Ах, бог ты мой, да бери ты ее, жалко, что ли, вот напугал, аж сердце в груди затрепетало, забилося воробьем о стекло. Погосян подставил под голову руку – падает, хоть что ты с ней делай, и глаза слипаются.

– Возьмем единичку! – визжит снова Ким, и как будто уже тащит нечто большое с себя ростом, обнимая руками. – Берем единицу, здоровенную такую, – в третий раз вскрикивает он, машет рукой над головой и изображает эту единицу уже из себя самого: вытягивается кверху, ножки вместе, руки по швам, ботинки в разные стороны, голову направо, а для студентов – налево.

– Имеем единичку! – ликует Ким, замирая на месте в виде большой единицы, а девушки на первых партах смущенно переглядываются, ибо слово «иметь» в последнее время стараниями Марика Глузмана приняло извращенный смысл.

Да и сам Марик хмыкает и требовательно глядит на свою законную жену Грамм.

– Слышь, – говорит он, – Ким-то совсем сдурел, однако, единицу уже имеет принародно.

Звуки тайного смеха доносятся до сознания доцента, и он настораживается:

– Что, кто-то хочет продолжить за меня?

– Благодарим покорно, извращениями не занимаемся, – громко шепчет Глузман на всю аудиторию, и тут Рифкат начинает сдавленно хохотать, пропуская через ладонь, сжимающую рот, странные зверюшечьи пiski.

– Прямо артист Москонцерта, – констатирует Грамм невозмутимо, не обращая ни на кого внимания. – Чего он здесь только делает за кафедрой, ездил бы по стране, изображая арабские цифры и их интимную жизнь, стриг бы сумасшедшие бабки, не хуже Аркашки Райкина.

– И прологарифмируем эту единичку натуральным образом, – опять чувственно вскрикивает Ким, так что вся аудитория вздрагивает, большей частью уже от смеха, а Глузман успевает вставить ультразвуковым шепотом: «В качестве натуральной оплаты!»

Процесс натурального логарифмирования несчастной единички доцент показывает высоким прыжком вверх, причем не просто так подпрыгивает, а очень высоко, и что самое замечательное, в высшей точке полета вдруг дважды, очень звучно прищелкивает туфлями друг о дружку. Погосян тотчас вспомнил киргизский балет дома в Петровске, и балеруна Травкина, который так же вот подскакивая, стучал ножками, исполняя фигуру, кажется, называемую па-де-де.

Черт возьми, да он же еще не ответил на второе письмо Кати, надо бы не забыть сделать это сегодня же, а лучше даже прямо сейчас взять и написать. Но, к сожалению, метод виртуальных сфер, который читает столь странным образом доцент Ким, очень близок его дипломной задаче, и если аналитически решить полученное ночью уравнение не удастся, придется искать другие подходы, возможно, через виртуальные сферы с проколотыми на полюсах особыми точками. А поэтому надо слушать. И смотреть.

После тех блестяще исполненных щелчков туфлями в воздухе друг о дружку, аудитория точно начала догадываться, что стройную как кипарис единичку, с носом влево, уже того, прологарифмировали самым, что ни на есть натуральным образом, и летит она, несчастная, вниз, уже совсем иная, чем прежде, не такая стройная, а как бы округлившаяся и с заметным пузцом.

Приземлилась вовсе нараскаряку, ноги коленками в разные стороны торчат, как у наездницы и руки округло соединены на животе.

– У нас будет? – вопрошает громогласно Ким вдохновенно высоким голосом, и счастливо смеясь, оглядывает ряд за рядом своих многочисленных почитателей. – У нас будет нулик! Абсолютный нуль, если хотите!

– Шут гороховый! – аттестует Грамм.

Глузман дует в ее сторону, как на убегающее с плиты молоко.

– Джокер! – диву дается Рифкат. – С чего нуль стал абсолютным? С какой радости?

– Он физикам матанализ читает, – пояснил Мурат, – оттого срывается в физическую реальность, местному контингенту нравится.

– Ах, нет, конечно, нуль находится в знаменателе, значит, мы где? Мы с вами находимся где? – излучает свет тихим сиянием очков доцент Ким, благодарно глядя на Сабирова Рифката.

– Известно где, – намекает Мараня, заводя глаза под потолок.

– Правильно, на простом полюсе.

– Царствие нам небесное!

Все смеются, а больше всех Ким, тот просто покатывается со смеху у доски.

На большом перерыве между сменами Погосян поспешил в профком на дежурство.

– Здрасте вам!

Белла Ивановна многозначительно глядит в окно. Женской паствы у нее сегодня нет, один Шукис мается по комнате со зверским видом. А с него исповедь получить все равно, что с козла молока. Однако он налаживает мосты и задает товарищу Кун вопросы на засыпку:

– Белла Ивановна, как вы думаете, с точки зрения всенародного здоровья, рыбный день в общественном питании улучшает статистику борьбы с онкологическими заболеваниями или только с сердечными?

Белла Ивановна отрывает взгляд от оконной рамы, загадочно смотрит на коллегу и в свою очередь задается вопросом:

– А вы как считаете?

– О, я считаю, – радуется Шукис, – что самым значительным образом.

И он впадает в трансное состояние, когда лицо его остается замороженным, и только рот извергает фразы бесконечно ядовитого монолога о полезности простипомы и минтая для советского человека и относительной вредности жирной свинины, которую хряк Хрущев вздумал выращивать, как на конвейере, и настроил по стране огромные бетонные сараи, в которых мясо получается золотым по себестоимости, потому что бетон зимой отапливать – себе дороже.

Эти монологи могут длиться до вечера – Шукис наводит мосты в виде провокаций, но Белла Ивановна бурит его своими ледяными глазками и ничего не отвечает. Пока к ней не приходит какая-нибудь дамочка, после чего Белла Ивановна вовсе перестает замечать коллегу, целиком и полностью фокусируясь на низовом профаппарате.

К Юрику тоже приходят профорги групп, которым он выдает карточки. Пришла его летняя секретарша Люба, села напротив и осталась разговаривать надолго.

Юрик понимает, что она по-прежнему считает его своим начальником, а не калифом на час, коим он был на самом деле. Он помнит, как эта девушка отсекала от него прочих писарей и ввела иерархию управления, став между ним и прочими передаточным звеном. Она умеет это делать. Кроме того Люба блестящий исполнитель, а как преданно смотрит сейчас из-под очков своими небольшими сильно подведенными глазами.

«Сидишь здесь дурак дурачком, в то время, когда у тебя куча дел настоящих. – Говорит человек разумный, живущий где-то возле левого глаза, – Надо заниматься задачей, надо изучить виртуальные сферы и исследования операций, и кучу других дел. Что, собрался навечно быть красным стрелком товарища Шукиса? Надо двигать науку по восемнадцать часов в сутки, а не дурью маяться».

И в голову сама собой проникает замечательная мысль.

– У тебя есть свободное время? – спросил Любу, обворожительно улыбаясь.

– Да, конечно, – ответила девушка, сделав удивленное лицо, будто не веря собственным ушам.

– Ты замечательно поработала летом, правда, мне очень понравилось. И теперь я хочу привлечь тебя к работе в профкоме, на общественных началах, конечно, как и мы все здесь. Не против?

– Нет, не против, – благодарно улыбнулась Люба, а он понял, что для этого она и ходит сюда – получить желанную общественную нагрузку в хорошем месте.

– Вот сейчас дежурю, выдавая карточки, а мне позарез надо бежать в райком. Не смогла бы подменить меня тут до четырех часов? Начальству я тебя прямо сейчас представлю как своего кандидата в заместители?

– Да, – сказала прирожденная секретарша, – хочу. И посмотрела на Юрика столь преданными глазами, что он снова засомневался в правильности понимания условий.

Тогда еще более усложнил задачу, раскрывая всю тяжесть безвозмездного общественного ярма.

– Понимаешь, талонов на обед нам здесь никто не дает, это только на время акции вам выделяли, а мы работаем абсолютно бесплатно. Так что извини, чего нет, того нет.

– Да что ты, Юра, я и не думала, – с жаром отринула его сомнения Любаша. – Я согласна на любую общественную работу в профкоме.

«Общаги, что ли, не дали?»

– Тогда у тебя найдется время с двух до четырех в понедельник, среду и пятницу?

– Конечно.

Он пожал ее влажную ладонь, представил Шукису, сказав, что это его проверенный в акции актив, которому он полностью доверяет данный участок работы.

– Под твою личную ответственность, – пристально, по-большевистски сверкнул стальным глазом Шукис, все прекрасно понимая. И сам ненароком уже защурился балтийским бароном, прикидывая, а не взять ли ему такую добрую, славянскую девушку сразу в свое домашнее хозяйство, на барщину, приглядывать за ребенком?

Вот тебе, Любаша, и Юрьев день.

Ознакомив секретаршу с тетрадами, которые нужно вести, и не медля ни одной лишней секунды, Юрик покинул профком. Что, разве не правильно подобранные кадры решают проблему экономии времени для своих руководителей? То-то и оно.

25.

Прошел месяц сосредоточенной работы по заданной Грумом задаче, однако результаты оставались практически в том же виде, как после первых часов вычислений.

Через неделю он нашел ошибку в расчетах, и в результате уравнение стало еще длиннее. Оно достигло восемнадцати строчек на странице, не поддаваясь ни одному из известных методов интегрирования дифференциальных уравнений. Таким образом, старый добрый подход, разработанный мэтром Жихаревым тридцать лет назад, результата не дал. Погосян оказался в тупике.

Кроме посещения веселых и не очень семинаров, Юрик набрал в читальном зале пирамиды литературы и погрузился в них без остатка. Задачу он решит, в том сомнений нет, не мытьем, так катаньем. Времени только может не хватить, вот в чем беда.

Он пошел в деканат к Рутману просить свободного расписания на весь четвертый курс, чтобы не бегать по всем лекциям и семинарам, а посещать лишь те, кои ему действительно необходимы.

Рутман разгладил пушистые усы, положил перед ним лист:

– Кому-кому, а уж вам, товарищ Погосян, деканат свободное посещение занятий, конечно, разрешит. Пишите заявление, где укажите предметы, которые будете посещать, и те, что нет.

Вопрос по времени и в этом направлении был снят.

К тому же у него свободный понедельник и выходной – воскресенье, а читальный зал науки работает без выходных. Теперь и по времени все складывается более, чем отлично. Остается получить результат. Блестящее решение. Пусть просто решение. Ну хоть какой-нибудь частный ответишко. Не может же быть у него полного, абсолютного провала?

Отчет по курсовой Грум совместил с городским семинаром.

На семинаре опять выступил доцент Абрикосов, рассказав решение одной маленькой, чрезвычайно обаятельной, по его словам, задачки.

Рассказывал очень вкусно, будто сооружал неизвестное местному общепиту блюдо итальянской или французской кухни, сыпал словечками, как приправами и поливал винными соусами, добавлял приправ из трюфелей. Блистал черными глазами на благодушном приветливом лице, изрезанном крупными морщинами, будто шеф-повар элитного ресторанчика, вышедший с кухни к посетителям и приглашающий всех отведать новое и чрезвычайно деликатесное блюдо.

Грум сосредоточенно слушал, был нацелен на вопрос и критику.

Но у Абрикосова все в полнейшем ажуре: каких-нибудь пятнадцать минут, и еще одна теоремка явлена свету, теперь можно публиковать в болгарском математическом журнале, или в венгерском или польском, и зарплата в два-три доллара обеспечена, и список работ расширился. «Этак скоро товарищ Абрикосов Эйлера у нас перегонит», - шутят слушатели семинара над плодовитостью коллеги.

Один Грум-Канавин, как секретарь семинара и ответственный за его статус, по окончании пытается Абрикосова у доски в подробностях гораздо дольше пятнадцати минут. Тот с шуточками проясняет любое место, куда ткнет палец секретаря.

Все-то у него верно и очень легко получается. Даже Юрику подозрительно делается. Он бьется-бьется над своим функциональным классом, как лбом о стену и ни черта, а тут: айн-цвай-драй, и пожалуйста вам – белая голубка, посланница мира с пальмовой ветвью изо рта порхнула, причем как бы из вашего собственного, хотя вы ее туда уж точно не заглатывали. Груму ничего не остается, как заполнить очередную карточку с достижением их блестящего семинара.

После того, как все математики, известные и не известные никому даже в пределах города Борисова, разошлись, вдосталь накачавшись головами над международным положением, Юрик с Грумом сели читать курсовую.

В книге много интегральных переходов, и в задачу Юрика входило все разложить по полочкам, разжевать до консистенции рисового отвара.

– Неплохо разобрали, неплохо, – вставая из-за стола, говорит Грум на прощанье, – Аннет про вас постоянно спрашивает, зовет на Новый год в гости. Не против? Будет время поговорить заодно и по задаче.

– С удовольствием, – кивнул Юрик, – форма одежды рабочая?

Грум поднял голову, открыл рот и засмеялся:

– Да вы шутник, однако!

26.

– Эй, Рюрик, минуточку внимания!

Погосян вздрогнул, приостановился, закрутил головой, надеясь встретиться с неизвестно откуда возникшей одноклассницей, – в школе у него была кличка Рюрик.

Вокруг клубилась толпа студентов, вырвавшихся на перемену. Темноватые коридоры второго корпуса порой очень странно отражают звуковые волны, в них все время стоит гул под потолком, будто находишься с толпой экскурсантов в древних пещерах, где тысячи лет тому назад жрецы наделали специальных звуководов для обмана первобытных верующих.

Сами жрецы заперлись за дверьми многочисленных на этаже физических лабораторий, где круглыми сутками ставят хоздоговорные и собственные эксперименты. Что на самом деле там происходит – неизвестно никому, за исключением двух-трех волосатых личностей в дырявых свитерах и джинсах.

– Рюрик, ниже гляди.

Он посмотрел ниже и действительно, чуть ли не у себя под мышкой обнаружил девчонку в круглой детсадовской шапочке, завязанной на длинные тесемки с пушистыми шариками на концах.

– Ан... нет? Ты как здесь очутилась?

– Совсем тупой или притворяешься? Тебя жду, разумеется. Ты мне срочно нужен.

– Постой – постой, а как ты меня нашла?

– Да запросто. Дядя Рутман сказал номер группы, в которой учишься, мы вместе посмотрели расписание и вычислили, где ты можешь сейчас находиться. Остальное дело техники.

– Дядя Рутман?

– Дядя в переносном смысле. Он меня на демонстрациях на шее носил, когда у него еще своих детей не было.

– Ясно, товарищ Грум, у вас очень большая ездая практика. Так, и что дальше? Зачем я вам понадобился?

– Да ну, какая там большая. Вот у мамика – да! Она в детстве вашего нынешнего факультетского декана объезжала, представляешь, да? Тоже на демонстрациях первомайских. А понадобился ты мне... Ой, Юрик, ты мне просто ужасно необходим! Эта мамик держит меня совсем за Золушку! Представь себе ужастик, сегодня утром дала задание купить на базаре елку для Нового года. Ты же знаешь, у папика чуть что – спина, тяжелее авторучки ничего поднять не может, поэтому вся надежда на тебя, – она хитро подмигнула левым глазом, потом для убедительности еще и правым. Но, осознав, что Юрик не склонен веселиться, дополнительно пронизала исподлобья взрослым взглядом: – Ты же не оставишь бедную женщину наедине с проблемой?

– А кто здесь женщина? Что ли, мы? – кинул пушистый шарик Аньке прямо в лоб, от неожиданности та открыла рот. – Лично я не вижу женщин, одну только Ранетку в кислом варенье.

– Женщины надоели, – ткнула в бок Грамм, вышедшая из аудитории. – На малолеток потянуло? стыдно, товарищ!

– Не с такими же тетками, как вы, ему иметь дело, – отрезала малолетка.

– Короче, – отмахнулся от поклепа Погосян, – мадемуазель, вы знаете, что скоро сессия? У вас, как наследственного доцента, должен в организме биологический будильник на сессию звонить. Так вот, я бы с удовольствием помог, разумеется, но сейчас мне надо идти учиться. В читальном зале книги подняты, на столе лежат, буду их читать. Ясно?

– Так ты опусти свои книги обратно, – сориентировалась школьница.

– Ага, для того я их выписывал, чтобы опускать, не прочитав.

– Ну, Юрик же, солнышко ясное, Новый год на носу, как нам быть без елки? Ты же придешь к нам на Новый год?

– С какой стати?

– Я тебя приглашаю к себе на Новый год, понятно?

– Ладно, давай так договоримся: елку помогу притащить, а на Новый год не иду.

Идет?

– Давай. Это лучше в сто раз. Что стоим? Кого ждем? Идем сдавать твои дурацкие книжки.

Аннет выказала себя вполне деловым покупателем, оказавшись меж лесных красавиц, сваленных с машин у ограды Центрального рынка. Гуляла прищуренная, гуляла приглядываясь, потом вдруг потащила его куда-то в сторону, где стоял здоровенный парень в серых пимах и рыжей куртке пожарника. Из-под ушанки диковато светились красивые, малознакомые глаза. Похоже, Юрик встречал его раньше среди старшекурсников, но давно. Верно, отчислился человек, подался в пожарники.

Парень ходил с настоящим продавцом возле елок, то ли помогал, то ли просто так встретил знакомого, да разговаривал от нечего делать.

– Вот эту давай купим? Это же пихта?

– Это сосна, в квартире она не будет пахнуть лесом.

– Зато на ней шишки, смотри, какие зеленые и смолой даже на морозе пахнут!

Бывший математик перестал разговаривать с продавцом, почесал ногтем до багрянца промерзшую щеку, поросшую иголками не меньшими, чем на сосенке, глянул на них из густых бровей своими удивительными глазами местного таежного берендея и медленно, с чувством проговорил:

Рассыпалось небо хлопьями.

Я рад тебе. Ты мне рада.
Мы вместе. Еще не поняли
Вполне, что так надо.

– Как чувствовала, что здесь будет интересно, – обрадовалась Аннет, – вы что, поэт?

– Я Владимир Брусьянин, – сказал парень очень просто и окончательно, без пояснений. – Так-то, девочка.

Что было в прошлой жизни, уточнять не стал. Надо было исходить из реальных финансов, и Юрик попытался выяснить эту составляющую:

– А, собственно говоря, у тебя, девочка, деньги есть?

– Много. Пятнадцать рублей.

– Ну вот, на эту сумму можно купить настоящую елку. Мамаик ведь елку просила?

– Елку. Только мало ли чего там мамаик попросит? У мамаика запросы, знаешь какие? Выше крыши! Здесь нам решать, как захочем, так и заворочим. Я рада тебе, ты мне рад?

– Слушай, давай как-нибудь быстрее соображать. Я голосую за пушистую пихту. А ты можешь просто прислушаться к мнению старших, пока собственные мозги не выросли.

– Мозгов у меня полная коробушка. Вот стану через пару лет девяносто-шестьдесят-девяносто, тогда ты меня зауважашь, разговоры начнешь разговаривать о Сервантесе и Борхесе с умным видом на философские темы, на художественные выставки станешь приглашать, да поздно будет. У вас почему елка сосновая?

– Пять рублей.

– Беру, – гордо сказала Ранетка.

– Я тебя возьму сейчас за ухо, – сказал Погосян, ухватив за воротник и волоком волоча неповоротливую девочку в сторону настоящих пихтовых елок, где народ быстро расхватывал, что получше. – Здесь покупай, что хочешь, поняла?

– Когда-нибудь я страшно тебе отомщу, часика этак через два. Ух ты, какая пушистенякая вот эта! Почему елочка?

Леспромхозовец в дохе до пят примерялся:

– В ней два метра, значит, согласно расценкам двадцать рублей.

– С ума сошли, что ли? У меня всего пятнадцать.

Юрик вздохнул и пошел дальше, но Ранетка остановила:

– Ты куда?

– Смотреть другие.

– Да он отдаст за пятнадцать, да же, дядечка?

– Что я вам отпиливать буду? Комель или верхушку?

– Нет, отпиливать не надо, может, скинете?

– Девочка, мы государственные елки продаем, из леспромхоза, а не ворованные, в горпарке срубленные. Вы разницу понимаете?

Юрик добавил пятерку, и они купили по твердой госцене.

– Забирайте, товарищ Погосян, дерево, – скомандовала Аннет, – и несите на себе осторожно, денег у меня больше нет, так что идем пешком. Все равно с такой елкой в троллейбус не пустят. Идите себе потихоньку, нам прямо и прямо.

Когда поднялись на третий этаж, и дверь после затяжного звонка открылась, Аннет заскочила в квартиру, возбужденно прыгая, махая шапкой:

– Мамаик, мамаик, смотри, я кого притащила: и елку на Новый год, и Юрика.

Юрик отметил про себя, что на площадке она стояла совершенно спокойно. По изумленным глазам мамаика ему сделалось ясно, что та понятия не имеет про всю их елочную компанию.

– Аннет, зачем вы купили так рано? Она вся осыпется на балконе до Нового года, и на какие деньги?

– Деньги накопленные, и ничего не рано, мы ее сейчас прямо установим в ведро с водой и аспирином, и она будет до самого Старого Нового года жить-поживать и добра наживать. Юрик нам пообещал к тому же установить елку. Надо будет отодвигать стол, а кто будет его двигать? Юрик, ты не стой столбом, раздевайся, и за работу принимайся. Тащи елку в ту комнату.

Квартира у Грум-Канавиных солидная, профессорская, четырехметровой высоты, с лепниной и гипсовыми розетками по потолку, тяжелыми шторами на дверях и окнах, заставлена настолько плотно массивной темного цвета мебелью, что не то елку поставить, пройти негде.

Но под руководством Аннет, задвинув пять-шесть предметов в углы, совместными усилиями ляльки, мамика и Юрика, место для пышной лесной красавицы нашлось в самом центре. При необходимости здесь же можно поводить небольшой хоровод вокруг деревца, персон этак на шесть.

В перевернутую табуретку поставили ведро с водой, в нее елку на растяжках, всю эту конструкцию задрапировали картоном, толстым слоем ваты. Внизу на страже выставили Деда Мороза, с мешком подарков через плечо.

– Здорово как! – восхитилась Аннет, умело завязывая губки бантиком, – мамик, ты свободен, дай только нам ящик с игрушками, мы сами украшать будем. Нет, там должно быть где-то в кладовке целых два ящика, еще ведь гирлянды электрические, звезда, а сама пока приготовь нам обед, мы кушать хотим. Я все помню, – пригрозила пальчиком Юрику, – давай, звезду на верхушку тащи. Лезь, я буду помогать.

Помогала она своеобразно. Тыкала указательными пальцами под коленки сзади, когда он залез на стул, кричала: «китайский бокс, китайский бокс!», и прыгала вокруг козленком.

– Анька! Сейчас звезду ставлю и ухожу, надоело!

Когда слез, первым делом, без всяких церемоний, исключительно в воспитательных целях вlepил Аньке щелбан. Та жутко обиделась:

– Ты ничего не понимаешь в китайском боксе.

– Развешивай лучше игрушки, чем боксировать, полезней будет для общества.

– У меня заболела голова, – она схватилась за лоб и хлопнулась на тахту, – ты сделал мне сотрясение мозга, а это травма, между прочим!

– Впервые слышу, что у Ранетки могут быть мозги. Неужели новый сорт вывели: Ранетка с Мозгами? Раньше только про зеленый горошек мозговых сортов слышал и все.

– К тому же оскорбил меня на базаре, таскал за воротник, а я помнится, кое-что обещала за это сделать, и сделаю, понял? Ладно, не бойся, делать ничего не буду, просто покатай меня вокруг елки на горбушке, идет? Такой подарок мне к Новому году. Давай, будешь моим персональным коньком-горбунком?

– Перебьешься.

– Ах, вот так, да?

– Да, именно так!

– Ну ладно, ладно, мы еще посмотрим, чья возьмет!

Стала подкрадываться сзади, с невинным видом пастушки, разыскивающей отбившегося от стада ягненокка, а выбрав момент, кинулась тигром к нему на спину, однако Юрик увернулся, и наездница влетела в елочные иголки.

Потом влезла на стул, сказала: «Я Тарзан». Юрик отошел наряжать противоположную сторону новогоднего дерева. Лялька-Ранетка поволокла табуретку за ним следом, причитая:

– Ну почему ты не хочешь меня покатай, конек-горбунком? Так ведь не честно, мы так не договаривались. Постой смиренно минуточку, одну только минуточку.

– Что не договаривались – это точно. И вообще скажу сразу, а то, может, ты не в курсе: на меня где сядешь, там и слезешь.

Девочка расстроилась, аж глаза заслезились, но попыток не оставляла: ходила следом, пытаясь запрыгнуть на шею. Влезла на бюро, и оттуда сиганула по воздуху, намертво обхватив его горло руками, и воткнув пятки с размаха в живот. Чуть шею не свернула.

Юрик опрокинулся спиной на тахту.

– Ну, ты, мерин! Мамик! – заверещала наездница, – на помощь, наших бьют! – Продолжала держать шею мертвой хваткой, не желая с ней расставаться.

– В чем дело, дети? Здрасьте вам! Они уже дерутся на дедушкиной любимой тахте! Аннет! Юра! Не слушаетесь, да? Ну, берегитесь!

Мамик кинулась к месту сражения, тоже схватив руки дочери, пытаясь разять их:

– Лялик, перестань! – стали тянуть вместе.

Юрик снова увидел прямо перед глазами два прыгающих золотистых плода.

Хватка у Лялика железная, какая случается у буйных душевнобольных, за что на тех предусмотрительно надевают смирительные рубашки.

Юрик разорвал удушающее кольцо на шее только с двумя пуговицами рубашки.

– Ах, какой пушистенский! – восхитилась Земфира. – И погладила растительность на груди.

Возможно, в целях самозащиты, а, скорее, пользуясь моментом, осуществляя угнетенное желание и любопытство, протянул руки вверх и свободно растущие у самого носа плоды попали в его полное распоряжение.

Увы, удовольствия не получил ни малейшего: они переспели. В них не было ничего кроме неожиданного, грандиозного разочарования в виде слишком уж скорого наказания за грех. Руки мигом отлетели.

Припечатанная к дедушкиной тахте, распластанная под Юриком Аннет снова заверещала:

– Ага, все расскажу! Я все видела! Видела, за что Рюрик схватился!

– За что? – удивилась мамик Грум-Канавина, рапрямясь над диваном и мимолетно одергивая кофточку.

Юрик вскочил, пытаясь соединить две части рубашки, а юная девица, все еще лежа, оправила юбочку, в полете оказавшуюся на ее животе. Некоторое время все были заняты собственными проблемами.

На счастье общества у дедушкиного дивана, занятый трудами праведными папик пока с работы не вернулся. Мамик подобрала пуговицы от рубашки, дала гостю нитку с иглой и сказала пройти в соседнюю комнату, чтобы там снять рубашку и пришить пуговицы, которые, как известно, на себе не пришивают. Чем он не преминул воспользоваться и оттуда услышал разговор на пониженных тонах между матерью и дочкой.

– Вечно тебе, лялик, все кажется. И вообще, чего ты тут устроилась с мальчиком на диване?

– Папику расскажу все.

– А если я Юрику про Колю расскажу?

– Ну и рассказывай, подумаешь, – Ранетка вскочила с дивана, и прошлась, судя по звону игрушек, мимо елки.

– Мала еще мамiku родному и любимому обструкцию устраивать!

– А чего ты выставяешь свою витрину? Скоро на пенсию, а она обнажается до пула перед всеми!

– Я тебя в угол поставлю!

– Папику расскажу!

– Не смей с матерью так разговаривать! – уже громко в голос сказала Земфира.

Юрик посчитал, что пора раскланиваться.

– Я пойду, пожалуй, мне пора, – сказал он, направляясь в прихожую.
 – И до свидания, – сказала Аннет.
 – Обед готов! Пойдемте кушать!
 – Нет, спасибо, не хочется.
 – Пусть идет в свое общежитие, – согласилась Ранетка, – идите, Юра, идите.
 Как будете нужны другой раз чего-нибудь таскать, мы вас обязательно пригласим.
 – Аннет! Поставлю в угол!
 – А что я такого сказала? Человек хочет уйти, я не могу его задерживать, или ты мамик, не хочешь, чтобы Юрик уходил от нас вообще? Так прямо и скажи.
 Хозяйки встали друг против друга в угрожающих позах, и Юрик спешно покинул квартиру, застегнув неоторванные пуговицы на лестнице, а оторванные припрятав в кармане. Он благополучно пришел их дома. Когда пришивал, качал головой укоризненно, точно старая бабка с клюкой на завалинке, при виде гуляющей молодежи.

27.

Двадцать пятого декабря, на последнем занятии по методу виртуальных сфер случилась неприятность – доцент Ким запутался в теореме и так глубоко увяз, что перестал приседать, взмахивать руками и даже подскакивать у доски, как делал обыкновенно.

То, о чем он рассказывал, не понимал уже никто, за исключением двух-трех человек. Большинство решило, что теорема доказана, и, поставив в тетради значок Ч.Т.Д., тихо посиживали, надеясь, что Ким сейчас соберет зачетки, поставит всем пропуск в сессию и отпустит с миром.

Меж тем доцента обуревали собственные проблемы: профком обязал быть его на Новый год Дедом Морозом, ездить по сотрудникам, имеющим маленьких детей с подарками. Как человек исполнительный, он принялся отращивать бороду, чтобы заранее приспособиться и привыкнуть к новому предназначению своему. Однако на подбородке выросло всего пять волосков, которые при достижении достаточной величины он приобрел привычку теревить, чем и занимался теперь, стоя у доски, вылитый мудрец Конфуций.

Наличие бородки изменило хореографию его лекций, к сожалению, дурно сказавшись на их качестве. Ким опять потерял нить рассуждений, которую прежде легко находил в полете, а теперь только морщился от боли, пытаясь выдрать с корнем волоски бородки.

Юрик давно нашел в библиотеке тоненькую книжку, по какой доцент читал свой спецкурс, и потому не конспектировал лекций, просто сидел, смотрел в свое удовольствие.

– Ишь, как морщится, знать не хочет нам зачеты сегодня ставить, – высказала предположительную причину заминки Грамм, – да все одно придется. Марик, мою и свою зачетки бери, как только объявит, первым беги к столу.

– Дураку ясно, – отозвался Марик, принимая низкий старт, то есть положив кудрявую голову на стол, и слегка приподняв задницу над скамьей.

– Что-то я тут зарпортовался, – признался Ким расстроено, – что нам дальше делать надо, кто знает?

– Зачеты ставить, – деловито подсказала староста, – как-никак последнее занятие сегодня.

– Да при чем тут зачеты, когда теорема не доказана? Кто мне поможет у доски?

Такое развитие событий было для Кима исключением из всяческих правил, прежде он никогда не вызывал добровольцев – танцевал сам. И в рядах возник шум недовольных.

– Вот склеротик, – пожаловался Марик, шлепаясь обратно на скамью. – За что таким доцентам зарплату только платят? Братцам-вьетнамцам, понимаешь, со стипендии

безвозмездную помощь оказывай, братцам-корейцам зарплату ни за что плати, хорошо хоть с братцами-китайцами расскандалили, а то совсем без штанов бы остались.

– За что я буду вам зачеты всем ставить, если нет никого, кто может разумное слово сказать по теме? – обиделся доцент и резко подпрыгнул от возбуждения. – Балласт мне здесь не нужен!

– Я могу, – сказал Юрик.

– Идите сюда.

– Иди к доске, иди, – понеслось со всех сторон.

– Да. Помоги человеку кончить, раз он сам не в состоянии, – развеселился Глузман, но Грамм треснула его по затылку, требуя рабочей тишины. – А что? – возмутился Марик, – чего он нам зачеты не ставит? Балласт, видишь ли, ему мешает, тоже мне, подводник нашелся, капитан Маринеску.

Юрик взял тряпку, стер последнюю строчку не из той оперы, написанную Кимом. Потом забрал из его руки мел, подписал две строки, подавляя желание тоже подпрыгнуть и постучать в воздухе ботинками.

– Вот, – обрадовался Ким, – что я от вас ждал, то и требовалось доказать! А вам, молодой человек, ставлю отлично без сдачи экзамена. Несите зачетку. Остальным сдать зачетные книжки через старост.

– А может, всем сразу и экзамен, – предложил Глузман, – чего тянуть кота за хвост?

Но Ким Ир Сен сделал каменное лицо вождя народа.

Зато поставил Юрику «отлично» и пожал руку. Потом сел на стул, прихватил бородку в щепоть и, морщась от боли, начал расписываться в других зачетных книжках.

По расписанию экзамен по спецкурсу Кима стоял последним – 22 января. Значит, 18 числа он будет свободен. Может, еще что удастся спихнуть досрочно?

С такими намерениями Погосян пришел на семинар к Груму на кафедру, и у него тоже принялся «работать» – быстро отвечать на вопросы, которые тот задавал.

Народа немного, всего на два человека больше, чем обычно. Это Латыпов с Сабировым пришли посмотреть, послушать.

В отличие от Кима, шеф задавал вопросы через каждые пять слов, таков у него был стиль ведения. Отвечать обычно приходилось Юрику, ибо девчонки скромно помалкивали. На очередной вопрос по ходу лекции Погосян собрался ответить, но был резко остановлен.

– Да погодите вы, – вдруг отмахнулся как от надоедливой мошки, с непонятной злостью Грум, – пусть люди скажут.

Под людьми он явно имел в виду Латыпова и Сабирова. Погосян опустил взгляд: «Аннет рассказала».

– Да, да, я вас слушаю, – обратился Грум-Канавин к Латыпову с Сабировым с медовой улыбкой.

Однако Мурат высказал какую-то слишком алгебраическую мысль явно мимо вопроса, а Рифкат ответил столь же широкой улыбкой и молчанием.

На самом деле появление алгебраистов на семинаре имело несколько иную подоплеку. Их молодой руководитель посоветовал друзьям сходить послушать семинар и прицениться к 18-й гипотезе, попробовать, пока есть время, поработать с ней алгебраическими методами.

Но ни Латыпов, ни Сабиров не посещали занятий изначально и, естественно, не знали ничего, что помогло бы им ответить на заданные вопросы, предпочитая просто слушать, а Латыпов даже начал рисовать арабские буквы на листочке. Он уже принял решение не приходить более.

– Что это вы тут рисуете? – миролюбиво поинтересовался Грум.

– Да так просто, – ответил Мурат без тени смущения, не обременяя себя разъяснениями.

Груму пришлось идти дальше по теме в одиночку. На его вопросы никто не отвечал. Девчонки как всегда молчали, Погосян не поднимал глаз. Как Грум не требовал ответа, тот упрямо смотрел в тетрадь, в аудитории повисала тягостная пауза. Помолчав, отвечал сам. Как и Ким, он проставил зачет поголовно всем, Юрику последнему.

– Ну, как там поживает наша задача? – спросил, как ни в чем не бывало.

– Без особых достижений. Стою на одном и том же месте.

– Надо думать, читать больше.

Юрик вышел с кафедры с твердым желанием сменить научного руководителя. Если на факультете никого не найдет, обратится в другой университет, возможно, даже в Москве. Почему нет?

Неожиданное желание оказалось столь горячим, что намерение ехать домой поблекло и отошло на второй план: «Успею».

За первую послепраздничную неделю играючи сдал экзамены, купил плацкартный билет на верхнюю полку, забрался на нее и проспал трое суток под умиротворяющий стук колес после этой, что ни говори, дикой нервной перегрузки, которую сам себе устроил по собственной инициативе.

Перед самой Москвой начались долгие стоянки в урбанизированных прериях, заваленных ржавым металлоломом. Погосян лежал на второй полке и смотрел сквозь мутное стекло на поезд, стоящий на соседних путях. Двадцать минут. Полчаса. Час.

– Чего ждем-то, господи?

– Экспресс пропускаем.

Оказавшись перед громадой здания столичного университета, Юрик в полной мере ощутил всю необъятную глупость своего предприятия, поэтому на семнадцатый этаж на лифте не поехал, отправился пешком. По дороге обдумывал сценарий будущей беседы, если, конечно, она состоится, если профессор Шифрин не болен, не в отпуске, и не на конференции в Праге. Ничего толком не придумал, но здорово запыхался.

На кафедре будущего научного руководителя не оказалось.

– Еще не появлялся, – сказали ему о Шифрине как о самом обыкновенном человеке, а не авторе университетского учебника.

– Будет сегодня?

– Обещал.

Сам Шифрин обещал быть! Однако Погосяну здорово везет! Юрик принялся расхаживать по близлежащим коридорам и ожидать ученого с большой надеждой и не меньшим сомнением. Коридоры на удивление пустынные. Где весь народ? Только на окне сидели двое и беседовали негромко между собой.

Преподаватель – прилизанный жгучий брюнет, черней Юрика, тонкий, изящный человек, говорящий тихо, но четко и какими-то изысканно правильными фразами. Студент или, скорее, уже аспирант по возрасту, тоже изъяснялся тихо, время от времени пытался что-то изображать на бумажке отгрызком карандаша. Юрик долго гулял мимо них. Они беседовали, не обращая на него ни малейшего внимания, потом аспирант ушел, а преподаватель окликнул Юрика.

– Вы кого-то ждете?

– Шифрина, – ответил Юрик, внутренне надеясь, что это и есть сам Шифрин, – я приехал из Борисовского университета, хочу попроситься к нему в дипломники.

– Договаривались о встрече?

– Нет, приехал на авось.

– Борис Ильич еще не пришел?

– Нет, жду.

– Если хотите, я могу взять вас к себе.

Это была внеплановая удача, к которой Юрик не подготовился. Он даже не представлял, кто перед ним находится, но, скорее всего, тоже величина отнюдь не маленькая, судя по вежливости и скромности в обращении, уж не менее, чем доктор наук и профессор, действующий живой математик, коих в Борисове днем с огнем поискать и немного найдешь.

Но так растерялся, что впал в немоту.

– Если вы надумали конкретно к Шифрину определиться, то, конечно, вам лучше дождаться его, – пришел на помощь преподаватель, – Шифрин – это величина всесоюзного значения.

– Да, – выдавил невменяемый Юрик, понимая, что удача уже проскользнула мимо, – я подожду еще немного.

Преподаватель кивнул на прощание и уехал на лифте, а он остался и прождал еще два часа, пока кафедру не покинули последние обитатели.

– Сегодня Шифрина не будет, – пояснили они, закрывая дверь на ключ.

Юрик поехал обратно на вокзал, взял билет до Петровска на тот же вечер и снова оказался на верхней полке, стараясь больше спать, и поменьше думать.

С чем бы он пришел к Шифрину? Ни работ, ни статей, ни участия в научных конференциях с докладами, ничего реального на руках нет, натурально, чистый нуль. Не считая злосчастных пятерок в зачетке. А чего они стоят по большому счету? Следует соизмерять свои желания и достижения, по одежке протягивая ножки.

Поезда из Москвы вкусно пахнут мандаринами и колбасой, которые в свободную продажу поступали только в столице Родины. Тысячи командировочных закупают подарки с главной витрины социализма, и в сумках, рюкзаках на горбушке, целыми чемоданами развозят по всем уголкам необъятной страны, где в магазинах нет ничего кроме хлеба, рыбы минтай и консервных банок “Завтрака туриста”.

Третья полка над Юриком тоже плотно заставлена сумками с марокканскими апельсинами. Если закрыть глаза, легко вообразить оазис с пальмами, цитрусовыми деревьями и фонтанами. Сытный запах докторской колбасы лишь усугубляет атмосферу африканского благоденствия.

Сосед снизу постелился почти сразу, как только поезд тронулся. Получив от проводницы постельной белье, он залег всерьез и надолго, видно, всласть набегался человек по столице в поисках заказов для родственников, сослуживцев и знакомых, поэтому Юрик лежал на своей полке, почти не спускаясь, чтобы не беспокоить зря человека.

Через сутки тихий сосед поднял страшный дебош, стал кричать, охать, рвать волосы на голове, звать дурным голосом проводницу. Оказалось, в суতোлке перепутал сумки и одну, с апельсинами, опустил в естественный холодильник под полом, а докторская колбаса, напротив, оказалась в жаре на третьей полке. Результаты выглядели ужасно – апельсины замерзли в камень, колбаса за сутки позеленела, и начала издавать трупный запах, будто неделю назад скончалась. Тоже позеленевшего от таких бедствий пассажира отпаивали валидолом, уговаривая всем вагонным сообществом, что, мол, ничего, все перемелется и мука будет. Бедняга слег, валялся трупом, держась за сердце, Юрик снова старался его не беспокоить, тихо жил наверху.

28.

Поезд выскочил из арктического пояса высокого давления, и сразу попал в пургу. На вокзале в Петровске света белого не видно. Зато тепло. Всего минус десять.

Утреннее небо розовато-серое, и прямо с него длинными многочисленными шнурами стегает щеки снег. Серыми влажными снежными перинами засыпан вокзал,

площадь перед ним, трамвайные остановки, и сами красно-желтые вагоны трамваев облеплены снежными зарядами, будто на небеса взобрались мальчишечьи ватаги, устроили сверху беспощадный обстрел города снежками.

Вместе со снегом сочится нежно-розовый, будто закатный свет, хотя нет ни полоски на небе, и оно ничем не отличается от земли – тот же самый серый снег летит и тут и там.

Юрик так соскучился по Кате, что прямо с чемоданом зашел в едва открывшийся с утра кинотеатр, купил два билета на одиннадцатичасовой сеанс, съездил домой, оставил вещи, а уже в десять был у нее в гостях.

Она очень обрадовалась, почти как его мама. Взяла за руку, провела к себе в комнату и там насмешила, изобразив балетную ходьбу мелкими шажками с выбрасыванием коленок в стороны, от окна направилась к нему, расставив руки-крылья, точно раненая лебедь.

– Bravo! – рассмеялся Юрик. – Идем по стопам сестры?

Катя тут же перестала мельтешить ногами.

– На каникулы приехал? Когда?

– Сегодня утром. Собирайся, идем в кино на одиннадцать часов, вот билеты.

– Не представляешь, как я люблю гулять по городу в метель!

– Обувай валенки, сугробы везде по колено.

Катя предпочла сапожки, пальто с норковым воротничком и норковую же шапочку.

В кинозале батареи раскалены, жара страшная. После сеанса они выпали с толпой на улицу мокрые, словно вылупившиеся из яйца цыплята, и решили немного прогуляться по сугробам, чтобы остыть. Странствуя без цели, зашли в кафе, где подают настоящий кофе без цикория в маленьких чашечках. Посетители пьют его, не раздеваясь, стоя за высокими столиками с мраморными круглыми столешницами. Желающих пробиваться сюда по сугробам в это утро оказалось не слишком много.

Весь сеанс Катя просидела в норковой шапочке. А здесь, в кафе сняла и положила на подставку под столиком вместе с рукавичками. Вид у нее сделался смешной, она посмотрелась в зеркальце и принялась смеяться, сначала держа в руке чашку, а потом вынуждена была поставить ее на стол, чтоб не расплескать кофе, и смеялась, закрыв лицо ладонями. Потом вдруг взглянула очень кокетливо.

– Весна еще не пришла, а я вся рыжая от веснушек!

– Обворожительная девушка!

Две студентки за соседним столиком тотчас обернулись, ища глазами, кого там назвали обворожительной и как надо выглядеть, чтобы стать таковыми.

– Тс-с! – поднесла палец к губам Катя. – Нельзя так говорить.

– А что, тайна?

– Нет, сглазишь.

Девушки не нашли ничего для себя примечательного и отвернулись.

Напротив магазина на стене художественной галереи висела афиша выставки картин Рериха.

Они долго ходили вместе по огромным залам с лакированным паркетом, разглядывая развешанные по стенам огромные полотна, изображавшие каменистые горы Алтая и Гималаев, вечные снега и ультрамариновое небо.

Катя шепотом говорила, что чувствует, как от картин исходит энергия Космоса. Юрик не чувствовал. Полагал, что горы со снежными шапками сильно напоминают сливочное мороженое в стаканчиках. Наверное, Рерих в жаркой Индии мечтал о холоде. Но спорить с Катей не стал.

Они зашли снова к ним домой, и он остался в гостях до позднего вечера, пока в комнату не постучала и не вошла Катина мама, спросив:

– А не пора ли Юре домой?

Перед самым расставанием, когда он уже обулся, оделся, натянул шапку и переступил с ноги на ногу, репетируя отход, между ним и Катей возникла странная пауза. К тому времени мама, уже попрощавшись, исчезла на кухне, а Катенька, одетая в короткую джинсовую юбку и матросскую тельняшку, сложив руки на груди, стояла у двери своей комнаты, и смотрела на него исподлобья, но не грозно, а скорее задумчиво.

«Поцеловать на прощание? Слегка, в щечку?»

Мысль возникла как бы из ничего, совершенно безосновательно, поэтому он тут же ее отбросил, спросил:

– Ну, пока?

– Пока, – согласилась Катя, качнувшись, и делая шаг к двери, чтобы закрыть за ним. Она выглядела слегка рассеянной, будто постоянно думала о чем-то постороннем, что ее тревожит.

Вот тут-то, уже выходя и краем глаза следя за ее движением, он и осознал, что на самом деле произошло утром. Когда Катенька смешным образом устремила к нему балетной перебежкой, расставив руки, как птица, бегущая по земле, расставляет крылья и вытягивает шею. А он-то подумал, что она пародирует свою сестру-балерину, и засмеялся. Вот черт! Она же птичкой прыгала поцеловать его! А он развеселился так некстати!

– У Кати был? – спросила мама.

– Да.

– У нее тоже сейчас каникулы?

– Ну, конечно, у всех студентов поголовно сейчас зимние каникулы!

– Чего ты кричишь?

– А что глупости спрашивать?

Мать обиделась и ушла в другую комнату. Он лег спать, решив, что завтра не надо ходить к Кате, чего каждый день таскаться, надоедать. Спать не хотелось. Включил проигрыватель, поставил пластинку Высоцкого, и та, вращаясь, шипя и хрипя заезженным боком, выдала:

Почему все не так?

Вроде все как всегда...

Выключил. Достал письма, начал перечитывать, однако ожидаемого успокоения на сей раз это занятие не принесло.

Стало понятно, в чем дело – полгода переписки сформировали совершенно особый, идеальный образ. А теперь, когда вернулся и встретился с ней, то нашел прежнюю Катю, которая не соответствовала сложившемуся внутреннему представлению, и получалось, будто не к той приехал.

Лицо слишком простое, не такое умное и красивое, как ее письма, ноги самые обычные, не длинные, как полагается иметь по современной моде. На картины Рериха восторгается, потому что все восторгаются и говорят: «Ах, как это эстетично. Ах, Агни-йога, Агни-йога!» Все подряд твердят одно и то же. Мода очередная. И он тоже поклонник моды на длинные ноги.

Да черт с ними, с картинами, но разве можно требовать, чтобы человек отрастил себе более длинные ноги? Или попросить ее надеть туфли на высоких каблуках? Накрасить, как все прочие, лицо? Ведь раньше ему нравилось, что она не пользуется косметикой и абсолютно равнодушна к шмоткам. Его восхищала ее простота и естественность. Он даже гордился ей. Зачем же потребовался весь этот дурацкий антураж?

Хоть с косметикой, хоть без косметики она ему немного нравится, но любить ее он не любит. Юрий решил не ходить в гости, притормозить.

Полдня держался нормально, даже не вспоминал, потом снег прекратился, решил прогуляться по городу, в результате чего оказался возле Катиного дома. Отступить некуда. Вперед!

Она усадила его на диван, достала очередной альбом с семейными фотографиями, села рядышком, коснувшись плечом, принялась листать. Когда много альбомов, это хорошо, всегда есть чем заняться.

– А вот Марина.

– Очпрятно!

– Нет, правда, она мне тетка, но мы все зовем ее по имени, потому что она моложе мамы. И хромает. Ей несколько раз делали операции, но она все равно хромает.

– Жаль.

В альбоме уже другие лица. Катя молчит, думает. Потом вдруг какой-то южный город, фонтан, опять знакомое лицо. Катя оживает.

– Марина поехала в Грузию в отпуск, там у нее живет подруга по институту. Она к ней поехала в гости, и, представляешь, за ней вдруг начал ухаживать грузин, красиво стал ухаживать, по-настоящему, просто на руках носил, сделал предложение выйти за него замуж. Раньше за ней ни один человек не ухаживал, поэтому Марина думала, что и он шутит, не верила, а он и правда женился.

– И что же дальше?

– Да все прекрасно, живут в Тбилиси, двое детей, муж по-прежнему носит ее на руках и любит безмерно. Как сказка, правда?

И Юрик, и Катя посмотрели на фотографию тети Марины несколько дольше обычного, с разными выражениями лиц.

– И вообще почему-то грузины очень любят блондинок, и в частности, русских женщин, – Катя посмотрела на него с вопросом, – я знаю уже несколько случаев, когда совершенно неприметная девушка выходит в Грузию замуж за такого красавца, что диво берет.

В голосе ее слышались удивление и надежда, что Юрик сейчас ей все объяснит. Ведь он по паспорту армянин, тоже кавказец, почти что грузин, а она блондинка. Но Юрик лишь тоскливо вздохнул и перевернул лист.

По тому, как оживился ее обычно ровный голос при разговоре на свадебную тему, ему сделалось ясно, что Катя очень сильно мечтает выйти замуж. Хоть за армянина Погосяна, возможно, по любви, а может, просто пора по годам.

– Я сказал матери, что не буду жениться во время учебы.

– Год можно и подождать, – легко согласилась Катя.

– Неужели? – это даже не защита, так, доигрывание проигранной партии.

– Конечно.

Но целоваться можно и до свадьбы. И сколько угодно! Она не пользуется духами, ни с того ни с сего ее щека очутилась совсем близко, как здесь не ощутить легкого воздушного восторга? Но как только Юрик попытался обнять, тотчас выскользнула, взяла учебник, уселась за письменный стол:

– Столько задали на каникулы, что не знаю даже, как успею все проанализировать. Ты сейчас идешь домой или попозже? Возьми что-нибудь с собой, почитай.

И все, никаких эмоций. А ведь, между прочим, получалось, что они договорились пожениться через год. И воздушный экстаз еще продолжается. Юрик маялся по комнате, взял из первого ряда книжку, сел на диван, с обидой во взгляде открыл первую страницу.

Вдруг, чмок, скользящий поцелуй в ухо! Катенька, вы дрессировкой зверей в школьном цирке не занимались? И снова они целуются, как настоящие помолвленные, у которых свадьба состоится через год по обоюдному согласию.

Главное – никто извне не мешает заниматься этим. Разочек заскочила младшая сестра-балерина, сделала глаза плоскими, но тут же вылетела, вспорхнув пушистой балетной юбочкой, крикнув из коридора: «Ой, извините!» Стоило ей повторить данный финт, как Катя точнехонько щелкнула в спину бичом:

– Что ты разбегалась? Не видишь, я с мальчиком? Боже мой, непонятно, что ли?

– Вижу! – язвительно отвечает сестра, давая понять, что у нее еще мальчика нет, и ей очень интересно же посмотреть, чем занимаются взрослые девочки с мальчиками, оставаясь наедине.

Но в комнату больше не влетает, даже по ошибке.

Нет, у Катеньки отличный талант для школьного зверинца. Если она не была дрессировщицей, то лишь потому, что не было в их школе самого цирка, а талант – вот он, пожалуйста.

Мама, та чрезвычайно осторожно подходит к двери на цыпочках, тихо, как огромная настоящая тигрица, скребется одним ноготком, но не заходит, а из коридора говорит умоляющим голосом:

– Катенька, поздно, одиннадцать часов уже, Юрику далеко идти по темноте. Сейчас столько швали всякой развелось на улицах!

И уходит.

Еще один маленький поцелуй, на прощанье. Она уже возле дверей, открывает их. Он выходит и одевается, школьница-балерина пронесется мимо фурией в комнату сестры, неизвестно зачем, успев дерзновенно и диковато скосить глазом молодой необъезженной лошади. Представление окончено. Папу-директора даже не выпустили из клетки, поэтому он давно дрыхнет у себя на диване.

Юрик уходит, обстоятельно распрощавшись со всеми, кто считает нужным показаться в прихожей и засвидетельствовать. Не испытывая ни малейшего неудобства перед родственниками, так как поцелуи были легки, нежны, они почти не касались друг друга, но почему-то в голове от них все время звучит дальний малиновый колокольный звон, а уши закладывает, как при взлете самолета.

Нет, будто он медленно летит на воздушном шаре, а лицо обдувает ветер, и оно горит. Отчего так?

Юрик идет домой пешком по заснеженным улицам, стараясь как можно сильнее срезать расстояние, проваливаясь в сугробы по колесо, набирает в ботинки снега, продолжая размышлять. Это не от поцелуев. Это началось сразу, как только он приблизил свое лицо к ее лицу. Он и поцеловал в первый раз от того, что это настроение возникло – от радости и с благодарностью.

Он пришел завтра, и все повторилось в точности. И продолжалось весь день до вечера, а точнее опять до одиннадцати часов, когда к двери тихо подошла Катина мама и постучала.

И так до конца каникул.

29.

Оказалось, что спецкурс по аналитической теории чисел будет читать не кто иной, как Евстолия Николаевна.

Глузман узнал об этом лишь возле кафедры, где по расписанию должны проходить занятия.

– Лично мне что-то расхотелось учиться. А как семинар называется, девушки?

– Аналитическая теория чисел.

– Красиво. Красиво, черт возьми, в дипломе смотреться запись будет. Программисту теорию чисел запахло не иметь в корочках. Будущий начальник отдела кадров какого-нибудь НИИ в Москве прочтет, и сразу заинтересуется: неужто в медвежьем Борисове кто-то что-то понимает в принципе, что это такое? Никогда, дескать, не поверил бы. Сам ни бум-бум! Ну что же, берем, берем, молодой человек, и сразу старшим инженером, нам специалисты по теории чисел как раз ой как треба. Хочу в закрытый московский НИИ с кремлевской отоваркой, – Марик прищурился и чувственно чмокнул воздух губами.

– Ох, Марик, птичка ты божья, – деликатно погладив ладошкой по его толстому клетчатому пиджаку, пропела Чалина, приводя однокашника в чувство. – Все о высоком мечтаешь, чего-то хочешь невероятного достичь.

– Хотеть не вредно, вредно не хотеть. Эй, староста, ладно, так и быть, пиши меня в список, посижу с вами, поприсутствую, заодно буду азонировать атмосферу своим дыханием.

Старинная дверь кафедры легко отворилась и на пороге показалась бабушка Сахалинская, ради премьерного выхода принарядившаяся в черный парадный костюм с белым накрахмаленным кружевным воротником ручной работы, серебряной брошью с жемчужиной в центре. Туфли черные лаковые, из довоенной моды, тоже с брошками. Прическа из седых волос как всегда безукоризненна.

– Прошу заходить на семинар, молодые люди, – известила она, сверкая круглыми детскими глазками

Студенты втиснулись в маленькую комнатку кафедры, причем девушки сразу оккупировали крайние к окнам два стола, самые удаленные от доски, и даже притащили туда дополнительные стулья. Но Марик их растолкал и уселся в самую народную гущу, чтобы стать как можно незаметнее, ибо с первого курса всем прекрасно известна дурная привычка бабушки задавать вопросы по ходу лекции.

Отойдя к доске, бабушка зорко осматривали лица входящих, шевелила губами, будто вспоминая имена и фамилии, но вслух ничего не говорила, а только милостиво улыбалась всем с одинаковой сердечностью, независимо от прежних экзаменационных прецедентов.

– Здравствуйте, Евстолия Николаевна, – почему-то приседали на входе девушки.

– Здравствуйте, – сказал Латыпов, безбоязненно усаживаясь за первый стол, напротив доски и надевая тубетейку.

Конспектировал он карандашом, записывая очень редко какую-нибудь единичную основополагающую фразу или формулу, сидел, скромно потупившись, и большую часть времени каллиграфически разрисовывал справа налево большие поля тетради арабскими письменами.

– Здравствуйте, – кивнула бабушка всем, – можете не вставать, у нас пока тесновато.

– Здравствуйте, Евстолия Николаевна!

– Здравствуйте, бабушка.

– Внуков у меня пока нет, – уточнила доцент, – да и детей тоже, товарищ Глузман.

Тот понял, что рассекречен, выглянул юморной физиономией из дамской среды, где вроде бы так удачно замаскировался.

– Вот, берите пример, – обратился к соседкам шепотом, – а то все только и мечтаете замуж выскочить, да детей нарожать. Чтоб у меня ни-ни!

– Ты это Грамм своей скажи!

– Нет, Грамм – вопрос отдельный, обжалованию не подлежит.

– Прошу тишины, – бабушка остановилась у доски, – сегодня у нас большая тема: целые функции конечного порядка, а в начале говорить мы будем о бесконечных произведениях и формуле Вейерштрасса. Введем понятие бесконечного произведения...

– Боже мой, – схватился за нижнюю челюсть Глузман, будто его усадили в зубоорудное кресло, – как мне все это надоело!

Сабиров взирал на доску с восхищением, открыв рот, блестя крепкими зубами, то и дело поправляя сползающие очки. Рифкат действительно восхищался, следя за разворотом событий на доске и вовсе не для того, чтобы потрафить бабушке. Просто ему сам процесс познания доставлял удовольствие, и все тут.

Чего про себя Погосян сказать не мог. Когда он вбирал в голову новую, слишком сложную порцию информации, перемалывая ее мозгами, у него почему-то на лицо

выползло хмурое, подозрительное выражение, почти как у его шефа Грума-Канавина, ищущего повсеместно ошибки.

У бабушки отлынивать на первом ряду нельзя, бегая у доски, она каждому заглянет в глаза трижды на одной фразе, каким-то ей одной известным способом определяя, понимает товарищ или уже ни бум-бум. А если у многих ни бум-бум, то, значит, пора объявлять перерыв.

Торопясь в буфет за пирожками, первым на перемену выскочил Глузман и быстро ускакал вниз по истертым гранитным ступеням лестницы, каратистки долбая ребром ладони перила, отчего чугунные решетки гудели попеременно на третьем, втором и, наконец, первом этаже.

Следом пошли девушки, церемонно минуя бабушку, они опускали очи долу, всем видом своим давая понять Евстолии Николаевне, что у них вопросов пока нет, а бабушка всех провожала ждущим взглядом, но поняв, что никто разговаривать с ней не хочет, вымыла руки от мела тут же в кафедральной раковине и, вытерев их платочком, присела на стул у доски – отдохнуть.

Мурат преспокойно остался на своем месте, полностью углубившись в рисование непрерывных арабских писем: завитков и точек, делая это с отстраненно-созерцательным видом. Бабушка несколько раз порывалась спросить его, чем он занят, вытягивала шею, но так и не собралась с духом.

Юрик вышел с кафедры следом за Сабировым.

Возле деканата стояли секретарь факультетской парторганизации Горганадзе со своим новым аспирантом Живагия, окончившим тбилисский университет, и ранее приезжавшим в Борисов на День математика по комсомольской путевке горкома комсомола.

Именно он приобрел на первом праздничном аукционе за бешенные по местным меркам деньги пиджак декана, только вот снять с плеч так и не решился: ходил вокруг да около, улыбался. И хорошо, что не решился. Зато Горганадзе пригласил его к себе в аспирантуру, предложив тему «Вавилонская клинописная математика на территории социалистических республик Закавказья».

На радость секретаря парторганизации, Живагия оказался кандидатом в члены КПСС, а к тому же односельчанином двоюродного брата жены секретаря кутаисского горкома партии. Горганадзе лично стал его руководителем и по научной и по партийной линиям, взяв в плотные воспитательные клещи.

– Политинформация, – поучал он несколько громче, чем требовала акустика старинного здания со сферически закругленными потолками, – это главное направление партийной идеологической работы на данном этапе новейшего партийного строительства. И вы, как молодой кандидат в члены партии, должны это понимать в первую голову.

Сказав чудодейственную фразу, Горганадзе посмотрел на своего подопечного, надув по обыкновению щеки для придания физиономии большей значимости.

Черные глаза Живагия быстрым джейраном скакали по фигурам девушек, захоронивших парами и одиночками вокруг партийных функционеров.

Тишайшая Роксана встряхнула под носом молодого перспективного коммуниста копной белокурых волос, и он тотчас прилип к ней чувствительным взглядом, но не очень надолго, потому что и другие девушки ходят, и у каждой свои достоинства, просто глаза разбегаются!

Четвертый курс для студенток – время многочисленных свадеб, ибо возраст ни с того ни с сего из нежной юности вдруг разом перепрыгивает сразу на третий десяток! Кому, как не математикам, в первую очередь становится известным столь грозный предупредительный счет.

Пока молодой коммунист выбирал наикрасивейшую, перемена подошла к концу. Девушки стройно продефилировали мимо взволнованно дышащего носа Живагия, на кафедру к бабушке, под ее защиту.

– Послушай, ты как-то говорил мне, что сидишь над 18-ой гипотезой, как у тебя сейчас дела? – ни с того, ни с сего поинтересовался Сабиров.

– Никак, давно бросил.

– Жаль. А я решил-таки за нее взяться. Что-то жутко она мне понравилась, – при этом посмотрел на пустой угол за шкафом в коридоре так же, как аспирант Живагия вслед исчезнувшему в кабинете девушкам.

На пороге кафедры возникла староста и прошипела:

– Мальчики, вы совсем обнаглели, что ли? Бабушка вас стоя дожидается!

30.

В профкоме Юрик стал появляться очень редко. Там все в порядке.

На его месте сидит Люба и работает с очередным профоргом по наклейке марок. Зато у окна напротив Беллы Ивановны уже привычно располагается Шукис и мирно с ней беседует. Тихо, как лучший клиент.

Увидев Погосьяна, слегка приподнялся на стуле:

– А вот и он. Богатым будешь, хотя куда уж богаче быть, чем ленинскому стипендиату? А? На каникулах прохлаждался? А человек тут за тебя без выходных вкалывает, Любаша-то наша, красавица какова, трудоголик просто! Даже на каникулы не поехала, вот это я понимаю, человек! Хорошо кадры подбираешь, молодец, хвалю. Но пора и тебе за дело браться. Во-первых, надо составить форму для соцсоревнования между студенческими группами к годовщине Октября – раз, затем отчетно-перевыборное собрание на носу. Кто у нас главный организатор? Изволь, вкалывай, дел по горло. Давай, в столовую ходим. Любовь, – обратился он к общественнице, – ты не забудь сегодня к нам вечером, ждем, поняла? Белла Ивановна, еще увидимся, не прощаюсь.

Едва вышли из профкома и очутились в людском потоке, Шукис взял Погосьяна за рукав пиджака, резко притянул к себе:

– В столовую не пойдем, здесь постоим у скамейки, садиться не будем, холодно, надо здоровье беречь, немного осталось. Значит, диспозиция такова. Белла Ивановна в нынешней ситуации, к сожалению, непробиваемая баба, мы ее оставляем на время в покое. Поэтому план атаки меняется. Ты мне должен сейчас сказать, пойдешь ли со мной в одной команде на операцию или все еще наукой пленен?

– Пленен.

Шукис кивнул.

– Ладно. Тогда я дам тебе еще год подумать в новом составе профкома, но уже не замом председателя, а рядовым членом. Согласен?

– Да.

– Зампредом поставлю твою креатуру Любашу. Так что, извини. Ей я уже выделил небольшую зарплату, у нее ведь нет ленинской стипендии, сам понимаешь. А тебе придется и на следующий год на общественных началах побегать.

– Ничего, побегаем, – обрадовался Погосьян, что так легко отбил от дела, на которое намеревается идти Шукис.

– Бланки для соцсоревнования будешь множить. Напиши заявку в типографию университетскую и размножь в количестве пяти тысяч экземпляров. Дуй, не стой. Дело как раз по тебе.

Погосьян небрежно сунул листок в сумку.

– Задолбили народ этими соцсоревнованиями, правда же?

Шукис нахмурился, ничего не ответил, намереваясь быть записанным на магнитофон. Резко отвернулся и пошел в столовую профилактория, где всегда питался по талонам диетического питания.

Из расписания следовало, что спецкурс по аналитической теории чисел для 4 курса является последним прибежищем Сахалинской на преподавательской стезе. Четыре часа в неделю – все, что у нее осталось в жизни к семидесяти семи годам.

Она спешила на занятия, как пятиклассник на новогоднюю елку в Дом пионеров. Несмотря на хмурую, ненастную погоду, бабушка и на второе занятие явилась для всех примером веселого, жизнерадостного человека.

Вот побежала вдоль столов, знать, набирает уже разгон для лекции, быстро заглядывает в глаза слушателей, их раскрытые на столе конспекты – к Погосяну, Рифкату, Мурату:

– Введем понятие бесконечного произведения.

Все пишут. Погосян перевернул страницы в начало предыдущей лекции. Так и есть. Бабушка начала читать первую лекцию по новой. Глянул вопросительно на Латыпова, тот отвечает вздыманием бровей, пожимает угловатыми плечами, тихо возвращается к своим арабескам.

Сзади забеспокоились девушки, раздалось шуршание листов, наконец, староста не выдержала:

– А вы нам это уже читали вроде бы...

– Да? – посмеивается Сахалинская. – Ничего, повторение – мать ученья. Немного повторим для закрепления материала и пойдём дальше.

Все перестают писать. Бабушка разошлась не на шутку, повторяя, лекция льется из ее уст легко и свободно. Но на кафедре легкий шум невнимания. Лишь в Рифкате доцент нашла своего благодарного слушателя, поэтому обращается лично к нему. Рифкат вовремя кивает головой и озабоченно строчит в тетради все подряд вслед за бабушкой таким ужасным подчерком, что диву даешься. Погосян попытался понять, что он там пишет, но увидел лишь волнистые линии, какие-то стрелки и кружочки. Неужто пошел на курсы стенографии и теперь тренируется?

Повторение продолжалось до перерыва. И весь следующий час она слово в слово, шутку в шутку повторила остаток первой лекции, таким образом, блестяще прочитав ее второй раз от начала до конца.

– Склероз, – пряча голову ниже плеч шептал Глузман, – а это неизлечимо в условиях соцреализма. Зациклилась бабушка.

– Не смертельно, – зевнул Латыпов, – Гильберт на старости лет вообще за ночь забывал всю математику и утром был словно двоечник-второклассник. И ничего. Его аспиранты и докторанты обучали все утро, весь день накачивали без отдыха, и вечером он начинал давать им советы и генерировать такие идеи, которые никто из них не мог себе даже вообразить.

– Короче говоря, маразм крепчал, – засмеялся Глузман, хватая Погосяна за пиджак. – Эльвира говорила, что тебе летние туфли нужны.

– Допустим.

– Ровно через два с половиной часа лечу прямо в Одессу-маму, в гости к родственникам. Какой у тебя размер?

Такого рода филантропии Юрик не ожидал. И от кого?

– Сорок третий.

– Югославские братья? На толстой подошве? Последний писк?

– Бери.

– Полтинник гони. Никаких накруток, привезу по себестоимости, родственник работает на базе республиканского значения. Далее, кожаный плащ с меховой подстежкой нужен?

Погосян чуть не задохнулся: черный плащ с поясом и черной шляпой в комплекте ему разве что не снился. Но мечтал о таких вещах лишь когда видел на ком-нибудь.

– Пятидесятый размер, третий рост, чем длиннее, тем лучше, с поясом.

– Ого. Запросики. Триста рублей. Итого выходит триста пятьдесят. Ладно, попробую достать, им по их погоде на фиг плащ кожаный с меховой подстежкой не нужен. А эти дураки везут, плановое хозяйство – маета одна.

Триста пятьдесят. Кожаный плащ на барахолке стоит не меньше тысячи, а в магазинах не продается.

– За полчаса деньги будут, подождешь?

– В любом случае через полчаса из общаги ухожу, так что торопись.

Юрик кинулся в сберкассу. Пока туда, там очередь, потом обратно – час прошел.

До общежития мчался стремглав, не останавливаясь, хотя понимал, что не успеет. Однако Глузман сидел с чемоданами у входа и терпеливо его дожидался. Взяв деньги, сел в тачку, стоявшую тут же у общежития и был таков.

Что скажешь? Деловой человек, блат имеет на республиканской базе. А все равно ему там придется ходить, просить. Надо обязательно поставить бутылку коньяка. Деньгами как-то неудобно платить хорошему человеку за хлопоты, или ничего?

Словная мелкая рыбешка Погосян был подхвачен буревестником Вилли Теодоровичем, пролетавшим по коридору, широко распахнув полы пиджака, и унесен в деканат.

– На День математика в университет Нефтянска надо отправить делегацию из двух человек всего на три дня. Одним из них будешь ты, деканат утвердил.

– Это Казахстан?

– Северный Казахстан, они тоже завели традицию Дня математика. Выезжаете послезавтра. Даже не спрашиваю согласия, билеты куплены, с научным руководителем Грум-Канавиным вопрос согласован. Кстати, на второй день состоится научно-студенческая конференция, и твой доклад поставлен в план, так что будь готов к труду и обороне.

Вошла секретарь деканата, улыбнулась ласково. Доцент Инга Михайловна Поляковская прошла к декану, поздоровалась и тоже очень-очень приветливо посмотрела в их сторону.

Ах, хорош Вилли Теодорович в своем солидном костюме-тройке коричневого цвета и галстук красноватого оттенка, рубашке нежно-лимонной, усы пушатся как всегда густо в конце зимы, но к весенней сессии он их обязательно подстрижет и будет выглядеть еще моложе. Глаза карие слегка навывкате от усердия жизненного – это когда уговаривает или распекает за неуспеваемость, короче, взывает к совести.

– А кто еще едет?

– Поедете со своей прежней коллегой по УВК Еленой Кнопкиной. Вот, изволь, – он достал небольшой сверток, – сразу передаю подарок для хозяев, вручишь на открытии Дня математика. Небольшой офорт с изображением нашего университета, нести будет удобно.

Перед поездкой Юрик понял, что денег не хватает, еще раз сходил в сберкассу, забрал последние двадцать рублей.

В поезде Елена переделалась в тренировочный костюм, сделавшись совсем парнем. Стрижка короткая, лицо круглое, ростом Юрик ее догнал, но Кнопкина все равно поувесистей будет.

– Спортом занимаешься? – поинтересовался он.

– Занимаюсь. Легкой атлетикой.

Посмотрев на Юрика, задумавшегося о виде спорта, который подходил бы ей по внешнему виду, и, усмехнувшись, подсказала:

– Толканием ядра.

– О, здорово! Шихман тоже как-то толкал на профсоюзных соревнованиях.

– Шихман? Впервые слышу. Что-то непохоже.

Места у них оказались боковые, они сидели друг против друга, без соседей. Председательница УВК постелила на столик газету, достала целиком сваренную курицу, аппетитно запахшую на весь вагон первобытным достатком, нарезала булку белого хлеба большими ломтями, открыла спичечный коробок с солью. Юриковы мятые пирожки с ливером, купленные по дешевке на вокзале, а также бутылки лимонада «Буратино» рядом с домашним высококачественным продуктом выглядели как сомнительные знакомые в приличном доме.

– О, хорошо сидим, – произнесла довольным тоном Ленка, взяла курицу и легко разломилась пополам, протянув одну половинку ему.

Проводница принесла горячий чай в подстаканниках и сахар-рафинад в аэрофлотовских упаковках.

Когда они на пару весело разделались с курицей, пирожками, выпили чай и лимонад, Ленка оттолкнулась от столика, привалилась спиной к стене.

– Слушай, а я влюбилась в тебя на первом курсе просто ужасно, – сказала она просто и откровенно, как о детской глупости. – Вспоминать смешно, теперь вот сижу тут и вижу – ты обыкновенный пацан, а тогда показался просто невесть что необыкновенное, вроде весь из чистого золота. – Она еще раз посмотрела оценивающе.

Юрику те воспоминания не несли ничего смешного, он принялся пальцем деловито сооружать канал между двумя пролитыми на столе лужицами лимонада.

– С чего – не пойму. Но факт исторический, была такая огромная первобытная любовь. Я в субботу на танцы бегала, как на занятия, выстаивала там от первой минуты до последней, все ждала, что догадаешься пригласить, – она усмехнулась, посмотрела в окно, где с тягучим стоном пролетали мимо столбы. – Ждала, сил никаких жить не осталось, прямо хоть в петлю лезь, такие чувства в душе поднялись. А милый – ноль внимания, ох, ничего вы, мужики, не понимаете в девичьей любви.

– Пойду, расписание посмотрю, какая следующая станция будет.

– Ну, подожди... Выслушай хоть теперь. Короче, все, невтерпеж мне стало, решалась сама к тебе подойти. Первой. Хочу, решила, а не могу. Шаг сделаю – тормоз, обратно откидывает. Что делать? Надо тормоза как-то снимать. Купила к танцам бутылку водки. Думаю, вот выпью немного для храбрости и пойду, приглашу, отказать не сможет. А там хоть поговорю или просто потанцую, куда-нибудь кривая да вывезет.

Про тебя девчонки рассказывали, что ты еще тот донжуан, а, думаю, была – не была, хочется потанцевать с любимым. Выпила тихонько, будто воду из стакана, прошла по комнате, спросила себя – подойду, нет? Нет, не подойду, боюсь. Еще плеснула, выпила. Подойду? Нет! Полбутылки, короче, приговорила, и вперед – на танцы.

И вот стою – жду тебя, и вдруг качать начало сильно, пришлось на стенку приналечь, чтобы не упасть. А тебя все нет и нет. И вдруг появился, красно солнышко, прямо под лампой дневного света как раз увидела, весь светится лицом, ой, любимый, любимый! Ноги ватные, не чувствую их совсем, боюсь, не дойду, вот будет смеху, если грохнусь пьяная поперек зала, вот позору! Короче, еле до тебя добежала, на шее повисла и отключилась. Дальше ничего не помню, честное слово. Слушай, расскажи, что потом было? Девчонки сказали, что ты меня в свою комнату вроде бы увел?

– Проводил. Да ничего, ты вполне нормально передвигалась, я бы даже не сказал, что сильно пьяной выглядела. Села на кровать, стали чай пить. Пили чай, пили, потом ты сама встала и ушла.

– И все? – недоверчиво посмотрела Ленка. – А я, знаешь, что утром подумала?

– Нет, не знаю.

– Понимаешь, состояние после водки ужасное, все болит, тело будто чужое, пластом лежу, а девчонки пристали: расскажи да расскажи, что было, как было? Я им сказала: все было, что полагается в таких случаях, и отвалите от меня.

Они распереживались, естественно, начали пугать последствиями. Перетрусилась, пошла к врачу. А та заявляет, девушка, вы совсем, что ли, ничего не соображаете? Вы же

еще невинны, откуда у вас может быть беременность? Вам хоть известно, как дети делаются?

А знаешь, как любовь прошла? В один момент, между прочим. Я за тобой стала ходить, прямо как привязанная, следила. Вот. Однажды ты к той аспирантке пошел на шестой этаж, я пять часов на площадке простояла, тебя караулила, и как увидела, что ты, крадучись на цыпочках из комнаты вылез ночью, будто нашкодивший кошара, сразу будто ножом полоснуло и отрезало эту глупость: была любовь и все – нет ее.

Она потянулась руками вверх, уцепилась за верхнюю полку и приподняла себя в воздух.

– Так хорошо сразу жить стало, легко, интересно. А то будто кругом сплошная чернота, и только ты один светлый да блистающий – свет в окошке. Все в жизни проходит, и это хорошо.

– Само собой, – согласно кивнул Погосян.

Поздним вечером на перроне их встретили две студентки, очень симпатичные казашки. Они довели гостей до общежития и поселили обоих в одну комнату, где стояло четыре кровати.

– Напряженка с местами, все уже занято, переспите ночь, ничего?

– Ничего, – сказала Ленка суровым басом, – переспим на пару, нам с ним не привыкать.

Девчонки хихикнули, передали расписание мероприятий и убежали.

– Бум спать? – спросила Ленка по-деловому.

– Бум, – согласился Юрик.

– Тогда выйди, я разденусь и лягу.

Он вышел в коридор, подождал.

– Входите.

Погосян вошел. Ленка лежала, натянув одеяло на здоровенные плечи, носом к стенке. Юрик выключил свет, разделся, лег на свою кровать, тоже отвернулся носом к стенке и сразу уснул.

В Нефтянске здания преимущественно новые, выстроены хозспособом, стройотрядами и бригадами халтурщиков со всех краев СССР, поэтому город выглядит как-то самодеятельно, без размаха и обстоятельности.

Здание университета – обычная панельная четырехэтажка, похожая на стандартную школу в новом микрорайоне, вероятно, и слепленная второпях по проекту районной школы. Несколько лет здесь располагался пединститут, а теперь его преобразовали в университет.

Собрание в честь Дня математика проводилось в актовом зале со скрипящим деревянным помостом, который по бокам прикрывали большие бархатные шторы занавеса. Не хватало только кудрявого культмассовика-затейника на табурете с баяном. Вместо затейника на сцене поставили трибуну. Освещалась трибуна большой желтой лампой, бьющей выступавшему теплом в затылок. Зато лица не видно, что для смущенных выступающих большое подспорье.

Те же вчерашние девочки, которые их встречали с поезда, объяснили, что выступать на открытии Дня математика полагается как можно короче и как можно смешнее.

– Ладно, – согласился Погосян, – сделаем.

– Ты приготовил речь? – Ленка обеспокоенно стукнула кулаком в кулак.

– Мне ее написал замдекана товарищ Рутман. Не мешай, я повторяю про себя.

– Тогда, конечно, – успокоилась толкательница.

На трибуну Юрик вышел с запакованной картиной под мышкой. Почесав быстро накалившийся в лучах большой лампы затылок, кинул взор в полутемный зал.

– Мы приехали к вам из Борисовского университета, – провозгласил с необыкновенной гордостью, – на День математика! И в честь этого выдающегося события я преподношу вашему университету... от нашего университета...

И тут только принялся развязывать пеньковую веревочку, коей был обмотан подарок. Веревочка та оказалась завязанной крепко-накрепко, будто в большой надежде, что еще лет сорок ничья рука не потянется к этим узелкам. Попросить ножницы развез?

– Что там? – начали интересоваться любопытные.

–... преподношу картину с видом нашего Борисовского университета... А веревочка не рвется... – промямлил Погосян, делая две натужные попытки порвать проклятую веревочку. – Что ж, придется рвать бумагу.

Он оторвал кусок толстой бумаги на уголке, не бумаги даже, а картона и оттуда показалась золотая рамка. Картон почему-то пах мышами. Юрик положил его на трибуну и стал разрывать оболочку на части.

– Вы там картину всю не порвите, – предупредили первые ряды, – теперь она наша.

– Не вручил еще, – ответил Погосян, – когда вручу, то будет ваша, а пока наша.

Продолжил рвачество, нечаянно смахнув рукой стопку картона, вследствие чего кусочки улетели в темные ряды, как праздничное конфетти. Наконец освободился от бумаги и потряс картиной над головой, вручил ее представителю принимающей стороны, пожал ему руку, и тот тоже потряс картину уже над своей головой. В зале разразился смех.

– Это ваш борисовский университет? – удивился представитель, несколько ошарашенно разглядывая полотно.

– Конечно, – ответил Юрик с важным видом, – а что же еще?

Посмотрел и удивился.

В заснеженных романтических скалах стоял одинокий домик рядом с сосной, и из трубы домика длинным-предлинным седым столбом уходил к небу косматый дым. Короче, дым был, а университета не было в помине.

«Они что, с ума там походили, что ли, в этом деканате?»

Как выяснилось впоследствии, факультетский культорг купила в магазине пейзаж местного художника, изобразившего университет в весеннем цветении черемухи. Принесла его, как положено, завернутым в бумагу и поставила на хранение к другим культурным ценностям – картинам за шкафом, которые много лет дарили Вере Михайловне Меньшиковой на дни рождения, а она все говорила, что заберет их, когда получит квартиру. А до тех пор, пока ее держат на черном хлебе в общежитии, пусть хранятся здесь.

Естественно, другие любители прекрасного полюбопытствовали на новое произведение, осмотрели его, а заодно и несколько других, сравнили творческое письмо, обсудили манеру, и, завернув, возвратили за кафедральный шкаф, но не в том порядке, как ставил культорг.

Дама же культорг отличалась отменной памятью и взяла картину точно с того места, куда ставила. Произошел казус, свойственный ценителям высокого в той же мере, как и обладателям отменной памяти, когда они контактируют между собой.

На спортивных соревнованиях, проводившихся на открытом воздухе здесь же, прямо за зданием университета, что наглядно подтверждало его школьную родословную, он отказался бежать сто, двести и четыреста метров, но не устоял перед поднятием двухпудовых гирь. И то из-за спора с Ленкой, которая нагло утверждала, что дохляк Погосян ни в жизнь не поднимет две гири и пяти раз, в то время как она легко толкает пятнадцать.

Разгоряченный спором, он схватился толкать гири, не сняв с руки часы, и на первом же поднятии стекло нежно хрустнуло, просыпавшись на плечо. После седьмого толчка Юрик элегантно выскочил из-под гирь и снял изуродованные часы. Наградой за выступление была пригоршня карамели «Слива», из которой Ленке не досталось ни штучки: «Толкай сама, раз такая здоровая!» Ленка постеснялась. Карамель начала таять в кармане, после чего Юрик расщедрился, отдал все разом.

Его доклад стоял первым в их секции. Погосян неторопливо изложил условия задачи, чтобы всем все было до конца ясно и понятно. Показал, что методом виртуальных сфер задача не решается, а обычный приводит к уравнению, которое записано на доске в очень общем виде.

Вопросов не было. Он сел. Не в лужу, но где-то рядом.

Вдруг местные девочки, сидевшие прежде с кислым видом, оживились, заоглядывались: «Ах, это он! Сейчас Пермитин доложится. Он приехал из Москвы? На День математика? Какой молодец! Умница!»

И действительно, из-за стола поднялся высокий парень, пошел к доске, уверенно поводя широкими плечами. Из быстрого шепота его поклонниц стало ясно, что Пермитин местный студент, имеющий московского руководителя и на пятом курсе перебравшийся делать диплом в Москву. Сейчас он приехал, блестяще доказал свою новую теорему, и под еще более восторженные аплодисменты, весело шмыгая носом, вернулся на место.

Доклад замечательный, но странно наблюдать, что девочки визжат и чуть ли не стонут в экстазе, это было бы понятно при выступлении молодого воспитанника консерватории. Научные конференции обычно отличает другой стиль. Вроде бы математика и не спорт. А какие страсти!

Несмотря на очевидное преимущество Пермитина над всеми выступавшими как до, так и после него, по итогам конференции все получили одинаковые дипломы первой степени. Тут уж Юрику сделалось стыдно. За что ему? Раз нет результата, он прекрасно обойдется и без диплома, как и без конфеток «Слива».

Жаль, что билеты куплены на завтрашнее утро. Он с удовольствием смотался бы и сегодня, на каких-нибудь перекладных поездах.

Впереди еще была встреча приехавших делегаций с ректором.

Ректор оказался совершеннейшим молодцом. Усадил гостей за огромный круглый стол, без лишних церемоний сам всех обошел и одарил своей последней книжкой по физике и, блистая лысиной и хитрющей казахской усмешкой, запросто выставил на центр обычный эмалированный тазик на пару с ящиком сухого белого вина, которое немедленно открыли, перелили в тазик и пустили по кругу.

В первый раз, когда тазик дошел до него, Юрик втянул в себя от души, а второй чуть только смочил губы – ему сделалось достаточно весело.

После чего все, кроме ректора, отправились развлекаться на дискотеку.

Сначала делали с Ленкой буги-вуги, встав против друга и выламываясь после тазика вина напропалую.

Потом Юрик пригласил аборигенку, проходившую мимо. Музыка заиграла что-то медленное, плавное и огни светомузыки замигали прощально, как огни на мачте парусного судна, уходящего из порта ночью.

И тут начали происходить странные вещи: вдруг сделалось до конца отчетливо ясно, что все письма Кати, такие возвышенные, добрые, зовущие на добрые дела, их романтические встречи, по сравнению с этим новым ощущением единства со случайной прохожей, не стоят выеденного яйца.

Оно, ощущение это, было не просто приятным, оно создавало естественную новую гармонию бытия, в котором жизнь течет совсем по-другому. Слияние оказалось прочнее любых прежних связей, оно даже более, чем родственное, оно как встреча с женским воплощением собственного эго, будто гены Юрика каким-то образом определили в партнерше идентичность при помощи воспоминания о разделенных давным-давно, в

раннем детстве, сиамских близнецах, испытывающих в последующей жизни острое телесное недоумение: «Когда же произойдет изначальное, данное богом воссоединение, от которого жить станет труднее, а существовать лучше?»

Их магнитно притянуло друг к другу, вследствие чего не было ни малейшей возможности расстаться.

Проходившая мимо Ленка толкнула его плечом, будто невзначай и сказала:

– Пить, товарищ, надо меньше!

Танец следовал за танцем. В промежутках без музыки так и стояли, не говоря друг другу ни слова, но зная один про другого все, как про себя самого. И почему вдруг такая сиамская встреча осуществилось именно на дискотеке в Нефтянском университете, среди множества разгоряченных, прыгающих, кричащих студентов, в бешеной иллюминации лучей и грохоте тяжелого рока, который тоже включали для разнообразия ведущие, кто знает?

Чудилось, будто находится он среди райских кущ, даже когда самостоятельный студенческий ВИА пытался экспериментировать на сцене, выпуская клубы бездымных облаков, которые сначала стелились под ногами танцующих по залу, как полагается, а потом поднялись к потолку, изображая там непогоду. При этом кто-то орал пьяным голосом:

– Товарищи, наденьте противогазы нужного размера, объявлена газовая атака!

Ректор оказался необыкновенным душкой. А еще талдычат об азиатской деспотии. Танцы в здании университета продолжались аж до часа ночи!

Меж тем в час ночи местный транспорт не ходил так же, как и в Борисове и всех прочих городах Советского Союза, как в Европе, так и в Азии.

До самого ее дома Юрик держал руку своего сиамского близнеца, не выпуская ни на минуту. Маленькая заминка случилась около дверей в подъезд. Он запнулся было, его потянули внутрь, тоже, ни за что не желая расставаться.

Поднялись на третий этаж, где Оля ткнула пальцем в дверь.

– Здесь я живу.

Прошли выше по лестнице, остановилась между площадками:

– Давай еще постоим.

Простояли, обнявшись, часов до четырех, после чего Погосян через силу оторвался и ушел в общежитие-гостиницу.

31.

Утром Ленка набросилась, затрясла плечо крепкой рукой, будто отбойным молотком, крича прямо в ухо:

– Эй, гум болотный, вставай, к тебе пришли!

– Издеваешься?

– Девушка пришла, вставай, кому говорят? Соскучилась, знать, сильно, давно не виделись, внизу сидит, тебя ждет – не дождется. Да и вообще поднимайся, через двадцать минут уже в аэропорт ехать. Нет, так не пойдет. Какого черта я с тобой тут нянчусь? – и сдернула его на пол вместе с одеялом.

– С ума сошла? Кто ждет? Сколько времени?

– Половина седьмого. Вчерашняя подружка приперлась ни свет ни заря.

Кое-как одевшись, запинаясь на ступенях, понукаемый сзади Ленкой, спустился вниз, где сидела вчерашняя знакомая Оля. Когда окончательно выпал с лестницы, она встала и произнесла:

– Юра ... – таким голосом, что ему стало стыдно перед вахтершей и прочими гражданами.

Одной сиамской половинке срочно требовалось воссоединение, и вся сияющая, она трепетала пред высшим божественным актом, другая никак не могла проснуться.

Близнец с новой прической, макияжем как назло приобрел с утра очень интересную, да что там говорить, просто впечатляющую внешность. Когда успела, не спала, что ли, совсем?

Юрик и не подозревал вчера в темноте дискотеки, что имеет дело с изысканной красоткой, приглашал на танец простую девчонку в джинсах и кофте, первую попавшуюся под руку.

– Юрик, я пришла тебя проводить, – залепетала она виновато, но не перед другими ей неудобно, до них ей никакого дела нет, он точно знал это, а от того, что ему она вынуждена говорить неправду, не проводить примчалась, а еще разок постоять, обнявшись. – Ты же сказал мне, что улетаешь утром.

– Да, сейчас иду собираться.

– Я подожду? – спросила разрешения, нарисовав выражение бесконечной надежды на лице.

– Подожди, – другая развернулась, осторожно обходя грозную фигуру спутницы, не скрывавшую своего крайне негативного отношения к происходящему.

Собрались и втроем выехали в аэропорт. На пути с женской сиамской половинкой начало твориться нечто ужасное. Ее, такую красивую, била крупная дрожь, она пыталась скрыть этот физический недостаток постоянными движениями, то и дело задавала глупые вопросы, смеялась, требовала адрес, говорила, что начнет писать ему прямо сейчас, не отходя от кассы. Юрик испугался за ее состояние и адрес дал.

Они благополучно прошли регистрацию, оставив весь багаж – пару сумок при себе и когда, наконец, объявили посадку, и народ организовал очередь, то Юрик с Ленкой встали в ее конец.

– Сейчас заплачу, – сказала сиамская близняшка потерянно, – не могу больше терпеть, а то умру, – и точно, лицо задергалось в самых неподходящих местах, даже вдруг на лбу и под глазами.

Он поставил вещи на пол, развернулся к ней: хлоп! Половинки в одну секунду срослись, оказавшись в объятиях друг друга.

Председателю воспитательной комиссии не осталось ничего другого, как отвернуться к доске расписания рейсов и приступить к детальному их изучению. Очередь потихоньку двигалась, а они оставались на одном месте. Подошедшие позже граждане обходили сторонкой скульптурно застывшую группу, стараясь не потревожить.

Юрик слегка пожалел, почему у них с Катей никогда не бывало такого тяготения друг к другу. Но все, все, пора расставаться. Оля, нам пора. Бесполезно.

Право, язык не поворачивается назвать сходящую с ума на глазах почтенной публики от того, что он уезжает, дурочкой, он и сам чуть не плачет, но все же то, что устраивает близняшка сейчас, прижимаясь изо всех сил, не желая ни в какую отпускать, явный перебор по чувствам. Юрик расстроился и немного рассердился, потому что считал, что так не должно быть. С чего убиваться насмерть? Разве он ее на сносях оставляет, без средств к существованию, или наобещал с три короба, а теперь сматывается, бросая одну-единешеньку? Так ведь нет, ничего подобного.

Ну, постояли, обнявшись, ночь, хорошо было, согласен. Но что ж теперь, всю оставшуюся жизнь так и стоять? Застрелиться теперь, что нельзя продлить во времени процесс единения бесконечно долго? Судя по уткнувшемуся в плечо лицу, снова приобретшему диковатый, растрепанный вид, в которое Юрик боялся уже взглянуть, пора было разрываться, или разрезаться, или вызывать скорую помощь с хирургической бригадой.

Ленка обеспокоенно топталась вокруг них, пытаясь прикрыть от любопытных взглядов празднующейся публики, и бурчала: «О, дура, так дура!»

Оторванная в последний раз сиамская половинка тянулась следом, забыв о том, как должна вести себя благовоспитанная девушка, – такая как она красивая, в шикарном

платье, на высоких каблуках, шагала куда попало, шатаясь, ломая пальцы на груди и пытаясь заглянуть ему в лицо, чтобы он ее лучше запомнил. Да уж не забудет, точно!

Здорово нервничая, Погосян быстро сунул билет служащей, кинул сумку на эскалатор, а сам пошел на проверку по металлу, тылы прикрывала Ленка, которая застряла в проходе и никого не пропускала за ним.

Только пройдя рамку металлоискателя, позволил себе оглянуться. Его сиамская половина стояла у противоположной вокзальной стены, опершись на нее, и никого больше не стесняясь, рыдала в урну для мусора. Он тотчас торопливо отвернулся, подхватил вещи и бросился в накопитель.

Вид у него был хуже утреннего, одного взгляда хватило, чтобы Ленка перестала читать нотацию, всю дорогу сидела молча в своем кресле или спала.

Что будет дальше он не знал, однако понимал совершенно очевидное, что отношения с Катериной, по сравнению с внезапно возникшими обстоятельствами, не более чем посылание записочек друг другу в пионерском лагере на прощальном костре.

А в таком случае, какой же может быть между ними союз, когда нет главного – того, что один является неотъемлемой частью другого и наоборот? Этого же нет, не было и не будет! А если этого нет, то ничто не поможет избежать катастрофы, только что произошедшей буквально на ровном месте.

Не помогут ни чистота отношений, ни возвышенные, приятные чувства от общения друг с другом, ни совместные чтения Булгакова и Толстого, ни нежные поцелуи, сладкие и воздушные, как пирожные «Рафаэлло».

Все сметается в одну кучу под действием одной такой встречи, исчезает в прошлом, как старая, отслужившая ветошь в мусорном ведре. Это совсем другое. Это сама неисповедимая судьба объявилась вдруг собственной персоной. Как с ней прикажете бороться?

Но когда прибыл на место и провел в бессонной борьбе с домогательствами чувств пару ночей, то, по разумному рассуждению, решил все же остаться в Катином лагере и сделать все от него зависящее, чтобы сиамские близнецы остались навсегда разрезанными для их же собственной пользы.

Спокойствие, разум, порядок – те самые необходимые в жизни вещи, о коих ему неоднократно напоминала мама, приводя в качестве отрицательного примера отца с его бесконечными метаниями. Спокойствие, разум, порядок, чем так и веет от Катиных писем. Иначе метания будут продолжаться до гробовой доски. Вообще-то Юрий интуитивно понимал, что эти три вещи не для него, но, скрипя сердцем, принял сторону своих безоговорочных авторитетов.

Поэтому, когда примчалось взволнованное письмо от сиамского близнеца, ответил кратко, прохладно, предложил забыть тот вечер и ту ночь, так как ничего особенного тогда не произошло, а у него есть свои обязательства перед другими, действительно близкими ему людьми.

Однако на сиамца это не подействовало. Следом прискакало еще одно письмо, где, несмотря ни на что, она умоляла разрешить ей приехать хоть на один день без всякой ночи, просто посмотреть на него разочек и сразу уехать!

Ничего себе фокусы! Теперь он прекрасно понимает, что за этот денечек да разочек с Катей будет покончено раз и навсегда, и у него начнется новая, страстная, безудержная всепожирающая любовь, которая может закончиться по-разному, но почему-то все время перед глазами мелькал отец, увиденный через трамвайное стекло, седоватый, жиденький, смешно обнимающий очередную матрону за распухшую талию. О, только не это! Да ни за что, разрази меня гром и молния!

В последнем письме в Нефтянск черкнул одну строчку: «Просьба не приезжать. Все кончено», без подписи отправил, и больше писем не приходило.

Но и письма от Кати, которые прежде так обожал перечитывать по десять раз на день, которые шли как с хорошо заведенного конвейера – штука в неделю, вдруг

потеряли былую привлекательность. Прочитав, стал убирать их сразу в чемодан, а не носил с собой в кармане и не перечитывал. Будто обиделся на нее за что-то, сам не зная, за что. Писать же самому приходилось заставлять себя чуть не насильно. Теперь отвечал на два письма одним. Катенька удивилась и спросила, в чем дело? Юрик проигнорировал вопрос, и практика закрепилась, она писала каждую неделю, он отвечал раз в две недели, весьма кратко.

После приезда из Нефтянска Погосян оказался в положении банкрота. У него окончились деньги. Глузман не появлялся на занятиях.

Знававший на первом курсе и худшие времена, Юрик спокойно, без паники перешел на хлебное питание.

Стояла середина апреля, до майской стипендии ждать долго, однако нынче он не салага-первокурсник, а тертый калач, поэтому не станет терпеливо голодать, а просто раздобудет денег. Пошел на станцию переливания крови, сдал четыреста грамм за десять рублей, что позволило протянуть еще три дня.

А вдруг дружище Глузман разобьется в лепешку и привезет шмуток на все деньги? Ох, как Погосян не любит занимать деньги, но придется, видно, к кому-то обратиться. Другого выхода нет.

В комнату вошел Шихман, лицо которого изображало скромную радость, говорящую либо о посылке из дома, либо о том, что сбылась какая-нибудь другая мечта среднего калибра.

Вот у кого можно без проблем перехватить рубликов этак двадцать – двадцать пять.

– Что, квитанцию получил на посылку?

– Пока нет, – заиграв черными масляными глазками, скромно потупился Шихман, доставая из кармана целлофановый квадратик, – вот американский купил, за пять рублей.

– Что это?

– Презерватив.

– Дай посмотреть. Пять рублей на один раз? Дорогое удовольствие.

– Зато безопасный секс обеспечен.

– Можно подумать, у тебя круглые сутки сплошной секс, причем страшно опасный.

– Без презерватива опасно начинать, подхватишь сиф какой-нибудь. Теперь другое дело. Марк говорит, что в Европе все стало очень просто. Подходит парень к девушке, там кругом хиппи, достает из кармана презерватив, показывает, если улыбается, значит согласна. Идут совершать половой акт по обоюдному согласию и без всяких денег под музыку Джона Леннона. Ни детей тебе, ни заразы.

– Он проституток имеет в виду.

– Какие проститутки, если у них всю в Европе идет сексуальная революция, а мы тут в Сибири прозябаем, как зяблики.

– погоди, а когда тебе Глузман продал?

– Только что. Предложил пятьдесят штук оптом по пять рублей штука, я взял пять на пробу на двадцать пять рублей. Много, да?

Юрик выскочил в дверь и кинулся, сломя голову, на шестой этаж в комнату, где Глузман жил в законном браке с Эльвирой Грамм.

Теперь вам не первый курс, и Мараня на стук уже не орал, развалившись на кровати: “Входите, мы вас ждем!”

– Кто? – спросил изнутри опасно, голосом невооруженного сторожа.

– Погосян.

Состоялась минута молчания, по завершению которой щелкнул замок, и дверь слегка отошла, показав в узкой щелочке настороженный глаз семейного человека, стоящего на страже своих внутренних интересов.

– А, это ты. Ну, заходи, что ли.

– Как съездил?

– Что? А, отлично. То есть тебе я ничего не купил, так сложились обстоятельства. Что было делать с деньгами? Не возить же их туда-сюда без толку, согласись? Вложил в одно рискованное предприятие, удалось достать у моряков пришедших из заграники настоящих американских презервативов. Контрабанда, представляешь? Вообще рисковал по-черному. Сегодня купил, а назавтра того продавца КГБ загребло, видал кино? Но адреса он моего не знает, на это вся надежда. По пять рублей штука. Отдаю безо всякой наценки семьдесят штук прямо сейчас.

– Слушай, верни деньгами. Я без копейки в кармане, тоже прилетел из Нефтянска со Дня математика, а до стипендии еще полмесяца ждать.

– Э, – погрозил пальцем Глузман, – знаем мы вас, ленинских стипендиатов, на книжке, поди, уже тыщи накопил? Копеечку к копейке собираешь? Сними с книжки, будь человеком! И уж о ком я больше всего думал, таща сюда этот товар, так о Юрике Погосяне.

– Дурака не валяй, дай хоть тридцатник.

Глузман на минуту задумался.

– Да нет у меня пока денег, все в товаре. Слушай, давай я тебя в дело возьму? Короче, предлагаю долю бизнеса, будешь моим дилером. В девятиэтажках народа навалом, парни здоровые, геологи, физики да биологи. Условия очень простые. Толкаешь им презервативы, скажем, по шести рублей штука, вечером, часов в десять на танцах товар с руками рвать будут. Рубль сверху, как прибавочная стоимость пойдет в твой личный карман.

Первые семьдесят продал и деньги себе вернул полностью, и еще наварил семьдесят рублей за вечер. За вечер, представляешь, целая зарплата в один вечер. Эх, Погосянчик, какое дело закрутим! Это я первую партию в качестве пробы привез, заплатил по три рубля штука.

– По три? Ты же говоришь, по пять?

– Что я тебе, идиот, по пять купить и по пять же продавать? А расходы на дорогу? А риск? Слушай сюда. Со мной не пропадешь, если мы это дело реально раскрутим, потом и ездить никуда не надо будет. Стоит дать в Ленинград условную телеграмму, через проводников будут присылать столько, сколь попросим. Но пока надо по-быстрому товар растолкать, прощупать рыночную конъюнктуру.

– Так ты ж в Одессу собирался?

– Одесса отпала. Ездил в Ленинград. Кстати сказать, на Западе спрос создают сами распространители, реклама – двигатель прогресса. Знаешь, кому лучше всего толкать? Первокурсникам. Прочитай им лекцию про безопасный секс, сифилис там, гонорейю и вперед, толкай для пробы. Пусть себе пробуют на здоровье.

– Семейный человек, а ерунду городишь. Ладно, допустим такую идиотскую ситуацию, что все накупили себе кучу презервативов, и стали удовольствие получать.

– Ну, и чем плохо?

– Я говорю, допустим, по молодости будет весело.

– И безопасно, между прочим. Контроль рождаемости опять же.

– Но когда-то надо будет создать семью и родить детей.

– Нет проблем. Спустили пар, а потом поженились.

– Ладно, поженились, родили ребенка, а потом на улице подходит к твоей жене Эльвире старый приятель...

Марик мигом поугрюмел.

– Пусть только попробует!

– Да, конечно, попробует. Так ведь не бывает, что девушка вчера получала удовольствие со всеми по причинам приятности и полной безопасности, а сегодня поставила штамп в паспорте, и начала спать только с мужем. Вот где скука и ограничение прав личности!

Глузман схватил Погосяна за грудки и прижал к стене.

– Замолчи, понял? Ты спал с моей женой?

– Я? Нет.

– Врешь! Не увиливай. Я знаю, мне рассказывали, как приходил к ней по ночам!

В комнату постучали особым кодовым стуком. Глузман впустил жену Элю, имевшую лицо нахмуренное и даже несколько злое.

– Чего вы здесь разорались на весь этаж?

– Пусть отдаст мне триста пятьдесят рублей, и я сразу же уйду.

– Не дам я тебе никаких денег, понял? Пошел вон отсюда! Денег не получишь никогда! Беги в суд, жалуйся!

– Отдай ему деньги! – рявкнула Грамм.

– Ни фиги. И ты мне здесь не указывай, армянская подстилка! Денег этот ублюдок от меня не получит!

Юрик отступил к выходу: в комнате назревали семейные неприятности.

– Шлимазл!

– Дойчланд капут!

– Юде швайне!

«Вот это я понимаю, безопасный секс! В полном объеме и без купюр!»

Юрик выбежал вне себя от злости. Какие все дураки! Особенно он сам! Ну, кто отдает деньги покупать ботинки без примерки? Тем более кожаный плащ?

Да все, все так покупают поголовно, и командированные граждане носятся по Москве, ища товар для всего коллектива. Что делать, когда в местных магазинах хоть шаром покати? Торгуют из-под прилавка для знакомых и блатных, а если бросят народу кость, то в очереди полгорода стоит! С утра, еще не знают зачем, а уже бегут очередь занимать!

Вот теперь, пожалуйста, результат, получите расчет в презервативах! Но что же делать, а? Жрать-то охота.

32.

Он вернулся в комнату, бросился лицом в подушку.

За столом сидел Христенко, писал что-то. Лицо розовое, имеет весьма удовлетворенное выражение, видимо, с ответом сходится.

Вдруг в комнату с шумом, сопением и стонами влетел Толик, заносился вокруг стола, ужасно скрипя половицами.

– Перестань качать пол, – возмутился Христенко шатанию стола, – твою бы энергию да в мирных целях. Ты сколько килограмм вешишь, мальчик?

– Девяносто, – грустно признался Шихман.

– Ну вот, видишь, нельзя тебе так носиться. Вредно очень.

– Юрик, ты не спишь? Я к Немцовой ходил.

– Насчет безопасного секса подваливал? Ну и что?

– Не спрашивай.

– Брось переживать, ерунда все это, займи лучше рублей двадцать до стипендии. Я на мели.

– И я на мели.

– И я на мели, – вздохнул Христенко мечтательно, – а, между прочим, моя к себе в гости на праздник пригласила. Подарок надо какой-нибудь купить ей и конфет ребенку.

– Это где ты фонарь от мужа получил?

– Поясняю. Во-первых, от бывшего мужа, и в этом есть большая разница, согласитесь. Во-вторых, он случайно зашел. А в-третьих, я тоже ему хорошо врезал, больше не придет. Шихман, кстати, хочешь совет?

– Давай.

– Заведи себе женщину в возрасте. Ты сам вон какой здоровенный амбал и смотришься лет на сорок... пять уже. А таких одиноких теток полным-полно в округе, найди, и никаких проблем. Она тебе будет верна до гроба, предана, всегда напоит, накормит, спать уложит, ничем не заразит. Вот, кстати, у моей подруги есть тетка, ничего, нормальная женщина, тоже, кстати, брюнетка. Муж у нее благополучно скончался года два назад, то ли сорок семь ей, то ли сорок восемь. Спросить?

– Фиг ли? – разом обиделся Шихман. – А бабушки у твоей «черной вдовы», случаем, нет?

– Бабушки, к сожалению, нет. А, может, и есть. Я узнаю.

– Все-таки в прошлом веке жить было лучше, – вздохнул Шихман.

– Это почему так решил?

– Потому что у нас, евреев, в образовательном процессе все было продумано до мелочей, даже физиология человека.

– Публичные дома?

– Это извините-подвиньтесь. Молодой человек, такой порядочный как я, в восемнадцать лет женился на девушке из приличного семейства и переходил жить в дом жены. Он изучал в иешиве Вавилонский Талмуд, книги мудрецов и законников, пока не достигал необходимого знания, а по ночам, извините, спал со своей дорогой женой. Ему не нужно было содержать ее и детей, это забота лежала до поры до времени на плечах ее родителей. Нет, все было очень разумно устроено, а сейчас сплошной бардак кругом.

– Существовать на попечении тещи, примаком, в доме тестя, не принося ни копейки денег? Да упаси меня господи, уж лучше сразу страшный суд, чем такая напасть, – съязвил Христенко.

За день до первомайской демонстрации Вова Соловейчик начал проявлять политическую активность.

Старший брат поручил ему организовать систему мер предупреждения против непосещения демонстрации, и он всю старался оправдать доверие. Бегал, раздавал старостам групп списки, в которых надо было проставить крестики против фамилий тех, кто пришел и нули против отсутствующих. Кроме того, время от времени Вова делал странный финт: выходил в коридор и объявлял быстро в пустоту пространства металлическим голосом Левитана:

– Никто домой не уезжает! Останетесь без стипендии! – после чего сразу же вбегал обратно в комнату, плотно закрывал дверь и даже защелкивался на замок.

– Кого это ты там стращаешь? – спросил усталый Христенко.

– Психологическая обработка населения. Гриша сказал, что будем заставлять всех отсутствующих писать объяснительные в обязательном порядке! Тех, кто напишет неубедительно и не подтвердит справками, полетит со стипендии без всяких яких!

– Эка, напугал козла капустой! – Христенко повернулся к стенке. – Передай своему Грише, что я на демонстрацию не иду.

Он не получал стипендии, зато имел зарплату дворника и потому не боялся устрашающих мер. Более того, перешел в атаку.

– Слышь, Соловейчик, назначаю тебя дежурным по площадке у общежития. Следи, чтобы демонстранты не набросали там фантиков, оберток от мороженого, и семечки чтобы не щелкали! Если вечером увижу мусор – пеняй на себя, понял? Заставлю руками все собирать! Как ответственного!

Соловейчик тихо постоял у двери и снова выскочил в коридор, и оттуда разнеслась чеканящая дикция Левитана:

– Внимание! Внимание! Никто домой не уезжает! Во время демонстрации не сорить! Деканат применит к нарушителям самые строгие меры! Вплоть до лишения стипендии!

Погосян дернулся во сне, вскочил, сел на постели, вытащил из-под кровати чемодан с плотным слоем пыли на крышке, опустился перед ним на колени и стал перебирать письма. Нашел оба письма из Нефтянска, перечитал оба очень тщательно и вдруг разорвал пополам вместе с конвертами. Сложил половинки вместе и еще раз порвал. После чего обулся, сбежал на улицу, высыпал обрывки в контейнер.

Вернувшись в комнату, снова залег спать. Однако, не пролежав пяти минут, подхватился, и сломя голову понесся вниз к контейнеру. По лестнице навстречу ему поднималась уборщица с мусорными ведрами. “Не повезет, плохая примета!” И точно: обрывки исчезли под слоем отходов. Теперь у него нет ее адреса.

Кому надо, те уехали домой не послушавшись угроз Вовы Соловейчика, но многие и остались, если судить по длинной факультетской колонне, выстроившейся с восьми утра от самого входа в общежитие на целый квартал вперед, вплоть до Ленинского проспекта.

В девять по комнатам прошлись дежурные преподаватели и выгнали всех на улицу. “Погода сегодня неплохая, тепло, – выпирали они последних студентов из фойе, – прямо как старики, все бы вам дома сидеть. А кто БАМ строить будет?”

Действительно, на улице светило солнце, тополя роняли клейкие почки на асфальт, разворачивая зеленые листики, отпавшие почки прилипали к подошвам, и оттого в комнатах тоже чувствительно пахло весной. Майский гром еще ни разу не грохотал, и южный ветерок бойко гонял по асфальту сухую зимнюю пыль вместе с окурками.

Братья Соловейчики распределили в колонне флаги и транспаранты, причем старший держался со всеми неизменно приветливо, при вручении древка большого транспаранта слева, зато младший, вручая правое, выказывал себя суровым и требовательным человеком. Так они осуществляли на нижнем уровне двуединую политику кнута и пряника.

К девяти часам колонизированный народ устал пребывать на одном месте, и распался на свободно организованные по симпатиям группы, несмотря на многократные призывы братьев Соловейчиков к комсомольской сознательности.

Над толпой высоко парил голос Глузмана, взлетающий феерически, точь-в-точь на спортивной информации, когда спорторг Марик читал о необыкновенных достижениях советских атлетов, будущей олимпиаде в Москве и победах советского хоккея, и когда тоже почему-то было очень много смеха.

– Знаете на сколько процентов возросло заболевание сифилисом по стране за первый квартал этого года, по сравнению с прошлым? – интересовался он у девушек. – Ага, не в курсе. На шестнадцать процентов, прошу записать. А гонореей?

Задав казуистический олимпиадный вопрос, принялся разглядывать лица окружающих, которым по тесноте трудно было от него избавиться, студентки отворачивались в смущении.

– Ага! На все двадцать два с половиной процента! – возликовал Глузман, тыча пальцем то в одну, то в другую, будто указывая виновниц своего эпидемиологического торжества. – Это огромные цифры! Это вам не абы и кабы, это сотни тысяч и даже миллионы ни в чем не повинных людей в реальном исчислении, а все почему, я вас спрашиваю? По невежеству! Все ваш русский авось! Мещанство! Авось пронесет! Как бы не так! Потому что не пользуетесь последними достижениями западной науки и техники. Узость в мышлении царит страшная, азиатчина, страх, темнота и невежество в придачу! Все замороженные, все скукоженные, расслабиться боятся по-настоящему и получить удовольствие, стонут: как бы чего не вышло! Конечно, выйдет боком, ежели без контрацепции. Шо ты лыбишься, Чалина? Ты слушай, чего тебе здоровые люди говорят в светлом уме и твердой памяти, да мотай на... шо там у тебя есть, не знаю.

– Ой, Марик, ты сегодня какой-то озабоченный, все утро только про секс рассуждаешь, да про сифилис, не стряслось ли чего в семье?

– Хороший вопрос, девушки, прямой, и я вам на него тоже очень прямо отвечу. Да, я за секс, но за какой секс? – вопросительно, с пристрастием осмотрел пунцовые щеки окружающих. – А шо вы морды воротите на сторону? Шо такое? Я же не за простой секс выступаю, а за безопасный, как всемирная организация здравоохранения и красный крест, слышали про такие?

– У кого что болит, тот о том и говорит.

– Деточка, жизнь вообще не более, чем заболевание, передающееся половым путем и со стопроцентным летальным исходом. Так что я про жизнь здесь и толкую, а вы про что подумали?

Марик достал целлофановый квадратик, долго тряс им высоко, привлекая внимание как можно большего числа потенциальных покупателей.

– Вот он, безопасный секс!

– Что это? – удивилась Чалина.

Вессен шепнула ей на ухо, и та, всплеснув руками, оглушительно шлепнула себя по крутым бокам.

– Ой, Марик, да ты точно с ума сошел на этой почве, тебя что, Грамм совсем не удовлетворяет, что ли? Или заразился где? Всякую гадость показываешь принародно. Шел бы ты отсюда со своим сексом куда подальше!

– Я? – Глузман оглянулся по сторонам. – Чего орешь, дура? Да знаешь ли ты, что секс просто необходим тебе в твоём половозрелом возрасте. И всего пять рублей штука, у кого сейчас нет с собой, тот может подойти в комнату 6–13. Чалина, к тебе лично это тоже относится, приходи, обслужу в приватном порядке безо всякой очереди, как пресвятую деву из красного креста и такого же полумесяца.

Элегантно раскланявшись со взбешенными девицами, уже собирающимися задать ему хорошенькую взбучку, Марик скользнул в другой край колонны, где присоединился к мужской компании. Здесь он был не столь резок, а просто раздал несколько пакетиков посмотреть.

– Да, ребята, нынче вся Европа бунтует, революцию очередную осуществляет, на этот раз сексуальную, и, между прочим, именно эта вещь сделала секс по-настоящему безопасным. Качество фабрики «Красный резинщик» всем известно, поэтому пользоваться отечественными настоятельно не рекомендую. А вот американский презерватив с запахом ананаса – классная вещь, надежен в работе как трактор «Катерпиллер», и всего пять рублей штука. У них народ хиппует напрапалую, они объявляют любовь вместо войны и занимаются сексом открыто, в свое удовольствие, прямо на уличных скамейках, представляете? И никто ничего не имеет против.

Марика внимательно слушал младший Соловейчик, который стоял, положив подбородок на черенок флага, нарочно подобранный по росту таким образом, чтобы удобно было опираться. В кургузой темной курточке сюртуком, белой рубашке, черном галстуке, узких штанишках и в тупорылых чаплинских ботинках, начищенных до праздничного блеска, с большой алой гвоздикой на курточке, он походил на комичного свадебного шафера, который перепутает обязательно все, за что ни возьмется. И, слава богу, что пока стоит и помалкивает, не доставляя никому лишних хлопот.

Завершив обработку населения в данном квадрате, и получив небольшой гонорар, Марик перешел на следующий, заговорив там о сифилисе, европейской сексуальной революции, хиппи. Соловейчик перебрался следом, установив древко флага перед собой на асфальте, положив на него голову и вновь очень внимательно слушал.

Незаметно приблизился к Глузмани, что-то спросил. Потрепав меньшего Соловейчика по тонкой шее, Марик выделил несколько квадратиков в обмен на деньги.

Увидев такую картинку, Погосян усмехнулся. Бедный, маленький Чарли в своих блестящих тупорылых ботинках, с грустным лицом и пачкой презервативов в кармане. Он выглядит таким одиноким и неприспособленным к трудностям жизни!

Старший брат, которого он во всем пытался копировать, был слишком уж железным человеком, и, дожив до аспирантуры, никогда не ухаживал за девушками, не давал им ни грамма надежды, а только упорно занимался учебой и самоотверженно делал карьеру коммуниста.

Младший Соловейчик тоже занимался учебой, в чувствах себе отказывал, но проснувшаяся похоть оказалась сильнее, и, услышав от Глузмана рекламную методику, как, оказывается, запросто можно овладеть девушкой по европейской цивилизованной схеме, принял ее сразу же всем своим сердцем, с великой благодарностью, и тут же бросился осуществлять, ибо гормоны так разбалделись в голове, что не позволяли думать ни о чем другом.

Кинулся туда, куда ему не следовало ходить ни в коем случае, доверившись ложной информации о том, что жертва единожды пала, а значит, с ней легче совладать. Где один, там и двадцать один, рассудил Вовик Соловейчик и напрямик зашпешил к Ленке Кнопкиной.

Следуя ложной интуиции, несчастный с таинственным видом отвел рослую деваху в сторонку, где, не слишком церемонясь, достал из кармана пакетик и, помахав перед лицом однокашницы-атлетки, сделал вполне европейское предложение на языке амстердамских хиппи – немедленно пройти вместе в общежитие, пока там никого нет, и произвести безопасную сексуальную революцию за десять минут. Хвостов пускает на десять минут. А в их комнате пусто.

Уговаривал недолго, ибо рука спортсменки пихнула столь резко, что Вова улегся спиной в лужу. Но бесценного пакетика не выронил.

Данное происшествие не осталось вне сферы интереса общественности.

От руководящей группы отделился старший Соловейчик, который помог брату подняться, проводил в общежитие, бурча на ходу нотацию о чем-то важном и фундаментальном, на что Вовик лишь восклицал: “А чего она... Нет, а чего она?” – и заглядывал снизу в лицо Гриши, который хмуро шлифовал взглядом свои сверкающие туфли.

Европейский рецепт никак не желал приживаться в сибирском климате, зато мелкорозничная торговля американскими сувенирами в первомайской колонне шла полным ходом. Она явно имела успех. Некоторые покупали просто ради интереса, посмотреть, как это выглядит. Пришедший в гости Мишка Копытов купил сразу три штуки, надул, и пользовал в качестве воздушных шаров, лупя девушек по спинам. Те кричали, ругались на него, а Мишке хоть бы хны, исключенному студенту с плохим здоровьем бояться уже нечего, когда даже врачебная комиссия военкомата выдала белый билет.

Старший Соловейчик вернулся с замдеканом Хвостовым, вдвоем они принялись отстраивать и компоновать колонну, в этом им помогал переодетый младший Соловейчик своим высоким пронзительным голосом:

– По восемь человек в шеренгу становись! По восемь!! Ну разве здесь восемь? Эх, а еще математиками называется!

Хвостов изгнал Копытова из университетских рядов, тот не растерялся, перешел на тротуар и стал изображать из себя трибуну мавзолея, махать кепкой и провозглашать ревушим басом:

– Да здравствует вечно живое ленинское слово! Ура, товарищи!

Веселые товарищи отвечали, кто во что горазд, такую ахинею несли! От греха подальше Хвостов убрался обратно в общежитие. На тротуаре Копытов был ему неподвластен, рычаги управления этим человеком отсутствовали, что вызывало у замдекана сильнейший приступ мигрени.

– Да здравствует Анжела Дэвис, самая кудрявая коммунистка Америки! Свободу Анжеле Дэвис! Свободу Луиске Корвалан! – завопил Копыто и громко взорвал надутый шарик. – Экономика должна быть экономной!

Чем дальше Погосян стоял и смотрел вокруг себя, тем более хотелось куда-нибудь уйти. Но куда? Путь в комнату отрезал заградотряд, состоящий из замдеканов и молодых членов парткома свежего набора – молодых да ярких аспирантов и ассистентов.

На маршруте колонны зорко стерегут люди в черных кожаных куртках с красными повязками на локтях. При подходе к главной трибуне их становится особенно много. Он посчитал мелочь в кармане. До кинотеатра перейти всего одну улицу, прорваться сквозь одну идущую колонну несложно, здесь пока нет стражи, это начало пути, до еще трибун очень-очень далеко, охранять такую провинцию никто не собирался. Решено.

Выбрался из толпы и направился по тропинке во дворы казенных бревенчатых домов, стоявших рядом с общежитием.

– Ты куда? – тотчас окликнул его Соловейчик, бдительный в таких делах, как римский сторожевой гусь.

Юрик медленно обернулся. Гриша осторожно приближался к нему весь аккуратненький, любопытствующий, с красным бантом и до синевы выбритыми гладкими щечками, трясущимися поверх затянутого стоячего воротника кителя дохрущевских времен. Обычно Гриша ходит как все нормальные аспиранты в костюме, но на демонстрации неизменно натягивает старый полувоенный китель, который не делает его вид революционной, напротив добавляет казенщины и бюрократизма, особенно когда в руках, как сейчас, папочка с бумагами по явке, прямо вылитый сельский бухгалтер отрицательного киношного плана.

– Куда собрался? – догнал-таки Соловейчик, как догоняет пастушья собака отбившуюся от стада овцу.

И то, что овцой был он, Юрик Погосян необычайно разозлило, даже расхотелось врать, выдумывать подходящую причину, что было, в общем-то, нетрудно сделать.

– В кино, – ответил, как о чем-то само собою разумеющемся, о чем спрашивать Соловейчик не должен, ну раз спрашивает, пожалуйста, получи, – на десятичасовой сеанс, а в чем дело?

– В кино? – удивился Гриша. – А как же... А разве кинотеатры во время демонстрации работают?

Действительно, хлебные магазины и то закрыты до обеда. Обычные продуктовые вообще в праздник не открываются, а вот кинотеатры почему-то продолжают трудиться.

– Кино – важнейшее из искусств, – напомнил Юрик Грише слова вождя, – и его воспитательная роль в праздники только возрастает.

– Ну, смотри... – многозначительно пообещал неприятности Соловейчик, давая понять, что уговаривать никого здесь не собирается, но доложит обязательно, ибо это входит в его наблюдательные функции молодого бдительного коммуниста.

Погосян даже удивился, как легко, без шума и пыли тот смирился с потерей бойца. Практически совсем без борьбы.

Уже крутили журнал. В честь дня Международной солидарности он оказался получасовым, – показывали, как Первомай шагает по планете, и как борются изо всех сил трудящиеся стран капитализма за свои попранные права и свободы. Впрочем, Юрику было все равно, что смотреть, он уселся глубоко в кресло и практически сразу уснул, испытывая приятную отстраненность от шеренги в восемь человек, американского секса, озабоченного младшего Соловейчика, а также всех прочих соловейчиков и хвостовых.

Отстранение оказалось полным.

Погосяна не вызвали на партком, когда решался его вопрос. Но получилось так, что в тот день он, как на грех, случайно оказался рядом, посетив лекцию бабушки Сахалинской для пущей численности, и на перемене гулял себе по коридору возле

деканата. И тут вдруг из деканатской двери на перерыв вывалила большая группа разгоряченных парткомовцев с Горганадзе во главе.

Они только что обсуждали, какие кардинальные меры, да покруче, следует применить к отсутствовавшим на демонстрации студентам, громы и молнии еще слетали с их пылких губ в адрес Погосяна, а он вот, пожалуйста, разгуливает себе с умным видом, как ни в чем не бывало, и даже не притворился испуганным для порядка. Ушей не прижал и вообще, куда годится? Обнаглело студенчество окончательно и бесповоротно!

Горганадзе смотрел на Погосяна, так страшно выкатив глаза, будто Юрик – привидение, настоящий же Погосян давно сгорел в пламени тех молний, кои только что выпущены в него на парткоме. Оказывается, они там тратят нервы, ругаются, переживают, стыдят, мучаются, придумывая наказание, а он ходит рядом и улыбается! Горганадзе открыл рот, всхлипнул, чуть не задохнулся от возмущения.

Молодой коммунист Живагиа сопровождал своего шефа почтительно, чуть сзади, как первый визирь любимого и драгоценного эмира, в последнее время отеснил с этого поста Гришу Соловейчика, но засмотрелся опять на молоденькую, свеженькую, ах, просто пэрикс, девчущку, замешкался и едва не оттоптал шефу задники маленьких, почти женских туфель. Он не знал в лицо главного первомайского дезертира, кого громил только что самолично, как и все прочие, поэтому не понял, с чего вдруг шеф застрял колом и так страшно вращает глазами, будто у него начинается приступ сердечной ишемии, и надо срочно принять двадцать капель корвалола.

Погосян тоже понятия не имел, что его громят, и что при виде главного виновника торжества Горганадзе близок к удару от мощнейшего прилива крови в мозг. Хоть бы икнулось, что ли.

Он даже улыбнулся Горганадзе и поздоровался с ним.

– Здравствуйте, Вахтанг Георгиевич!

Последняя наглость переполнила чашу терпения, парторг обрел голос, связки его зазвенели, завибрировали глубоко в горле, и праведный гнев выплеснулся наружу, он громко затрубил в охотничий рог, извещая горные вершины о начале охоты:

– Кто этот человек? – патетически развел руки, расчищая пространство для разлетающихся звуков. – Откуда? – вопрошал далее, оглядываясь на своих подчиненных, чтобы те назвали имя женщины, смогшей произвести на свет чудовище, называемое Юриком Погосяном.

Главный подчиненный Живагиа мамы Погосяна не знал и пожал плечами.

– Откуда он взялся? – продолжал раскаляться возмущением Горганадзе, раздувая грудь, как огромный голубь во время весеннего ухаживания, и требовательно глядя на своих соратников, причем только Соловейчик и Живагиа не отвели праведных безгрешных взоров, как истинно примерные ученики своего учителя. – Я вас спрашиваю!

Юрик открыл рот. Атака оказалась столь внезапной и бурной, что мысли его беспорядочно смешались. Тем более что Горганадзе закричал, повернувшись лицом к двери деканата, и продолжая указывать на Погосяна пальцем:

– Нет, это не наш человек! Я не знаю, откуда он взялся! За какие заслуги выдвинули отщепенца на высокий пост?

Страшно-ужасного громовержца изобразил Горганадзе лицом и телом, нависнув над Юриком раздувшейся фигурой. Не парторг, а просто деспот восточный, вроде вавилонского Навуходносора, всемогущего и ужасного, от одного вида которого подданные трепещут, обмирают, падают ниц, лишаясь чувств, а некоторые, особенно верноподданные, дают дуба.

Замдекана Хвостов ему в подметки не годится. Когда отчитывает кого, желчно хмурится, а Вахтанг Георгиевич еще и страшную рожу скорчил, будто колонизатора в театре института Патриса Лумумбы играет, и хочет той рожей запугать весь африканский свободолюбивый народ отныне и навсегда, чтоб трепетал, завидя, и желательно падал ниц при виде шорт и пробкового шлема.

– Извините, пожалуйста, поясните, в каком смысле я не ваш человек? – вдруг громко спросил Юрик, чуть не расхохотавшись от мысленного сравнения парторга Горганазде с Навуходоносором, – в том, что не грузин, а только армянин, или в том, что не коммунист, а только комсомолец? А, может, по совокупности черт лица не подхожу, как армянин – комсомолец?

Не оценил игру секретаря парторганizations! Не сник! Не заплакал, несчастный! Горганазде зевнул, схватив огромным ртом побольше воздуха, и еще сильнее вскрикнул:

– Слышите, он еще спрашивает! Каков наглец! Что себе тут позволяет? Нет, поглядите какой наглец, а? Заметили? Все заметили? Играет на национальном вопросе! Он позволяет себе трактовать политику нашей родной коммунистической партии! – Горганазде побагровел, хватаясь за лацкан пиджака.

Живагиа и Соловейчик, нежно поддерживая громоздкое тело Навуходоносра, утащили обратно в деканат, где происходило собрание парторганizations, поить валокордином. Причем Соловейчик определенно не замечал Погосяна, словно его уже не существует в местной университетской фауне, зато Живагиа косил с таким парнокопытным ужасом, точно Юрик не простой студент, а как минимум саблезубый тигр.

В странно приподнятом настроении, круто развернувшись на месте, Юрик вернулся на лекцию по теории чисел. Бабушка посмотрела на него с любезным вниманием и кивнула головой, фиксируя появление очередного слушателя.

Свой крик секретарь парторганizations оформил в виде нескольких решений и постановлений, которые доходили до ушей Погосяна с последовательной неотвратимостью.

Их приносила секретарь комитета ВЛКСМ факультета Великанова, сделавшая в последнее время блестящую карьеру.

– Тебя лишили ленинской стипендии ...

– Ну и ладно, чего в жизни не бывает?

– И вывели из состава университетского профкома.

– Слава богу.

Она взяла его за руку:

– Я так за тебя волнуюсь! Ну почему не мог потерпеть полчаса? Когда демонстрация движется, слинять гораздо проще, тем более никто уже не проверяет. И почему на виду у всех? И когда? В год революционного юбилея! Это же протестом политическим пахнет. С ума, что ли, сошел?

– Неважно. Это все неприятные новости?

– Да. Пока. Но что еще деканат завтра решит, посмотрим.

Поздним вечером в комнату из праздничных трехдневных гостей наконец-то возвратился Христенко, сияя новеньким целковым.

Шагнул два раза очень крупно к столу, и, достав из сумки большую тарелку с горкой промасленных блинов, водрузил ее посреди книг. По комнате сразу поплыл запах настоящей русской горницы, который прежде появлялся в этих четырех казенных стенах, беленых даже не известкой, а мелом, только по приезду студентов с каникул с мамиными пирожками.

Христенко оглядел победоносным взглядом компанию:

– Погосян, дели на четверых.

– На троих, Соловейчика не будет, – поправил Толик.

– Так потом придет.

– Он больше не придет. Он перешел жить к брату и вещи забрал.

– А чего так?

– Так. Погосяна ленинской стипендии лишили.

Христенко открыл рот.

– Не черта себе, новостей у вас, как в песне про маркизу. Говорите сразу, нас, случаем, не обворовали? Пожара не случилось? Политбюро не перемерло все в полном составе, пока я в гости ходил?

– Та ни, какой там пожар? Просто Погосян слинял с демонстрации, из-за этого все и началось.

– И что, разве Соловейчик жил на содержании у Юрика?

– Та ни, я ж тебе говорю чистым русским языком, Погосян смылся с демонстрации.

– Да я тоже смылся с демонстрации, кто с нее не смылся? Что за пожар?

– Ты тихо смылся и незаметно, как все нормальные люди, а Погосян громко и встав в героическую позу отщепенца. Вот, теперь остался без ленинской стипендии. Сам старший Соловейчик предлагал ему остаться и встать в шеренгу по восемь человек, так он же не захотел! Говорит: “Я пойду смотреть кино на утренний сеанс”. Любитель кинематографа нашелся! И кому? Молодому коммунисту и члену факультетской парторганизации, ответственному за явку, такое говорить прямо в лицо! Разве ж можно так грубить, а?

– Ты чего, Юрик, впрямь белены объелся, что ли?

– Блины разделил поровну, – ушел от ответа Погосян, – можно приступать к трапезе. Спасибо знакомой.

– Ладно, передам. А Вовик зачем отселился?

– Как это зачем? Извините, подвиньтесь. Гриша Соловейчик сдал Погосяна с потрохами на партбюро, Погосян лишился ленинской стипендии, то бишь, бешеных бабок, места в профкоме, может, еще чего потеряет завтра. А за такие дела можно получить по шее, ежели в темноте да ночью, уж кто-кто, а старший брат Соловейчик все предусмотрел. Поэтому и забрал младшего из комнаты, вывел из-под удара, развеешь? Соловейчики своих не кидают, не те люди. Я тоже благодарю вашу уважаемую подругу от всей души. У нас прямо настоящая масленица началась сегодня.

– Ага, дни солидарности трудящихся окончились. А завтра опять пост продолжится.

– Сегодня Горганазе так на меня наорал, будто я уж не знаю, что и совершил. Как минимум университетскую колонну из ППШ положил прямо перед почетной трибуной.

– Из двух ППШ запросто можно, – деловито кивнул выпускник военной подготовки Христенко, – если под перекрестный огонь взять с двух флангов.

– Испугался, что его удар хватит. А потом мне опять отвечать. Не понимаю, что так волнуется?

Шихман вылез из своей кроватной ямы и стал расхаживать по комнате, одновременно лакомясь блинчиком и аппетитно рассуждая вслух:

– Это ж его основная кормушка – партийная работа, вот он и волнуется, отрабатывая спецпайковый харч. Судите сами, педагог он никакой, научной работой не занимается, зато секретарем партийной организации какой срок пыхтит. Он к тебе профессионально подошел, как секретарь, вот и все. Кормление свое честно отработал, как профессионал партийного фронта, проявив должную принципиальность. А вот зачем ты глупость совершил? Непонятно.

– Устал, – сказал Юрик.

Шихман посмотрел на него с некоторым сомнением, доел последний блин, облизал пальчики, выдохнул: “Эх, ма!” Раскинулся в прежней романтической позе на кровати, глядя в потолок.

На завтра комсомольский секретарь нашла его снова, приблизившись танцующей походкой: за версту виден большой стаж в коллективе народной самодеятельности. Секретарские веки накрашены небесно-голубым, но глаза смотрят по-мужски твердо.

– Деканат со своей стороны лишает тебя стипендии до конца года, а в том году не дадут общежитие.

– Не слабо. Почему бы сразу не выгнать?

– Скажешь тоже.

Юрик нахмурился. Неужели он так сильно провинился? Или профессионалы идеологического и организационного фронтов рады продемонстрировать на нем свою профессиональность, сочтя дохлым ишаком, которого не грех попинать? Допустим, ленинская стипендия – это кормушка. Отняли, черт с ней, он не заплачет. Место в профкоме? Да гори оно синим пламенем, он рад и счастлив не встречаться более с наследственной красной мадьяркой Беллой Кун и латышским стрелком-баронетом того же цвета Валдасом Шукисом.

Но простую стипендию заработал честно. Неужели партком и деканат открыли соревнование между собой, кто круче наподдаст Юрику Погосяну?

Простите, граждане, он не давал согласия участвовать в параолимпийских играх по избению младенцев, тем более, что младенец давно вырос. Неужто не заметно? Неужто не понимают?

– Разве есть право не давать общежитие пятикурснику?

– Я тебя предупреждала, дело пахнет политикой! А где политика, там правил человеческого общежития нет и быть не может. Ленин как сказал?

– Как?

– Для нас хорошо все, что хорошо для построения коммунизма. Плохо ты изучал классиков марксизма-ленинизма, а еще отличник.

– Спасибо, что предупредила. Это не политика, а обычное свинство. Приказ висит?

– Еще пишут.

Юрик направился в деканат. Пора доказать дяденькам, что он уже не мальчик. Забитого голодного первокурсника, которому негде спать, больше нет. Есть почти пятикурсник, за плечами которого больше года работы в профкомовском змеюшнике за одним столом с провокатором КГБ, которому не поддался. А уж деканат он как-нибудь обуеет в белые тапочки, упакует по форме, в гроб положит и музыку закажет, – все за их счет.

Перед дверьми состроил самую постную из имеющихся в арсенале рож, постучал и осторожно заглянул в предбанник одной головой, стыдливо позабыв тело в коридоре. В ближнем углу сидела за своим столом секретарь деканата Феодора Кузьминична, и что-то набивала на пишущей машинке.

– Здравствуйте. Можно войти?

Оторвав глаза от бумаги, Феодора Кузьминична натолкнулась на просительный взгляд Погосяна, даже несколько отпрянула, кивнула головой и нахмурилась. Сделалось ясно, на кого она долбаёт приказ двумя пальцами. Еще в предбаннике стояли оба замдекана – Хвостов и Рутман. Завидев вошедшего, они повели себя по-разному: Рутман совсем отвернулся к окну, а Хвостов вроде даже и обрадовался:

– Ба, дезертир праздничного фронта явился? Что, недолго музыка играла, остался опять безо всего, гол как сокол? А вот, впредь тебе наука будет, зазнался уж очень. Не хочу на демонстрацию – желаю в кино! Вот и получай теперь немое кино на полную катушку. Да кто ты такой, чтобы уходить? А? Преподаватели-доценты в колонне стоят, завкафедрами стоят, ждут, декан стоит, ректор и тот стоит, ждет, ничего, а ему, видите ли, некогда! Он, видите ли, в кино опаздывает! Что, теперь просить прощения прибежал? Умолять? В ногах валяться? Эх, ты! Отличничек!

– Нет, – сказал Юрик, – я декану заявление принес, – подошел к Рутману, достал из кармана лист, свернутый вчетверо и подал.

– В письменном виде? – восхитился Хвостов, – вот что значит профсоюзная бюрократия, прошел школу коммунизма, да? В письменном виде все оформляешь? Ну-ну. И что он там понаписал за нижайшие просьбы? – Сбоку сунул нос в бумажку.

– Так, декану, от студента 4 курса, ишь, все оформил... заявление... Прошу... что? Отчислить меня по семейным обстоятельствам? Ты что? Ты что тут... дурака нам валяешь?

Юрик спокойно пожал плечами.

– Никого я не валяю. Просто знаю, что меня лишат стипендии в этом году, а на следующий год останусь без общежития. – Он кивнул на лист, зажатый в пишущей машинке секретаря. – В таких условиях просто не остается никакой возможности продолжать обучение в борисовском университете. Так как дополнительных финансовых источников не имею.

– погоди, – сказал Рутман, – ну отчислишься из нашего университета, уедешь домой, а что делать будешь? Без образования останешься?

– Почему? – удивился Погосян, – нынче и у нас в Петровске есть университет, сейчас же их везде наоткрывали, университетов этих, во всех областных городах. С хорошими оценками меня завтра без лишних слов примут на четвертый курс. Сдам летнюю сессию опять на пятерки, а на будущий год буду, как полагается, писать диплом, получать повышенную стипендию и жить себе спокойно в родном доме, а не снимать угол у борисовских алкашей. Да и нет денег ничего снимать. Так что в данной ситуации для меня это лучший выход. Декан у себя?

Он спросил Феодору Кузьминичну с деловитым спокойствием и протянул руку забрать заявление у Рутмана.

– У себя, – секретарь перестала печатать.

Ни на кого не глядя, она сняла очки и начала неторопливо протирать их платочком, показывая, что сто раз перепечатывать приказы по поводу одного Погосяна ей чертовски надоело.

Замдеканы озабоченно переглянулись и мгновенно выражения их лица поменялись на диаметрально противоположные: Хвостов из весельчака вдруг сделался жутко серьезным, а Рутман как-то подобрел нижней губой и глазами, которые мягко, заботливо заморгали, улыбнулся, однако бумажку из рук не выпустил, хотя больше и не читал, чего там читать, кроме подписи и даты? Руку опустил, задумчиво, по-доброму подавшись к Погосяну, словно собирался всем своим большим телом в добротном костюме немедленно выступить в его защиту.

Юрик с пристрастием следил за начинающимся по его воле спектаклем, сценаристом которого он принародно выступил. Замдеканам сейчас предстояло играть только для него, единственного своего зрителя. Феодора Кузьминична не в счет, она молчаливая массовка.

Вводными для учебного спектакля являлись два положения.

Первое: пятикурсники-дипломники для деканата являются золотым фондом. По ним есть план выпуска, если этот план невыполнен, значит, деканат плохо работает, что обжалованию не подлежит со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями, идущими из ректората и даже минвуза.

Плохо, когда пятикурсник уходит. Пятикурсника надо тащить за уши до диплома, чтобы не испортить показатели. Все отчисления заканчиваются на третьем курсе, когда число студентов вдруг сравнивается с минимальным плановым показателем выпуска. И вдвойне плохо, если с почти пятого курса отчисляется отличник, это уже, простите, хлещет по репутации, как по щекам.

– погоди, не все еще потеряно, – сказал Рутман, и с бумажкой зашел в кабинет декана, крепко притворив за собой дверь.

Юрик сел на стул, положил ногу на ногу, как дома, и принялся ждать. Хвостов злобно таранился в его сторону, однако ничего не говорил. Феодора Кузьминична принялась хрустеть пальцами. Из-за двери доносился удивленный голос декана и приглушенные рокотания Вилли Теодоровича, который в волнительных ситуациях начинал мило картавить. Впрочем, это продолжалось весьма не долго.

Вилли Теодорович выскочил, опять осторожно прикрыл дверь и сказал:

– Хорошо! Нормально все будет, Юра, ты не беспокойся. Твое положение, конечно, в данном случае безвыходное и мы просто обязаны помочь. Приказ отменяется. Нельзя человека наказывать дважды, а по сути даже трижды за одно и то же! – Вилли Теодорович при этих словах внушительно глянул на Хвостова, который поджал губы и наклонил голову вперед, собираясь с кем-то бодаться, но Рутман уже развернулся к секретарю:

– Феодора Кузьминична, ничего не поделаешь, придется еще раз перепечатать!

– Я так из знала, – сказала Феодора Кузьминична, доставая пачку бумаг из машинки, а из нее выдергивая копирки.

– Значит, так, – деловито и с удовольствием принялся распоряжаться Рутман, – здесь надо написать: назначить такому-то студенту 4-го курса, группа такая-то стипендию в размере сорока рублей. А следующий приказ о лишении общежития вовсе выбросить.

– Не согласен, – возразил Юрик. – Я отличник, мне как отличнику полагается стипендия пятьдесят рублей. – И требовательно посмотрел не на Рутмана, а на Хвостова.

– Что, условия ставишь?

– Ставлю! А что мне остается? Чтобы меня асфальтовым катком в лепешку, а я молчал, да? Ходил, голодал, углы снимал?

Борьба взглядов продолжалась секунд пять. Вдруг Хвостов развернулся и выскочил из предбанника деканата в коридор. Практически бежал с поля боя!

– Хорошо, – резюмировал секундант поединка Рутман, еще больше поднимая брови и закрывая за Хвостовым двери. – Это правильно. Я просто забыл, пишете Феодора Кузьминична: пятьдесят рублей. Юра, не расстраивайтесь, все будет нормально. Идите и учитесь, будет вам и стипендия, будет и общежитие. Я ручаюсь.

“Не замдекана – золотая рыбка! А вообще-то надо было отчислиться. Сел бы завтра на поезд и не видел больше никогда ни Хвостова, ни Горганадзе, ни братьев Соловейчиков. Учился бы дома за милую душу! Или в Нефтянск рвануть? – Он схватился за голову. – Точно! Зачем комедь ломал? Отчислиться надо было срочно по семейным обстоятельствам и уехать в Нефтянск. А теперь перед Рутманом неудобно: бегал человек, спасал, договаривался, переживал. Вот бы здорово – в Нефтянск, к казахам!”

И он начал воображать, как идет по длинному нефтянскому коридору близняшка, ничего не подозревает, и вдруг навстречу ей – он, тоже весь из себя сиаемский... Столкнулись лоб в лоб: « – Чего здесь делаешь? – Как чего? Учусь».

Ох, и обнялись бы со всей силы!

35.

– Мальчики, к вам можно? – застучала в дверь староста группы Белочкина.

В одну секунду Шихман спрятал под подушкой трусы, майку, растянутые хэбэ, висевшие на кровати и добросердечно разулыбался в сторону двери. Он был полностью готов к визиту дамы.

– Заходите!

– Нет, нет еще! – Христенко одной рукой пытался смахнуть со стола в мусорное ведро кучу шелухи от семечек, а другой подчембарить рубаху.

– Так заходить или нет?

– Входите, пожалуйста! Мы готовы!

Староста большими скачками пронеслась к столу.

– Чего так долго? У меня же деньги! Юрик, распишись за стипендию. А вообще разговоры ходили, что подчистую лишат всех наград, а смотри-ка оставили кой-какое содержание.

– Значит, заслужил человек авторитет в массах, – объяснил Христенко, с важным видом останавливаясь рядом, – что же за один проступок все сразу отнимать?

– Ой, да у нас за один неправильный шаг могут и конфискацию имущества произвести, и одновременно расстрел дать в воспитательных целях.

– А вот это как раз очень логично, – вступил в приватную беседу Шихман, успевший еще втихаря побрызгаться одеколоном, – зачем мертвому имущество, правда?

– Точно, – согласился Христенко, – оно ему как мертвому припарки. На дороге все равно не бросят, где-нибудь прикопают, и все дела.

– Вот тебе согласно ведомости, – еще раз пересчитала деньги староста, – раз ты, Юрик, у нас живой, значит, денежки пригодятся. Распишись.

– Сколько?

– Пятьдесят, можешь пересчитать.

Снова постучали.

– Входите, мы вас ждем! – воскликнул Шихман радостно, ему уже более ничего не надо прятать, и он готов для встречи следующих гостей – девушек. Юноши ввалились бы запросто, без всякого стука.

На пороге появилась Эля Грамм.

– О, – сказала Оксана, увидев ее, и быстренько нацелилась ручкой в свой список, – давай, я тебе деньги здесь выдам?

– Я сама выдам, кому и сколько надо.

От этих слов, и главное, взгляда Юрику сразу сделалось нехорошо, он внутренне напрягся, приготовившись к грядущим неприятностям, окаменел на месте.

Произнеся загадочную фразу, Грамм жестом, похожим на известное нацистское приветствие, швырнула в лицо Погосяна множество маленьких легких предметов, и пока они летели, Юрик испуганно думал, что его настигли семьдесят штук презервативов, а когда коснулись лица, понял, что это эквивалентные им денежные купюры разных цветов.

– На свои деньги, подавись ими, – и резко повернувшись, вышла из комнаты.

– Вот это да! – воскликнул Христенко. – Вот это сцена! Вот так бы каждый день заходила к нам девушка и швыряла нам деньги в морду каждому, по очереди! Вот бы здорово было! А деньжищ-то, а деньжищ! Мать моя женщина!

– И все мелкими купюрами, пятерки да десятки, – Шихман начал подбирать банкноты, натужно сопя при этом трудном для себя деле – сгибании в области поясницы.

– О, а я догадываюсь, откуда эти деньги, – воскликнула Белочкина, прикрывая ладонью рот.

– Откуда?

– Нет, ухожу, мне надо стипендию всем разнести, – и быстро выскользнула вон.

– Так что за деньги, Юрик? – поинтересовался Христенко.

– В долг давал.

– Да, деньги к деньгам идут, – достал из-под стола последние бумажки Толик.

– Займи двадцатник до получки, – попросил Христенко. – Впереди 9 мая, сам понимаешь, не идти же в гости с пустыми руками. А лучше даже полтинник сразу, получку задержали.

– На все выходные уходишь?

– Как приветят.

– Раз вам стипендию дали, значит и нам сейчас принесут, я занимать не буду, – передумал Шихман, – вон девушка, аж в лицо швыряется кредитору.

У Погосьяна упало настроение. Когда в морду бросают наличку, вырученную от продажи презервативов, поневоле начинаешь чувствовать себя сообщником бизнеса.

Пахнуть они, может быть, и не пахнут, но уж больно противные на ощупь. Собрался и ушел в читальный зал научной библиотеки.

Сидел и смотрел на окружающих с пустопорожним любопытством вокзального филера, не притрагиваясь к книгам, которые, оказывается, ужасно надоели, а люди напротив, очень интересуют.

Он заметил впереди себя Сабирова, сидевшего также как и Юрик, за отдельным столиком, всю поверхность которого занимали исписанные листы тонкой желтоватой бумаги для черновиков.

Юрик покупал себе такую же из-за дешевизны для подготовки к экзаменам. Очень выгодно. Пачка в двести листов стоит всего полтора рубля.

Полностью поглощенный своими вычислениями, ничего не замечая вокруг, тот лишь изредка прерывал сверхскоростной бег шариковой авторучки, поднимал лицо к потолку, разглядывая старинные люстры и, ослабившись радостной гримасой, мелко-мелко тряс нижней челюстью, будто беззвучно хохочущий человек. Посидев этак минуты три, вновь набрасывался на лист, чертя по нему стреловидные линии с такой скоростью, что в пятьдесят секунд записывал весь до последней строчки, отбросил, схватил другой, да ну черкать дальше!

Исписанные листы лежали у него повсюду, и на сидении второго стула, и вовсе валяются под столом. Не замечая того, Сабиров елозил по вошеному паркету и по листу ногой, обутой в старую плетенку.

Кайфует человек от математики! Но завидки почему-то не берут.

От вида падшего и попранного листа Погосьян ощутил неподъемную тяжесть на душе. В костюме и галстукe никто никогда не видел лучшего математика курса. Зимой пять лет подряд одни и те же пальто, ботинки, шапка. Правда, деканат ни разу не лишил Рифката стипендии, обеспечивал койко-местом.

Со своей стороны Сабиров не сделал ни шажка в сторону улучшения быта. Не строил профкомовской карьеры, не был ленинским стипендиатом, не подрабатывал сторожем или дворником, и самое удивительное, ни разу не видели его хотя бы гуляющим с девушкой. Всецело находился под каблуком царицы наук.

Впору восхищаться такой целеустремленностью обычного смертного, и просто рахметовским пренебрежением к любым материальным благам. Только вот сделать это чрезвычайно трудно.

«Бедный, бедный Рифкат!» – подумал Юрик, вздохнул и отвел взгляд. Учебники стали еще менее притягательны, черт бы их подрал да выбросил куда подале!

Опять вспомнилась близняшка из Нефтянска. Он испытал чувство их прощального объятия в аэропорту. А что, если завтра поехать в кассу аэрофлота, купить билет и махнуть туда на праздник 9 мая? Деньги есть, вот будет победа так победа! Жаль, адрес выбросил, впрочем, найти дом при желании всегда можно.

Нет, не в состоянии Погосьян заниматься сегодня, напрасный труд.

Их увидел случайно в то время, когда они шли по соседнему проходу, выбирая себе столик для занятий. Неся перед собой стопку книг, впереди шествовал представительный мужчина с белым пятнышком седины в черных блестящих волосах, лет этак сорока, не меньше.

Женщина торопливо шагала следом, будто ничего не видя, на шум его шагов, рука ее была протянута вперед, как бы указывая на того, кто ее сюда привел. На губах потаенная улыбка ожидания, смешанного со смущением, говорившая всем, кто обратил на них внимание: «Вы уж извините нас, пожалуйста, мы тут посидим немного за столом, вы, товарищи, не обращайтесь на нас внимания, мы очень-очень тихо, никому не мешаем».

Слепой она, конечно же, не была. Но влюбленной – да. Очевидно. А, между прочим, дама в возрасте, тоже за сорок, и все как девочка краснеет от посторонних взглядов.

Мужчину-преподавателя Юрик встречал в коридорах университета не раз, тот обладал слишком запоминающейся внешностью. Женщина, скорее всего, просто знакомая, которую пригласил в библиотеку посидеть, явно посторонняя. А что? На входе читательский не требуют показывать. Но повел не в свой профессорско-преподавательский зал, а в общий, огромный, шумящий как улей, где никому ни до кого нет дела. Хотят поговорить? Нет, нет и нет! Не поговорить.

Они сели за один столик впереди, рядышком, сдвинув стулья, открыли какую-то книгу перед собой и уставились в нее оба, накрепко прижавшись телами.

Больше им ничего не надо, только сидеть вот так и все. Это их объятие. И уж точно она не жена ему. Просто сесть, прижаться друг к другу, испытывая жгучее наслаждение. Сидеть часами. Юрик поскуучнел.

«Неужели и пожилым в возрасте люди не освобождены от этого? – с тоской подумал он, – это же сколько лет еще придется терпеть?»

На почтовом столе нашел для себя сразу два письма: от матери и от Кати, как будто сговорились послать вместе.

Мама писала, что по направлению лечащего врача она в середине июня снова ляжет в стационар, и было бы хорошо, если он к этому времени уже сдал экзамены и приехал домой. Если для освобождения от третьего трудового семестра нужно прислать справку, то врач даст.

«Обойдемся без справки, – подумал Юрик, – пусть только попробуют не пустить!» Катя сообщала, что ждет с нетерпением июля, когда в Петровск придет на гастроли московский театр. Родители обязательно достанут билеты на все спектакли, и для Юрика тоже. Она его очень ждет. Непонятно, кого ждет: Юрика или театр? Скорее всего московский театр, потому что тот бывает в Петровске гораздо реже, чем Юрик.

В комнате за столом сидел Шихман, весьма удачно вписавшись по дуге в стул, на котором развалился, в стол, на котором полулежал, и стакан с чаем, который держал в руке и из которого иногда отхлебывал, после чего удовлетворенно вздыхал, будто нюхал цветущие каштаны в киевском парке культуры и отдыха.

– Твои пятьдесят рублей, знаешь, кому отдали?

– Какие пятьдесят рублей?

– Ты получал ленинскую стипендию в сто рублей?

– Получал.

– Вот. А теперь получаешь просто повышенную в пятьдесят. Куда девались пятьдесят рублей? Простой вопрос.

– Ну, мало ли. Откуда мне знать?

– Твои пятьдесят рублей отдали Соловейчику-младшему, который и стал отныне и навсегда ленинским стипендиатом по закону сохранения бюджета факультета в межсезонье. Старший брат реквизирует денежку и по-родственному кинул младшему. Вот так и живет простая коммунистическая семья.

– Раз коммунистическая, значит, им на роду написано быть ленинскими стипендиатами.

– Ошибаетесь, батенька мой, эти всегда будут иметь по максимальному благу, хоть при коммунизме, хоть при капитализме.

Палата располагалась на первом этаже, поэтому разговаривать можно было прямо из больничного двора, через открытую форточку. Когда мама подошла из темной глубины палаты, он сначала не узнал ее сквозь двойные рамы, и снова крикнул:

– Мне Погосян пригласите!

Но маленькая старушка в байковом халате и белом платочке и не отошла, как предыдущая больная, и не освободила место для его матери, она только улыбнулась понимающе, вот тогда он ее признал.

Прижал к оконному стеклу зачетку с экзаменационными пятерками. Про то, что лишили ленинской стипендии, говорить не стал.

А Кате рассказал, и это ее чрезвычайно расстроило.

– Не мог постоять, немного подождать? – спросила она, имея в виду все то же злополучное Первое мая. – Сам говоришь, погода была хорошая. Неужели трудно немного потерпеть? Вот знаешь, одного восточного мудреца спросили, что главное в семейной жизни? Он взял лист бумаги и долго-долго что-то писал. Оказалось, тысячу раз одно и то же слово – терпение. Неужели нельзя было потерпеть?

– Вышло все терпение. Надоело. Не хочу больше.

– Что не хочешь?

– Ничего.

– Ну и ладно. Сядь, отдохни, – она шлепнула ладонью по дивану рядом с собой.

– В вагоне насиделся и належался, постою. Не лежит душа к общественной деятельности.

– А у кого лежит? Но без общественной работы ты и научную карьеру не сможешь сделать, тебя просто в аспирантуру не возьмут.

– Возьмут, куда не денутся, если результаты будут. Все-таки математика – не то что ваша литература: про Бабеля и Маяковского можно диссертацию писать, их революционное творчество достойно исследования, а про Есенина и Булгакова нельзя.

– Про Булгакова уже тоже можно.

– Правда? Поздравляю! А вдруг завтра передумают? Может, пока не поздно все-таки взять Бабеля на диплом или Серафимовича? Или Николая Островского с Верой Инбер?

– Нет, я уже выбрала Булгакова. Это относительная новизна, нет изъезженной колеи, здесь можно копать и копать, материала очень много. За лето надо прочитать все источники, думаю съездить в Ленинку, и вообще походить по местам, найти «нехорошую квартиру».

При первой встрече они ни разу не поцеловались. Юрик так и не присел к ней на диван. Не хотелось ни того, ни другого. Из скромности Катя внутренне с ним согласилась, она тоже считала, что надо привыкнуть друг другу после длительной разлуки. Бурные объятия не в ее стиле.

Но на прощание все же чмокнула в щечку, хотя, естественно, ни о каких балетных пробежках с распахнутыми крылышками-руками речи не шло. Просто из кухни вышла ее мама, и Катя, сразу осмелев, подошла и поцеловала, что напоминало о том, что намерения ее по-прежнему остаются весьма серьезными. Также она вытребовала себе право иногда ходить вместе с ним в больницу, навещать маму Юрика.

В июле приехал долго и с восторгом жданный всей местной интеллигенцией московский театр. На первый премьерный спектакль Катя и Юрик отправились вдвоем.

Паркет местного театра блистал зеркалом катка в новогоднюю ночь, самая большая в Сибири театральная люстра сияла хрусталем, по ковровой дорожке, коей устлана мраморная лестница на второй этаж, осторожно ступали начищенные до блеска штилеты и прелестные туфельки на шпильках, а сами зрители походили на тщательно скрывающих свой испуг первоклашек, которым мамы семь дней подряд до великого события так самозабвенно драили носы и чистили уши, что первого сентября эти места блестели на особицу.

Они расположились на том ряду, перед коим проходил широкий проход, с постеленной во всю ширину красной дорожкой, на которой тоже отлично вытянуть ноги и действительно отдохнуть и получить удовольствие.

Позади, среди зрительского зала высилась огромная телевизионная камера, установленная на несколько рядов сразу, размером с голубятню на четырех здоровенных ногах. Спектакль собиралось записывать местное телевидение для последующей трансляции на весь город.

Все было отлично. Юрика охватил трепет перед настоящим спектаклем. Катенька не трепетала, но светилась: «Вот видишь, – говорило ее сияющее лицо, почти все время обращенное к нему, отмытое до немислимой чистоты и потому немного красное, – вот видишь, как тут чудесно, а ты не хотел идти!»

И вот они в зале, на генеральском ряду, с красным паласом под ногами, даже не верится, что у самого штаны без лампас, и сейчас вот-вот тихо погаснет свет...

Вдруг к ним подошла администратор. Тоже, по случаю московской премьеры, завитая, закрученная и отлакированная, затянутая до отказа в лучшее платье, сшитое по молодости десять лет назад, в которое ныне едва-едва уместилось зрелое женское тело.

Платье из очень тонкой, хорошей, крепкой материи, вроде парашютного шелка. Оно туго обтянуло феноменальный рельеф.

Вдобавок к внешнему виду у администраторши оказался высокий сильный голос оперной певицы.

Встала перед Юриком, уперев руки в мощнейшие бедра, едва не задевая его колени, и не терпящим возражений голосом, затребовала их билеты.

Юрик замешкался. Пытаясь не попасть глазами на обтянутый низ живота атаковавшей их женщины, искал в кармане бумажки.

– Вот, пожалуйста, мы сидим на своих законных местах.

– Встаньте, и перейдите на двадцать второй ряд, – громко, победоносно объявила администратор, будто только что самолично, с риском для жизни поймала двух безбилетников, пряча руку с билетами в район обтянутых ягодичек.

Весь театр смотрел на них.

– С чего это вдруг? – удивился Погосян, – нам уйти со своих мест? Никуда не пойдем.

– Попрошу мне тут не возражать! – возмущенно воскликнула администратор. – Когда вам говорят «встаньте и перейдите», надо встать и перейти, потому что я отвечаю здесь за порядок, а не вы!

– Даже не подумаю. Отдайте, пожалуйста, билеты назад, за них деньги плачены. У вас что, начались учения по гражданской обороне?

– Юрик, – взяла его за руку Катя, – а может, перейдем?

– Да куда я не пойду, с чего вдруг? По какой причине? Пусть объяснят.

Тем временем на помощь нехорошо обтянутой администраторше примчались три пенсионерки-билетерши, выстроились, окружив сидящих плотным кольцом, принялись махать руками, предвещая страшные кары.

– Это что ж за наглость такая? – воскликнула черненькая.

– Почему не подчиняетесь администрации театра? – вслед ей закричала крашенная охрой рыжая, с пегими проплешинами.

– Смотри, какой фрукт расселся, – притопнула в нетерпении третья, – вот ведь бескультурщина! Дикий народ пошел, просто дикий! Ему говорят, встань и уйди, а он совсем ничего не понимает! Дундуки какие-то, прости, господи!

– Да он пьяный! Сейчас наряд позовем!

– Зовите. А мы сидим на своих местах и никуда с них уходить не собираемся. Или спектакль отменили? Тогда вежливо извиняться надо, а не орать.

– Какой молодой, еще материнское молоко на губах не обсохло, а уже несознательный! Старшие стоят перед ним, спрашивают освободить место, а он ни в какую!

– Разве мы в трамвае?

– Мы в культурном учреждении, молодой человек, и вас просят выйти на двадцать второй ряд, чего непонятного?

– Но наш ряд этот, мы за него деньги уплатили.

Администраторша расширила грудь, отчего выпуклость приобрела просто угрожающие черты, на нее страшно стало смотреть. Материя, конечно, крепкая, но есть свои пределы и у коэффициента натяжения!

– Вы что, не понимаете русского языка? – закричала она. – Так я вам русским языком говорю, здесь будет размещена телевизионная аппаратура для показа спектакля по городскому телевидению! Вы что, хотите нам устроить срыв съемок спектакля?

– А зачем тогда продали билеты на этот ряд?

– Молодой человек... я вам повторяю русским языком...

– Юрик, давай перейдем.

Администратор местной культуры была на последнем градусе гнева, еще чуть-чуть и, пожалуй, треснет по швам.

Тоже разгневанный и одновременно смущенный Юрик, взяв Катеньку под руку, повел ее в конец зала, где их усадили на крайние сидения, откуда уже не было видно сцены, а лишь слегка красный бархатный занавес. Опасаясь быть растоптанными небольшим стадом билетеров во главе с администраторшей, остальные зрители генеральского ряда поторопились тоже отдать билеты, и скорей бежать, куда уж сошлют. На самые задние ряды, на самые плохие места, под ироническими взорами прочих зрителей: «А впредь тебе, мужик, наука! Не садись, мужик, не в свои сани!» Ряд очистился от публики в один момент.

Погосян сидел на крайнем месте. К нему подошла рыжая билетерша, та, что с пегими проплешинами, одной рукой взялась за спинку кресла, другую положила на впереди стоящее, и в такой позе гордо застыла на посту, как часовой, перекрыв, таким образом, путь для бегства под покровом темноты из ссылки.

Свет в зале начал тухнуть. «Где же аппаратура?» – удивился Юрик.

Тут бархатные портьеры распахнулись, и в зал по ковровой дорожке вошла длинная вереница людей. Рассекая пространство ледоколом, впереди гордо неслась администраторша. За ней баржами тащились тетки, худые и толстые, дядьки разных возрастов, старушки, дети, девушки и юноши. Они быстро расселись на генеральском ряду, заняв его полностью.

«А кто у нас генерал? – прищурился Юрик, пытаясь разглядеть лампасы на штанах, и ненароком припоминая Дом офицеров славного города Борисова.

– Телевизионщиков рассадили, – зажурчал ручейком шепоток среди публики, – и членов их семей.

– Ну, это уж чересчур! – запоздало возмутилась Катя.

– Давай уйдем? – предложил Юрик.

– Московский театр, – подруга умоляюще сложила ладошки на груди, – сейчас начнется.

Но ему не до спектакля.

Сцена осветилась. Заиграла веселая-превеселая музыка: «Проснись и пой, проснись и пой, тара-пара-пам-бам!»

Юрик встал, наткнулся на рыхлую фигуру, перекрывшую своим телом путь.

– Гражданка, – стараясь перекричать музыку громким голосом, объявил он, – посторонитесь, дайте выйти! Меня мутит от вашего действия!

– Тсс-сс-ссс! Тише, тише, запись идет!

Он ушел один. Катенька осталась.

37.

Больше на спектакли Юрик не ходил.

Катя посещала театр с сестрой и мамой, отметилась на всех постановках, после чего уехала в Москву собирать материал о творчестве писателя Булгакова. Она рассматривала это как первую свою научную командировку, правда за родительские деньги.

Юрик тоже уселся за диплом в теньке, одиночестве и тишине – на огородной скамейке. Скамейка та прямо у стены сарая, есть на что навалиться спиной и поразмышлять не спеша с бумагой и карандашом. За углом сарая на солнышке греются бочки с чистой водой по самую кромку для вечернего полива, далее у забора летний душ, в котором он только что искупался.

Благодать!

Но чем больше глядит в свои дипломные расчеты, удобно привалившись к теплым доскам, тем сильнее вокруг сгущается темнота.

Ба! Не солнечный ли удар? Что за такое? Что за глупость? Ошибка при переносе строки! Как так? Почти год глядел и не увидел? И на конференцию еще возил, диплом первой степени получил, не постеснялся, вот стыдоба!

Начал переписывать вывод уравнения по новой, в очередной раз мечтая о том, что теперь, наконец, оно упростится до предела, станет коротеньким, элегантным, главное правильным, черт возьми! Как в школе! Если ответ правильный, то короткий и красивый, а ежели трехэтажное здание в результате построилось, то уж извините, думать было надо лучше.

Не будем торопиться, все делаем самым каллиграфическим почерком, тщательно, остороженько, затаив дыхание. Если получится решаемое дифуравнение, то диплом готов.

Надкусанная желтая ранетка шлепнулась прямо у ног. Юрик не заметил. Другая смачно шелкнула о доску сарая с другой его стороны, булькнула в бочку – не услышал.

О сладкий час, о чудный миг! Еще напор и... Да неужели получится?

Меж тем ранетки летели из-за дальнего забора одна за другой.

На заборе сидит девчонка лет тринадцати в голубых джинсах, белой майке навыпуск. Иссиня черная, мелко-завитая грива волос и жгучие небольшие глазки.

Сильно рискуя порвать какую-нибудь часть гардероба о ржавые гвозди, она балансировала по верхней перекладине в различных позах. Затем перелезла на старую яблоню-ранетку, плоды которой еще не достигли зрелой желтизны, поэтому, откусив немного от каждой и морщась, принялась бросать их в сторону Юрика.

Следует признать, кидалась соседская девчонка вполне сносно, хотя и не метко. Множество снарядов исчезли в помидорной ботве, попали на грядки, в бочки, пока первая не докатилась до Юриковых сандалет.

К тому времени надежды на прогресс в деле написания диплома катастрофически быстро растаяли.

Новообразующиеся члены и не думали приводиться друг с другом, напротив, уравнение на глазах разрасталось, пышноло, приобрело в конце концов неприличные размеры. Была страницу (если писать мелким почерком), а стало полторы.

Это вам уже, извините, не рабочее уравнение, а просто каша-малаша какая-то. Такую ерунду неприлично шефу показать, не то что вставлять в диплом!

С осознанием новых неприятностей на научном фронте, окружающий мир потемнел, будто среди бела дня наступило непредусмотренное астрономами затмение. Со всех сторон сгустились сумерки, размазавшие приятную картину, запахи исчезли, и мгновенно разлилась холодная чернота. Беспросветная, как внутренности затхлой комнаты с кирпичными сырými стенами, изъеденными грибком, без окон и дверей.

Ощущение тупика охватило мозг с подавляющей силой. Нет и не может быть здесь никаких улучшений. Чем сильнее старается, чем больше тратит сил, времени, энергии, упорства, тем хуже результат!

“Это ужасно, что за напасть? Тьма беспросветная. Нет, никуда не годится!”

Сунул бумаги в папку, которую держал на коленях, бросил на скамейку рядом с собой. Папка свалилась под скамейку.

Неужели кому-нибудь станет лучше жить, если он решит? Нет, конечно. Современно искусственная, никому не нужная задача, из той серии трудных вопросов, что любят задавать дураки мудрецам, обеспечивая их работой по гроб жизни. Никому не станет ни холодно, ни жарко, если он решит ее, и никто даже слова не скажет, если не решит. Она абсолютно никому не нужна. Чего убиваться?

Вот пожалуйста, помидоры выросли. В них тоже вложены силы, и, честно говоря, гораздо меньшие, чем в будущий диплом, но кусты таким урожаем завалили, что девать некуда! Так, может, действительно заняться чем-то другим? Более подходящим, где можно лучше проявить себя, нежели... в математике?

– Э, кончай! – Юрик автоматически засек в прицел зрачков соседскую девчонку на дереве, когда очередная ранетка чиркнула по стене сарая над его головой, отколошетила от столбика ворот огородной калитки и ударилась в пружинистые ветви красной смородины с другой стороны. – Я кому сказал – кончай! В лоб получишь!

Четыре года потрачены зря? Он шел не в том направлении? Зачем тогда все эти усилия, мучения? Во имя одного маленького открытия, что без математики ему делается лучше жить и легче дышать? Черт возьми, неужели он так и не сможет решить?

Наконец-то она попала. Вот ведь, бегемотиха, взгромоздилась на ранетку, на ту самую ранетку, с которой у Юрика связаны очень неприятные воспоминания детства. Он мигом подскочил.

– Ну все, сейчас получишь по полной программе!

Девчонка скорчила гримасу, означавшую: “Попробуй, догони”. И хоть находилась на своей территории, все же трусливо присела, чтобы в случае чего сразу прыгнуть вниз.

Пока он добежит до конца огорода, пока перелезет через гвоздастый забор, да она к тому времени давно будет сидеть дома с дорогим дедушкой и пить чай с лимоном!

Когда-то этой самой девчонки дедушка, когда был помоложе и пошустрее, поймал Юрика, воровавшего ранетки. Даже поспевшие, они имеют кисло-горький вкус, есть их нельзя, но можно разжевывать, высосать сок, после чего выплюнуть. Что Юрик и делал. На чем и был пойман с поличным. Дедушка схватил его одной рукой за шиворот, другую поднес ко рту: “А ну, выплевывай!” Юрик послушно сплюнул сухой остаток в большую трудовую ладонь. Улика налицо. С крепко зажатой в кулак ладонью, дедушка доставил его к матери, вручил улику, и та здорово Юрика выпорола ремнем.

Перепрыгнув грядку с луком, достиг первых помидорных кустов, не спуская глаз с девчонки, как леопард, который никогда не расстается взглядом с будущей добычей. Та ехидно щурила карие глазки, сознавая собственную неуязвимость, распрямилась и принялась вилять джинсовым задом. А Юрик нашарил в помидорном кусте подходящий снаряд – большой и достаточно мягкий. Бросил сразу, молча, без всякой словесной перепалки.

В результате помидор возмездия угодил в белую праздничную футболку навывпуск, по животу. Внучка противного деда полетела вниз, визжа, как подбитая макака, ломая сухие не обрезанные вовремя ветки полукультурки.

– Мама!

У соседей мигом заварился переполох. Рассудив, что пора и ему уносить ноги подобру-поздорову, Юрик все же вытащил из-под скамейки несчастную рабочую папку, заботливо сдул с нее мурашей, повернулся и увидел, что прямо к нему со двора идет довольная-предовольная мама и несет тарелку с румяными, только что испеченными пирожками с пылу с жару.

– Поешь, сынок, на свежем воздухе, – сказала она, ставя тарелку на скамейку. – Вот с этой стороны похолоднее, с луком-с яйцами, а эти горячие еще с мясом, их осторожнее, очень сочные, смотри, не обожгись.

– Да что же это делается? А? Чего ваш сынок с моей дочкой наделал? – воскликнула соседка, запрыгивая на какой-то предмет и появляясь над забором до уровня груди.

Двумя руками она держала белую футболку с кроваво-красным сочным пятном, как честную простынку после первой брачной ночи, имея, однако, при этом страшно недовольное выражение лица.

Мать ошарашенно взглянула на Юрика:

– Ты, что ли?

– А чего она кидается своими ранетками? – кивнул на землю у стены сарая, усеянную огрызками, – посмотри сама, заколебала, житья нет. И в бочку накидала.

– А ты... ты чего?

– Я ничего. Тоже кинул... один раз. Помидором.

– Да вы посмотрите, что он над девчонкой сотворил, – кричала дальше соседская мать, – а еще студент университета называется. Бес-с-совестный!

– Что там у них стряслось опять? – спросила рядом, просунув лицо в небольшую заборную дырку, соседка – бывшая солдатка, к которой ее солдат уже благополучно вернулся со срочной службы.

Видно ей сбоку плоховато, а все ж кое-что разглядела, остальное додумала.

– Вот дают ребятишки! Женить их теперь надо скорее, вот что я вам скажу! А спелая какая девчонка оказалась, кто бы мог подумать! На вид-то совсем еще пигалица.

– Тебе бы только жениться скорее, – с маху отвергла соседское предложение родительница Юрика.

На противоположный забор вскарабкалась Тимофеевна, бабушка хорошая, но подслеповатая и тоже шибко любопытная. И зиму и лето Тимофеевна ходила в тяжелых унтах, оставленных ей в наследство покойным супругом. Тяжело пересунулась через забор.

– Так ить это ж чего приключилось? Эт... то кто ж ее так-то... отчихвостил? И без свадьбы, что ли?

Бабушка Тимофеевна с самого начала войны трудилась на кожзаводе, и хватка у нее с тех пор навсегда железная, не зря прозвали Кожемякой. Она подтянулась на заборной доске, несмотря на тяжесть наследственных унтов, и лицо ее исказил ужас истинной христианки перед грехопадением.

Все в народе знали, что первого приставалу молодка Тимофеевна отвадила, сломав ему враз два пальца, и над ним потешался весь кожзавод: “А ты не лезь! Не суй пальцы куда попало!” К тому же военком пригрозил недотепе сроком за членовредительство, ежели те пальцы к восемнадцати годам не так срастутся.

Второму ухажеру девушка Кожемяка оторвала мочку уха, над ним уже никто не смеялся. Хотя и можно было: в травмпункте пришили на скорую руку абы как, прирасти мочка приросла, но ухо встало торчком. “Лучше бы она мне его совсем оторвала”, – повторял несчастный урод. Народ безмолвствовал. Военкомат тоже: ухо членом не является, а слышать оно стало лучше прежнего.

По таким уважительным причинам мужской пол от Тимофеевны отстал совершенно, да и мало его было. Так бы и сидеть ей в старых девах до гробовой доски, но в сорок седьмом году вернулся один фронтовик домой, и за праздничным столом родня

поведала ему про удивительные подвиги Кожемяки, со смехом, конечно, а он вдруг встал и пошел на нее взглянуть, заинтересовался, стало быть, а посмотрев, тут же посватался и через какой-нибудь час привел и усадил за тот же родительский стол, объявив, что заодно сейчас отпразднуют свадьбу. Исключительно честный человек оказался. Построил свой домишко, родил детей, насадил малину в огороде, а когда умер, все оставил в наследство Тимофеевне, включая свои мужские унты.

– Деточка моя, солнышко мое ненаглядное, чистый ангелочек, – заголосила мать внучки своего отца, – гуляла себе в чистом, нарядном виде по огороду, а этот студент – бац! И пожалуйста, с дерева сбил! Посмотрите только, люди добрые, что он с ней сотворил, изверг, а на коленке какой синяк посадил? Вы посмотрите, посмотрите... Это же надо такое! Чуть калекой не сделал своими помидорами! Посмотрите, какой дылда вымахал, а она-то у меня несовершеннолетняя еще, тринадцать лет всего, связался черт с ребенком!

Со страшного удивления бабка Тимофеевна вместе с отломленной гнилой доской и отборным матом упала в дедову малину, где глухо запричитала.

Тут чаша терпения мамы Юрика переполнилась, она махом собрала с поверхности воды в бочке пригоршню надкусанных ранеток и быстрым шагом устремилась в конец огорода. Лицо до того серьезное, что Юрик решил, что мать сейчас начнет кидаться в соседку с ближней дистанции. Заметив это, соседка перестала надсадно кричать, а только махала своим белым полотенцем, напоминающим флаг Страны восходящего солнца, выполненный прогрессивным авангардистом за очень большие деньги.

Юрик уныло потянулся следом.

Однако дело окончилось на удивление скоро и без его помощи. Мать возвратила через забор горсть урожая со словами:

– Вот ваши ранетки за наш помидор. Если мало, приходите еще, у нас они повсюду валяются, видно, ваша дочка очень долго упражнялась в кидании.

В какое-то мгновение Юрику показалось, сказано это было с некоторым удовлетворением, мать брала реванш за давнишний случай, когда ей пришлось принять от соседского деда жеванную Юриком ранетку. Нынче произошел возврат горьких плодов.

Флаг Страны восходящего солнца резко перемахнул через границу и там принялся стегать собственное население до судорожного визга:

– Ой, мамочка, не надо!

– Не надо? А почему без лифчика опять? К парням пристаешь? Ранетками кидаться? Я тебе покажу, как мне тут студентов клеить! Я тебя враз научу уму-разуму! Сейчас полено возьму!

– Мамочка!

– Домой, без разговоров! Прибью!

– Помидоры у вас хорошие в этом году, – сказала бывшая солдатка со вздохом, – только переспели больно.

– Где ты его сорвал? – поинтересовалась мать.

– Вот здесь.

– Когда поешь, возьми ведро и все проверь, собери до единого, а то и вправду переспелый сильно.

Она пошла на выход из огорода, Юрик отправился следом.

На скамейку нашло солнце, лучше он поест дома, за столом.

В наступившей тишине старуха Тимофеевна не уставала переживать из-за забора: “Ах, неудача какая вышла, боже ты мой, всю малину старая попреломала, прости господи! Ах, вислуха, ты моя вислуха, самый лучший участок погубила старая, ягодка к ягодке росла!”

Юрик молча ел за столом в сенцах, где мать продолжила жарить пироги на газовой плите. Она тоже долго ничего не говорила, потом спросила:

– Катя что не приходит в гости?

– Она в Москву уехала, для диплома литературу набирает в центральных библиотеках.

– А тебе не надо... литературу подбирать?

– Нет, я из головы пишу.

– Напишешь? Есть в голове что-нибудь?

– Попробуем наскрести.

– Дай-то бог. Ты Катеньки держись, она девушка умная, порядочная, не какая-нибудь там вертихвостка. Жениться когда думаете, сразу после окончания?

Юрик удивился.

– С чего вдруг? Никто ничего даже не думает.

– Вы же серьезно дружите?

– Может быть, я еще в аспирантуру поступлю в Борисове, а она тоже в аспирантуру, но здесь. Какая тогда совместная жизнь?

– Ничего страшного, будете ездить друг к другу в гости. Пойми, таких девушек как Катя очень мало: раз, два и обчелся. Человек хороший, это главное, не то что вон та стрекоза соседская, а вдвоем вам быстрее квартиру дадут, если оба в университете работать станете.

– Не знаю. Посмотрим еще. Целый год впереди.

– Конечно, вам решать. Но я бы такой невестке была рада. Куда дальше затягивать, до тридцати лет ей, что ли, в девках сидеть? Женится надо, раз друг другу нравитесь.

“Нравиться-то нравимся, – подумал Юрик, – но не до такой же степени, чтобы жениться”. Вслух произнести не решился: мама не поймет.

38.

Ему не хотелось делать двух вещей: ехать в Борисов и снова открывать дипломную папку. Вот, кажется, откроешь ее, и снова вылезут, затмевая окрестности, чернота, апатия, тоска смертная. Всю прочую работу делал с большим удовольствием.

В теплую сухую погоду покрасил крышу суриком. Перекопал огород, чтобы зимний снег весь впитался весной в землю и влага сохранилась. Купил матери два мешка картошки и спустил в подполье. Уже сентябрь подходил к концу, уже зарядили дожди, а он все не собирался возвращаться на учебу.

Можно не писать дипломную, а сдать вместо нее госэкзамен по специальности, пройти педпрактику, и тогда в дипломе будет стоять не «математик», а «учитель математики», что даст возможность преподавать в школе.

Но смешно бедовать пять лет в чужом городе, кормить клопов в общежитии, чтобы пойти работать в школу. Для этого вполне достаточно было кончить местный пединститут.

И что ждет в школе? Сегодня, когда учителя не могут поставить ученику двойку, не могут оставить разгильдяя и оболтуса на второй год или выгнать вон из школы? Учитель не смеет поставить «неудовлетворительно» за четверть, а тем более за год! Его накажут! Если заупрямится, на него насядут районо, гороно и все равно поломают! Сопrotивление бесполезно, учитель обязан поставить ученику не меньше тройки! Второгодников не должно быть! Государственные средства надо экономить. Экономика должна быть экономной, а железо железным. Все должны получить среднее образование!

Об этом знают и ученики. О, они умеют использовать учительскую обязательку в собственных интересах. Нет, поистине ужасна учительская доля в эпоху развитого социализма! Все бегут из школы хоть в дворники, и никто не хочет туда идти, за исключением редких личностей вроде Леночки Вессон. Он тоже не хочет. И не пойдет.

Значит, надо написать дипломную работу, для чего решить задачу Грум-Канавина. Черт бы ее только не решал!

Вернулась из Москвы Катя, бодрая и довольная, привезла кучу микрофильмов, снятых с нужных книг. Он позавидовал ей, вот человек знает, что ему конкретно надо делать, как делать. Терпеливо и много трудится по известной программе, по заданной схеме изучая творчество Булгакова. А его схемы не сработали. И пора срочно проявить недюжинный исследовательский талант, может, даже блеснуть гениальностью напоследок, чтобы написать несчастный диплом.

– Теперь засяду месяца на два в библиотеке, буду читать отснятое. Ох и работенка предстоит, не люблю такую! – сказала она и сладко потянулась, стоя у стола.

Сначала развела руки в стороны, потом даже забросила за голову. Так явно перед ним еще не раскрывалась.

Юрик сидел на стуле в ее комнате и мгновенно понял – это приглашение к очень жарким поцелуям. Катя соскучилась. Однако параллельные мысли о своем злосчастном дипломе умертвили всякое желание заниматься подобными вещами. Нет, он вовсе не завидовал тому, что она сядет и все, что полагается самым чудесным образом напишет, и не сомневался в этом, но и обниматься не хотел. Остался сидеть как сидел, рассеянно барабаня пальцами по столу и отрешенно глядя в сторону.

– А у тебя как дела с дипломом? – вдруг угадала Катя, делая последний шаг навстречу, становясь практически вплотную.

– Осталось мелочи подчистить и можно печатать.

– Здорово!

Левая рука лежит на письменном столе, правая свободно свисает со стула, в сантиметре от нее стоит Катя, слегка прогнувшись по направлению к нему в талии, за которую так легко можно сейчас обнять. И, наверное, надо это сделать, однако он не делал, только сильнее склонился над столом, будто впервые увидел какую-то старую цветную фотографию, лежавшую под стеклом уже сто лет, и быстро убрал правую руку, переложив ее на стол.

Катя продолжала стоять рядом еще минуту и еще.

Юрик все не желал обнять, хотя дверь заперта и никто не смеет нынче даже под страхом смерти войти сюда без Катиного разрешения, тем более в столь ответственный момент.

Катя свежа, только что из душа, как тот первый раз, когда они повстречались, и губы розовые полуоткрыты, бутоном неяркой сибирской розы, расцветший на мичуринском участке в сентябрьские дни, спутав теплое бабье лето с июнем. А собравшиеся вокруг хозяева глядят на этот удивительный цветок скорее с печалью, нежели с восхищением, понимая, что теперь роза, истратив силы на цветение, обязательно вымерзнет зимой, как ни укрывай ее соломой и ни накладывай сверху доски, и ни забрасывай потом снегом. Все бесполезно.

«Зачем тогда у Вики вздумал за ней ухаживать? Должно от скуки. Какая глупость! А все, что есть, это симпатия одного и того же ростика, в самом начале была небольшая и ровно такая же теперь осталась, несколько не выросла, ни на сантиметр. По-хорошему бы надо встать, распрощаться и уйти навсегда. Но что будет? Его мама расстроится, ее тоже расстроится, сама Катя падет духом, скажет: «Предыдущий от меня сбежал, а этот бросил», папа, конечно, тоже расстроится».

Впрочем, как раз самочувствие Катиного папы его совсем не беспокоило, даже насмешило.

Будто восприняв его мысли, Катенька отошла, присев на диван.

Отличный момент разойтись. Встать, попрощаться и уйти вежливо, достойно. Навсегда. Юрик вздохнул.

А вот со стороны посмотреть, так и жалко расставаться. Хорошая девушка, умная, порядочная, красивая даже, ноги вполне нормальные, с чего он воду мутит? Да лучше и не

бывает вовсе. Таких действительно раз, два и обчелся. Точно ведь, раз и два. Вторая в Нефтянске живет. Ту прямо отодрал от себя по живому, теперь эту пора пришла бросать?

После этой встречи Погосян сразу уехал в Борисов на учебу, даже не зашел попрощаться, только позвонил. При этом заметил, что расставаться по телефону много удобнее, чем на вокзале или в аэропорту, впрочем, расстаться при помощи письма, наверное, еще удобнее. Об этом он тоже подумал.

39.

В Борисове его поджидали очень интересные новости.

Шихман так обрадовался приезду Юрика, что не знал, куда усадить и чем накормить, тем более что ничего уже не осталось, как-никак почти месяц учебы прошел. Но между оконными рамами у него снова пакеты с топленным свиным салом.

– Юрик, не пропадем, – указав на них, объявил он, – папашка натопил самолично. Будем жить на сто двадцать пять процентов!

– Пусть это НЗ останется до худших времен, – решил Погосян, – а пока давай пить чай с пирожками. – Кстати, где наша опора и защита, где лейтенант запаса ракетных войск Христенко? Где праздничный салют?

– Круглыми сутками пропадает у своей знакомой. Практически сказать, перебрался к ней жить полностью. Здесь ночевал раза три или четыре за все время. Да нет, три, точно три. Не жилец он у нас нынче. – Шихман вздохнул и пригорюнился. – Нет, не жилец. А фиг ли ботик потопили? Никто и не осуждает, устроился человек без дураков где глубже. И я его понимаю, как никто в этом мире. Тоже бы ушел, да некуда. А ты чего поздно приехал? Знаешь, что мне тут одному приходится хлебать?

Не успел Юрик ответить, как дверь широчайшим образом распахнулась, и в нее странным, непонятным образом, болтая сразу всеми руками и даже ногами, ввалился плотный малый в черных штанах, грязной, столь растянутой на шее футболке, будто его долго трясли и таскали за грудки по коридору, а потом с размаха зашвырнули в комнату. Помахав некоторое время конечностями, стоя на одном месте, дабы обрести равновесие, он так рухнул на кровать, где прежде окукливался младший Соловейчик, что подушка высоко подлетела и упала ему на голову. Малый стал от нее радостно отбиваться кулаками, сея кругом пух и перо.

– Это кто? – спросил пораженный явлением Юрик.

Шихман сочувственно причмокнул, завел глаза под потолок.

– Это Кокин, первокурсник. К нам поселен, вместо почетного лениниста Соловейчика.

– Я Кокин, – жуя, доложился первокурсник, расплываясь в полнейшем всеобъемлющем самоудовольствии.

Оглянувшись по сторонам, ища подтверждения своей доброты, но ничего подходящего для жертвоприношения не обнаружил, широким жестом протянул Юрику обмусоленный овсяный пряник, который держал в руке:

– Хочешь?

– Нет, кушайте сами.

Кокин согласно кивнул, тряхнув, как гривой, цыганскими кольцами спутанных–перепутанных волос над курносым носом. Вся эта черная копна стояла дыбом. Волосы и глаза были черны как уголь, черней, чем у Юрика и Толика в два раза, но ни цыганом, ни евреем, ни татаринном, ни даже армянином Кокин не был, а был чистой воды баламутом и классическим шалопаем, что вытекало тотчас, как только он являлся где-нибудь, из его бестолкового поведения.

– Эй, Кокин, выходи! – раздались крики из коридора, – выходи, шалава, не бойся, бить не будем!

– Ах, вы! – вскричал Кокин, тотчас вскакивая с места, и, лихо прокрутив на одной пятке, одетой только в шерстяной носок, полный оборот в триста шестьдесят градусов, выпал вон из комнаты, звезданув на прощанье дверью так, что вся халтурная коробка заерзала в проеме.

– Вот собачий сын!

– Да, – вынужден был согласиться Юрик, – чует мое сердце, что мы еще очень пожалеем, что Соловейчик покинул нас столь рано. Кстати, как он там, в вышних сферах устроился?

– Без комментариев. Я дал себе торжественную клятву: «О Соловейчиках либо хорошо, либо ничего». – Шихман действительно замолчал, съел один пирожок, потом другой, не вытерпел: – Братья-ленинцы живут вдвоем в четырехместной комнате профилактория с трехметровыми потолками, причем Соловейчик-младший практически имеет там персональные апартаменты, потому что старший перевелся в Москву и здесь не живет, но место за собой держит.

И это в то самое время, когда нам подсунули четвертым бедуина Кокина! Ладно, я четверокурсник, но вы пятикурсники, вам для дипломирования условия жизни нормальные положены. О боже, за что посылаешь такие испытания? Нет, все, молчу-молчу, без матерков тут никак не скажешь.

– Боже здесь ни при чем, скорее замдекана Хвостов отмстил. Так что готовься перевоспитывать недоросля Кокина.

– Бесплезно, – сразу отказался Шихман. – Не понял, что ли? Это же полнейший раздолбай, без всяких признаков наличия условных рефлексов. Вот, пожалуйста, второе пришествие...

В это время раздался смех, грохот, дверь от удара распахнулась, распахнул ее Кокин своей спиной, но кто-то сильно помог ему сделать это из коридора. Юзом, размахивая руками и ногами, Кокин пролетел еще немного, после чего плашмя рухнул на пол. Юрик с Шихманом бросились к нему. Однако помощь не требовалась. Качнувшись ванькой-встанькой, Кокин уже сидел на полу, белозубо улыбаясь вскочившим со своих мест соседям, потер шею и рассмеялся как ни в чем не бывало.

– Как они меня, а? Вот черти полосатые! Ну, сейчас я им задам трепку! Сейчас они у меня попрыгают!

– Кокин, стоять! – приказал Погосян.

Кокин тотчас подчинился, встал почти во фронт, даже руками перестал балансировать. Однако все естество его сопротивлялось покою с внутренней невероятной силой, и что-то все время слегка подрагивало, то рука дергалась сама собой, то нога, то косматая башка начинала заваливаться на какую-нибудь сторону.

– Сядь за стол с нами и поешь. Бери пирог, наливай себе чай.

Удержать Кокина за столом оказалось невозможно. Он схватил пирог, подбросил его к потолку, а сам развернулся, взмахнул руками и тоже подпрыгнул, как-то неуверенно взбрыкнув ногами, обрушился задом на свою кровать, пытаясь одновременно схватить падающий пирог. Но ничего не получилось. Пирог шмякнулся на грязный пол, из него просыпался рис с луком и яйцами. А кроватная сетка от удара слетела с петель, одним боком встала на пол, спинка здорово хрястнула Кокина по вскинутой руке.

– Ни хрена себе, фокусы! – вскричал он, потирая локоть, ни капли не обескураженный. – Штучки-дрючки. Кровати не могут нормально делать. Вот страна дураков, да?

– Да, – в голос заорали Погосян с Шихманом, – точно, ты прав, Кокин!

– Ага, – сказал Кокин, глядя на пирог. Нагнулся, схватил, – не повалешь - не поешь. – Кротко взглянул на обедавших, будто боясь, что ему запретят есть еду с пола, но те молчали, обдул два раза, сунул в рот.

После чего мигом вскочил и убежал, вслед за чьими-то криками, оставив после себя полный разгром в комнате.

– Это нам наказание за кармические грехи в других жизнях, – вздохнул убогим иноком Шихман, – потому что в этой жизни я еще ни разу ни с кем не согрешил.

Они установили кровать в нормальное положение.

– На нашем курсе таких придурков вроде бы не было. А у вас?

– Тоже не припоминаю. Как только его приняли в университет? И куда? На мехмат!

– Может, он гений? Но чисто математический?

– Ты думай, чего говоришь.

– И что нам его теперь целый год терпеть?

– Кому год, а кому и больше.

– Нет, такой быстро вылетит.

40.

Сколько Юрий ни откладывал встречу со своим научным руководителем, то на завтра, то на послезавтра, а все ж пришлось ему как миленькому пойти на первое в новом учебном году заседание городского семинара и повстречаться там с Грум-Канавиным.

Тот первым подошел к Погосяну, недоверчиво покосился глазом сбоку, как испуганная лошадь, вот-вот рванет и понесет, только держись!

– Где это вы пропадаете, молодой человек?

– Сначала на каникулах дома был, а сейчас в общежитии живу, в библиотеке работаю.

– Вообще говоря, ваша преддипломная практика должна проходить на кафедре под моим непосредственным руководством.

– Вот он я, пожалуйста.

Грум-Канавин откашлялся.

– Как обстоят дела с дипломной работой? С уравнением что-то удалось сделать?

– Нет, все на прежнем месте. Даже хуже стало, нашел ошибку, и оно увеличилось в размерах еще примерно на пол-листа.

– Плохо дело, но надо думать.

– Хуже некуда, а другие методы тоже не много дали.

– Да, вот ведь как... – Грум ожесточенно потер шею, и, кося уже не на Погосяна, а в сторону заходящих на кафедру участников семинара, – признаться откровенно, я полагал вначале, что у вас будет гораздо лучше получаться. На самостоятельный результат надеялся.

– Я тоже, – согласился Юрий.

– И что же теперь делать вознамерились? – спросил Грум, поглядев на часы и переступив от нетерпения два раза.

Юрик не знал, что ему делать. Полагал узнать о том у своего научного руководителя, но хитрец Грум спросил первым.

– Может, попробовать на ЭВМ пробить границу по точкам? Но я даже не представляю, каковы по времени и требуемой памяти будут вычисления.

– А почему не делаете? Почему не посчитали? Или есть результаты? Нет? Тогда давайте, считайте. Надо работать, много работать, – и он быстро убежал на кафедру, где собрались участники семинара.

Легко сказать: много работать. Перед тем как начать считать, надо придумать и написать программу, отладить ее, для чего выпросить время на ВЦ. Составить письмо от кафедры и деканата. Или что, Грум полагает, что там так запросто, кто хочет, тот приходит и считает, что ли? Но это шефа не касается.

Сидя на семинаре, Юрий размышлял так и этак, о решении задачи на ЭВМ, с какой стороны не зайди, получалось не математика, а просто методы вычислений. Пусть Груму

все равно, лишь бы результат выдать на бочку, ему-то нет! Или он решит задачу математически, или не решит. Нужно искать к задаче свой, частный подход, раз общие методы не работают.

Придя в научку и обложившись по уши всевозможной литературой, огляделся по сторонам и увидел в зале многих людей, с которыми учился пять лет. Все взялись за работу.

Вон Чалина, тяжело по-женски вздыхая, перебирает на столе красно-сине-зеленые листочки трехдолларовых заграничных статей своего шефа Абрикосова.

Лицо под тугой короной из кос красное, рассерженное, будто на экзамене билет не тот попался. А Юрик ей завидует. Шеф у нее – живой современный математик, пусть не мирового масштаба, но действующий.

Рифкат ожесточенно, без улыбочки грызет карандаш, и видно, что тоже не очень-то у него получается. А какое счастье на лице человека было, когда решал 18-ю гипотезу! Теперь в обычных алгебраических группах-кольцах пурхается, да нет, он напишет, парень умный.

Даже заядлый футболист Бобби появился в читалке, в грязных штанах, кедах, точно прямо с поля прибежал. Чувствует он себя здесь не в своей тарелке, и его сопровождают два очень симпатичных ангелочка, явно не жительницы общежития. Экзальтированные футбольные фанатки.

Юрик подкатил к Чалиной, сделал предложение – поразбираться вместе. Чалина удивилась, но это было и в ее интересах тоже, даже больше, чем в его, потому сразу согласилась.

Чалина вам не фигли-мигли какая-нибудь, а девушка серьезная. От ее пуховой шали, наброшенной на плечи (в главном читальном зале университета дуют весьма неприятные и разнообразные сквозняки), пахнет вполне обыкновенно, самым настоящим козым пухом. «Наверное, и пироги умеет печь отличные», – подумал Юрик с уважением.

Ум доцента Абрикосова специфически изошренный, абсолютно не признает известных систем и методик, а не пользуется ими потому, что в разрабатываемой узкой штольне таким громоздким механизмам не разместиться.

В его статьях почти нет ссылок. На каждую задачку он придумывал специальный способ решения и блестяще им пользуется. Изошряется как хочет. Возможно, все эти небольшие локальные задачи, при внешней схожести, на деле же внутренне разные. И Абрикосов сказочным Дедом Морозом в каждой статье достает из своего мешка решения, как зеркальные шары – один за другим. Ни один не похож ни на предыдущий, ни на последующий.

Засиделись с Чалиной до самого закрытия зала.

Конечно, к двенадцати ночи Кокин и не подумал вернуться в комнату. Вместо него пришел Христенко, судя по хмурому лицу, поссорился со знакомой. На ночь глядя Юрик с Шихманом и Христенко попили чайку и легли спать, выключив свет. Дверь из принципа закрыли на два оборота, чтобы Кокина учить уму-разуму.

Но Кокин не понял. Он долго пинался с кем-то у двери, хрюкая кабаном, а в половине первого так ломанулся в комнату, будто за ним гналась стая голодных волков, и слабенький замок вылетел, грохнулся на пол у стола.

– Чой это? – вскричал Кокин и врубил свет, – а чо, вы спите, что ли, уже? А скока время?

Удивительно было то, что при всем своем дурацком поведении он вовсе не пьян, а выглядел каким-то заигравшимся в доску малолеткой.

– Сейчас ты у меня уснешь быстро, – пообещал Христенко, – мертвым сном.

– Не-не! Я счас все сделаю в момент. А молоток есть? Отремонтирую запросто, в два счета.

– Положи замок на стол, а сам тихо ложись спать, – мягко посоветовал Шихман, как всегда запеленатый в простыню от происков клопов и подставляя электрическим лучам одно толстощековое усатое лицо, – утро вечера мудренее.

– А что это ты как мумия спишь? – засмеялся Кокин. – Это специально так надо или случайно получилось?

– Кокин, есть такая фигура высшего пилотажа «полет мухой», так вот, считаю до трех, не успеешь выключить свет, пеняй на себя. Раз!

– А чо, мы в армии, что ли? – поразился Кокин. – Не, я так быстро не умею.

– В армию ты, зараза, только на следующий год попадешь, а пока вообрази себя для начала в гражданской обороне, сокращенно в ГРОБу, понял? Два!!

– Ни фига себе, куда гоните? Где полтора?

– Туши свет! – Христенко кинул в него свой ботинок, не пожалел обувь взять с батареи.

– Три!!!

Кокин, как ошпаренный, кинулся гасить свет, ползком под обстрелом добрался до своей кровати, залез под одеяло и там стал потихоньку раздеваться.

– А дверь открытой осталась, – сказал он просительно, – можно я схожу закрою?

– Что, боишься, трусы стыбзят? Или порядок начал понимать?

– Пусть закроет.

– Ладно, даю две секунды на все про все. Слетай мухой.

Кокин слетал мухой по высшему пилотажу. Но, улегшись, принялся не по теме рассуждать.

– А еще говорят, что в армии дедовщина. В универе куда хуже в общежитии жить. Я вольный человек, почему обязан в двенадцать часов ложиться?

– Эх, милай, не в двенадцать, а в двадцать четыре ноль-ноль, что касемо дедовщины, ты ее точно нюхнешь, здесь тебя пока просто пестуют старшие товарищи. По-отечески.

– Ни фига себе...

– Кокин, разговорчики в постели! Считаю до одного. Молчать, раз!

41.

В один из субботних вечеров, когда в преддверии годовщины Октябрьской революции танцы в нижнем холле общаги продлили до часа ночи, Шалтай загулял и не вернулся ни в час, и ни в два, опять куда-то черти его унесли и очень основательно. При таком раскладе дверь запирать не стали – бесполезно, все равно навалится плечом и выломит.

Не нарочно конечно, а от избытка энергии, и по разболтанности.

Тем не менее, среди ночи грохнуло, как из пушки. Но свет не зажегся.

Спросонья Юрику показалось, что пришел домой веселый и всегда довольный жизнью Шалтай.

В темноте, на полу у кровати Шихмана виднелась некая белая бесформенная масса, которая медленно, но целеустремленно двигалась в направлении кровати Погосяна, шаркая по грязному полу. Без всякого сомнения, это был брат по разуму Шихман, как всегда замотанный в свою спальную пижаму из простыни, но почему-то ползающий куколкой среди ночи.

Юрик попытался найти не слишком фантастическую причину, которая могла бы заставить Толика ползать ночью по грязному полу и не смог отыскать ни одной. Сопящее

перемещение бесформенной массы произвело жуткое, устрашающее впечатление даже на Погосяна, знавшего Шихмана как облупленного. Очевидно, и грохот совершил тоже Толик, свалившись с кровати. Шалтай совсем не при чем.

Спиртное в рот Моисеич брал крайне редко. Учитывая субботний, почти предпраздничный день и затяжные танцы до упада, можно с очень большой натяжкой предположить, что какие-нибудь девушки уговорили несчастного принять стаканчик-другой водки в честь рокового выстрела Авроры. Девушкам Шихман не может отказать ни в чем, поэтому только они могут довести его до такого шумного ночного ползания. И все-таки Юрику не верилось. Чтобы Шихман вел себя как какой-нибудь Шалтай-Болтай, да будет врать-то!

Меж тем, натруженно сопя, белый сугроб приблизился вплотную к кровати Погосяна. Тот затаил дыхание, прищурился, будто спит. В слабом свете окна возникло смуглое усатое лицо с блестящими искрами глаз. Водкой не пахло. Неужто Анатолий рехнулся на интегралах Лебега – Стильтьеса? Замотанное в белое лицо, среди окружающей тьмы здорово смахивало на азартную физиономию арабского кочевника, забравшегося ночью в палатку английских оккупантов с целью вырезать их всех до единого и разбогатеть на двадцать фунтов стерлингов. Погосян непроизвольно напрягся, готовясь к обороне.

– Юрик, – позвал Толик трезвым испуганным шепотом прямо в ухо Погосяну, – Юрик, проснись, Кокин с бабой пришел.

– Фу ты, черт, напугал. Ну и черт с ними. Чего расползался, как абрек какой? Ползи, то есть иди обратно. Спокойной ночи.

Шихман, однако, не уползал. Даже не встал. Печально горбился на полу и молчал. Зашептал еще испуганней:

– Юрик, а помнишь, в прошлом году один физик приволок к себе в общагу неизвестную девицу с танцев? Кажись, эта тоже чужая.

Сон слетел с Юрика в один момент. Сердце испуганно ёкнуло в груди, он вскочил, невежливо толкнув Толика ногой, в поиске тапок. Ах, ты, черт побери этого идиота Кокина!

История злосчастного физика широко известна в мужских студенческих кругах. Кураторы групп ее отчасти даже рекламировали в качестве наглядного пособия из повседневной жизни, исключительно в целях повышения уровня морали и сознательности среди молодежи.

Физик умудрился среди ночи провести незнакомую девицу к себе в комнату, а ранним утром она убежала в милицию, где написала заявление на изнасилование, причем групповое. Якобы ее затащили в комнату прямо из коридора. По этому заявлению тем же ранним утром всех проживающих закинули натошак в серо-голубой газик, и увезли в известном направлении.

В итоге данного мероприятия мало того, что виновник торжества плоти получил свой законный червонец, но и все его соседи по комнате пострадали, еще до суда были исключены из университета. В конце концов троих засонь оправдали, но кто же будет их восстанавливать, если проходили под судом по такой статье? Кому надо? И за меньшее выдворяют с волчьим билетом. Вот скотина беспардонная этот Кокин!

– Помню.

– Юрик, что делать будем?

– Гнать в шею!

– А если уже поздно? Если стерва попалась? Мы выгоним, а она прямо отсюда назло в милицию пойдет – телегу катать? Что тогда?

– Не знаю. Давай сами удерем к кому-нибудь в гости? И там до утра пробудем, если что – нас не было, а народ подтвердит.

– Уже три часа, кто пустит в гости? К тому же она может сказать, что изнасиловали, гады, и убежали. Знаешь, я думаю, нам надо быстро позвать свидетелей и со свидетелями попросить девицу удалиться. А в свидетели надо девчонок приглашать.

– Свидетелей? – еще сильнее перепугался Юрик. – Думаешь, нам не поверят?

– В милиции нет. Пока в КПЗ сидеть будем на нарах, из универа попрут. Хочешь вылететь из универа с пятого курса под суд?

– Да пошел ты!

– Включай свет, я за народом, – сказал он, и, чертыхаясь, начал дергать дверь за ручку. Замок вылетел на пол.

Оказывается, Кокин закрылся изнутри.

Дрожащей рукой Юрик включил свет. Парочка обнималась уже наполовину обнаженная, но пока только сверху.

– Ну чо вы, – зажмурился на лампочку поддатый Кокин, – свет потушите, у нас же закон с двенадцати ночи освещение гасить!

Как в самом плохом сне, девушка показалась Юрику незнакомой. “Точно, левую притащил, зараза!” Она прятала лицо в подушку.

– Одевайтесь и... это... выметайтесь отсюда по-быстрому.

Предложение прозвучало не слишком убедительно.

– Кокин, русским языком говорю: проваливай из комнаты, сам потом спасибо скажешь!

– Не бойся, не заражусь, у меня есть тут кое-что, – Шалтай вытащил из-под подушки презерватив. – Так что, ребята, все в порядке, спасибо за заботу. Давайте спать дальше, а? Гаси свет.

В комнату с победоносным видом ворвался Шихман в майке шиворот навыворот и штанах на левую сторону, распахнув дверь пинком, как сам Кокин в лучшие времена.

За ним маршировал небольшой отряд свидетелей, состоящий из девчонок соседней комнаты под командованием Светки Немцовой. Они прибежали, еле успев запахнуться в халаты, босые, зато быстро. С любопытством выглядывали из-за широкой спины Шихмана.

– Паспортная проверка, граждане, – заявил тот с порога сочным ядовитым голосом. – Девушка без лифчика, вы в мужской комнате по какому вопросу на кровати валяетесь? Предъявите документы, желательнее паспорт в развернутом виде. А к фотографии лицо покажите, не прячьтесь в подушку, пожалуйста.

– Шихман, ты обалдел, что ли? – изумился Кокин. – Дверь закрывай, не лето, и люди смотрят.

– Это вам гражданин Кокин не люди, это комиссия паспортного режима.

Комиссия с раскрытыми ртами выстроилась у входа небольшим вокально-инструментальным ансамблем, с восхищением рассматривая полуголую парочку нарушителей распорядка, расцепившуюся от объятий, но все еще елозящую по жесткому казенному покрывалу, и не желавшую покидать удобного лежбища.

Светка выступила запевалой.

– Товарищ, – сказала она Кокину, – вы, что лежите как пьяный, лучше бы помогли даме одеться. А контрацептивы спрячьте, безопасного секса сегодня не будет. Поторапливайтесь, или милицию вам вызвать на помощь?

– Я пьяный? – обиделся Шалтай-Болтай. – Да я всю жизнь такой!

При упоминании о милиции девушка резво подскочила, перепрыгнув через соблазнителя, и не обращая ни на кого внимания, принялась натягивать лифт мизерного размера, похожий на простую повязку. Кокин пытался помогать, но, как и все другое в этой жизни, он делал это настолько бестолково, что лифчик дважды соскакивал, как резиновый, щелкая его в пуп. Кокин ежился и дурашливо смеялся, оглядываясь.

– Я ухожу, – заявила девушка, одевшись.

– Погоди, я с тобой, – заторопился Шалтай, широко улыбаясь и запихивая пачку презервативов в карман. – Пойдем на кухню... постоим там? Или в эту... как ее... ну, читалку?

– Я домой пошла, – сказала девушка, – ну вас всех куда подальше.

– Идите, конечно, идите, девушка, – обрадовался Погосян, – а ты, Кокин, проводи человека.

Бурно выясняя отношения, парочка удалилась.

– Ладно, мы тоже пошли, – зевнула Светка. – Толик, не забудь, чего обещал при всех свидетелях, она указала пальцем за спину, на девчонок. Те уже вышли из комнаты вслед за молодыми, смотреть, куда они намылятся: на подоконник ближайшей кухни, или на шестой этаж, в красный уголок.

– Мое слово – закон.

Толик благоговейно сложил пухлые ладошки на груди.

Юрик закрылся за Светкой, поднял с пола замок, положил на стол.

– Вот подлец какой, – не мог успокоиться Шихман, – никакой спокойной жизни не стало. Смотри, у меня простыня черная. Чья сегодня была очередь пол мыть? Ага, Кокина, конечно, пятый день подряд, на нем дежурство застопорилось. Обрезание ему, что ли, сделать небольшое для профилактики?

– Ему только кастрирование поможет. Лучше скажи, чего там Светке наобещал?

– А кто будет вставать в три часа ночи, чтобы стать свидетелем и потом по милициям и судам мотаться? Как думаешь? За так – никто, дураки нынче не в моде.

– Ну, а все же?

– Тортики буду отдавать.

– И на пятом курсе?

– До конца обучения в университете.

– Хорошо хоть, что не до конца жизни.

42.

Проходя мимо букинистического магазина, Юрик не упустил случая зайти и потолкаться у полок с литературой.

Главным продавцом, оценщиком и приемщиком литературы в магазине служит человек по имени Володя, с обыкновенной взрослой головой сорокалетнего мужчины, но ростом лишь вполовину от нормального.

Обычно не выросшие люди говорят детскими голосами, однако у Володи бархатистый, свежий баритон, который звучит по всему магазину, представлявшему собой длинный узкий коридор, где двоим покупателям трудно разойтись, и одной маленькой комнатки-аппендикса. В этой комнатке Володя по вторникам, четвергам и субботам принимает книги, и здесь же стоят шкафы с художественной литературой. Вся прочая литература располагается вдоль стен коридора на полках.

Книги по математике в самом конце.

Володин коридор является единственным букинистическим магазином в городе Борисове и для многих жаждущих печатного слова, единственным местом, где можно найти нужную книгу.

Таким образом, Володя пребывает в центре местной библиофильской жизни. Все его знают, и что самое удивительное, он знает всех. Увидев Юрика, сказал ему:

– Вчера сдали много математики, разбросали по всему вашему шкапу.

Юрик кивнул, однако не спешил в математический тупичок, а остался стоять пробкой в узком коридоре, мешая движению посетителей. Дело в том, что только что, без всякого предупреждения, прямо на темячко вылили целое ведро крутого кипятка.

У прилавка спиной к нему стояла сиамская Ольга. Наклонившись вперед, она разглядывала какую-то книгу под стеклом прилавка. Неужели приехала и ходит по

городу, надеясь на случайную встречу? Но зачем, у нее же есть адрес общежития. Бойтся, что прогонит?

Весь обваренный, с перевернутыми мозгами и дымящимся от жара лицом, он сделал маленький шагок к ней, стараясь ни в коем случае не упустить из виду за народом, без конца снующим туда-сюда. Прекрасно зная из снов, что когда люди вдруг, ни с того ни с сего появляются, исчезают они тоже внезапно, без всякого предупреждения.

Мелкими шажочками, как по тонкому льду, дошел, встал рядом, нагнулся над прилавком и заглянул снизу в лицо. Снова палкой по лбу: тресь! Не она. Хотя сзади - точно. Скорее обратно к стенке, прислонился, начал жадно смотреть, и рост такой, и посадка головы, и немного растрепанные волосы, как в первый раз на танцах.

Девушка с чужим лицом вдруг оглянулась, что-то ей сильно в нем не понравилось, отпрянула от прилавка и заспешила на выход. Только дверь пружиной по нервам: бам-с!

Юрик перевел дух. Все бы ничего, сил не хватает на существование. Ощущение появилось, будто не старый он пень, а вовсе древний, иссохший, присесть бы сейчас куда в уголок на стульчик, подпереть голову костылем и долго-долго сидеть, отдыхать, лучше бы, если и вовсе на пенсии оказаться, такое в организме полнейшее онемение наступило. Да где же в этом коридоре-магазине стул найти? Володя и тот не имеет. Носится весь день без передышки, точно угорелый. Что ж такое, черт побери, столько времени прошло, а его хлещет по голове, будто полная кастрюля супа прилетела с пылу с жару. Сколько будет продолжаться?

Новых поступления оказались обычными вузовскими учебниками, в основном сильно устаревшими, которые Юрика вовсе не интересуют, по его тематике ничего нет, зря Володя обещал.

По функанализу стоит довоенный старинный раритет почти с отодранным корешком. Взять, что ли, для развития общей культуры? Два рубля не так чтобы очень дорого. Вполне терпимо. Он колебался.

Или бросить все к черту и сейчас же бежать на вокзал да уехать в Нефтянск первым поездом? Ах, как бы здорово!

Открыл и начал листать. Отложил в нерешительности поверх книг. Тут же сзади из-за плеча просунулась чужая рука, пальто до локтя, вся поросшая жесткими черными волосами, ухватила и утащила. Вот народ, а? Прямо на ходу подметки режет. Результат вечного дефицита колбасы, одежды, мяса, обуви, фруктов, овощей, книг, всего. В избытке одни лишь работы Ленина, Маркса, Сулова да Брежнева о преимуществах научного коммунизма и практического социализма.

– Я уже взял, – предупредил Юрик, не оборачиваясь.

– Извините, только посмотрю.

– Что ж, посмотрите, – разрешил недовольным тоном, что его вынудили купить книгу, которая ему вовсе даже не позарез, когда по-хорошему надо бы поторопиться на вокзал.

Он повернулся, тот за спиной, с заостренным, длинным подбородком, в потертой шапочке все еще листал, шаря очками по страницам, будто потерял там иголку.

– Извините, но я спешу.

С этими словами Погосян забрал книгу, с тяжелым сердцем отправился к кассе. Уж лучше бы на вокзал да в поезд. Однако заплатил, вышел из магазина и, несмотря на легкий морозец, сел на пустынной остановке ждать трамвая. Достал приобретение, принялся листать. Теперь никакой любитель в замотанных изолентой очках не помешает. Среди многих статей в оглавлении, еще в магазине обратил внимание на одно название.

У него защипало в носу. Что-то сегодня все мерещится. Не к добру. Юрик достал красный листок-статью Абрикосова, выпрошенную у Чалиной и вчера только по косточкам разобранный, ручку и стал писать прямо на чистых листах в конце книги. Используя потрепанный довоенный фолиант польского математика, погибшего в концлагере и свеженькую красенькую статейку, из под его руки вышли две теоремы и

одно следствие. Следствие обещало дать уравнение границы дипломного функционального класса. Не веря собственным глазам, принялся выводить...

Мимо проходил добрый человек, из воротника шубы которого поднимался пар, ибо издалека путь держал.

– Трамваи не ходят, зря не жди, – предупредил человек.

– И хорошо, что не ходят, – ответил радостно Юрик, не отрываясь от черкания книжных полей раритета.

Удивительно сошлись вместе старый, позабытый всеми результат, статейка Абрикосова и его голова с перевернутыми от нечаянной встречи мозгами, в результате задача решена даже в более общем виде, чем требовалось.

Кинув книгу в сумку, он побежал бегом в университет, искать Грум-Канавина – делиться радостью.

– Здравствуйте! Можно вас на десять минут? Я тут пару теорем доказал, посмотрите, пожалуйста.

Доставши чистый носовой платок, Грум кивнул, вздохнул, сосредоточился, высморкался и сменил направление движения в сторону кафедры.

На доске Юрик записал сразу обе теоремы и начал рассказывать.

– Откуда у вас такой результат? – остановил в самом начале Грум-Канавин.

Погосян выложил томик, открыл на нужной странице. Шеф внимательно изучил и больше на протяжении всего доказательства ни о чем не спрашивал. Работу Абрикосова, наверное, помнил по семинару.

– Это... не принесет нам чужих точек? – спросил один раз, хмурясь.

– Нет, чужих не принесет, мы только можем потерять не более чем счетное количество точек. Это не страшно.

– Да, пожалуй, не страшно, – задумчиво согласился Грум. – А так, на мой первый, может быть, поверхностный взгляд, ваши построения выглядят вполне привлекательно. Поздравляю.

Он вдруг протянул руку Погосяну. Тот пожал.

– Пришла пора садиться и начинать писать дипломную работу. Теперь материала более чем достаточно. Разумеется, говорю пока о написании черновика. А я займусь проверкой ваших результатов, ибо в новом деле, сами понимаете, как нигде, семь раз отмерь – один раз отрежь. Было бы очень жаль потерять такое, – он кивнул на написанные на доске формулы, которые Юрик стирал мокрой тряпкой. – Потерять из-за какой-нибудь случайной небрежности. Поэтому прошу все оформлять скрупулезно, четко, с предельной ясностью и очень подробно, в уме ничего не оставлять! Все на бумагу. Один экземпляр – срочно мне, книгу тоже оставьте. И пожалуйста, исторические предпосылки поднимите в библиотеке, в качестве предыстории вопроса.

На почтовом столе нашел очередное письмо от Кати.

В комнате общежития надсажалось включенное на полную громкость радио. Толик валялся на кровати, читал Мопассана, и на лице его играла наивная детская улыбка.

– ... трудовой героизм советского народа еще раз показал, что нет границ нашим свершениям! В каждом отдельном регионе страны, в каждой области, крае, республике, коммунистические бригады берут все новые повышенные обязательства к годовщине Великой Октябрьской социалистической револю...

Юрик выключил радио.

– Ой, как хорошо, – обрадовался Шихман, – а я читаю и понять не могу, чего мне до полного счастья не хватает. Оказывается, радио глотку надо было заткнуть.

Юрик распечатал письмо. «Милый, у нас на зимние каникулы назначена конференция в вашем университете. Я приеду к тебе в гости».

– Толик, ты на зимние каникулы домой едешь?

- Естественно. Полечу. Как иначе?
- Молодец. Надеюсь, Кокин тоже. Ко мне на каникулы невеста приезжает.
- Шихман отбросил Мопассана в сторону.
- У тебя есть невеста?
- Конечно. Я уже взрослый человек, диплом пишу, сегодня две теоремы доказал, так что мне можно. Вы уедете все, она приедет, и будет жить в этой комнате.
- Мои поздравления! – бурно возликовал Шихман, но сразу стих, и, помолчав, спросил, пораженный догадкой: – Что, и ночевать будет здесь?
- Шихман, вы задаете глупые вопросы. Что же на ночь она будет уезжать обратно, что ли?
- Извини. Тогда тройные поздравления.

Он сел и составил специальную программу на эти два дня.

Пункты этой программы содержали все замечательные места города Борисова, куда он поведет Катю, и в каждом запечатлит на фото. Художественный музей, краеведческий музей, обязательно пообедают в кафе под пальмами на столе с красивой скатертью, далее посещение кинотеатров, драмтеатра... Слава богу, театра оперы и балета в Борисове нет.

Так, это все ясно, далее – проживание. Разобьется в лепешку, но предоставит ей отдельную комнату! А сам будет ночевать хотя бы у того же Салахова по соседству. Салахов сменил в этом году любителей полночного рока, с которыми Юрик конфликтовал в прошлом году. Кто-нибудь из салаховской комнаты обязательно уедет на каникулы, может даже и все, почему бы не оставить ключи ему?

Надо срочно поговорить с Салаховым.

43.

После очередного собеседования с шефом, во время которого пришлось отвечать на разнообразные каверзные вопросы по поводу своего доказательства и полученного результата, когда он отбил, а настороженные морщины Грум–Канавина разгладились, Юрик предположил, что пришел благоприятный момент спросить о своей будущности. Как то: имеет ли Грум-Канавин планы взять его в аспирантуру или хотя бы рекомендовать кому-нибудь, или что вообще шеф думает на этот счет?

Однако говорить прямо об аспирантуре не совсем удобно, поэтому сформулировал вопрос завуалированно:

– Степан Степанович, а возможно ли мне после окончания университета каким-то образом продолжить свое пребывание на вашей кафедре?

– Пребывание? – удивился. – На кафедре?

И вдруг закатился таким залившимся хохотом, что Юрику в полной мере сделалась ясна неуместность вопроса.

Надо признаться, что так отчетливо хохотать умеют очень немногие люди!

Погосяну оставалось глядеть с грустным видом сначала в рот доцента, потом, ощутив свою невежливость, и вовсе опустить глаза, уперев их в стол.

Какой, оказывается, великолепный раскатистый хохот может производить его шеф!

Хохот имел приблизительно следующее содержание: «И этот человек хочет поступить в аспирантуру! А может даже преподавать на кафедре? После того как хотел отказаться принародно от своего патрона и выбрать другого! После того как пренебрег встречей с прелестной маленькой дочкой Аннетой и игрой в лошадки! После того, черт возьми, как моя жена ...» – далее Юрик не стал расшифровывать хохот доцента Грум-Канавина, загрустив еще больше.

Надо идти в учителя – таков основной тезис данного хохота.

Присутствовавшая на кафедре ассистент Фокс широко и радостно распахнула глаза, в надежде, что и с ней поделятся свеженьким анекдотом:

– А чего вы так смеетесь? Скажите мне, я тоже с вами посмеюсь.

Юрик грустно посмотрел в ее расширенные черные зрачки, слегка пожав плечами, дал понять, что причина смеха ему неизвестна, на шефа просто нашло.

Однако ассистентка не верила и тянула просительно:

– Ну, рас-ска-жи-те...

Доцент Грум-Канавин тоже исчерпал свои возможности, закрыл рот, вздохнул, нахмурился.

– Тогда я пойду? – спросил Юрик.

– Идите... предысторию вопроса... не забудьте изложить подробнее.

Ближе к Новому году Юрик пошел договориться к Салахову о месте, где можно будет перекапаться одну ночь во время каникул, когда его навестит Катя.

Зашел в гости и не поверил своим глазам. В комнате царил ужасающая, невероятная, холодная чистота: пол блестел стеклом, плафон под потолком сверкал и светился ярчайшим двухсотсвечовым светом.

Стол сиял отмытой лакированной поверхностью, на нем сгрудились бутылки водки, и кроме них ничего другого не было. Бутылки тоже светились, внутри них жили волшебные движущиеся огоньки. Воздух в комнате с запахом снега.

Кровати застелены без единой морщинки. Повсеместно царил идеальнейший спартанский порядок, который бывает только в сказочных новогодних историях, да и то, к сожалению, лишь в самом их начале.

На краешках кроватей, чинно сложив руки на коленях, сидели Салахов, Мурат, вылетевший Копытов, да футболист Бобби. Взгляды концентрировались в области стола, у которого стоял Гапонов, и, тыча пальцем, пересчитывал бутылки:

– ... восемь, девять, десять. Должно хватить на начало. Если не хватит, а я к тому времени буду в отрубе, то знайте – портфель под кроватью стоит, там еще есть.

Увидев Погосяна, он тоже ткнул в него пальцем, как в очередной пузырь:

– А вот еще один мальчишка в нашу компанию. Признавайся, Погосян, ты Мальчиш-Кибальчиш, или Мальчиш-Плохиш?

– С утра был Кибальчиш, а к ночи не знаю, что получится, – ответил Юрик, понимая, что попал под какое-то важное, судьбоносное событие.

– А вот, почувствовал, пришел. Мы же с ним еще в абитуре в одной комнате жили, помнишь, Салахов? В душе дрались носками, – произнес Гапон с трогательным выражением голоса, как бы вспоминая о самом розовом дне детства, – а нынче я женюсь, вот собрал мальчишник в общежитии. Где еще? Так что тащи, брат, два стакана, под водку и воду.

– Может, хлеба занять у девчонок?

– Ни в коем случае, мы уже взрослые люди. Запомни, на мальчишник ни одной вещи от девчонок брать нельзя. У меня мальчиши будут пить исключительно чистую «Столичную» и запивать ее холодной водой.

– Что, все свои дома? – торопливо спросил Копытов. – Пора начинать? Тогда закрываемся и поехали.

– Сейчас речь скажу. Значит, так. Все, братцы, прощайте, расстаемся. Женюсь я на красивой, молодой, обаятельной девушке в полном расцвете сил. Ладно, буду краток как никогда. Пропивайте, хлопцы, буйну головушку! Бобби, камера включена, на ту большую кнопку жми и лови торжественный момент.

– А кто будущая жена? – поинтересовался Мурат, застенчиво глядя, как в его стакан булькает струя.

– Жена? Ах, жена. Да нет, не жена еще пока, невеста, если строго по логике рассуждать. У нее двое детей – есть от первого и второго брака, но это для меня лично только плюс. Я их усыновляю в самом ближайшем будущем, и тогда военкомату придется закрыть сезон охоты на призывника Гапонова. Ясно? Смогу прописаться, устроюсь на приличную работу, даже учиться заочно смогу. Выйду наконец из своего контрреволюционного подполья на белый свет!

– За это и выпьем! – мигом встрял Копытов и тут же сильно, с широким замахом чокнулся с виновником торжества, неуловимо плескнув в зубастый рот водку, потом медленно, спокойно, с видимым наслаждением начал цедить воду, будто холодненькое пиво в жаркий день.

Все стали чокаться и пить, Юрик тоже. Конечно, без того наслаждения истинного знатока, что крупными буквами прописано на лице Копытова. Выпив, расселись по кроватям в том же порядке, что и прежде. Копытов принялся разливать по второй. Гапонов остался стоять у стола, думая о чем-то важном, при этом держа себя за лоб.

– Все равно второй ребенок, кажется, мой, – продолжил он, – во всяком случае, подруга на то сильно намекает. Мы с ней давно вместе. Еще при первом муже началось, в конце его срока.

– Здорово.

– Да ничего особенно здорового я не вижу. Ей уже двадцать восемь, мне двадцать один. Зато капитал в виде двоих детей, а значит, вечная отсрочка от армии выходит, квартира, документы чистые, работу приличную мне подыщет, даже налог на бездетность не платить и, самое главное, прятаться не надо. Легализуюсь по полной программе. Надоело до смерти по ночам трястись.

– Короче говоря, амнистия выйдет и полный ажур.

Гапонов открыл сразу пару бутылок, после чего продолжил свои рассуждения уже другим тоном, будто усомнился в истинности неких ценностей:

– Мать узнает – сразу в обморок, отец убьет на месте.

– Ты им не будешь сообщать?

– В лучшем случае лет через пять.

Юрику вдруг сделалось тепло, а на душе жалостливо.

– Может, лучше в армию сходить? – предложил очевидную глупость в порыве сочувствия.

– Э, нет, чур меня. Здесь дело принципа. Сколько бегал, и все без толку, что ли? Ладно, братцы, пора еще пропустить по одной.

Юрик никогда прежде не запивал водку водой, занюхивал обычно хлебом, а теперь ему понравилось. Главное, горечи нет. После второго полстакана он чувствительно захмелел, отчего не дошел до своего места, а присел на кровать сразу рядом с Бобби.

– О, Бобби, привет! А ты знаешь, что тебя в холле две девушки ждут?

– Да надоели! Вот прицепились!

– Буду работать и детей воспитывать, – подытожил свой монолог Гапонов, – пора начинать вести здоровый образ жизни.

– Девушки! – обрадовался Копытов. – Так давай их сюда!

– Идиот, мальчишник без баб проводят.

– Дурак, мальчишник без невесты проводят, но с бабами. Это точно.

– Копытов, разливай лучше, – подсказал Бобби, – моих персональных девиц оставь в покое.

Мишка резво подскочил, утерял равновесие и чуть не опрокинул стол набок. Однако в полете каким-то невероятным усилием все же смог предотвратить соскальзывание бутылок на пол, за что и получил благодарность в виде крепких ударов по спине и выражений: «Ну, ты, Копыто, орел!» Испытав тяжелую нервную встряску, принялся разливать, время от времени бледнея и содрогаясь шеей – представляя, что было бы с ним сию минуту, когда бутылки с водкой разбились.

Только что Юрик для себя решил, что ему лично хватит хлестать водку стаканами, пора сделать небольшой перерыв, а вот стоило народу кинуться наперегонки к столу, и он снова подхвачен всеобщим энтузиазмом.

Теперь полагалось выпить половину граненого стакана стоя. Дозволялось держаться при этом за спинки кроватей. Юрик сделал все как положено, после чего стены прямо на глазах перекрасились в розовый цвет. Сколько ни мотал головой справа налево и сверху вниз, остались такими до конца.

Он опустился на кровать, изо всех сил стараясь не упасть ниже, и подумал, что если жрать водку без закуси, то на жизнь потребуется очень немного, буквально сущие мелочи.

– Что-то жарко стало, открывай, народ, окно.

Окно открыли. Снег с уличной стороны подоконника лежал тоже розовый. В комнату резко дунул морозный ветер, приятно освежая горячие лица.

– Какой у нас здесь этаж? – храбро свесился вниз по пояс Копытов, – второй, кажись? А внизу снега полно намело. Кто сможет прыгнуть и не разбиться?

– Придурок, пятый этаж.

Все, кто мог, столпились у окна. Юрик остался сидеть, цепляясь за кровать.

Бобби заскочил с ногами на подоконник.

– Что там, сугроб внизу большой? Как думаете?

– Да не видно толком, все же белое кругом.

– Не надо, – сказал Гапонов, – погоди немного. Я на камеру снимать буду, сейчас вот включу только.

Латыпов посмотрел на Юрика вопросительно: что, мол, сидишь? Тот встал и тоже направился к окну.

– Лучше я пройду по карнизу до угла и обратно, – сообразил Бобби. – Это интереснее.

– Э-э-э, – заикал Мурат, – свалишься!

– Точно, – поддержал его Юрик, – и прощай тогда футбол!

Но Бобби уже разогнулся в окне, насколько это было можно сделать, развел руки в стороны.

– Запросто пройду. Только, мальчиши, чур, окно не закрывать!

Мурат с Погосяном одновременно схватили его за ноги и повалились на кровать, стоящую под окном. Бобби рухнул животом на подоконник. Ноги футболиста оказались мощнее, чем они предполагали, но все же двоих в таком положении он расшвырять не смог. Заорал от души:

– Зубрежники! Чистюли, слабаки, бабы! Отпустите, что ли? Ладно, отстаньте, давайте выпьем еще!

Потом замолчал.

– Э, смотрите-ка, народ, газон подошел патрульный. Вояки в общагу идут.

– Врешь! – Гапонов с камерой перегнулся через него.

Бобби дернулся ногами, как морской лев хвостом, Юрик с Муратом отлетели к двери, гапоновская камера ушла вниз вместо Бобби, но Гапонов даже не обратил на это внимания.

– Заложили меня, – вскричал он, – мужики, облава! Хотят забрать прямо с мальчишника! Что делать?

Бобби упал с подоконника сначала на чугунную батарею центрального отопления, потом на кровать, поэтому сразу оказался трезвее всех.

– Мы пьем дальше, – сказал он первое, что пришло в голову после удара о чугунное колено. – Копытов, дуй в холл к девушкам, да придержи их там, чтоб не высовывались. Гапонов с Юриком переходят тихо в соседнюю комнату и ложатся спать. Ни гу-гу там, понятно?

Копытов заржал радостным жеребцом, вырвавшись на зеленое приволье, и побежал приставать к девицам. Погосян перевел к себе Гапонова и уложил на кровать Христенко. Шихман раздраженно моргал на электрический свет.

– Это спит у нас Христенко, – объяснил ему ситуацию Погосян.

«Христенко» мигом разделся и юркнул под одеяло, натянув его себе на макушку. Как всегда, Кокина не было на месте, но сегодня этот факт Погосяна совсем не опечалил. Кое-как раздевшись, он выключил свет и на ощупь полез в постель, давая громко устную клятву: «Никогда в жизни больше не буду пить!» Его мотало и било то об кровать, то об стену, как в шторм маленькое суденышко, пока не повезло угодить лицом в подушку.

– Тихо ты! – прошипел Гапонов, – угомонись. Будем слушать звуки родной природы.

Звуки природы не заставили себя долго ждать. Пара сапог прогрохотала со стороны главной лестницы, другая со стороны черной, сошлись у соседней комнаты.

– Ах, заложили все-таки, – восхитился Гапонов. – Ах, гады вы, гады!

Юрик не стал уточнять, кто конкретно.

– А вот не пушу! – заорал из соседней комнаты Салахов, – не мешайте людям отдыхать после трудового учебного дня. И попробуйте ко мне вломиться, милицию вызову!

– Мальчики, открывайте, – раздался голос комендантши, – паспортная проверка.

После мгновенного замешательства толпа из коридора вошла в комнату, грозно топая сапогами.

– Сейчас там не найдут и придут сюда, – прошептал Гапонов. – Пора сматываться!

– Лежи спокойно, а лучше даже спи.

– Да они возьмут меня прямо здесь, на кровати, чуть тепленького. Вручат повестку в собственные руки и тут же увезут на приемный пункт.

– Спи, а?

– Ох, чувствую, заберут сегодня. Перед самой волей.

Словно в подтверждение этих слов в дверь отрывисто постучали.

– Кому там не спится? – спросил Шихман недовольно. – Чего надо среди ночи?

– Открывайте, товарищи студенты, паспортная проверка, – сказала комендант злым голосом, видно, и ей надоели ночные происки военкомата. И явственно зевнула.

– Ишь ты, все силы привлекли, – пробормотал Погосян, – а красные флажки, интересно знать, по коридорам развесили?

– Сейчас, минуточку.

– Зачем я так нажрался? – удивился напоследок Гапонов, – сейчас бы руки в ноги и по головам ушел трезвым. Черта бы с два меня поймали.

Шихман поднялся в длинной тоге из простыни, включил свет и открыл дверь, представ на всеобщее обозрение величественным и вальяжным римским сенатором. Под напором превосходящих сил противника попятился задом, сел на кровать, уже напоминая растолстевшего завмага, отдыхающего в предбаннике за хорошей кружечкой пива, достал из чемодана паспорт и предъявил капитану, на рукаве которого повязана красная патрульная повязка.

Капитан с интересом прочитал вслух:

– Шихман Анатолий Моисеевич. Место рождения город Киев. Очень приятно познакомиться, так, военнообязанный...

– Учусь на кафедре военного образования университета по специальности лейтенант запаса ракетных войск.

– Серьезные войска, уважаю. Но не завидую. Придется годика два в дальневосточной тайге на точке покуковать. День и ночь ждать команды на красную кнопку нажать. А это даже хуже, чем нам здесь по ночам всяких там... – достал бумажку... всяких Гапоновых отлавливать. Кстати, Гапонова Валерия не видели сегодня?

– Его давно отчислили, – пробормотал Погосян не своим голосом, – он в общежитии не живет.

– Это точно, – комендант зевнула, мелко потряся головой, – а здесь все наши ребята, студенты мехмата.

Солдат, который до того стоял тихо позади начальства, вдруг резво прошелся по всей комнате, заглядывая под кровати, а потом быстро открыл и закрыл дверцы шкафов. Никого не обнаружив, притулился к косяку с очень скромным видом.

– Ваши документы? – покосился капитан на Юрика, а паспорт взял осторожно. – Погосян? Юрик Артурович? Из Армении?

– Нет, из Петровска.

– Точно. Вот, поди ж ты. Все смешалось в доме графьев Облонских. А точно ли студент, вот в чем вопрос? Недавно на базаре точь-в-точь такого как ты видел, случаем яблоками не торгуешь в главном павильоне? А тогда предъявим студенческий билет или зачетную книжку, проверить надо, не уклоняется ли гражданин от выполнения почетной обязанности?

Юрик вздохнул коротко, задержал дыхание и, наклонившись, быстро вытащил из чемодана зачетку.

Капитан листал так долго, будто принимал на работу в свой ночной патруль.

– Смотри-ка, отличник, ясно, почему такой худой. Что, братцы студенты, гулять так гулять? Официант, нам стакан киселя и десять ложечек?

Шихман с Погосяном вежливо рассмеялись, Гапонов промолчал, изображая спящего Христенко, а солдат у дверей так и покатился со смеху.

– Питаться надо лучше, товарищ Погосян. Армия и девушки дистрофиков не любят, зарубите это себе на носу.

«А пить закусывая», – подумал про себя Юрик, у которого голова кружилась от каждого наклона в чемодан.

Свежеокрашенная в рыжий цвет комендантша зевала практически беспрерывно, не отводя ладонь ото рта.

– Тут кто у вас спит как сурок?

– Это пятикурсник Христенко. Он уже прошел военку, практически лейтенант запаса ракетных войск. Устал очень, подрабатывает дворником неподалеку, снег гребет на своем участке.

– Он у меня в прошлом году дворником состоял, – вспомнила и комендантша, – хороший парень, ответственный. Пурга – не пурга, буран – не буран, в шесть утра, как штык уже, знай себе, лопатой наворачивает.

«Христенко» спал зубами к стенке, крепко охватив подушку руками. Видны были только каменные застывшие желваки. Настоящие, командирские. А также стриженный затылок. Предчувствовал что ли? Перед мальчишником остриг свои длинные волосы под полубокс.

– Все же придется разбудить лейтенанта запаса, – сказал дотошный военкоматчик.

– Давайте я его паспорт вам достану из чемодана, – предложил Шихман, – жалко же человека.

– Ничего, пусть привыкает к тревогам военной службы, скоро все равно призовут. Помните, как Александр Васильевич говорил? Тяжело в учении – легко в бою!

– Вам хорошо рассуждать, – пожаловался Юрик, – вы разбудите его сейчас и уйдете, а он разозлится и начнет нас тут до утра строить и учить по одной плашке ходить. Я, к примеру, освобожден от армии по состоянию здоровья, точнее говоря, годен к нестроевой в военное время. А тут такая строевая учеба начнется, что врагу не пожелаешь. Вот представьте себе, генерал устал, спит, а вы – хоп, на ноги его ставите и трясете, что будет хорошего?

На этих словах дверь бабахнула, распахнулась, оглушив единовременным ударом по спине и голове, стоящего сзади скромного солдата.

– Твою мать! – воскликнул он не по уставу, отлетев на середину комнаты.

Довольный собою Кокин, руки в боки, стоял на пороге, щурился, что-то жевал, сам черт ему не брат!

«Сейчас предложит патрулю сухарь», – восхитился Юрик, как никогда радуясь внезапно вторжению Шалтая. Голова кружилась, слегка подташнивало.

– Кто такой? – спросил сурово капитан, – фамилия? Отвечать быстро! Гапонов?

– Нет, Кокин я! – отвечал Кокин, роняя голову то на правое, то на левое плечо, разглядывая патруль со всех точек зрения.

– Предъявите документы.

– А это... паспорт того... посеял.

– Потерял? – даже обрадовался капитан. – Так это замечательно! Просто здорово! А студенческий с зачеткой воры выкрали в трамвае?

– Почему? – удивился Кокин. – Нет, – грохнулся как всегда задом на свою кровать, задев затылком стену и завыл: – Ой-ей-ей!

Но сочувствия на лицах военных не обнаружил.

– Гражданин, предъявим документы, или пройдемте с нами для выяснения личности, что вы не Гапонов.

– Сейчас я, сейчас, – Кокин вырвал из-под кровати туго набитую сумку и принялся в ней с ожесточенным видом рыться.

Само собой разумеется, ничего похожего на документы не нашлось. Вытряхнул содержимое горой на кровать. Тот же результат.

– Нет, не здесь! Значит, в тумбочке!

– Эх ты, бестолочь, – рассердилась комендант, не любившая беспорядка, – все бы тебе по лестницам носиться, орыльничать круглые сутки. Когда ты только учиться ходишь?

– Нет, и в тумбочке нет. Значит, в шкафу тогда. Наверное.

– Значит, на учебу не ходит? Все ясно с вами. Пройдемте, гражданин Гапонов.

– Я не Гапонов.

– Военкомат разберется, кто есть кто.

– А, подождите, вспомнил! У меня зачетка в пальто! Я ее уже месяц в кармане ношу, так как студенческий билет потерял и читальный тоже. У меня их, наверное, вытащили воры. Поэтому я везде по зачетной книжке хожу, если спрашивают.

Капитан сурово наблюдал за Кокиным, пока тот рылся по карманам пальто, курток и даже брюк, повторяя: «Да где же она? Вчера только здесь была!», выбрасывая одежду с вешалок на пол и чертыхаясь.

– Хватит концерт мне здесь устраивать, одевайся, пойдем, – пихнул солдат Кокина к двери, – там разберутся.

– Где? Э... вы... скажите им, что я Кокин, – обратился он к Шихману и Погосяну.

– Так я им и поверил. Знаю круговую поруку, – отмел последнюю попытку капитан, – вежливо помогая ему одеть пальто и препровождая из комнаты.

– Кокин я! – продолжал настаивать Кокин на своем.

Но его вывели под руки, дверь закрылась.

– Лично я паспорта этого гражданина в глаза не видел, – молвил Шихман, закрывая дверь следом, – может, он, конечно, и Кокин, а может, и какой-нибудь подпольщик Гапонов. Кто их, чертей, знает, правда? Эх, теперь на воронке с ветерком прокатится, шахер-махер. Как в тридцать седьмом.

Гапонов повернул застывшее маской лицо и погрозил ему кулаком.

– Дай водички... – прохрипел он, – умираю!

– А фиг ли ботик потопили? – философски констатировал Толик. – Куда все стаканы делись? На, пей из бутылки. Да сядь ты на кровати, лейтенант запаса, обмочишь

ведь всю постель. Христенко опять орать на нас будет. Скажет, растудит вашу мать, какой ссыкун у меня здесь ночевал?

44.

После ночного посещения военкомата Кокин вернулся притихшим, хотя провел там всего несколько часов.

Сказал, что спал на стуле в коридоре, утром пришла столоначальница, нашла его карточку персонального учета, сличила физиономию с его же фотографией. Вроде бы ничего с ним не сделали особенного, но Кокин заметно переменялся, на некоторое время бросил болтать руками-ногами, заговорил нормальным голосом и даже попытался взяться за учебу. Юрик не поверил глазам, увидев его сидящим в читалке над книжкой.

Однако затяжное празднование Нового года все вернуло на круги своя – опять Шалтай-Болтай носился по коридору во главе буйной компании, непонятно, то ли дрался со всеми, то ли так шутил, выбивая, как бы случайно навалившись, двери, получал от хозяев по сусалам, сразу валясь на пол с воплем, что лежачих не бьют. А в сессию тоже, как бы шутя, лихо завалил два экзамена из четырех, став кандидатурой на вылет из университета напрямиком в весенний призыв.

Пересдавать экзамены даже пытаться не стал: «Потом успею!» И в самом прекрасном настроении укатил домой, в южный город Фрунзе.

Христенко и Погосян сдали государственный экзамен по научному коммунизму. Ответственный человек Христенко притащил кучу каких-то конспектов, оставшихся от предыдущих поколений, толстых книг, брошюр с ленинскими работами и читал все это, охлаждая быстро перегревающийся от вранья мозг водопроводной водой, сильно пахнущей хлоркой, прямо из молочной бутылки.

Юрик ничего не читал и читать не собирался, но получил пять за счет хорошо подвешенного языка, а Христенко четыре, потому что когда его спросили об экономических достижениях любимой страны в эпоху развитого социализма новейшего времени, смутился, покраснел и сказал: «Ну, это, конечно факт исторический, платить стали больше».

Меньше четверки не ставили никому.

С негаданной радости Валера тут же купил бутылку вермута, – обмыть последний в жизни экзамен. Пару буль-булей с ним выпил знающий норму Шихман, а Юрик отказался категорически, ужасающая память мальчишника была слишком свежа.

– Не хотите, как хотите, – Христенко энергично наплескал в стакан вторую порцию.

Он сидел за столом лицом к Погосяну и Шихману, а те полулежали на стульях напротив, рассматривая его в прищур, как пожилые люди смотрят всем хорошо известный цирковой фокус по превращению белого кролика в розовую свинью, который им довелось наблюдать еще в раннем детстве. Христенко долго изучал содержимое стакана, хмыкал, вращал вино, нюхал запах, изображая из себя знатока.

– Не верилось, что доживем до такого исторического момента, – сказал он наконец и выпил. Поставил стакан на стол. – И сейчас не верится, что больше экзаменов не будет. Эх, диплом бы написать!

Юрик насчет диплома не волновался. Предысторию он соберет и дело в шляпе, правда с наукой вряд ли получится, но в данный момент это его не трогало: время есть, что-нибудь придумает.

Гораздо более важным казался скорый приезд Катеньки в гости на конференцию. До окончания университета осталось совсем ничего, какие-то полгода. А после они поженятся. Поженятся? Да? Или нет? Преград никаких. «Все станет окончательно ясно, когда она приедет. Сейчас самому непонятно, хочет ли он вообще жениться».

Размышляя о грядущем приезде Катеньки и делах этому сопутствующих, иной раз незаметно для себя переходил на отрезанного сиамского близнеца: эх, жалко человека, ни за что пострадала, дура этакая. Чего так вцепилась в него тогда? Пальцы прямо белыми крючочками сделались, как у ненормальной, мыслимое ли дело так себя вести? И давай рыдать! И как! До сих пор в жар кидает и колотить начинает, стоит вспомнить весь этот ужас.

Нет, с такими круглыми дурами дело иметь нельзя. Как белый день ясно, что барышня психопатка. Всю жизнь испортит. Будет истерики закатывать ежевечерне: где был да на кого посмотрел, почему долго не звонил? По определению шизофреничка стопроцентная. Стопроцентная шизофреничка. Рыдала в урну! Разве нормальный человек станет рыдать в мусорку? Жалко, конечно, кто спорит, но лучше от нее держаться подальше. Он же не идиот, все отлично понимает. Хотя... Вот именно это «хотя...» страшно действовало на нервы.

Несколько дней выдались совершенно свободными. Погосян пребывал в одиночестве: Кокин и Шихман разъехались по домам, Христенко опять перешел жить к подруге, Салахов Колька отдал ключ от их комнаты и тоже уехал. Было время сесть за диплом, однако Юрик так и не смог выбрать времени для изучения предыстории вопроса.

То размышлял на абстрактную тему: куда пойдут с Катей, то вспоминал о близнеце и при этом ругался вслух, даже кричал, у него резко падало настроение, хотелось сотворить что-то дурное, кокинское, бегать по коридору и биться головой о стены, лишь бы избавиться от злосчастных воспоминаний. В одиночестве жить оказалось гораздо труднее, чем в компании, и отнюдь не спокойнее, хотя прежде он полагал обратное.

45.

Наконец приехала долгожданная Катя!

Юрик заметил ее в вагонном окне, несмотря на новую, неизвестную ему прежде дубленку с белым мехом на воротнике, тотчас узнал и побежал за вагоном по перрону. И встречающие, и отъезжающие тоже все побежали, возник кратковременный хаос, но Юрик не выпустил из поля зрения вагон и оказался у дверей одним из первых.

Двери долго не открывали, оказалось, что пассажиры, везущие очередную порцию яблок и мандаринов на третьих полках, перетащили в тамбур все двенадцать мест груза, в результате чего заблокировали выход.

После ожесточенной ругани проводницы на кавказцев, доставивших свой товар в пассажирском поезде в качестве ручной клади, и ответных гортанных криков на незнакомом наречии, пассажиры были освобождены из заключения. Встречающие кинулись к проходу, но их оттеснила тележка, и товар с величайшей осторожностью стали на нее перекладывать.

Доверху груженная тележка отъехала. После тюков следовали пять штук чемоданов и столько же сумок, а с ними пожилая женщина в потертой искусственной дохе и шали, которую никто не встречал.

– Помогите, люди добры! – закричала она призывно.

Люди добры – передний мужик, похожий на школьного учителя труда Петра Николаевича, и Юрик, начали освобождать проход, отгаскивая чемоданы в сторону.

– Женщины, посмотрите там, чтобы не утащил кто!

Но, видно, надежд на женщин у нее было немного, и тетка в дохе начала спускаться задом наперед, повиснув на поручнях, по трем ступенькам, сваренным из железных прутков.

– Ох, боже ты мой, вот мучения где! Убьюся сейчас! Поддержал бы кто, а?

– Тебе, старая, перрон подавай, как в Москве, чтобы ровненько шаг ступил и на платформе оказался? Не будет такого никогда, рылом не вышли!

Следующей над обрывом оказалась низенькая старушка в белом узорном платке и норковой битой молью шапочке набекрень. А уж за ней стояла Катя, похожая на Снегурочку из сказки. По низу дубленки шел кант пушистого белого меха, на рукавах тоже, шапочка белая в белом же пушистом воротнике. Глазами выискивает Юрика, а он пока крутился, оттащивал теткинны чемоданы, оказался крайним в толпе.

Катя оглядывала округу с легкой полуулыбкой надежды, говорящей: «Встретят – хорошо, не встретят – сама дойду».

Все граждане, столпившиеся у вагона, взирали теперь на Снегурочку, забыв свои наказания и страхи, по поводу того, что кто-нибудь обязательно залезет вперед и займет чужое место: на билет надежды нет никакой.

Жизнь в Союзе неважнецкая, ниже среднего уровня, а девушки на удивление: смотришь, и душа радуется. Лишь это и примеряет с действительностью: вагоном, забрызганным осенью грязью от колес до самых окон и так замерзшим на всю зиму, из которого не успели пассажиры выйти, а проводница мокрым веничком грязь убрать, как новые тут же набьются битком. Свисток – и в обратный путь, кочегарь печку, под лавкой уголь!

Юрик силой продрался сквозь толпу.

– Ты чего? – удивился «Петр Николаевич», когда Юрик оттеснил его плечом и пошел вперед.

– Надо, – ответил Юрик, не оборачиваясь.

Принял вещи, помог спуститься по железным приступкам. При себе Катя имела одну небольшую сумку и портфельчик. Юрик перекинул вещи в левую руку и, протянув правую, радостно поинтересовался:

– Как доехала?

– Нормально. Мне бы сейчас в университет, отметить в оргкомитете о прибытии.

– Я провожу.

– Ты занят сегодня?

– Сегодня? Тобой. Других дел нет и быть не может.

В университете секретарь конференции спросила ее:

– Вам нужно место в общежитии?

– Нет, – сказал он, – у нас есть где жить, и это рядом с главным корпусом.

– Замечательно, – отозвалась секретарь, ставя галочку, – тогда вот вам программа с расписанием работы секций, начало завтра в девять утра. На открытие очень просим быть, не опаздывайте.

– Ты выступаешь с докладом?

– Нет, но доклад войдет в сборник, который выпустят по итогам конференции в качестве статьи. Времени не хватит всем выступить – один день всего. В девять начало, в три уже завершат.

– Тогда пойдем, оставим вещи? Комната сейчас пустая, в твоём полном распоряжении с сегодняшнего дня. Кстати, если есть желание, можешь остаться и пожить подольше.

– Билеты куплены на завтра. А ты где будешь ночевать?

– В соседней комнате, Салахов домой поехал, оставил ключ и койку в наследство.

– Никогда не жила в общежитии, – сказала Катя, оказавшись в нижнем холле, проходя мимо санэкрана, – а здесь у вас очень неплохо. Это пельменная?

– Буфет. Здесь едят лишь в самом крайнем случае, когда совсем нет времени.

Юрик беспрепятственно провел Катю мимо вахты в комнату. Катя подарила ему шарфик. Он помнил о программе:

– Давай сходим в кафе, посидим там, отдохнем. Я возьму фотоаппарат, сфотографируемся.

В кафе, куда Юрик прежде заходил всего один раз, цены гималайские, зато посетителей днем немного и свободные столики всегда в наличии.

Они разделись в гардеробе. На ней оказалось нечто серебристое, похожее на рыбью чешую, средней длины, облегающее фигуру и фосфоресцирующее в свете неона, не позволяя даже пристальному глазу точно определить контур тела. Явно платье для ресторана. Но, зная, что в ресторан они не пойдут, Катя надела его сюда. Скинув дубленку с плеч ему на руки, она обернулась, вопросительно вскинув глаза. Юрик подмигнул ей с восхищением.

Вино днем не продается и практикуется половинное самообслуживание. Быстро оглядевшись, Юрик выбрал дальний столик у огромного окна под пальмой.

Взяли обычный комплексный обед: шницель с картофелем фри, фаршированный перец, салаты и по стакану апельсинового сока.

– Здесь очень мило, – сказала Катя, когда они сели, – зелено, будто в оранжерее и музыка. И на улице тоже романтично, смотри какой удивительно белый лежит снег! Молодежи у вас в центре больше. У нас из-за шинного завода снег черный.

– Да, – сказал он, – я помню.

В песне повторялись одни и те же слова «навсегда вдвоем». Ее крутили чаще, чем другие, практически через раз. Юрик с интересом смотрел на Катю: ее платье, казалось, само производит свет, который привлекает даже уличных прохожих, заглядывающих сквозь стекло.

– Понравился город? – спросил он.

– То, что видела, да. То есть вокзал, университет, общежитие и это кафе. Белые сугробы по краям тротуаров создают почти домашний уют. У нас в Петровске сейчас весь снег подчистую выскребают с центральных улиц. Как один бескрайний каток получается, а по нему машины несутся с трамваями наперегонки.

– Значит, ты практически уже поступила в аспирантуру?

– Еще экзамены сдавать надо будет, но в принципе можно сказать, что так.

– И учиться будешь в Петровске.

– Аспиранты половину времени проводят в разъездах по библиотекам и конференциям. А ты будешь поступать здесь, в Борисове?

– Скорее всего, домой приеду... работать надо... да хоть кем... хоть учителем в школе.

– Так и знала. Это ведь из-за профкома случилось, да? Я же говорила тебе, что надо сжать зубы изо всех сил и перетерпеть неприятности. Но ничего, – она протянула руку и дотронулась до его руки, – для мужчины начать учителем – это сейчас очень перспективный старт. Мужчин в школах мало, там их быстро продвигают вверх, дают вступить в партию. Папа говорит, у нас в Петровске половина горкома партии – выходцы из учителей. Это считается хорошей школой жизни.

Снова повторяли «навсегда вдвоем». Катя замерла с вилок в руке, слушала.

– Тут заказывают музыку?

– Нет, в автоматическом режиме крутят. Сегодня у нас большая программа знакомства с городом, сил потребуется много, так что ешь лучше.

– Ты сразу после окончания вернешься домой? – быстро спросила Катя.

– Если ничего не выйдет с аспирантурой, конечно.

Убиравшая посуду официантка подошла к их столику и поставила маленькую вазу с зеленой веточкой мимозы.

– Спасибо, – обрадовалась Катя, – просто чудо!

– С утра забыли сюда поставить, – пояснила официантка, внимательно разглядывая ее переливающееся платье, – пальма большая, закрывает этот стол, с раздачи и не видно. А как вы сели, сразу все заметили, – она забрала освободившиеся тарелки и ушла.

После кафе они сделали большой круг по центру города. Юрик фотографировал Катю рядом с памятниками, на скамейках заснеженных аллей и просто рядом с голубыми елями.

Когда предложил ей на выбор кино или выставку картин, она без колебаний предпочла последнее.

В галерее прохладно. Раздеваясь в гардеробе, Катя оставила на шее шарф и отважно отправилась в путешествие по нарисованному БАМу. Юрик терпеливо следовал за ней от картины к картине, из зала в зал. На огромных полотнах были изображены отдельные люди и группы людей, в основном мужчины, стоявшие неестественно прямо, как если бы всех их до единого перед началом живописного сеанса заставили проглотить по длинному лому.

– Не делай, пожалуйста, такое лицо, – посмеивалась Катя. – В качестве учителя и классного руководителя тебе надо будет приобщать детей к прекрасному, посещать с ними выставки и театры и устраивать потом тематические дискуссии.

– Упаси бог. Лучше в аспирантуру.

– Естественно, лучше. Но везде надо работать, засучив рукава, а ты природный лентяй. Помнишь? «Что б воду в ступе не толочь, душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь».

– Слушай, неужели на БАМе болезнь заразная такая?

– Какая?

– Ну, когда позвонки срастаются друг с другом от копчика до черепа. Смотри, у всех строителей линия, соединяющая спину и голову, есть прямая, как по линейке.

– Мне кажется, тем самым художники хотели выразить пафос созидания и гордость строителей своей работой.

– И для этого срубили всем затылки, как топором обтесали?

Сбоку, из-за наставленных картин выскользнул довольно подвижный старик с всклокоченной шевелюрой и седой бородой:

– Не только затылки пострадали, ведь темечко тоже срубили. Разве пафос созидания присущ лишь людям с квадратными затылками? У меня вот есть еще пока затылок и темя нормальное, и у вас есть, а здесь ни у кого нет, все как под копирку сварганены. И шеи вывернуты, будто волчьи. А видели вы где-нибудь такую ужасную ногу? Ее тоже топором обрабатывали, да, видно, плотник плохой попался, до гангрены дело дошло. Смотрите, коричнево-красная!

– Мужчина, – попрошу не выражаться на произведения и не нарушать распорядка работы зала, – предупредила хранительница в желтой кофточке и синей юбке, – раз для вас непонятен стиль героических буден.

– Почему-то стиль Рубенса сразу всеми постигается, Рафаэль с Васнецовым тоже ясны, а вот стиль героических буден действительно непостижим. Потому что его не существует. Ибо это обычная халтура бездарных малевателей.

– Вы не смеете так говорить, – нахмурилась хранительница.

– Смею, ибо я зритель, а значит имею право выразить свою точку зрения открыто и публично.

– У себя дома высказывайтесь сколько хотите на кухне, а здесь должно быть тихо.

– О, у вас диссиденты есть, – сказала Катя Юрику тихо и уважительно посмотрела на косматого человека.

– Вы когда-нибудь видели работы Васильева? – поинтересовался тот.

– Нет.

– Эх, Россия, – человек махнул рукой обиженно то ли на них, то ли на хранительницу и выбежал в расстроенных чувствах из зала.

Но Юрик с Катей все же нашли луч света в местном темном царстве. В конце лабиринта из огромных полотен висели три скромных пейзажа прибайкальской тайги.

Катя написала в книге отзывов полстраницы, восхищаясь ими.

– Понимаешь, – пояснила она, – художники должны знать, что их картины нужны людям, поэтому я всегда стараюсь поблагодарить их добрым словом.

Он думал о следующем пункте программы – вареной курице, что висит в форточке, завернутая в бумагу, которую воробьи с синицами могут проклевывать.

Зашли в магазине и купили торт, последний, который еще оставался на витрине. Очень приличных размеров. Люди подходили, смотрели на него и отходили: “Нет, ну куда такой?” На торте множество розочек и надпись: “На счастье!” Коробка, в которую его запаковала продавщица, оказалась вовсе невероятно огромных размеров.

– Не съедим же, – переживала Катя, – холодильника нет, испортится.

Юрик не беспокоился на данный счет, и предчувствие его не обмануло. На последней прямой к общежитию их догнали Светка Немцова с Ленкой.

– Юрик, уговор помнишь?

– Какой уговор? А... это вы с Шихманом пакт заключили, и только на то, что он получает из дома в посылках. А данный праздничный торт куплен в магазине.

– За кого ты нас принимаешь? – обиделась Светка, – но пригласить соседку на чай можно?

– И меня за компанию тоже, как старую боевую подругу, не раз выручавшую тебя из всяких переделок. Как ваш тортик называется? А то мы идем и спорим, чего там Юрик тащит, бедняга, пылесос или швейную машинку для семейной жизни?

Погосян с недоумением посмотрел на Ленку, потом на коробку, к которой оказалась приклеена этикетка с надписью: «Торт свадебный». А, так вот откуда надпись: «На счастье!»

– Юрик, почему не представляешь нас своей девушке? – поинтересовалась вконец обнаглевшая Немцова. – Ладно, от тебя точно не дождешься хороших манер, я Светлана, а это Елена.

– Катя. Вы заходите, девушки, на чай, все равно нам такой торт двоим не осилить.

– Поможем, – деловито согласилась Ленка, – мы очень обязательные в этом отношении, чем можем, обязательно поможем. Раз у вас такое дело намечается, – она кивнула на этикетку, – то мы и винегрет сделаем.

В общежитии Юрик отправился на кухню ставить разогревать курицу в духовку и кипятить чайник. Все включил, сел на подоконник и стал ждать. Воробьи курицу не поклевали, но это еще не значит, что деликатес можно оставить безнадзорным на кухне и его не сопрут. Два раза подряд удача может не выпасть.

Вдруг появился Гапонов с чайником.

– Черт, – сказал он, – только одна маленькая конфорка свободна. На ней после дождичка в четверг чайник закипит.

Юрик удивился:

– А ты чего здесь? Ты же женился?

– Женился. Но временно живу в комнате Салахова. Ночью даже со всеми удобствами, то есть с женой.

– ?

– Да, говорят, капитан Чмух поклялся на воинском уставе забрать меня в этот весенний призыв, пока не успел еще никого усыновить. Квартиру военкоматчики вычислили, куда я женился, пришлось временно переместиться опять сюда. Дежурят там, ну и пусть ловят. Салахов ключ дал, комната пустая пока, вот жена наезжает, на два фронта работает, там дети, здесь я. Это твой чайник?

– Мой. Да попьешь чай с нами. Ты лучше скажи, сегодня жена к тебе придет? Видишь ли, Салахов и мне ключ дал, у меня гости, я хотел на его койке переночевать.

– Не получится, – с хода отменил предположение Гапонов, – обещалась прийти с ночевкой.

– Тогда, конечно.

– А к тебе кто приехал?

– Девушка.

– Чья девушка?

– Моя...

– Вот оно что. Ну, ты даешь, я на тебя Салахову пожелаю. Спи дома, понял? Во всяком случае, до той поры, пока тебя не начнет разыскивать военкомат. А чем это так вкусно из духовки запахло?

– Курицей, у нас и винегрет будет, и торт.

– Она в гости приехала?

– На студенческую конференцию выступить.

– Ага. Ясно, что мы совсем безголовые? Понимаем. Ужинать собираетесь? Тогда давай мои рыбные котлеты с твоей курицей вместе разогреем?

К рыбным котлетам, курице и винегрету Юрик выставил на стол бутылку токайского вина.

– За здоровье молодых, – произнесла первый тост Светка и многозначительно посмотрела на Катю.

– Катя, от угла отодвинься, а то замуж не выйдешь. Посадите Гапонова на угол. Он уже женился, хватит ему!

– Горько! – объявил Гапон.

– Нет, пока сладко.

– Тогда понеслись, хлопцы, я в этих порядках не разбираюсь. Мальчишник мы хорошо отметили, хоть и рискованно, а свадьбы не будет, просто зарегистрировались в райисполкоме тихой сапой, и все дела.

– Где сейчас живете? – полюбопытствовала Светка.

– Ты не из военкомата случаем? Шучу. Сегодня ночью вот здесь, – указал на стенку, – в соседней комнате, с любимой женой, между прочим, если кому хочется знать абсолютно все.

– Как? – удивилась Катя и посмотрела на Юрика широко распахнутыми глазами, как смотрят честные люди на мошенников, но уже после того, как те их сильно обманули.

– Ты же говорил мне...

Юрик только дернул плечами.

– Пожалуй, я не буду пить, – сказала Катя странным голосом

Светка кивнула.

– Правильно, молодым в первую ночь нельзя.

– Нет, просто у меня завтра конференция.

– Юрик, тогда и себе тоже не наливай, а то неравные права получают.

– Мне-то на конференции не выступать.

– Да, я прошу, не надо, – сказала Катя.

– Вот! Женщины всегда думают в первую очередь о здоровье будущего поколения, а мужики лишь бы за воротник залить, – резюмировала Светка.

– Если компания настаивает, не буду.

– Именно, гости настаивают, чтобы хозяева не пили, – засмеялся Гапонов, – чем меньше нас, тем больше нам достанется!

– Катя, ты можешь в Юрике не сомневаться, нормальный пацан. Когда на День математика в прошлом году ездили, то с ним в одной комнате ночевали, аж две ночи подряд, так что знаю его как облупленного!

– А мне ничего не рассказывал.

– Ты не поняла, нас просто в одну комнату поселили, что с ними идиотами делать, правда? Ну, переспали, чего там... И представь себе, Катя, за две ночи ни разу даже не пристал! Ни разочка! Представляешь? Вот расскажи мне кто такое, ни за что не поверила! Заливают! А тут самой пришлось испытать на собственной шкуре! Ни разочка! Надо же такое, а? Давайте выпьем за настоящих джентльменов!

– За дам-с! – воскликнул в ответном благодарном порыве Гапонов.

- И что, в одной постели прямо спали, – восхитилась Светка, – и ничего?
- Скажете тоже, девушка. В разных, конечно. Обычная комната общежития на четыре койки. Вот как здесь, я тут как бы легла, а он там, два шага всего расстояние, но... ни разу. В первую ночь со страху в колготках спала под одеялом, чуть с жары не сгорела.
- На нее это похоже, – пояснила Светка Кате.
- Ничего не похоже. Я обычно голая сплю. Во вторую ночь уже нормально улеглась. Представьте, как рисковала! Лежала не запертая на замок в чужом общежитии, чужом городе, чужой комнате, голая под простыней. Ждала-ждала, потом уснула.
- Уж ты, пожалуйста, при невесте такие страсти не рассказывай.
- А разве лучше было, если закрылась? Если усну, хоть из пушки пали, а меня не разбудишь. Пришлось бы тогда джентльмену спать на коврик под дверью. Нет уж, думаю, лучше рискну еще раз, чем несчастный Юрик будет в коридоре ночевать. Он только под самое утро приволокся – бух в свою койку и захрапел.
- А вот и врешь все, – сказала Светка противным голосом.
- Почему это я вру?
- Да потому что Погосян в принципе не храпит. Между вами там как-никак, а полтора метра было, а вот мы с ним уже сколько раз?... Не сосчитать, короче... да получается два года рядом спим каждую ночь... и ничего.
- Как это? – немножко занервничала Катерина.
- Обыкновенно, не храпит он. Вот его кровать, а прямо за стенкой стоит моя. Расстояние – двадцать сантиметров, не больше. Спим нос к носу, практически говоря, все же слышно. Ленка врет, Катя, не верь ей, она бывает таких страстей навдумывает, что уши вянут. Юрик точно не храпит, в прошлом году все ворочался чего-то допоздна, а нынче успокоился, и не слышать его, и не видеть, тихо спит. В этом смысле проблем не будет, могу гарантировать.
- Предлагаю тост, – сказал Гапонов. – Выпьем, за главное... За мир и дружбу...
- Фи. За любовь и счастье.
- Кстати, о счастье. Будем есть торт, наконец, а?
- Ого! – Гапонов аж удивился размерам, – вот это да! Вот это я понимаю – удовольствие. А можно супруге кусочек отнести потом? Она у меня сладкое обожает.
- Смотри, какой молодец, про жену не забывает. А на кисленькое твою благоверную больше не тянет?
- Не, нам двоих вот так хватит, – Гапонов провел пальцем по горлу. – Даже военкомату хватит, не то что нам. Дай вот только срок усыновить. Елена, ты каким видом спорта занимаешься?
- Ядром. Что, заметно?
- Настолько, что не знаю, кто бы на смелился на тебя напасть. Я бы лично однозначно не рискнул.
- Ты-то? А кто бы тебе позволил? Ты же не мужчина вовсе, коли от армии под юбкой прячешься. Не хотела говорить, а скажу, раз такая пляска началась. Нет, Гапонов, ты здесь под джентльмена не коси, ты позорник обыкновенный, или по-нашему, по-научному сказать, паразит вульгарис.
- В джентльмены не рвемся, нам и так очень неплохо пока.
- Вот и сиди, а то в лоб получишь от имени беззащитного Отечества.
- «Нет, ребята, все не так! – думал Юрик. – Хотел устроить вечер для двоих, а вот поди ж ты, торт купил не того размера, и пошло и поехало. Катю опять сдвинули на угол. Значит все, замуж не выйдет».
- Погосян привстал, включил старинный магнитофон Христенко. Тот заиграл на полную мощь единственную записанную на нем студенческую плясовую, под которую они с Шихманом до сих пор делают утреннюю зарядку. Спустя год эксплуатации магнитофон играл или очень громко, или вообще никак и здорово поскрипывал лентой.
- Во французской стороне, на чужой планете

Предстоит учиться мне в университете...

– Давайте попрыгаем?

Светка с Ленкой и Гапонов тотчас вскочили. Катя пересела от стола на кровать, подальше от танцплощадки. Стали прыгать. Распрыгались до спортивного рок-н-ролла. Гапонов с Ленкой позабыв недавние распри, схватили друг друга за плечи, ритмично прыгали, выбрасывая ноги к потолку.

Визг, крик, та-ра-рам. Стук в дверь расслышал Погосян, у порога наткнулся на маленькую женщину со ждущими серыми глазами.

– Гапонов здесь?

«Жена? А почему тогда так официально, по фамилии?» – Юрик оглянулся по сторонам, – не бродят ли поблизости военкоматчики с красными повязками на руках?

Военкоматчиков видно не было, но Погосян все равно сказал:

– Нет.

– Что нет? Я же слышу его хохот.

Женщина оттолкнула Юрика и прорвалась в комнату. Напористая какая.

Гапонов как раз делал стойку вниз головой на Ленкиных широченных плечах.

– Ах вот мы чем занимаемся, – сказала женщина таким издевательски вьедливым голосом, от которого все сомнения, что пришла настоящая гапоновская жена, а не военкомовская дама, разом отпали. Гапонов грохнулся на пол, Ленка со Светкой отскочили в сторону.

Юрик быстренько прикрыл дверь, чтобы крик и вопли не стали достоянием гласности более, чем они того заслуживают.

– Я работаю целый день на работе, потом с детьми весь вечер, как дурочка, готовлю, стираю, убираю, а он здесь с девками танцы танцует! Посмотрите-ка на него! Ах ты, паразит несчастный!

Женщина своими серыми глазами обыскала комнату в поисках твердого предмета, коим можно было бы колошматить паразита вульгариса по башке, но ничего подходящего не нашла.

– Все! Завтра же – в военкомат! В стройбат! Пусть тебя там научат свободу любить! Сдам с потрохами! Долго терпела – хватит!

На прощание жена Гапонова мощно хряпнула многострадальной дверью.

– Пожалуй, я пойду, – сказала Ленка.

– Я тоже, – поддержала ее Светка.

– А что мне теперь делать? – испуганно вытаращил глаза Гапонов, – вы ее не знаете, она сдаст в два счета, даже глазом не моргнет.

– Ты же хотел ее тортом угостить? Давай отрежу побольше.

– Ой, давай скорей!

Погосян в спешке отвалил громадный кусочище, куда вошла и часть надписи, составлявший предлог: «На». С тортом на большой тарелке Гапонов выскочил вон из комнаты умолять жену не сердиться, но Юрик не успел за ним даже толком закрыться, как он мигом вернулся, вся морда в торте, тарелка вдрызг. «На счастье».

Несчастный муж молчал, привалившись к стенке. Белые кусочки отваливались от подбородка и падали на рубашку, по ней скатывались на пол. Благодаря физкультурным упражнениям и последующему нервному стрессу он неприглядно взмок, от него поднимался пар, будто не человек, а тягловая лошадь переработала в студеную зимнюю пору. Вдруг дверь распахнулась, что-то красное, вроде щупальца огромного океанского спрута захлестнуло Гапонова поперек живота и мгновенно уволокло в коридор.

Все произошло буквально в одну секунду, и казалось, что Гапонов не возвращался, и никто его никуда не утаскивал. Простой обман зрения. Только кусочки торта на полу шептали об обратном.

– Не знаешь, глубоководные спруты любят сладкое? – прислушиваясь к происходящему в коридоре, тихо спросил Юрик

- Его специально намазали, а теперь кушать будут, – понимающе отозвалась Катя. – Кстати, у вас есть ведро и тряпка? Давай приберусь.
– Сам.

46.

Когда уборка внутреннего помещения и коридора была завершена, Катя поинтересовалась, глядя в сторону:

– Значит, ты будешь ночевать в этой комнате тоже? Я правильно понимаю сложившуюся ситуацию?

Над небольшими сугробиками, скопившимися по ту сторону окна, спустилась непроглядная чернота ночи.

– А где еще? Я ж не знал, что там Гапонов с женой окажется. Слышишь как ... разговаривают?

Катя сидела у стола, глядела исподлобья.

– Извини, я лягу пораньше, чтобы как следует выспаться перед завтрашним днем, – сказала она, немного хмурясь.

– Конечно, ложись. Не буду мешать, схожу погуляю немного. Закрывайся на замок, у меня свой ключ есть, можешь свет выключать и спать.

– А ты вернешься часам к четырем? Нет, так дело не пойдет. Выйди, я лягу, через пять минут войдешь.

Когда через семь минут Юрик вошел, Катя уже лежала в его постели и смотрела прищуренным взором, в котором ему почудилось подозрение.

В комнате они совершенно одни, казалось бы, обнимайся сколько душе угодно, а Катя так на него смотрит, будто он случайный попутчик в купе, причем успевший неким образом проявить дурные наклонности. Сам за собой он ничего подобного не чувствовал. Просто спать рано. Еще носятся по коридору завзятые двоечники, орут, готовятся к пересдаче. Эх, милыя! Суждены вам благие порывы, да свершить ничего не дано. Кокин бы тоже носился, гой еси, добрый молодец, завей горе веревочкой, но, слава богу, уехал.

Он подошел к кровати Христенко, расправил постель, взбил подушку. Обидно даже терпеть подобное официальное отношение со стороны Кати. Разве она его не знает?

– Выключаю, – произнес Погосян и погасил свет.

Разделся, но по привычке сел на свою кровать. Поговорить можно на сон грядущий? Что носом в подушку сразу?

– Я так и знала, что этим кончится. Надо было получить обычное место в общежитии, – Катя замоталась в простыню по шею и держала края обороны обеими руками. – Юра, как тебе не стыдно?

– Да я ничего. Я только перед сном хотел поговорить о том, о сем. Спокойной ночи сказать.

– Спокойной ночи, ложись, пожалуйста, к себе. То есть туда...

– Хорошо, спокойной ночи...

Погосян вздохнул, встал. В голубоватом ночном свете, проистекающем из кристаллического замороженного окошка, в глаза бросились туго обтянутые тоненькой простыней ноги, на которые он уставился, как зачарованный.

Вздыхнув три раза, чтобы немного утихомирить колотящееся сердце, снова присел на краешек кровати. Наступила полная тишина. Взяв ее за локоть, услышал, как испуганно трепещет Катино сердце, не в унисон с его, которое клочкотало в бешеном ритме тарантеллы. Попытался все так же молча завладеть рукой, чтобы освободить край простыни, но получил отпор.

Катя руки не дала. «Ни руки, ни сердца», – усмехнулся, понимая, что назад пути нет. Еще подумалось очень-очень быстро, мелькнуло, а не подумалось: «Вроде и не пил, а несет куда-то, черт знает куда, будто снова вагон поехал».

Край простыни от его резкого рывка трепетно взлетел в воздух, Юрик очутился лежащим рядом с ней, простыня, овевая горячие, плотно сжатые тела прохладой, медленно опустилась на них.

– Ну, чего ты в самом деле? Не лезь! – совершенно бесполезно пыталась отпихнуться Катенька, отчего Юрик испытал кратковременное чувство сожаления, что все происходит так, а не иначе. Пытался обнять одеревеневшее, сопротивляющееся всему тело. Без толку. Какие ласки, когда уже завязалась нешуточная борьба?

– Отстань ты от меня, – шептали ее губы.

«Завтра человеку на конференцию идти, – укорил его кто-то, – надо не забыть, занять очередь в столовке, чтобы накормить ее на большом перерыве».

Попытки овладеть деревянной статуей возобновились с новой силой.

Но Катя не сдавалась.

«Неужели придется и после женитьбы брать все с боем?» – неожиданно пришла в голову раздражающая мысль.

Перед решающим штурмом на мгновение кинул взгляд в еле различимое на подушке лицо Кати и увидел огромную черную дыру раскрытого рта. Оказывается, она беззвучно вопит от ужаса.

– Ай, вай, вай! – вскричал Юрик, резво убегая вон, на чужую кровать, но может это только показалось, что закричал?

Ведь не мог он на самом деле так насмешничать. У Кати теперь не спросишь. Не веря, что все обошлось, она свернулась в колобок, натягивая на себя простыню с такой силой, что ткань затрещала.

Юрик свалился в Валеркину постель, на пахнущую цветочным одеколоном и портвейном «Три семерки» подушку, мертвецом застыл там до утра, боясь этого самого утра, как преступник скорого суда, мечтая, чтобы оно никогда не наступало. Ему чудилось, что он не спал всю ночь, пролежал с открытыми глазами, однако это было не совсем так.

Утро наступило внезапно. В комнате горел свет. Уже одетая для конференции Катя вошла с чайником, поставила его на подставку и подошла к нему. Юрик продолжал прятать лицо.

Вдруг она присела на край, возложила ладони ему на спину, провела вверх-вниз по позвоночнику, прилегла сверху и поцеловала в шею.

– Вставай! – сказала веселым голосом, будто вечером ничего страшного не случилось, будто все меж ними по-прежнему прекрасно, как всегда, а иначе и быть не может.

Но куда девать этот распахнутый, черный, сипящий рот несчастной, насилуемой девушки, что неотступно преследовал его всю ночь, хоть с закрытыми глазами лежи, хоть с открытыми? Как избавиться от деревянно-твердого тела? Будто она уже умерла и застыла. Нет, самое страшное – рот. Погосяну ни за что не выбросить из памяти жуткое наваждение. Его передернуло. Абсолютно невозможно.

– Встань и отвернись! – скомандовал хриплым со сна голосом, – мне надо одеться.

Она послушно отскочила в угол комнаты и стояла там лицом к стенке, покорно склонив голову, пока он не оделся, не схватил полотенце, зубную щетку и не убежал в коридор.

А когда умытый и почти спокойный вернулся обратно в комнату, посмотрел на нее, то вдруг сказал себе странную фразу: «Если не та, то уж и не эта!»

Все утро до начала конференции они провели вместе. Катя оставалась очень ласкова с ним, предупредительна, даже нежна, ни словом не обмолвилась ни о чем из

вчерашнего, запретного, будто вчера вообще не существует. И от этого Юрик внутренне расстраивался еще больше, потому что из них двоих он один знал точно, что им все равно придется через несколько часов расстаться навсегда, и сегодняшний день последний, когда они еще разговаривают друг с другом, ходят вместе, рядом, и даже улыбаются друг другу (похоже, оба через силу).

У него не получается смотреть ей в глаза после этой ночи, чтобы одновременно не видеть ее беззвучно кричащего черного провала рта, вспоминая который, он тут же вновь содрогается, разве что не кричит: «Ай, вай, вай!». Нет-нет, лучше ничего больше не надо.

Он навсегда опустил ниже нее, у него уже возник комплекс неполноценности, и даже если со временем кое-что забудется, стоит ей только напомнить, хоть словом, хоть взглядом в любом споре или конфликтной ситуации, Юрику тотчас придется уступить. Поэтому уступать придется всегда и во всем, лишь бы снова забыть весь ужас, а подспудно внутри будет накапливаться злость от этих постоянных проигрышей и вечно подчиненного положения порока перед добродетелью, которая все равно разрушит любую внешне счастливую семейную жизнь. Любви особой с самого начала не было, а теперь и равенство исчезло. К чему такая жизнь?

Решено, сегодня они расстанутся навсегда. Причем Катя не должна ничего понять. Ему стало жаль и ее и себя, Юрик тоже сделался ласковым с ней, как и она с ним, что поневоле подумалось, а не решила ли Катя то же самое, только малость пораньше? Прощально-ласковым стал он, прощально-заботливым. Программу дня необходимо выполнить полностью, пусть все окончится хорошо, по-доброму.

Катю немного удивил его быстрый переход от хмурой молчаливости раннего утра, когда он еще мучался и не мог принять решения, к доброте и мягкости, когда окончательное решение созрело. Она заглядывала в глаза, спрашивая молчаливо: «Как у тебя, все в порядке?» «Высший класс», – мягко глазами отвечал он, чудесным образом излечившийся от ночной проказы. Вслух они почти не разговаривали.

В качестве сопровождающего Юрик отправился вместе с нею на конференцию, сидел рядом, слушал доклады о Булгакове, которые были много интереснее, чем даже самые блестящие вещицы Абрикосова, и уж конечно, гораздо более понятны присутствующим. Хотя, какая это наука, когда один и тот же факт толкуется в трех интерпретациях? Сплошной субъективизм, но все равно интересно, во всяком случае, весьма познавательно.

Перед перерывом на обед загодя покинул аудиторию, спустился в подвал, где располагалась столовая, отстоял очередь. Зато Катя пришла уже к накрытому столу. Отобедав, вернулись на конференцию, а потом он снова фотографировал ее на улицах, и даже на вокзале щелкнул в дверях поезда. Зачем? Там же они впервые за эту встречу поцеловались в губы, долгим, прощальным поцелуем. Тоже последний раз.

Катя уехала.

Погосян вернулся в общежитие, находясь под наркозом своей программы, начал проявлять пленку, потом занял глянецватель и два дня потратил на печатание фотографий.

Те, что сделаны в помещении без вспышки, все оказались неудачными. Из огромного числа уличных выбрал двадцать пять самых лучших. Остальные порвал и выбросил. Так же поступил и с двумя проявленными пленками. Сам склеил почтовый конверт нужного размера и написал письмо:

«Дорогая Катя!

Мы с тобой расстались навсегда.

Это решение созрело под спудом обстоятельств частью тебе известных, а частью нет, но оно окончательное.

Прости. Желаю счастья, и знаю, что ты его найдешь. Юрик Погосян».

Последнее письмо оказалось писать гораздо легче, чем первое. Он вложил в конверт пачку фотографий, подозревая, что их ждет та же участь, что и менее качественных собратьев, письмо запечатал и отнес на почту.

Ответа не последовало.

Зато пришло послание от матери, которая сообщила, что к ней приходила Катя, с его письмом и сказала, что не может понять, что случилось.

Но она, мать, все прекрасно понимает: в Юрике проснулся Погосян-старший, который приносит несчастье всем женщинам подряд, с которыми заводит отношения, потому что никогда не может остановиться.

Прочитав, Юрик усмехнулся. Сам он надеялся как раз на то, что ветреный папашка в нем на днях умер. Впрочем, ничего подобного сообщать не стал, ограничившись описанием мартовской капели в городе Борисове. Про Катю, разумеется, ни слова. Тем самым давая понять, что данная тема не подлежит обсуждению и находится вне сферы родительской компетенции.

Март тем временем разыгрался нешуточными февральскими метелями. Снег несло влажный, тяжелый. У нескольких старых деревянных домишек в городе съехали крыши.

Март – месяц перемен. И хорошие и плохие, они состоялись во множестве.

После каникул Кокин приехал с родственницей, сестрой зампреда республиканской сельхозхимии. И в два дня сдал все зачеты, а также проваленные прежде экзамены, подведя тем самым окончательную черту под временем строгих правил дореволюционных бабушек-доцентов и дедушек-профессоров, которым хватало для жизни одной зарплаты.

Гапонов плюнул на все и сдался в военкомат, придя туда своим ходом, прямо в приемную военкома, чем вызвал легкую панику в рядах армейского руководства. Боялись гранаты в кармане. А он просто решил не усыновлять двоих детей, одного из которых некоторое время считал, по простоте душевной, своим, а лучше отслужить, хотя бы и в стройбате положенные два года.

Обязательная семейная жизнь оказалась не много слаще казармы, зато по продолжительности срока легко могла ее превзойти. На прощание Валера уже твердо пообещал супруге, что, отбыв положенный срок почетной обязанности, придет к ней целым и невредимым, и в первый же день мирной жизни подаст заявление на развод. На что супруга сообщила ему, что беременна и намерена обязательно рожать третьего ребенка, от которого Гапончик уж никак не отвертится. «Я тебе не армия, – погрозила пальцем она, – под землей найду и душу выну, если что. Служи честно, понял? – ей сообщили, что женам военнослужащих срочной службы полагаются льготы, и она хотела ими пользоваться все два года. – Бегать не вздумай! От себя не сбежишь! А там, когда придешь, видно будет, что с тобой делать».

Услышав такие позорные новости, Шихман рухнул в свою любимую позу на кровать, забросив одну руку за голову, а супротивную ногу, в начищенном до блеска ботинке, под стол и принялся скорбно вздыхать, глаза на потолок. Ему тоже предстояло летом ехать на военные сборы сроком на целых два месяца.

– Как ни крутился Гапон, а все же ушел в армию беременным! Вот жизнь, что с человеком делает!

– Не дрейфь, курсант, лейтенантом станешь! – по-братски обнадежил Христенко.
– Ты еще не знаешь, как приятно чувствовать себя простым советским офицером!

Кто-то в холле коридора включил магнитофон, иностранные санитары начали жаловаться: “Вши–с гады-с!”, повторяя это как заклинание чародеев, пытающих вывести паразитов силой слова.

– Чувствую, не удастся побыть на ридной Киевщине.

– Побудешь! Никуда историческая родина не денется!

Юрик собрал предысторию своих теорем и сел писать дипломную работу. Настроение у него было прекрасное, а погода на улице, напротив, стояла ужаснейшая, все

кругом раскисло, сугробы стали черными, как кучи угля, которые сгорели в печах за зиму и вылетели на улицу с дымом.

Из этих сугробов и тротуаров, поднявшихся за зиму на метр в высоту, вытаивали кучи мусора, которые накопились за последние полгода.

Даже в центре города, возле университета, тротуары представляют собой киш-миш из снежной слякоти с песком и солью, коפותи, невесть откуда взявшихся опилок, веток, листьев, пятен бензина и машинного масла, бумаг, палок, тряпок, стекла и черт знает чего. И пока не подсохнет асфальт, убрать эти залежи невозможно, за ночь при температуре минус двадцать каша обратно замерзает в корявый лед.

Погосян перестал выходить из общежития. Он питался в буфете раскисшими пельменями машинной выделки, писал страницу за страницей, рвал, переписывал заново, воспитывал в промежутках Кокина и одновременно чувствовал себя на диво счастливейшим из людей.

Шихман ему страшно завидовал.

За неделю старательным красивым почерком Юрик накатал чистовик. Смотрелась работа солидно: формулируешь (свою!) теорему, доказательство тоже твое собственное, красивое, элегантное, ни у кого в мире такого нет, даже не верится, что пришло в голову на остановке, пока трамвая не ходили, было тихо и спокойно, хотя и холодно.

Нет, у Юрика диплом хороший, основательный, грех жаловаться. Вообще большое счастье, что история окончилась вполне удачно, хотя вот ни малейшей гарантии нет, что это не обычное везение.

Продолжать ли научные изыскания дальше или на дипломе остановиться? По-прежнему непонятно относительно математического таланта, зато можно сказать, что вроде способности как бы есть, не без того.

Вдруг ни с того ни с сего начинал размышлять о своем сиамском близнеце, и на него снисходила уверенность, что она в своем Нефтянске сейчас, в данный момент, тоже о нем думает, ведь они близнецы, тем более что очень долгое время были сросшимися. И сразу в груди теплеет.

Наличие невидимых нитей ему не надо ни проверять, ни доказывать, это есть первоначальная аксиома его существования. Она думает о нем... а что думает, он не знает, весьма вероятно, что ругает мысленно за то, что уехал, как и он ее, за то, что рыдала в мусорку. Боже, ну что за дура! Вот днем с огнем такую дуру искать – и не найдешь больше. Уже год прошел, как все окончилось, а он вспоминает об этом эпизоде все чаще и чаще, и каждый раз прошлое окатывает немилосердно, словно из кадушки крещенской колодезной воды. Хочется трясти ушами, будто искупанной собаке.

Про Катю ничего не вспоминалось. Она уехала, исчезнув из его жизни, как вырванный листок календаря, на котором был написан план работы на день. День прошел, работа сделана, план выполнен, чего еще? Даже когда по утрам надевал пальто, повязывал шею Катиным шарфом, который она ему сама связала, и говорил себе: «Где тут у меня шарф? А вот, Катин одену», про саму Катю ничего не думал, а теперь, когда зимняя одежда ушла на задний план шкафа, даже и шарфик Катин не вспоминается.

47.

С приближением лета пятикурсники начинают чувствовать себя слегка не в своей тарелке.

Гораздо чаще, чем прежде они собираются вместе. Стоит, например, двоим остановиться на асфальтовой тропинке через университетскую рощу, как тут же невесть откуда подходят однокашники, случайно оказавшиеся поблизости: «Что стоим? Какие новости по распределению?» Поднимается шум, на который постепенно стекается весь курс, образуя гудящий пчелиный рой перед общим вылетом.

Личные отношения также изменились в лучшую сторону, все стали немного братьями и сестрами, пусть не во Христе, но где-то рядом: братьями и сестрами милосердия. Пришло понимание, что расставание близко, многие разъедутся по иным городам и весям, и большинство никогда не встретится в этой жизни. А другой не будет.

Зачастили на последние семинары, прежде никому не нужные, вроде психологии высшей школы.

Сегодня пришел даже Глузман, у которого дел по горло, руководить двумя дилерскими сетями сразу, но ничего, успевает конспектировать типы характеров, сангвиников да холериков, видимо, надеясь применить в деле, а на полях сосредоточенно ведет какие-то длинные бухгалтерские выкладки под заголовком «Дебиторы».

Занятие проходит в самой солнечной аудитории университета с белыми стенами на первом этаже. Раннее утро. Где-то рядом идет ремонт – разбирают столетние университетские печи, которые занимали слишком много пространства на всех трех этажах, и отчетливо слышно, как рабочие швыряют тяжеленные старинные кирпичи прямо на пол.

Солнце высвечивает всю аудиторию огромным софитом. Скрыться от ярких лучей некуда. Створки широких окон приоткрыты, сквозь них струится чистейший прохладный кислород, пропитанный сырым запахом травы в зарослях черемухи. Все жмурятся, как мартовские кошки на завалинке, снисходительно записывая слова молодой белокурой лекторши, звучащие нежной музыкой, независимо от смысла произносимого, словно упоительно играет скрипка. Пасторальная идиллия.

Вытянув перископом шею из рубашки, вздернув очки выше переносья, Рифкат восхищено созерцает психологиню, ее налитые молодостью гладкие щечки с ямочками, а та, в свою очередь, неторопливо скользя взглядом по их лицам, проверяет степень усвоения материала. Когда взгляд касается Рифката, перископ прячется под волну.

Это новость.

Солнца так много в белой комнате, что хоть раздевайся и загорай. Все млеют в его насыщенном свечении, лица довольные и немного сонные. Самое настоящее летнее тепло после долгой зимы. Никто даже не шевелится. Только голова Рифката подсолнухом следует за златовласой лекторшей.

Без стука отворилась дверь. Вошла девчонка-химичка в халате с прожженными дырочками на подоле, лаборантка или студентка-младшекурсница, вообще не знающая никакого порядка. Тревожно осмотрев аудиторию, спросила:

– Мужчины есть?

– Лично я еще мальчик, – мгновенно схохмил Глузман, – вернее юноша в самом расцвете сил, во всяком случае, совершенно точно, что не девочка.

Химичка даже не глянула в его сторону.

– Мужчины, пройдемте со мной.

– Мужчины, – Марик заглядывался по аудитории, – мужчины, ау, где вы? На выход! Ну, чо сидите-та? Если женщина просит? Девушка, я, к сожалению, не могу. У меня в Саратове жена и трое детей.

– В Казахстане, – поправила Белочкина.

– Нет, в Казахстане бывшая жена.

Рифкат встал первым.

– Что опять размножаться надо? – продолжал дивиться Марк, вертя головой на сто восемьдесят градусов, – сколько можно? Мне лично до чертиков надоела эта дурацкая работа. Девушка, давайте определимся, вам со стажем семейной жизни мужчины нужны, или без?

По бледному виду химички ясно, что произошло нечто неприятное и опасное. «Драка, что ли?» – подумал Погосян, шагая за Рифкатом.

Мурат вздохнул, тоже решил сходить посмотреть, что к чему, как и Салахов Колька.

Глузман поинтересовался:

– Хватит вам девушка одной четверых или еще надо?

– Достаточно.

Ничего никому не объясняя, она стремительно понеслась по коридору. Подбежали гурьбой к какой-то двери, и тут только лаборантка пояснила:

– Там потолок рухнул. Сверху рабочие разбирали печи, потолок рухнул, один успел на подоконник заскочить, а другой упал, где-то стонет, – она указала пальцем на дверь, как верующая на преисподнюю, – надо его вынести оттуда. «Скорую помощь» я вызвала. – И отступила в сторону.

В аудитории ничего не видно: от пола до потолка завеса из мельчайшей строительной пыли. Только натыкаешься на торчащие доски.

Юрик на ощупь пробирался вперед. Видимо, и здесь шла подготовка к ремонту, перед тем как начать грязную работу по разборке печей всю мебель успели вынести. Он продрался сквозь строительные козлы, почти сразу наткнулся на гору, состоящую из бревен, кирпичей, сверху покрытую толстым слоем мусора. В воздухе по-прежнему висит, не оседая, густая мучнистая взвесь древесно-известковой пыли. Никто не стонет. Начал искать на ощупь, прислушиваясь.

– Если завалило, не найдем, – сказал Салахов откуда-то. – Эй, товарищ, подай голос.

– Вот он где, – вдруг откуда-то сверху сказал Мурат, – на самой верхотуре лежит. Давайте все ко мне ползите, будем стаскивать.

Они взобрались на гору, освещенную из пролома в потолке верхним светом. При любом прикосновении пыль взметалась грибовидно, сквозь нее проглядывал контур человеческого тела в рабочем комбинезоне и сапогах.

Рабочий не подавал признаков жизни, во всяком случае, хотя не был ничем серьезным придавлен.

– Раз стонал, значит, живой, – предположил Мурат. – Берем его за руки-за ноги.

Строителя подняли. Он оказался на удивление легок, будто состоял из той же мягкой пыли, заполнившей все пространство комнаты. Потащили сквозь козлы, что с другой стороны сооружения находится перекрестье не заметили сразу. Вытащили обратно, остановились, держа на весу, боясь положить и не зная, что дальше делать.

Юрик нес человека за ногу, ему казалось, что нога в сапоге будто тряпичная. Вытаскивали долго. Сквозь другие козлы, поверх которых навалом лежали бревна, тело удалось протиснуть.

В коридоре дожидалась лаборантка. Кроме нее никого не было..

С головы до ног они покрыты желтой пылью, как пирожные толстым слоем крема.

– Идите за мной, – воскликнула химичка, и понеслась вперед на всех парусах. Носильщики кинулись следом. Строителя крепко затрясло, однако он по-прежнему молчал. За процессией струился длинный желтый шлейф.

Оказалось, что торопились зря, «скорая помощь» еще не приехала.

То ли раненого, то ли уже умершего человека положили на кафельный пол коридора, недалеко от входа в университет, у стенки. Стояли, переминаясь, ждали прибытия врачей, как вдруг прозвенел звонок на перемену, и сразу мимо за клубилась шумная студенческая толпа.

Юрик увидел, что комочки пыли скатились по лицу, оставляя следы-рябинки, веки поднялись. Человек смотрел прямо перед собой равнодушным взглядом. Юрик наклонился спросить, что у него болит, но человек первым отворил губы и произнес отчетливо:

– Не жил, а помер.

Спокойная констатация свершившегося факта, будто случайным посторонним прохожим на чужих похоронах, безо всякого родства человеческого, даже без сочувствия.

Юрик не знал, что ответить.. По голосу сделалось ясно, что рабочий, которому на вид определили лет сорок, в самом деле молодой парень, вряд ли старше их самих.

Наконец вернулась с улицы лаборантка вместе с врачом «скорой помощи», веселым мужчиной, с закатанными до локтей рукавами халата. Позади уверенно цокала каблучками по звучной университетской плитке медсестра.

– Ага, вот мы где расположились, – сказал врач, увидев лежащего у стенки, – надо укольчик от столбняка тебе, брат, сделать. Да ты не бойся, уколов бояться нечего. – Сам потрогал строителя за колено:

– Чувствуешь?

Строитель непонимающе глядел вперед туманными глазами.

– Ногу чувствуешь? – громче спросил врач.

– Нет, – ответил тот и плотно закрыл веки.

С лица снова скатились крошки, и легкая пыльца взметнулась вверх, как над цветком в жаркий полдень.

Медсестра набрала шприцем из ампулы лекарство, прыснула фонтанчик, выпуская воздух, и сделала шаг к лежащему.

– Стоп, – сказал врач, – погоди.

Медсестра хотела что-то сказать, аж губы шевельнулись, однако веселый врач нахмурился, и она отступила назад.

Юрик смотрел во все глаза на строителя, но с тем более ничего не происходило. Лишь пыльцу, висевшую над лицом, унес куда-то сквозняк от раскрытой входной двери.

Доктор присел на корточки, небрежным движением взял запястье бессильной руки. Сдул пыль с лица и отдернул веко.

– Все. – повернулся к студентам. – Ребята, сходите за носилками.

Они вынесли рабочего к машине, задвинули носилки с телом внутрь. Потом в мужском туалете пытались отряхнуться, подняв там страшную пыль.

Вернулись в аудиторию, где психологиня диктовала отличительные черты холериков, и было еще солнечней, чем прежде, после сумрачного коридора.

Теплый ветер влетал в комнату вместе с жужжанием пчел и сладким запахом черемухи. Странно, что здесь ничего не изменилось.

– Вот и мужчины вернулись наконец, – сказал Глузман, подняв голову от конспекта, – ну что, выполнили свои мужские обязанности, или просто так опять в грязи извалялись?

Рассмеялись все, кроме вошедших. Юрик видел, что Рифкат попытался улыбнуться, но у него не вышло, и до конца урока он просто смотрел на стол прямо перед собой.

Вечером Юрик рассказал о происшествии Шихману с Христенко.

– Технику безопасности не соблюдают, надо было кирпичи по желобу в окно кидать, такую махину никакое перекрытие не выдержит, – среагировал Христенко. – Самоубийцы чертовы.

В комнату ворвался Кокин в особенно приподнятом настроении:

– Слыхали, главный корпус рухнул? Радио «Свободы» сейчас только передало. Поняли оперативность какая? Прямо над лабораторией с радионуклидами потолок обвалился. Полный аллес! Общее радиоактивное заражение всего корпуса, а никто не знает! Не сообщают, гады! Обалдеть! Вы были сегодня в главном корпусе? А я был! Вот сволочи!

– Где слышал?

– Места надо знать.

Христенко с Шихманом уставились на Юрика.

– Ерунда, – отмахнулся тот, – знаем мы эти места. Пустая аудитория была, там тоже ремонт идет, печи разбирают, одни козлы стояли, никакой мебели, никакого оборудования. А ты, Кокин, не собирай всякую ерунду, коли не знаешь. Потолок рухнул

из-за того, что большую кучу кирпичей на него навалили, погиб один рабочий, я его лично вытаскивал вот этими руками, да если не веришь, вот костюм посмотри. Придется в химчистку нести.

– Нет, – заорал Кокин, отталкивая костюм и выскакивая вон, – не надо!

– Заражение! В нашей комнате изотопное заражение! – неслось по коридору.

– Ты выхлопал бы, что ли, свой костюм, – посоветовал Толик Погосяну.

– Выбивал два часа на улице возле мусорки. Пыль въелась насмерть, боюсь, и химчистка от него откажется. Придется в джинсах диплом защищать.

Он достал три экземпляра диплома, уже отпечатанных и переплетенных, положил на стол. Шихман взял, полистал.

– Солидно смотрится, как диссертация.

– Эх, – заворчал Христенко, – а мне еще считать и считать для диплома. Машина ломается, и каждый день обязательно в мое время. Чую, придется рукописный вариант сдавать в самый последний момент. У тебя все готово?

– Надо ватманы на защиту делать.

– Да, кому ватманы, с последующим вручением красного диплома, а кому в зубы штаны, гимнастерку - и ать-два рыть окоп в полный рост. – Повеселел Христенко, – каждому свой крест полагается в этой жизни. Без всяких прикрас. Не дрейфь, Толик, тяжело в ученье, легко в бою, всего пару месяцев перетерпеть.

– Ну конечно, только боя мне и не хватало.

– Эх, не хватает у современной молодежи патриотизма, нет, скажу честно, откровенно, по-партийному, не хватает! Хоть стакан водки в меня влейте, все одно начистоту выложу, как есть, правду и только правду, и ничего кроме голой правды. Слышите, мужики, а давайте действительно строим на бутылку водки, а? Вдруг точно, где лаборатория с радиоизотопами, того, обрушилась? Даже “Свобода” иногда правду сливать должна. Водка в этом деле – лучшее лекарство. Говорят.

Шихман и Погосян с интересом смотрели на Христенко. Когда его несет, тут даже поторапливать не надо – все сам скажет.

Христенко поймал эти взгляды, замолк. Покраснел, отвернулся, включил радио.

– “Новости в эфире”, – деловито объявил диктор.

– Новости в кефире, – передразнил Христенко и выключил. – Слышите, мужики, а к моей мадам муж вернулся, и, представьте себе, она его приняла. Законный брак восстановлен в прежнем объеме. Такие пироги. А мне надо срочно много считать к диплому на ВЦ. А машина не работает. Может, все-таки строим, а?

48.

Химчистка в доме быта оказалась на высоте социалистического уровня услуг, как известно, оказываемых населению только в рабочие часы рабочих дней. Следует признать, что Юрик, вслед за советскими юмористам, известными борцами с завмагами и портными, в химчистку не верил изначально.

Химчистка же, как и прочая божественная сила в стране атеистов и юмористов, тем не менее, работала, и очень, оказалось, неплохо. Только сроки исполнения заказа срывала. Погосяну костюм выдали прямо перед защитой, в чистейшем, отглаженном виде, буквально как новенький из магазина. О лучшем он и мечтать не смел.

Доклад по дипломной работе был на семь минут, полагалось не более десяти. Юрик добросовестно отрепетировал свою речь в присутствии саркастически настроенного Христенко, прочитав пять раз, и больше уже ничего не боялся.

В отличие от доцента Грум-Канавина, который, узнав, что председателем комиссии на защите станет чужой новосибирский математик, да к тому же член-корреспондент Академии наук, известный весельчак и покоритель высот Тянь-Шаня, шеф просто

скукожился весь от страха, что в аспекте его предрасположенности к приступам радикулита в самый неподходящий момент, могло привести к непредсказуемым последствиям.

Выступление Юрика шло по расписанию вслед за докладом Чалиной, им посоветовали свои ватманы вывесить одновременно, чтобы потом еще не терять драгоценное время.

Сначала Юрик слушал Чалину невнимательно, думая о своем, но вдруг заинтересовался, а после окончания сидел просто потрясенный. Доклад однокашницы был великолепен и результаты вполне серьезные, не хуже тех, с какими выходит на городской семинар сам Абрикосов.

Феноменально, просто феноменально. Какие достижения у людей! Вот тебе и темно-вишневая шаль!

Держалась Чалина просто и с достоинством, при таком дипломе старомодная корона из кос на голове никому не казалась смешной. Комиссия наострила ушки на макушке, когда Чалина повторила полученный результат и набросала следствия. Грум-Канавин записал все на карточку, а Абрикосов лишь довольно покачивал ногой, закинутой одна на другую.

На дополнительные вопросы она отвечала, сильно краснея, но это естественно.

– Обалдеть какой уровень, – прошептал Юрик Белочкиной, которая защищалась следом за ним. – Честно говоря, не ожидал от Чалиной такого ювелирного блеска. Кто бы мог подумать?

– Так это ей все Абрикосов сам и написал. Ее дело маленькое – изложить, как полагается. Доложилась она хорошо, согласна.

Восхищение сменилось удивлением. С этим удивлением на лице он и вышел рассказывать.

Абрикосов листал экземпляр его диплома, остальные члены комиссии с постным видом смотрели на доску.

Юрик отчитал доклад, и вдруг председатель спросил не его, а Грума, есть ли что-нибудь замечательное в работе дипломника. Грум ответил, что нет. По большому счету ничего экстраординарного действительно не было, Юрик с этим согласен. Но все же неприятно.

– Хорошо, вы свободны, – отпустил его председатель. – Давайте перейдем к следующему докладу, предобеденное время дорого.

Погосян вышел на лестничную площадку, где дипломники ожидали окончания всеобщей защиты и оглашения результатов. Юрик поднялся по лестнице выше на пролет и присел там на подоконник. Листы ватмана смотал в трубу, которую подложил под себя.

Дверь открылась, вышел Абрикосов. Хитро оглядел студентов, поздравил Чалину: «Молодец!», затем поднялся к Погосяну, сел рядом на ватман, достал из пачки сигарету:

– Курим?

– Нет, – Юрик уже приготовился терпеть дым и задыхаться, но Абрикосов вдруг убрал сигарету обратно в пачку.

– Я что хочу сказать, товарищ Погосян, у вас есть какие-нибудь намерения заняться наукой после окончания? Мне выделили одну аспирантуру в этом году, я бы вас взял к себе, естественно, если сможете одолеть экзамены по английскому и философии. Специальность вы уже сдали прямо сейчас. Ну, как?

Юрик сказал, что два месяца назад собирался в школьные учителя.

– Это никогда не поздно. Ладно, пока есть время, поразмышляйте над моим предложением, где-нибудь этак до конца июня, а пока поздравляю.

Перед вручением дипломов предстояло еще пройти через обязательное распределение, что для многих означало самое страшное – получение направления в ссылку, в сельскую школу. Юрик с его красным дипломом имел право взять свободное

распределение, что он и думал сделать, но идти на процедуру распределения предстояло все равно.

С утра перед деканатом собралась толпа распределяемых выпускников. Будущие учителя содрогались от названий деревень бывшей ссылки, имевшихся в списке, самые севера, самые болота, где кроме клюквы и комаров ничего нет. «Деревня Оприходовка, поселок Вертихвост, Кидалово, Перцовка, Новая Карга». Мама родная!

Имеющие худшие оценки осознали, что надо было пять лет хорошо учиться, а теперь поздно рвать волосы, им предстоит долгая дорожка в те суровые места, которые не выберут предыдущие товарищи, урвавшие худо-бедно какой-нибудь районный городишко с общежитием.

На распределение прибыл сам начальник областного отдела народного образования, с которым шутки плохи. Такой под конвоем милиции заставит сеять разумное в местах не столь отдаленных, но очень комариных.

– Наплевать, – на все страшные рассказы сплевывал Иванпопуло, – пусть шлют куда хотят. Начну там пить, курить и колоться, и никуда они у меня не денутся, сначала выгонят из комсомола, потом уволят. Не пройдет и полгода, как снова в горпарке буду пиво пить.

Учительки-троичницы с завистью глядели на него, «пить, курить и колоться» было для приличных девушек еще страшнее, чем утонуть на всю жизнь в северных болотах. Они боялись безлюдья, морозов, топей, грубых нравов пьяных леспромхозовцев, но более всего начальника облоно.

С застывшими лицами страстотерпиц несчастные ожидали часа своей казни, подпирая стенки коридора возле деканата, как еще недавно на танцах, где их редко приглашали, но вот теперь вызовут наверняка, и от настойчивого приглашения начальства будет не отбиться.

– Три года не такой уж долгий срок, – утешала бедолаг потомственная учительница Вессон, имевшая неплохие оценки и к тому же именное распределение в родной город, где в системе народного образования работали все ее родственники.

«Тебе хорошо говорить, – читалось в глазах страстотерпиц, – а это вся погибшая молодость». Однако вслух никто ничего не произнес.

Вечером всем курсом обмывали полученные вместе с дипломами университетские синенькие ромбики в ресторане.

Длинный стол с белой скатертью сервирован холодными закусками, официанты разливали шампанское по высоким фужерам.

– А помнишь, как молились на самодельную икону, чтобы поступить? – спросил Салахов Погосяна, оказавшийся рядом, на соседнем стуле.

– И поступили, слава богу.

– Только за то, чтобы все благополучно окончили, забыли помолиться. Может быть, тогда бы Гапон сидел с нами сейчас? Что он там в армии делает?

Оставив более чем риторический вопрос без ответа, Юрик опустил синий ромбик в фужер с шампанским.

Сидевшая напротив блондинка-вычислительница предупредила:

– Только чур, не глотать.

Ни имени ее, ни фамилии Юрик не знал и не особенно переживал по этому поводу. Просто вспомнил, что встречал сегодня в комнате Мурата, где все собралось перед походом в ресторан.

Вычислительница пришла с красивой гитарой. Все расселись по кроватям, она одна на стул и, глядя в окно, запела серебристым холодным голоском о менестрелях, мрачных замках, дамах и кавалерах, королевах, принцах и пажах. Девушка-вычислитель с вьющимися локонами по обеим сторонам длинного лица оказалась бардом, и стихи и музыку сочиняла сама, в виде средневековых баллад с леденящими душу трагическими

концами. Портить настроение мокрыми белыми лилиями, опутавшими тонкие талии утопленниц в графских прудах, ему было не под силу, и он тихо вышел почти сразу, после первых двух баллад.

Погосян поднес бокал к глазам, на дне значок казался крупнее, чем был на самом деле. Стекланные стенки покрыты сверкающими пузырьками, и нескончаемые струйки еще более мелких пузырьков вырываются прямо из голубого ромба, отчего казалось, что тот быстро тает кусочком рафинада в горячем чае.

Пять овеществленных студенческих лет на дне бокала с шампанским. Почти четверть жизни составляют суть отлакированного металла.

Салахов уже выплюнул свой значок, как сливовую косточку, заботливо вытер платком.

– Какие у тебя планы? Уезжаешь или остаешься?

– Отъеду на пару дней, потом вернусь и решу. Абрикосов предложил к нему в аспирантуру подаваться, надо дать ответ.

– Абрикосов хороший человек, все говорят. Иди, коли позвал, чего думать?

– Еще три года в общаге? Домой охота.

– Домой завтра рванешь?

– Нет, завтра по делам, в другую сторону.

– Ладно, пора вмазать пятьдесят граммов водочки.

С ролью разливающего Салахов справлялся аккуратно, обслужив весь стол с точностью необыкновенной, в том числе и девушку-вычислителя, которую назвал Ириной.

Погосян видел, что она смотрит на него безрадостным немигающим взглядом неотрывно, даже когда пьет свои пятьдесят грамм. Может, потому, что они сидят друг напротив друга? Водку Юрик пить не стал. Еще не хватало завтра в поезде мучиться, билет уже в кармане. Ехать придется с пересадкой, на прямой рейс мест не оказалось, летом с этим делом гораздо труднее, чем в апреле месяце.

Народ пил водку, хохотал, ходил танцевать кружком. Оставив пиджак на спинке стула, в белой нейлоновой рубашке с закатанными рукавами, при галстукке, сильно вспотевший Юрик вышел на крыльцо вместе с курящей толпой, и рядом с ним опять оказалась вычислительница Ира, что за столом напротив.

Локоны ее развилась, лицо еще более выбелилось, и в свете уличного неоновое освещения имело мертвецкий оттенок синеватой бледности, глаза недвижимые, будто она сама и есть неотпетая утопленница из графского пруда. Юрик отодвинулся, чтобы осмотреть худые руки-ноги, нет ли на них мокрых лилий?

Ирина истолковала этот взгляд по своему, вновь встала рядом, а когда тихонько взялась за локоть, притянув к себе, Юрик до конца осознал принцип философского детерминизма, что нет ничего случайного в этом мире и сделал вид, что ничего не произошло.

В доме напротив ресторана одно за другим вспыхивали ярким светом квадраты окон.

– А хорошо бы нам с тобой получить квартиру в одном из таких домов, и по вечерам приходить туда вместе и зажигать свет, – произнесла утопленница мечтательно, но с еле уловимой ноткой издевки, которую он вряд ли уловил после пятидесяти грамм водки. Непонятно, над ним насмехается или над собой?

– Ты думаешь? – отнял свою руку.

– А ты нет?

– Конечно, нет.

– Думаешь, не по себе рублю? – уже не скрывая насмешку, спросила она. – Да я на спор любого скадрить могу за десять минут ровно.

Юрик промолчал.

– Хорошо, вон тот, – указала на Тычинкина, имевшего по оценкам второй диплом на курсе, и который, совершенно точно поступал в московскую аспирантуру.

Весь матово-красный Тычинкин стоял в кружке белорубашечников: парни загибались от хохота, и Тычинкин тоже весело смеялся, предвкушая долгий приятный ресторанный вечер, а после него долгую приятную жизнь.

Блондинка – вычислительница резко оставила Юрика, подошла к Тычинкину, что-то тихо сказала, раздался новый взрыв смеха, Тычинкин сам обнял ее и смеялся в ухо, раздувая локон. Блондинка повернула маленькую аккуратную голову к Юрику с самым победоносным видом, укорив на прощание стальным блеском глаз. Что она пыталась доказать ему, и главное зачем, он так и не понял, хотя выпил немного, всего бокал шампанского.

Вернувшись в зал, надел пиджак, намереваясь уйти, как вдруг на банкетный стол вихрем взлетела самая тихая и неприметная девушка на курсе из группы учителей математики, по имени Роксана. В синем шелковом платье четко облегавшем фигуру, на шпильках, с развевающейся белокурой гривой, она принялась яростно отплясывать на столе самым невероятным образом. Даже официанты открыли рты, а они-то уж повидали на своем веку много разного, однако такой искрометной чечетки им еще не показывали.

Торнадо по имени Роксана в бешеном ритме прошелся по столу из конца в конец. Все остолбенели, глядя на этот заокеанский ураган, возникший из ниоткуда, из самой тишины, покоя и невозмутимости, царившего на протяжении пяти долгих лет. Он показал всем на прощание, что такое есть девушка Роксана на самом деле. То, о чем никто не знал и не догадывался. Это ж надо, какие таятся страсти, и даже черт с ними, со страстями, в ком их только нет, но какие нужно иметь обалденные тормоза, чтобы ни разу не дать им проявиться, и только под самый занавес оторваться на полную катушку, а потом спрыгнуть со стола, и спокойненько уйти в школу, где стать учителькой-тихоней, скромницей, ровным местом, плоскостью на многие последующие лета, возможно, что даже и до конца жизни.

На крыльце блондинка-вычислительница все еще стояла с Тычинкиным, освещенная светом ресторанных окон.

– А хорошо бы, – сказала она задумчивым голосом, – нам иметь квартирку в одном из этих домов?

Тычинкин согласно кивнул.

– Да запросто, – обнял талию, придвинувшуюся близко-близко.

Юрик спрыгнул с крыльца в темноту и быстрым шагом ушел в направлении общежития.

«Вот и все, – думал он, качаясь в плацкартном вагоне, – вот я и не студент».

Кроме портфеля, Юрик ничего с собой не взял. Ехал всего на день.

Еще позавчера ему казалось, что после того, как красная дипломная книжица окажется в руках, жизнь разом изменит окрас и станет другой, полностью отличной от той, что была прежде. И вот он мчится на нетерпеливом поезде, пожирая зеленые пространства распахнутыми глазами, собираясь сделать ее другой, завораживающе интересной, внеплановой, даже абсурдной, а может, на удивление счастливой.

Кто знает, как все обернется.

На этот раз в Нефтянске на вокзале никто не встречал. Адрес неизвестен.

Для начала требовалось найти отправную точку, начало их совместного путешествия, которое он должен сегодня продолжить. Точка находилась в одном из корпусов местного университета, где в тот вечер была дискотека.

Здание обнаружилось быстро. Он вошел деловой походкой в опустевший коридор и, не обращая внимания на вахтера, отправился искать зал. Вахтер, в свою очередь, также не обратил на Юрика никакого внимания. Таким образом, они оказались квиты.

В аудиториях уже готовились к очередному приему студентов. На сцене хозяйственного вида люди перечисляли виды работ предстоящего ремонта, записывая на бумажке.

Юрик определил знаменательное место, где они с сиамским близнецом нашли друг друга, теперь это было почти в середине шестого ряда сидений. Постоял минуту, с сосредоточенным видом отправился на выход, как в тот давний вечер, когда кругом полыхала цветомузыка, чуть прищуривая глаза.

Днем и ночью события запоминаются по-разному. Будь теперь ночь, он бы или не нашел вовсе, или нашел быстрее, а днем получилось так, что нашел очень скоро, но не то.

Издали заприметив дом, он вошел в подъезд, быстро взбежал на этаж, несколько минут простоял у двери в оцепенении, постепенно теряя ощущение памяти, но звонить не решился. Поднялся вверх на один пролет, где стояли той ночью на площадке, и тут пришлось сознаться самому себе, что оплошал. Здесь батарея отопления имела четыре колена, в то время как та, памятная, содержала семь, счастливое число.

Погосян вернулся на главную улицу, прошелся по ней вверх и вниз, а деваться некуда – снова был вынужден свернуть там, где больше года назад они свернули апрельской ночью, больше негде, чтобы опять уткнуться в чужой дом и ясно ощутить, что оказался не там, где нужно. Правильно не стал звонить. Хотя на вид такая же пятиэтажная хрущевка из серого силикатного кирпича, один в один. И дверь в подъезд, и лавочка.

Старушки, сидевшие у соседнего подъезда, обратили внимание, когда молодой человек с портфелем третий раз убежал из двора и снова вернулся, глядя себе под ноги и что-то бормоча.

– Потерял вроде чего, – сказала одна пенсионерка, – деньги, поди.

– Чего тут-то искать? Светлее, что ли? В транспорте вытащили, а они бегают, ищут, где ни попадя.

Он постоял перед подъездом. Что же делать?

Ему всегда казалось, что в любой момент без малейших усилий сможет найти своего сиамского близнеца, что между ними существует неразрывная постоянная связь. Он и сейчас чувствует, что она где-то совсем рядом. Юрик расстроился. У нее угловой подъезд, точно как этот.

Вновь вышел со двора на улочку, зашагал по ней дальше, хотя не верилось, что так далеко надо идти, завернул за дом, увидел следующий, точно такой же, со скамейкой и дверью.

Без сомнения, здесь! Для полной уверенности решил подняться на площадку выше, посчитал колена батареи, их оказалось семь.

Встал перед квартирой страшно усталый, будто сто лет подряд только и делал, что разыскивал ее по всему миру. Позвонил. В прихожей странно зашуршало внизу, совсем рядом. Кошка или собака?

– Кто там?

Не придумав, как отвечать, буркнул:

– Я.

Дверь широко распахнулась, и нечто свистящее прилетело в него, шлепнуло, ударило в грудь и живот. Прижалось и приросло обратно.

– погоди, – пытался заглянуть Юрик в лицо сиамскому близнецу.

Нос щекотали родимые темно-каштановые лохмы, от которых исходил ни с чем не сравнимый аромат, тревоживший душу в снах.

В коридор вышла женщина с удивленными глазами, она смотрела на возникшее новообразование без особенного восторга.

Юрик развел руки в стороны, желая доказать ей фактически, что отныне сиамские близнецы воссоединились раз и навсегда, предпочтя существовать в радостном

двуединстве без посторонней помощи, а вслух пояснил, чтобы ни у кого не осталось в том ни малейших сомнений:

– Хирургия бессильна!